This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 – 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

Slav 3773.1

МИХ. ЛЕМКЕ

Николай Михайловичъ ЯДРИНЦЕВЪ

Біографическій очеркъ

Къ десятилѣтію со дня кончины

(1894 $\frac{7}{VI}$ 1904)

Съ 8 иллюстраціями и съ введеніемъ И. И. ПОПОВА

Изданіе редакціи газеты „Восточное Обозрѣніе“

Цѣна 3 руб.

Чистая выручка отъ изданія поступитъ на образованіе при „Обществѣ распространенія народнаго образованія въ Иркутской губерніи“ фонда на устройство школы имени Ядринцева въ одномъ изъ инородческихъ селеній

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія „Герольдъ“, Вознесенскій пр., 3
1904

Slav 3993.1

~~Slav 3993.1~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COLIDGE
JULY 1 1912
C

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Іюня 1904 г.

106

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе V

Отъ автора XIII

I. **1842—1854 гг.** М. Я. и Ф. В. Ядринцевы. Рожденіе сына ихъ Николая. Жизнь въ Тобольскѣ и Тюмени. Первоначальное ученіе Н. М. Переѣздъ въ Томскъ. Пансіонъ Прозоровскаго 1

II. **1854—1860 гг.** Поступленіе въ томскую гимназію. Отношеніе къ товарищамъ. Педагогическій персоналъ гимназіи. Вліяніе товарищеской среды. Смерть отца. Дружба съ Н. И. Наумовымъ и Д. П. Поникаровскимъ. Усиленное, но безсистемное чтеніе. Появленіе Н. С. Щукина. Зарожденіе идеи общественнаго служенія. Стремленіе въ университетъ . . . 10

III. **1860—1863 гг.** Настроеніе русскаго общества 60-хъ годовъ. Петербургскій университетъ того времени. Знакомство съ Г. Н. Потанинымъ. Мысль образовать сибирское землячество: поводы къ ней. Смерть матери. Сходки земляковъ. Обѣщаніе служить возрожденію родины. Знакомство съ И. В. Федоровымъ (Омуловскимъ) и С. С. Шашковымъ. А. П. Щаповъ. Первая проба литературнаго пера въ „Искрѣ". Вліяніе литературы на молодежь 31

IV. **1863—1865 гг.** Выходъ изъ университета. Пріѣздъ въ Томскъ. Знакомство съ А. П. Пичугинымъ. Переѣздъ въ Омскъ. Популяризація идеи сибирскаго университета. Публичныя лекціи. Работа Шашкова въ Красноярскѣ. Переѣздъ въ Томскъ. Сотрудничество въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Лекціи Шашкова въ Томскѣ 49

V. **1865—1873 гг.** Дѣло о „сибирскомъ сепаратизмѣ". Омскій острогъ. Ссылка въ Шенкурскъ. Жизнь тамъ. Работа въ „Дѣлѣ", „Отечественныхъ Запискахъ" и „Недѣлѣ". Выходъ въ свѣтъ „Русской общины въ тюрьмѣ и ссылкѣ", ея содержаніе. Сотрудничество въ „Камско-Волжской Газетѣ". Полученіе амнистіи. Пріѣздъ въ Петербургъ. 62

VI. **1874—1876 гг.** Поступленіе домашнимъ секретаремъ къ гр. В. А. Соллогубу. Работа у него по вопросу о тюрьмѣ и ссылкѣ. Знакомство съ А. Ѳ. Барковой. Женитьба на ней. А. Ѳ. Ядринцева. Взглядъ Н. М. на народничество. Работа въ журналахъ и газетахъ. Казанскій сборникъ „Первый шагъ". Стихотворенія Н. М. Знакомство съ генералъ-губернаторомъ З. Сибири, Казнаковымъ. Сотрудничество въ „Сибири". Отъѣздъ въ Омскъ 88

стр.

VII. **1876—1881 гг.** Поступленіе въ Главное Управленіе Западной Сибири. Интриги сослуживцевъ. Дѣятельная работа по мѣстнымъ вопросамъ. Образованіе Зап. Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества. Первая экспедиція на Алтай. Матеріальное положеніе семьи. Литературная работа. Переписка съ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Вторая экспедиція на Алтай. Отставка Казнакова. Пріѣздъ въ Петербургъ . . 106

VIII. **1881—1882 гг.** Энергичная обработка собранныхъ матеріаловъ. Встрѣча юбилея 300-лѣтія Сибири. Ея нужды. Выпускъ въ свѣтъ „Сибири, какъ колоніи"; ея содержаніе. Отношеніе къ книгѣ критики. 122

IX. **1882—1887 гг.** Основаніе „Восточнаго Обозрѣнія". Широкая связь Н. М. съ обществомъ. Пріемъ газеты Сибирью. Первое предостереженіе. Основные взгляды газеты. Мнѣніе о сибирской желѣзной дорогѣ. Отношенія къ корреспондентамъ. 2-е и 3-е предостереженія. Отдача газеты подъ цензуру. Матеріальное положеніе. Мысль о перенесеніи изданія въ Иркутскъ. Н. М. какъ редакторъ. Поѣздка въ Швейцарію. Экспедиція въ Минусинскій край. „Сибирь, какъ колонія" на нѣмецкомъ языкѣ. Общество вспомоществованія сибирякамъ, учащимся въ Петербургѣ. Любовь Н. М. къ молодежи, помощь ей. Н. М., какъ отецъ.. 133

X. **1888—1894 гг.** „Восточное Обозрѣніе" въ Иркутскѣ. Смерть А. Ѳ. Тяжелая атмосфера Иркутска. Первая экспедиція на Орхонъ, ея результаты. Дѣла газеты. Переѣздъ въ Петербургъ. Поѣздка въ Парижъ. Выходъ въ свѣтъ книги „Сибирскіе инородцы", ея содержаніе. Вторая орхонская экспедиція. Второе изданіе „Сибири, какъ колоніи". Работа въ голодную годину. Отношеніе молодежи къ Н. М. Сотрудничество въ „Рус. Жизни". Работы по переселенческому дѣлу. Ядринцевскій поселокъ. Поѣздка въ Америку. Мечта написать о ней книгу. Дѣла газеты. Поѣздка въ Барнаулъ для статистическихъ работъ. Смерть. Похороны. Состояніе могилы. Чѣмъ Сибирь почтила память Н. М. 152

Заключеніе 197

Хронологическій перечень сочиненій Н. М. Ядринцева 202

Иллюстраціи:

1) Н. М. Ядринцевъ. (1877 г.).
2) А. Ѳ. Ядринцева. (1888 г.).
3) Первый номеръ „Восточнаго Обозрѣнія".
4) Н. М. Ядринцевъ. (1887 г.).
5) Н. М. Ядринцевъ. (1890-ые годы).
6) Н. М. Ядринцевъ въ костюмѣ, въ которомъ совершалъ экспедицію 1891 года.
7) Панихида въ день открытія памятника.
8) Видъ могилы въ день открытія памятника.

ВВЕДЕНІЕ.

7 іюня 1904 г. исполнилось 10 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго общественнаго дѣятеля, замѣчательнаго публициста и выдающагося путешественника-изслѣдователя Сибири, — Н. М. Ядринцева. Въ лицѣ Ядринцева русская журналистика потеряла крупную литературную силу, а Сибирь лишилась преданнаго ей сына, чутко прислушивавшагося къ нуждамъ родины и всю жизнь болѣвшаго и скорбѣвшаго о нихъ.

Истый сибирякъ по рожденію, Николай Михайловичъ посвятилъ себя всецѣло нуждамъ и интересамъ Сибири, избравъ, еще въ юности, своей цѣлью широкое изслѣдованіе вопросовъ сибирской исторіи и современнаго экономическаго и общественнаго быта какъ русскихъ, такъ и инородцевъ. Кажется, нѣтъ ни одного вопроса, касающагося сибирской окраины, котораго бы ни коснулся Н. М. Онъ выступалъ съ цѣлымъ рядомъ статей и изслѣдованій о ссылкѣ, объ инородцахъ, объ административной реформѣ, о сибирской желѣзной дорогѣ, о просвѣщеніи, о пріисковомъ дѣлѣ, о нуждахъ рабочаго населенія, о переселенцахъ, о крестьянскомъ хозяйствѣ и пр., и пр. Вопросы эти разрабатывались и въ газетныхъ статьяхъ, и въ капитальныхъ трудахъ. Перу покойнаго принадлежатъ весьма цѣнные труды, можно сказать, единственная въ своемъ родѣ, напр., «Сибирь, какъ колонія», «Сибирскіе инородцы», «Община въ тюрьмѣ и ссылкѣ» и др.

При чтеніи книги «Сибирскіе инородцы» читатель невольно чувствуетъ сердечное и братское отношеніе автора къ этимъ пасынкамъ европейской культуры, имѣющимъ полное право на существованіе, прогрессъ и культуру. Въ трудахъ объ инородцахъ, о сибирскомъ крестьянинѣ, о ссыльномъ Ядринцевъ всегда являлся проповѣдникомъ высокой гуманности, и этотъ взглядъ красной нитью проходитъ че-

резъ всѣ работы Николая Михайловича и былъ въ своемъ родѣ боевымъ кличемъ «Восточнаго Обозрѣнія», не знающаго ни эллина, ни іудея.

Изучая Сибирь, Ник. Мих. совершилъ цѣлый рядъ опасныхъ путешествій по сибирскимъ дебрямъ и горнымъ высотамъ. Алтай въ его лицѣ имѣлъ лучшаго изслѣдователя. На Орхонѣ (въ Монголіи) онъ открылъ развалины когда-то знаменитаго, но затерянпаго позднѣйшими историками Каракорума. Открытіе Каракорума было не случайностью, а явилось плодомъ всесторонняго и вдумчиваго изученія матеріаловъ. Н. М. старался найти ключъ эмиграціоннаго движенія тюрковъ на западъ и объясненіе разселенія инородцевъ по сѣверу Азіи. Онъ ждалъ, что надписи памятниковъ на Орхонѣ прольютъ свѣтъ на историческую жизнь тюркскихъ и монгольскихъ племенъ, и не ошибся. Изслѣдованія Орхона обогатили историческую географію и археологію данными малоизвѣстной мѣстности и дали толчокъ къ дешифрированію руническихъ надписей, которыя тщетно старались прочесть синологи. Заслуги Ядринцева на поприщѣ сибирской и монгольской археологіи признаны всѣмъ ученымъ міромъ. Въ свое время много шуму у насъ и за границей надѣлало изслѣдованіе причинъ высыханія озеръ Чановъ, которыя, какъ доказалъ Н. М., являлись остаткомъ когда-то существовавшаго моря. Работы Ядринцева по переселенческому вопросу, по статистикѣ (онъ и умеръ по пути новаго статистическаго изслѣдованія Алтая), по этнографіи признаются спеціалистами цѣннымъ вкладомъ въ науку и представляютъ глубокій интересъ, хотя Н. М. и не былъ ученымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Сибирь Николаю Михайловичу обязана такъ, какъ никому другому. Онъ былъ ея историкомъ, этнографомъ, археологомъ, экономистомъ, дѣятелемъ по народному образованію, публицистомъ, поэтомъ и литературнымъ работникомъ. Въ теченіе 30 лѣтъ его сознательной жизни, кажется нѣтъ газеты или толстаго журнала, въ которыхъ не печатались бы статьи Ядринцева на безконечную тему о Сибири. Онъ писалъ и въ «Отечеств. Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ», «Искрѣ», мѣстныхъ газетахъ и многихъ другихъ изданіяхъ. Съ 1881 года Н. М. Ядринцевъ поселяется въ Петербургѣ, чтобы ре-

дактировать и издавать «Восточное Обозрѣніе», газету, посвященную интересамъ Сибири и Востока; Являясь областникомъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, Н. М. не забывалъ и міровыхъ задачъ. Онъ вѣрилъ въ прогрессъ, въ животворное начало европейской цивилизаціи. Этотъ сибирякъ былъ неисправимымъ западникомъ. Рекомендуя всюду Сибирь, знакомя съ ней русскую публику, выводя ее, такъ сказать, въ люди, онъ мечталъ о насажденіи въ ней европейской культуры. Н. М. былъ шестидесятникомъ чистѣйшей воды. Подъемъ общественнаго самосознанія, нахлынувшая волна русскаго возрожденія, эпоха великихъ реформъ захватили его, тогда еще молодого студента, и онъ, полный силъ, воодушевленный любовью къ родинѣ, съ глубокой вѣрой въ свѣтлое будущее, ѣдетъ въ Сибирь, чтобы заняться изученіемъ родного края. Съ первыхъ же шаговъ своего вступленія на родную землю онъ начинаетъ хлопотать о сибирскомъ университетѣ. Съ этой цѣлью двадцатилѣтній юноша читаетъ въ Омскѣ лекцію о значеніи сибирскаго университета и предлагаетъ основать общество для собиранія на открытіе университета пожертвованій. На призывъ юноши откликнулись: пожертвованія стали поступать и достигли солидной суммы, что въ значительной степени содѣйствовало рѣшенію вопроса объ открытіи томскаго университета.

Сибирь онъ любилъ такъ, какъ только сынъ можетъ любить свою мать. Онъ ее любилъ сознательно и глубоко, вѣрилъ въ тѣ животворныя начала, которыя скрываются въ массѣ ея иноплеменнаго населенія. Онъ любилъ ея особенности, какъ истый областникъ-федералистъ, онъ болѣлъ ея болѣзнями, казнилъ пороки ея населенія, зло осмѣивая ихъ въ своихъ фельетонахъ. Казня и обличая отрицательныя стороны родного края, онъ чутко отзывался на его горести и страданія.

Такъ, въ тяжелые для Россіи 91-ый и 92-ой годы, когда надъ родиной разразилась гроза голода, а за ней холера стала уносить сотни жертвъ, Н. М. не могъ усидѣть въ Петербургѣ, и мы его видимъ въ Тобольской губерніи, организующимъ во время голода помощь голодающимъ, а во время холеры—санитарные отряды. Миновали голодъ и холера, Н. М. снова принялся за переселенческое дѣло. Съ

этой цѣлью въ 1894 г. онъ ѣдетъ въ Алтайскій округъ, чтобы организовать статистическое изслѣдованіе этого края въ цѣляхъ переселенческаго заселенія. Но эту работу не суждено было ему исполнить, и 7-го іюня его не стало.

Н. М. родился въ Сибири, здѣсь же началась его сознательная жизнь, здѣсь же онъ сложилъ и свои кости, Сибири онъ отдалъ всю свою жизнь, всю свою энергію, всѣ свои лучшіе помыслы. Онъ жилъ Сибирью и для Сибири, не забывая общечеловѣческихъ и обще-русскихъ задачъ. Но Ядринцевъ является выдающимся дѣятелемъ не только въ Сибири. Его публицистическій и литературный талантъ отводятъ ему мѣсто въ первыхъ рядахъ русской журналистики. По натурѣ онъ былъ истый журналистъ, и журналистика была его настоящая сфера. Занимаясь науками порывисто, урывкомъ, Н. М., однако, и здѣсь сумѣлъ выдѣлиться изъ общей массы работавшихъ. Его живая натура всегда требовала работы, а животрепещущіе вопросы, которые онъ разрабатывалъ, на ряду съ крупнымъ публицистическимъ и литературнымъ талантомъ, заставляли бросать инструменты антрополога и браться за перо публициста. Онъ постоянно переходилъ отъ этнографіи къ журналу, отъ журнала къ археологіи, отъ археологіи къ газетѣ, а тамъ звала его дѣйствительная жизнь, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами. И вотъ, чтобы усилить арсеналъ публициста, онъ ѣдетъ изслѣдовать переселенцевъ, занимается статистикой, изучаетъ въ Америкѣ переселенческое дѣло, а въ Парижѣ знакомится со школами. Вообще Н. М. былъ въ высшей степени замѣчательный человѣкъ, заслуги котораго не могутъ быть оцѣнены въ достаточной степени.

Оцѣнка его трудовъ и дѣятельности принадлежитъ будущему историку Сибири, и мы не сомнѣваемся, что имя Ядринцева займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи культуры и развитія самосознанія Сибири.

Если еще не настала пора по достоинству оцѣнить этого выдающагося дѣятеля-писателя, прекраснаго и благороднаго человѣка, то это еще не значитъ, чтобы на насъ не лежало обязанности въ знаменательный день десятилѣтія его кончины припомнить все то, чѣмъ жилъ и волновался лучшій изъ сыновъ Сибири. Это тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать, что мы, современники, часто забываемъ за-

слуги тѣхъ, кому такъ многимъ обязаны. Время идетъ, свѣтлые образы блѣднѣютъ, и безвременье набрасываетъ на нихъ дымку забвенія. Когда-то близкіе, дорогіе люди станутъ для насъ далекими, и временами о нихъ нужно напоминать, напоминать не ради ихъ самихъ, а ради живущихъ поколѣній.

Напомнить о Ядринцевѣ важно еще и въ томъ отношеніи, что многое изъ того, о чемъ онъ думалъ и мечталъ, осуществилось, но, несомнѣнно, большинство думъ и предположеній Н. М. еще ждетъ примѣненія къ жизни. Важно сдѣлать и абрисъ областничества, которое было дорого Ядринцеву и его друзьямъ, напомнить, что это областничество слишкомъ далеко отъ интересовъ многихъ современныхъ областниковъ, не желающихъ понять, что прогрессъ Сибири тѣсно связанъ съ прогрессомъ всей нашей родины, и этого взаимоотношенія не прейдеши, что нельзя замкнуться въ сферу интересовъ одной какой-нибудь страны или области и игнорировать все, чѣмъ жило, живетъ и мучается человѣчество.

Мы не претендуемъ дать всестороннюю оцѣнку и біографію Н. М., исчерпать всю глубину таланта, все, чѣмъ жилъ такой замѣчательный человѣкъ, какимъ былъ Н. М. Ядринцевъ. Быть можетъ, доля вины лежитъ въ насъ самихъ: мы не сумѣли съ достаточной убѣдительностью обратиться къ сибирякамъ, отнесшимся индифферентно къ нашему предложенію издать *первую* обширную біографію Н. М. Ядринцева, въ которой должны быть сведены и систематизированы всѣ матеріалы, всѣ данныя, могущія полно охарактеризовать личность замѣчательнаго сибиряка. На наше обращеніе, подѣлиться письмами, матеріалами Ядринцева, свѣдѣніями о немъ, откликнулись очень и очень немногіе. Архивъ покойнаго, заключающій въ себѣ много цѣнныхъ матеріаловъ, къ сожалѣнію, еще не разработанъ. Отправить его къ составителю біографіи мы не могли, потому что онъ не въ нашемъ распоряженіи. Изъ него мы временами извлекаемъ очень цѣнныя данныя для характеристики личности Н. М. Ядринцева, и онъ, конечно, пролилъ бы много свѣта на личность Н. М. и облегчилъ бы трудъ составителя біографіи.

Такимъ образомъ біографія составлялась на основаніи многочисленныхъ печатныхъ трудовъ покойнаго, отзывовъ о немъ и немногочисленныхъ, относительно, рукописныхъ

матеріаловъ и писемъ, имѣвшихся въ редакціи газеты «Восточное Обозрѣніе», и тѣхъ рукописей и писемъ, которыми подѣлились немногія частныя лица, главнымъ образомъ, В. И. Семидаловъ, отнесшіяся съ большимъ сочувствіемъ къ проекту ознаменовать десятилѣтіе смерти Ядринцева составленіемъ біографіи.

При этомъ мы должны замѣтить, что авторъ біографіи, М. К. Лемке, вынужденъ былъ составить біографическій очеркъ въ сравнительно короткое время: въ его распоряженіи было всего пять мѣсяцевъ.

Указанныя выше обстоятельства, препятствующія до извѣстной степени успѣшному выполненію проекта составить біографическій очеркъ Н. М. Ядринцева, не могли остановить редакцію газеты «Восточное Обозрѣніе», кровно связанную съ Николаемъ Михайловичемъ, ея основателемъ, редакторомъ и издателемъ, давшимъ тонъ газетѣ и направившимъ ее. Мы считали своей нравственной обязанностью напомнить Сибири еще разъ о томъ человѣкѣ, который такъ много потрудился для нея, напомнить живущимъ завѣты человѣка, ушедшаго въ вѣчность.

«Какова бы ни была исторія этого края (Сибири)—говоритъ Н. М.—у него нельзя отнять извѣстной будущности. Съ вѣрой въ его жизнь, въ его призваніе соединяются наилучшія ему пожеланія. Онѣ окрыляютъ вдохновеніемъ людей ему преданныхъ и придадутъ энергію труду въ новой странѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что русскимъ колоніямъ на Востокѣ, при условіяхъ просвѣщенія и цивилизаціи, не менѣе, чѣмъ другимъ народамъ, суждено будетъ пожать плоды общечеловѣческаго счастья».

Эти знаменательныя слова Н. М., эта глубокая вѣра въ будущность страны должны дать силы современному поколѣнію для продолженія той работы, которую въ теченіе всей своей жизни до момента смерти неустанно дѣлалъ Н. М. Ядринцевъ. Въ то же время все это обязываетъ насъ возможно чаще напоминать обществу о такомъ человѣкѣ, какимъ былъ Ядринцевъ.

Весь чистый сборъ отъ продажи изданія (расходы по изданію опредѣляются въ 2 т. руб.; книга издана въ 3 т. экземплярахъ), вмѣстѣ съ имѣющимися при редакціи «Восточнаго Обозрѣнія» и ранѣе пожертвованными 500 руб. по-

ступить въ распоряженіе «Общества распространенія народнаго образованія въ Иркутской губерніи», для образованія капитала на устройство въ одномъ изъ инородческихъ селеній школы имени покойнаго. Школа среди инородцевъ будетъ напоминать имъ о Н. М., который такъ много болѣлъ и боролся за нихъ. Положимъ, Николай Михайловичъ, умирая, не сошелъ съ земли, какъ большинство смертныхъ, безслѣдно: идеи, стремленія и благородные порывы, которые люди вносятъ въ жизнь и въ науку, не сходятъ съ ними въ могилу: они остаются среди людей, продолжаютъ произрастать и развиваться и давать новыя и новыя сѣмена.

Если наше изданіе вызоветъ въ читателѣ свѣтлый образъ благороднаго человѣка, если оно заставитъ его лишній разъ призадуматься надъ тѣмъ, о чемъ думалъ, чему служилъ Николай Михайловичъ—цѣль изданія достигнута. Будущій же историкъ, при лучшихъ условіяхъ жизни, располагая большими матеріалами, имѣя возможность разбираться и въ тѣхъ статьяхъ покойнаго, которыя, по весьма понятнымъ причинамъ, въ настоящее время не могутъ увидѣть свѣта, дастъ, конечно, болѣе яркій образъ Н. М. Ядринцева, и благодарная родина преклонится предъ памятью этого человѣка.

И. И. Поповъ.

Иркутскъ, 4 мая 1904 г.

ОТЪ АВТОРА.

Принимая, въ октябрѣ 1903 г., предложеніе редактора-издателя «Восточнаго Обозрѣнія», И. И. Попова, составить біографическій очеркъ Н. М. Ядринцева, я хорошо понималъ, что беру на себя—не сибиряка, человѣка недостаточно знакомаго съ особенностями и деталями жизни и исторіи Сибири,—большую отвѣтственность, тѣмъ болѣе если принять во вниманіе, что, въ силу нашего соглашенія съ г. Поповымъ, я не могъ раньше 1 января 1904 г. приняться за подборъ матеріаловъ для настоящей работы, а книжка должна была выйти, по возможности, къ десятилѣтію со дня смерти Н. М. Ядринцева. Но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ здѣсь неумѣстно говорить, я сознавалъ, что не могъ отказаться отъ сдѣланнаго предложенія, и потому теперь всецѣло и подлежу этой отвѣтственности.

И не съ цѣлью уменьшить ея размѣры, а лишь желая пояснить читателю нѣкоторыя обстоятельства, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ.

Кто бы ни взялся въ настоящее время за составленіе біографіи Н. М. Ядринцева, каждый встрѣтилъ бы прежде всего невозможность дать ее въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ. Слишкомъ еще близка смерть этого человѣка, чтобы теперь же дѣлать его всестороннюю оцѣнку; слишкомъ многочисленны живые его друзья, товарищи и сотрудники, чтобы входить въ детальное разсмотрѣніе ихъ отношеній къ покойному; наконецъ, и внѣшнія условія русской литературы не способствуютъ изданію полной біографіи нашихъ общественныхъ дѣятелей.

Во-вторыхъ, врядъ-ли только мнѣ выпалъ непріятный жребій столкнуться съ отсутствіемъ матеріаловъ для такой, болѣе полной и опредѣленной характеристики Н. М. Ядрин-

цева. Конечно, моя неизвѣстность нѣкоторымъ сибирякамъ— причина, почему многіе изъ нихъ остались совершенно глухи къ просьбамъ и моимъ, и другихъ, извѣстныхъ имъ лицъ о доставленіи ненапечатанныхъ матеріаловъ, въ видѣ рукописей Н. М. Ядринцева, его писемъ и пр., и на нихъ лежитъ частичная отвѣтственность за нѣкоторые недостатки настоящаго моего труда, — но не все могли дать лишь эти сибиряки. Многое нельзя было получить, благодаря срочности и спѣшности моей работы.

Не говорю уже о томъ, что врядъ-ли болѣе полная біографія Н. М. Ядринцева могла умѣститься въ предоставленномъ въ мое распоряженіе настоящемъ объемѣ книги.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ принести здѣсь свою искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые сдѣлали все, что могли, чтобы не только облегчить мой трудъ, но и предоставить мнѣ тѣ или другіе необходимые матеріалы, а именно: М. Н. Загоскину, Я. М. Кравцову, Н. М. Павлинову, Я. М. Макерову, И. И. Попову, А. С. Пругавину, В. И. Семевскому, В. И. Семидалову и Л. Н. Ядринцеву.

Мих. Лемке.

28-го мая, 1894 г.
С.-Петербургъ.

Николай Михайловичъ

ЯДРИНЦЕВЪ

I.

1842—1854 гг.

М. Я. и Ф. В. Ядринцевы. Рожденіе ихъ сына Николая. Жизнь въ Тобольскѣ и Тюмени. Первоначальное ученіе Н. М. Переѣздъ въ Томскъ. Пансіонъ Прозоровскаго.

Отцомъ Николая Михайловича былъ небогатый сначала пермскій купецъ, еще до рожденія своего сына пріѣхавшій въ Сибирь на службу и управленіе домашними дѣлами и золотыми промыслами Базилевскаго, Рюмина и др. Въ Тобольскѣ онъ управлялъ виннымъ откупомъ. Первоначальное его образованіе ограничилось часословомъ, вызубреннымъ подъ грозной рукой совершенно непросвѣщеннаго родителя. Михаилъ Яковлевичъ Ядринцевъ не могъ, однако, ограничиться такими знаніями и съ юношества тайкомъ почитывалъ все, попадавшееся въ руки въ далекой Перми. Придя въ возрастъ, онъ поступилъ въ частную контору откупщика Кузина, гдѣ и познакомился съ матерью Н. М. Февроніею Васильевною, тогда комнатною дѣвушкой своего патрона, выкупившаго ее у какого-то орловскаго помѣщика. Скоро молодые люди обвѣнчались, и по мѣрѣ времени мать Н. М. пріобрѣтала кое-какія знанія, начавъ просто съ грамоты, которую и усвоила отъ мужа.

Михаилъ Яковлевичъ, по словамъ своего сына, былъ человѣкъ строгой честности и дѣлецъ. «Откупное дѣло тогда, конечно, не было красиво; на прямой обязанности управляющаго было имѣть дипломатическія отношенія съ губернской администраціей, изъ которой всѣ, до послѣдняго чиновника, пользовались съ откупа. Въ конторѣ, какъ я узналъ впослѣдствіи,—пишетъ Н. М.—были особыя бухгалтерскія вѣдомости, гдѣ подъ литерами стояли оклады чиновникамъ; разгадка и ключъ этой вѣдомости хранились секретно у управляющаго, т. е. у отца. На обязанности отца было также поддерживать добрыя отношенія съ власть имущими. Поэтому нашъ домъ былъ одинъ изъ самыхъ хлѣбосольныхъ, дѣла-

лись обѣды, вечера. Всѣ чины, начиная съ частныхъ приставовъ, посѣщали. Отецъ, конечно, былъ не особенно высокаго мнѣнія объ этихъ господахъ, получавшихъ взятки. Самъ онъ былъ по натурѣ личность честная. Ни одинъ хозяйскій грошъ, при милліонныхъ оборотахъ, у него не пропадалъ. Получая порядочное жалованье, онъ оставилъ ничтожное имущество, и мать получила субсидію послѣ его смерти отъ хозяина, И. Ф. Базилевскаго, на воспитаніе дѣтей.

«Въ бумагахъ отца я нашелъ записки и замѣтки, изъ которыхъ видно было, какъ онъ тяготился своей обязанностью, насколько она расходилась съ его нравственными убѣжденіями. По натурѣ это былъ человѣкъ религіозный и безусловно честный. Это была натура, которую обстоятельства и жизнь поставили трагически на постъ, совершенно противоположный его нравственнымъ качествамъ. Выбора не было. Онъ шелъ съ писцовъ и конторщиковъ по одной дорогѣ, ремесло его было конторское, и другого онъ не зналъ. Ничто не трогало тогда жизни и не было ничего, что бы могло толкнуть его къ другой профессіи, да и какую онъ могъ избрать? Въ запискахъ его сквозили какія-то, однако, философскія и, можетъ быть, гражданскія размышленія, раздумье. Онъ видѣлъ, что здѣсь лежитъ какая-то организація, какая-то фатальная связь, все въ гармоніи, въ соглашеніи — нажива откупная, золотопромышленное дѣло, чиновная корпорація, искавшая у нихъ средствъ и поддержки. Онъ — простое колесо, орудіе этого механизма, посредникъ. Онъ ничего не можетъ подѣлать противъ этой силы. Помню эти буквальныя выраженія въ запискахъ, писанныхъ карандашомъ. Несмотря на отсутствіе воспитанія, онъ былъ любознателенъ и постоянно читалъ. У него была библіотека. Съ ранней молодости онъ любилъ книги, которыя въ дѣтствѣ были его страстью. Карамзинъ, Державинъ, а затѣмъ Пушкинъ, Гоголь ему были извѣстны. Но передъ этимъ онъ перечелъ Булгарина, Кукольника и массу другихъ фальшивыхъ произведеній, которыя едвали ему давали утѣшеніе. «Пчелу» [1]) онъ получалъ всю жизнь и по ней только слѣдилъ за политикой. Всѣ тогдашніе журналы онъ выписывалъ и читалъ, но у него, конечно, не было того образованія, которое научаетъ дѣлать выборъ лучшихъ произведеній. Критика Бѣлинскаго и друг. ему оставалась неясна и неизвѣстна...

---

[1]) Такъ называли газету „Сѣверную Пчелу", издававшуюся въ Петербургѣ Булгаринымъ и Гречемъ.

«Отецъ мой иногда задумчиво смотрѣлъ на меня, какъ мы смотримъ на нашихъ дѣтей, и, вѣроятно, думалъ: «что-то изъ тебя выйдетъ?» Я видѣлъ въ немъ, суровомъ, иногда какіе-то припадки нѣжности. Дума, глубокая дума о смерти бродила въ душѣ его, и эта нѣжность сочеталась съ спокойно-грустной меланхоліей. Я хорошо понимаю это чувство теперь, и оно бродитъ въ моей душѣ, когда я смотрю на моихъ дѣтей. Въ эти минуты онъ говорилъ мнѣ какія-нибудь краткія нравственныя сентенціи: «Ну, Николай' если я умру—живи честно; не совѣтую, однако, заниматься тѣмъ, чѣмъ занимался отецъ твой, не служи въ нашихъ должностяхъ» (по откупамъ). Вѣроятно, старику тяжело было сознавать это, но онъ предпочелъ сознаться маленькому сыну и предостеречь его Съ этою цѣлью онъ старался дать образованіе намъ и тщательно слѣдилъ за моими успѣхами. Онъ назначилъ меня въ университетъ. Уже это одно показывало, что онъ стоялъ на грани того развитія и нравственныхъ требованій, которыя вытекали сами собою, несмотря на капризъ дѣйствительности» [1]).

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ отецъ Н. М.

Съ матерью его мы уже немного знакомы. А вотъ и еще нѣсколько штриховъ къ ея портрету, набросанныхъ тоже самимъ сыномъ.

«Насколько отецъ желалъ мнѣ добра и честнаго служенія обществу, сознательно руководимый умомъ и давая совѣты, настолько мать это дѣлала чувствомъ. Я говорилъ, какое нѣжное чувство къ намъ, дѣтямъ, носилось въ суровой груди отца. Любовь и ласка рѣдко сквозили изъ-подъ нахмуренныхъ, строгихъ бровей, но онѣ сквозили; онъ желалъ намъ счастья. Эта любовь зато выражалась безсознательно, но полно, беззавѣтно въ цѣломъ существѣ матери, которая не давала совѣтовъ, не наставляла, даже не говорила о своей любви, но она дышала во всемъ ея существѣ, въ ея взглядѣ, въ ея нѣмой ласкѣ. Она сохранила грустныя воспоминанія о своемъ дѣтствѣ и часто разсказывала намъ, дѣтямъ, о томъ, какъ жила она въ Орловской губ. въ крѣпостной средѣ. Она рано потеряла родителей, и ее, сироту, воспитывала тетка. Она помнила голодъ въ ихъ деревнѣ, какъ крестьяне питались соломой. Помнила нѣкоторые страшные эпизоды изъ исторіи крѣпостного права и передавала намъ. Лѣтъ 14 я съ ея словъ пробовалъ писать даже повѣсть изъ крѣпостной среды, которую зналъ

---

[1]) „Сибирскій Сборникъ", 1895 г., III, 75—77.

только по разсказамъ. Мать какъ-то случайно попала въ дворню помѣщика и отсюда была переведена въ Харьковъ и взята въ услуженіе къ Кузинымъ. Она видѣла свѣтскую жизнь въ домѣ богачей-откупщиковъ, сохранила воспоминаніе о чугуевскихъ гусарахъ, ѣздившихъ въ домъ. Уже замужемъ она выучилась грамотѣ, читала впослѣдствіи Пушкина, Лермонтова и лучшихъ русскихъ авторовъ; тогдашніе романы ей доставляли особенное удовольствіе, и особенно нравились романы Жоржъ-Сандъ. Впослѣдствіи она считалась свѣтскою, пріятною женщиною и играла важную роль въ обществѣ въ губернскихъ городахъ Сибири, гдѣ мой отецъ пользовался хорошимъ положеніемъ и средствами. Въ сибирскомъ городѣ ея мечтою было дать и мнѣ свѣтское воспитаніе. Меня рано учили танцовать, французскому языку въ двухъ пансіонахъ; я учился на фортепьяно, но не выучился, и лѣтъ 14 забросилъ игру... Я 10 лѣтъ уже напоминалъ маленькаго джентльмэна. Когда я началъ, лѣтъ 12-ти, писать дневники и сочинять стихи, мать меня всегда съ нѣжной гордостью называла «мой Пушкинъ», чего я ужасно стыдился, ибо само уже преувеличеніе было подобіемъ сатиры» [1]).

Здѣсь мы забѣжали немного впередъ, но не сдѣлавъ этого, не ознакомились бы съ родителями Николая Михайловича.

18 октября 1842 года, въ Омскѣ, у нихъ родился второй сынъ—Николай [2]). Лѣтомъ 1843 года Ядринцевы переѣхали въ Тобольскъ, гдѣ Михаилъ Яковлевичъ — тогда уже тюкалинскій 3-й гильдіи купецъ—продолжалъ управленіе дѣлами Базилевскаго.

«Въ Тобольскѣ мы — разсказываетъ Н. М. — жили въ большомъ домѣ. У отца бывало лучшее общество Тобольска, онъ былъ знакомъ съ декабристами Анненковымъ, Свистуновымъ и друг., но особенной дружбой пользовался барона Штейнгеля. Скоро баронъ

---

[1]) Ibid., 77 — 78.

[2]) День рожденія удалось установить, благодаря имѣющейся въ моемъ распоряженіи копіи съ метрическаго свидѣтельства Николая Михайловича, выданнаго ему въ 1846 году. Самъ онъ нигдѣ его, какъ и именъ отца и матери, не назвалъ.

Не говоритъ онъ нигдѣ и о своемъ крестовомъ братѣ, тоже Ник. Мих. Ядринцевѣ, умершемъ въ Тобольскѣ 28 марта 1869 г. Сначала это былъ киргизскій мальчикъ, Сатай Беркинъ, привезенный въ Тобольскъ, въ 1837 г., послѣ бунта въ киргизской степи. М. Я. Ядринцевъ былъ его воспріемникомъ при крещеніи, а затѣмъ и помогалъ мальчику стать на ноги, получить кое-какое образованіе и опредѣлиться на службу въ тобольскую казенную палату („Тобольскія Губ. Вѣд.", 1869 г., № 14).

Штейнгель по какому-то доносу о томъ, что онъ имѣетъ вліяніе на дѣла, подвергся высылкѣ въ Тару. Съ отцомъ онъ продолжалъ переписываться, и послѣ смерти отца у меня осталось много писемъ Штейнгеля, въ которыхъ помню только описаніе семейныхъ дѣлъ барона, заботы его о сынѣ, служившемъ въ гвардіи, и разныя душеспасительныя темы, какъ и передачу о томъ, какъ баронъ Штейнгель молился и посѣщалъ церковь...

«...Я былъ, какъ говорятъ, очень хилымъ ребенкомъ. До меня первенецъ, старшій братъ, умеръ маленькимъ, кажется, годовымъ. При моемъ рожденіи очень опасались чтобы я не умеръ, и родители служили молебны, а также дали обѣщаніе посѣтить и поклониться верхтурскому угоднику, что и исполнили, съѣздивъ изъ Тобольска въ Верхотурье. Хилое сложеніе мое и слабый организмъ много разъ заставляли родителей опасаться за мое здоровье въ дѣтствѣ. Но особенныхъ болѣзней я не помню...

«...Въ Тобольскѣ мы прожили 4 года, а затѣмъ отецъ [1]) переѣхалъ въ Тюмень управлять также частными дѣлами по откупамъ. Переѣздъ этотъ по зимней дорогѣ я помню хорошо. Въ Тюмени мы поселились въ богатомъ купеческомъ домѣ; все купечество съ нами было знакомо. Въ 4 года, прожитые въ Тюмени, у меня осталось болѣе воспоминаній. Помню массу мелочей, сценъ, какъ и изъ жизни въ Тобольскѣ; впечатлительность и память были тогда очень живыя...

«...Въ Тюмени меня начали учить азбукѣ. Помню первое шествіе мое съ этой азбукой для обученія. Руководилъ моимъ образованіемъ въ это время, кромѣ матери, одинъ слѣпецъ, жившій изъ милости у насъ... Это былъ способный человѣкъ и поэтъ-самородокъ. Онъ училъ меня въ дѣтствѣ стихамъ Пушкина, Лермонтова, которыхъ я зналъ множество наизусть... Въ Тюмени меня отдавали въ пансіонъ, который временно открывала пріѣзжая француженка. Знаю, что она была Амалія Карловна; мужъ, находившійся при ней, не принималъ никакого участія въ педагогическомъ дѣлѣ и походилъ скорѣе на портного. Въ пансіонъ отдавали преимущественно барышень, но почему попалъ въ число ихъ и я,— не знаю. Я выучился здѣсь немного читать по-французски. Барышни были взрослыя, и помню, что имъ доставляло большое удовольствіе ерошить мои гладко причесанные волосы. Здѣсь же я примѣнилъ въ первый разъ въ жизни свои сатирическія наклон-

---

[1]) Въ 1846 г. — ялуторовскій 3-й гильдіи купецъ.

ности и нарисовалъ на какую-то барышню, досадившую мнѣ, каррикатуру на аспидной доскѣ. Каррикатура имѣла такое отдаленное сходство, что едвали самый щекотливый человѣкъ могъ быть задѣтъ ею. Но барышня, вѣроятно, отличавшаяся особеннымъ умомъ, обидѣлась и нажаловалась на меня, 8-ми лѣтняго мальчика, родителямъ. На другое утро родитель, должно быть, обладавшій такимъ же геніемъ, какъ и его дочь, явился въ пансіонъ и жестоко распекъ меня. Помню, что я горько плакалъ по этому случаю, заканвался рисовать каррикатуры и писать сатиры, но, увы! — впослѣдствіи не удержался и получалъ уже выговоры отъ другихъ родителей. Въ Тюмени я отличался отъ другихъ дѣтей, меня баловали, одѣвали щеголемъ, когда другія купеческія дѣти, и въ томъ числѣ одинъ изъ товарищей, бывшій со мной въ университетѣ, бѣгали босикомъ. Въ той же Тюмени у меня было два учителя: смотритель училища, Неугодниковъ и учитель французскаго языка, смотритель училища-же, Ф. М. Тонаръ; послѣдній, однако, болѣе былъ занятъ ружьями моего отца, какъ страстный охотникъ, чѣмъ мною. У нихъ я пріобрѣталъ первыя познанія о географіи, ариѳметикѣ и т. д.

«У меня были двѣ сестры моложе меня. Всѣ вмѣстѣ мы жили въ мезонинѣ, въ особыхъ комнатахъ, тамъ мы играли цѣлые дни. Здѣсь я уже помню сибирскую обстановку. Кромѣ няни, въ нашей дѣтской была горничная изъ ссыльныхъ. Она разсказывала намъ о своихъ приключеніяхъ, о какомъ-то любовникѣ, занимавшемся въ Тюмени разбоями. Впослѣдствіи онъ былъ сосланъ въ каторгу. Горничная, однако, увѣряла, что онъ далъ ей слово бѣжать и явиться къ ней. Поэтому, въ осеннія ночи, когда вылъ вѣтеръ, она всегда прислушивалась и пугалась каждаго шума, пугались и мы. Нервность моя давала себя знать и въ это время; мы часто пугались въ своемъ мезонинѣ. И я помню, какъ разъ, оставленные безъ нянекъ, мы всѣ втроемъ услышали какое-то завыванье и заорали благимъ матомъ. У меня явилась даже какая-то галлюцинація. Сбѣжавшаяся прислуга и родители долго разбирали, кто перепугалъ насъ, и послѣ тщательнаго слѣдствія оказалось, что у отца былъ гость Барыковъ или Барыкинъ, толстякъ и ужасный чудакъ. Я помню, какъ онъ представлялъ вращеніе земли на своей круглой шляпѣ. На сей разъ онъ отцу живописалъ въ кабинетѣ, какъ по Волгѣ ходятъ расшивы и какъ кричатъ на судахъ. Звуки его голоса отозвались дикимъ резонансомъ въ нашемъ мезонинѣ.

«Старшая сестра моя была мужественнѣе и крѣпче меня. Нервы ея были иные. Когда мы оставались въ зимніе вечера одни, я не отходилъ отъ няньки или крестной матери, тогда какъ сестра моя безбоязненно носилась по всему дому и бѣгала въ пустой мезонинъ.

«Впослѣдствіи цѣлую жизнь я не могъ отдѣлаться отъ нервнаго и болѣзненнаго чувства. Нервность эту развили много обстоятельствъ съ самаго дѣтства, а родители не понимали и не сознавали, что это былъ болѣзненный задатокъ и что меня надо было укрѣплять. Впрочемъ, не я одинъ обязанъ былъ дурному воспитанію инстинктивнымъ страхомъ. Впослѣдствіи, взрослыми людьми, отрѣшившись отъ всякихъ предразсудковъ, мы разъ чистосердечно бесѣдовали съ нѣсколькими товарищами, милѣйшимъ философомъ, А. Х. Христофоровымъ и С. С. Шашковымъ, лицами, далекими отъ всякаго суевѣрія, о нашихъ предубѣжденіяхъ и инстинктахъ, и пришли къ выводу, что никто изъ насъ не пойдетъ на кладбище и въ церковь ночью. Просто не въ силахъ будемъ преобороть свой инстинктъ...

«...Умственное развитіе мое стояло въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, чѣмъ физическое. Въ дѣтствѣ я знакомился по иллюстраціямъ со многими дѣятелями. Помню, что меня занималъ Суворовъ и т. д. Книги рано привлекали мое вниманіе, я увлекался разсказами и стихами. Изъ занятій ad libitum, въ свободное время, я всегда болѣе почерпалъ, чѣмъ изъ уроковъ, довольно незанимательныхъ, моихъ учителей, съ которыми я пріучился проводить время, притворяясь весьма внимательнымъ слушателемъ, когда мысли мои витали далеко, и я весьма ловко пропускалъ всѣ ихъ преподаванія «изъ одного уха въ другое». И учителя и ученикъ оставались одинаково довольны» [1]).

Когда Н. М. исполнилось 9 лѣтъ, Ядринцевы переѣхали въ Томскъ.

«Помню — пишетъ Н. М. — въѣздъ въ этотъ городъ, который съ дѣтства оставилъ во мнѣ самыя пріятныя, самыя нѣжныя воспоминанія. Мы пріѣхали въ большой домъ, расположенный среди прекраснаго сада, въ концѣ города, на Пескахъ [2]); противъ возвышалась гора съ большимъ крестомъ наверху (Шведская гора съ могилой Томскаго коменданта); внизу горы былъ ключъ, на который мы часто хо-

---

[1]) „Сибирскій Сборникъ“, 1895 г., III, 64—70.

[2]) Снимокъ съ этого дома помѣщенъ въ иллюстрированномъ приложеніи къ № 121 „Сиб. Жизни“ 1903 года.

дили. Это была первая поэтическая обстановка моего дѣтства, въ связи съ другими картинами содѣйствовавшая моимъ романтическимъ наклонностямъ. Я помню этотъ садъ и тихіе лѣтніе вечера, прекрасную зелень, цвѣты, фантастическія дорожки. Отецъ играетъ на балконѣ на флейтѣ; звуки льются въ вечернемъ воздухѣ; мать сидитъ и очищаетъ спѣлыя ягоды клубники. Мы носимся, какъ соврасы, по аллеямъ сада. Наше вниманіе останавливаетъ большая фантастическая тѣнь дерева, выскочившая лягушка, чашечка цвѣтка, наполненная влагою, внезапно слетѣвшій кубаремъ съ дерева сонный воробей; роса не останавливала нашей вечерней рѣзвости. Я начиналъ любить лунныя ночи. Мать моя также была въ эту пору съ романтическими наклонностями и съ расположеніемъ къ мечтательности. Мы съ ней совершали вечернія прогулки на ключъ, гдѣ пили холодную воду. Въ этой женщинѣ 30 лѣтъ, прекрасной, свѣтской и даже сентиментальной, едвали кто могъ узнать и догадаться, что ея первые дни дѣтства протекли среди обстановки крѣпостныхъ крестьянъ и грубости тогдашнихъ помѣщиковъ. Мать, отдаваясь воспоминаніямъ, передавала объ этой жизни, гдѣ томились еще ея родные. Все это заставляло болѣзненно сжиматься наше сердце...

«...Игры въ саду и пр. миновали скоро. Меня отдали въ новый пансіонъ для подготовленія въ гимназію. Пансіонъ въ городѣ держалъ учитель гимназіи французскаго языка (Прозоровскій) и его жена, швейцарка, очень тучная, очень добрая женщина, но знавшая французскій языкъ, какъ крестьянка. Пансіонъ этотъ, несмотря на протекціи и дорогую плату, представлялъ не столько педагогическое заведеніе, сколько маленькую инквизицію. Самъ содержатель его былъ злой холерикъ; вспыльчивый, жестокій, безсердечный, онъ мучилъ дѣтей и изобрѣталъ самыя утонченныя пытки для нихъ и наказанья. Билъ линейками по рукамъ, розгами сѣкъ, таскалъ за волосы, хватая съ затылка преимущественно за тонкіе волосы, дѣтей держалъ по 12 часовъ на колѣняхъ. Мнѣ пришлось эту систему испытать съ первыхъ шаговъ. Объ этомъ свѣтскомъ пансіонѣ у меня остались самыя ужасныя воспоминанія. Для болѣзненнаго, впечатлительнаго ребенка этотъ палочный институтъ могъ быть могилой. Нѣкоторые мальчики подъ вліяніемъ этой системы и злобы начальника палочнаго заведенія вышли впослѣдствіи идіотами, другіе—одержимыми всевозможными пороками (онанизмомъ и проч.) и, наконецъ, просто негодяями, съ которыми впослѣдствіи родители уже не могли ничего сдѣлать.

«Въ первые дни я горько рыдалъ въ этомъ пансіонѣ. Единственный предметъ, на который болѣе всего обращалось вниманія,— былъ французскій языкъ. Дѣти не должны были говорить по-русски. Въ первые дни мы прибавляли къ русскимъ фразамъ «comment en français»; это забавно пестрило языкъ; пропускъ комманъ франсе влекъ за собою штрафъ: навѣшивали жестяную доску на спину, и если виновный не успѣлъ подставить другого и сбыть ее, его оставляли безъ обѣда, безъ чаю и т. д. При этомъ развивалась система подлавливанья и шпіонства.

«Богъ знаетъ, какъ уцѣлѣли мои умственныя способности здѣсь, какъ меня не превратили въ идіота, подобно другимъ. Тяжесть моего положенія увеличивалась тѣмъ, что я не могъ жаловаться и долженъ былъ скрывать о понесенныхъ наказаніяхъ, ибо отецъ былъ очень строгъ и въ крайнихъ случаяхъ самъ пробовалъ прибѣгать къ розгамъ, впрочемъ, это было весьма рѣдко. Я трепеталъ въ этомъ пансіонѣ ежеминутно. Такъ я пробылъ въ немъ три года. Онъ оставилъ во мнѣ самыя ужасныя воспоминанія, о которыхъ непріятно вспоминать. Бурса была въ эти времена, какъ видно, не въ однихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, но и въ свѣтскихъ пансіонахъ, создаваемыхъ разными авантюристами. Я возвращался изъ пансіона только вечеромъ, причемъ долженъ былъ готовить уроки. Праздничные дни и лѣто были только мнѣ отдыхомъ, причемъ садъ, окружавшая природа залѣчивали мои горести» [1]).

Къ счастью, мальчикъ могъ развлекать себя очень свободной верховой ѣздой, въ которой скоро сдѣлался незауряднымъ спеціалистомъ, и продолжительными прогулками въ горы; то и другое, безъ сомнѣнія, поддерживали надорванную нервную систему.

Бросивъ ретроспективный взглядъ на первыя двѣнадцать лѣтъ жизни Н. М., нельзя не констатировать прежде всего своеобразной обстановки его семьи, слагавшейся подъ вліяніемъ съ одной стороны — откупного дѣла, вносившаго развратъ во всю русскую дѣйствительность, съ другой—хотѣвшихъ стоять выше этого родителей. Во-вторыхъ,—впечатлительности мальчика, живо реагировавшаго на все окружающее; въ-третьихъ, — выроставшей въ немъ наблюдательности и какъ слѣдствіе ея — желаніе подчеркнуть въ окружающемъ явныя противорѣчія здравому смыслу и доброму чувству.

---

[1]) Ibid., 70—72.

Тотъ хаосъ противорѣчій, которыя окружали Н. М., подавленность въ пансіонѣ Прозоровскаго — все это не могло не выработать, наконецъ, нервности, всегда имѣющей двѣ разныя стороны: одну—положительную, благодаря которой человѣкъ яснѣе и быстрѣе ощущаетъ окружающее, другую — отрицательную — трата значительныхъ силъ на мелочи по существу.

Мальчикъ страдалъ въ пансіонѣ, гдѣ не имѣлъ товарищей, страдалъ и дома, куда приходилъ нервно издерганный и гдѣ не встрѣчалъ того пріема, который могъ бы хоть немного компенсировать недостатокъ внутренней жизни. Отецъ былъ слишкомъ строгъ, мать, хоть и нѣжна, но не понимала внутренняго міра своего ребенка.

II.

1854—1860 гг.

Поступленіе въ томскую гимназію. Отношеніе къ товарищамъ. Педагогическій персоналъ гимназіи. Вліяніе товарищеской среды. Смерть отца. Дружба съ Н. И. Наумовымъ и Д. П. Поникаровскимъ. Усиленное, но безсистемное чтеніе. Появленіе Н. С. Щукина. Зарожденіе идеи общественнаго служенія. Стремленіе въ университетъ.

Какимъ счастливымъ днемъ своей жизни долженъ онъ былъ считать вступленіе въ гимназію. «Переходъ въ гимназію было истиннымъ благодѣяніемъ» — такъ формулируетъ свои ощущенія самъ Н. М.[1]).

Это было осенью 1854 года [2]).

«Какъ теперь помню, — пишетъ Н. И. Наумовъ, — въ ясный сентябрьскій день инспекторъ гимназіи, Прядильщиковъ, ввелъ въ третій классъ новаго ученика, тщедушнаго на видъ мальчика, въ новенькомъ, съ иголочки, вицъ-мундирѣ, прекрасно сшитомъ и сидѣвшемъ на стройной фигуркѣ его, въ брючкахъ со штрипками и въ лакированныхъ сапогахъ. Бѣленькій, тщательно вымытый, причесаный и раздушенный, онъ своей фигурою составлялъ крайне

---

[1]) „Сибирскій Сборникъ", 1895 г., III, 72.

[2]) Этотъ годъ устанавливается послѣ *внимательнаго* чтенія указанныхъ ниже воспоминаній Поникаровскаго, по ошибкѣ принимавшаго вступленіе Н. М. въ гимназію въ 1855 году. Только при поправкѣ его на 1854-й все остальное получаетъ свое настоящее мѣсто.

рѣзкій контрастъ съ одерганнымъ населеніемъ класса, ходившимъ вѣчно въ стоптанныхъ и порыжѣвшихъ отъ времени сапогахъ, усѣянныхъ заплатами, въ дырявыхъ вицъ-мундирахъ съ оторванными или висѣвшими на подобіе маятниковъ пуговицами..., съ физіономіями, украшенными шишками и синяками отъ постоянныхъ дракъ, съ волосами на головѣ, торчащими дыбомъ отъ таски сотоварищей и наставниковъ. По странной случайности, приведеннаго новичка посадили рядомъ со мной. Это былъ Ядринцевъ. Между дѣтьми не соблюдается церемоніи при знакомствѣ, оно началось между нами сразу. Нужно сказать вамъ, что томская гимназія была по всему составу такимъ учрежденіемъ, гдѣ дѣти бѣдныхъ чиновниковъ, поповъ и дьяконовъ, купцовъ средней руки, мѣщанъ и крестьянъ составляли контингентъ ея. Дѣти болѣе богатыхъ родителей отсылались или въ кадетскій корпусъ, или пансіоны и институты въ Петербургъ и Москву. Весь этотъ людъ съ Кирпичей, Елани, Заисточья, Болота и Кучугуръ (такъ назывались городскія предмѣстья, гдѣ ютились небогатые жители), лишенный всякаго домашняго воспитанія, вносилъ въ гимназію самые буйные уличные нравы обитаемыхъ ими предмѣстій. Новенькій вицъ-мундирчикъ, чистые сапоги, благообразная, умытая физіономія возмущали уже чувства и неряшливость большинства товарищей, и потому новичковъ, а особенно слабенькихъ, было принято приводить къ одному знаменателю, какъ называлось это на языкѣ гимназистовъ тѣхъ временъ, т. е. каждый считалъ необходимымъ сначала осмотрѣть и обнюхать новаго товарища и затѣмъ дать ему тычка, дернуть за чубъ или колонуть въ бока. Ядринцеву пришлось бы плохо съ первыхъ же дней отъ подобнаго обращенія, тѣмъ болѣе, что сразу ему уже было дано названіе «вонючки» (благодаря раздушенности), но спасло его то, что онъ былъ воспитанникомъ пансіона Прозоровскаго, и буяны опасались, что онъ будетъ жаловаться Прозоровскому. Помню, что сближеніе наше началось съ обмѣна познаній, т. е. кто что читалъ, а затѣмъ начался обмѣнъ книгами для чтенія, какія удавалось намъ достать для прочтенія» [1]).

Другой товарищъ Н. М. — Д. Поникаровскій — такъ описываетъ вступленіе его въ новую обстановку и въ свое съ нимъ сближеніе:

---

[1]) *Н. Наумовъ*, „Н. М. Ядринцевъ въ томской гимназіи", „Сибирскій Сборникъ", 1895 г., IV, 1—2.

«Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней этого (1854) года, я пришелъ въ большую перемѣну зачѣмъ-то изъ гимназіи, въ которой былъ въ 4 классѣ, домой; стоялъ у окна и смотрѣлъ на большую улицу, какъ увидалъ, что мой братъ перебѣгаетъ улицу по направленію къ дому, а за нимъ тоже торопится, путаясь въ лисьей шубѣ съ бобровымъ воротникомъ, въ шапкѣ съ собольимъ околомъ, юноша, ростомъ немного выше брата, съ блѣднымъ сухощавымъ лицомъ и черными волосами; этого юношу я часто видалъ прогуливающимся по большой улицѣ г. Томска съ пансіонерками учителя французскаго языка томской гимназіи, Прозоровскаго, гдѣ онъ, какъ я потомъ узналъ, учился и поступилъ оттуда въ третій классъ томской гимназіи.

«Такъ какъ братъ съ нимъ прошелъ къ намъ во дворъ, то я сталъ ихъ дожидаться, чтобы вмѣстѣ итти опять въ гимназію. Прошло болѣе четверти часа, какъ я ихъ прождалъ и хотѣлъ уже итти встрѣчать, какъ отворилась въ комнату дверь, вошелъ братъ и за нимъ юноша... Такъ началось мое первое знакомство съ Н. М. Ядринцевымъ. Послѣ этого онъ часто забѣгалъ къ намъ, чтобы побесѣдовать, такъ какъ мы, хотя были и бѣдные люди, но насъ товарищи не чуждались, и у насъ собирались П. И. Наумовъ, И. И. Д. и П—вы, Е. Е. И—въ, А. А—кій, два брата С—ихъ и многіе другіе, бесѣдовали, шутили, спорили, разсказывали анекдоты, а также сообщали, что кто читалъ. Въ особенности отличался своимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ П. И. Наумовъ; какъ мнѣ помнится, у него съ П. М. были постоянныя пререканія и всегда П. И. Наумовъ своимъ остроуміемъ побѣждалъ Николая Михайловича, остроты котораго были большею частію мягкія, забавныя и болѣе возбуждали душевный смѣхъ, а П. И. Наумовъ острилъ колко, и противнику приходилось отъ его остротъ очень жутко. Но всѣ эти собранія кончались всегда миролюбиво, и мы разставались довольные другъ другомъ, и я не помню, чтобы когда-либо выходила ссора. Въ гимназіи я съ П. М. также видался часто: бывало, какъ только начнется большая или маленькая перемѣна, то и бѣжишь въ старую гимназію, въ нижній этажъ, гдѣ помѣщался 3-й классъ, чтобы видѣться съ П. М., переброситься съ нимъ нѣсколькими словами и попросить почитать книжекъ, такъ какъ у отца его была большая библіотека. Однакожъ приходилось не видаться съ П. М. и по нѣскольку дней или за недосугомъ, или по причинѣ дурной погоды, хотя онъ часто и приглашалъ меня къ себѣ въ гости (онъ тогда жилъ за городомъ, на водочномъ заводѣ, на нижнемъ лугу),

но я, по своей застѣнчивости и по стыдливости за ветхій свой костюмъ и плохіе сапоги, не рѣшался итти къ нему, хотя братъ мой бывалъ у него и всегда оставался доволенъ пріемомъ и любезностью какъ Н. М., такъ и его родителей» [1]).

Но прежде, чѣмъ остановиться на жизни Ядринцева-гимназиста, намъ необходимо ознакомиться вкратцѣ съ тѣмъ укладомъ гимназической жизни, который обусловливался педагогическимъ составомъ этого, тогда совершенно заброшеннаго, учебнаго заведенія.

«При другой обстановкѣ, условіяхъ и составѣ преподавателей, которые сумѣли бы воспользоваться и направить проснувшуюся мысль у дѣтей и любовь къ знанію, мы—говоритъ Н. И. Наумовъ—были бы блестящими учениками, но мы не учились потому, что намъ нечему было учиться у нашихъ преподавателей, къ которымъ нельзя даже и примѣнять слова «преподаватель». Это было что-то невозможное, состоящее изъ грязныхъ, вѣчно пьяныхъ драчуновъ, которые, какъ я думаю, и сами-то ничего не знали. Вы знаете, какъ безграмотно писалъ Ядринцевъ, какъ безграмотно пишу я, ни одинъ воспитанникъ, кончившій курсъ томской гимназіи въ тѣ времена, не имѣлъ никакого понятія о правописаніи, о составленіи рѣчи, о знакахъ препинанія и т. п.» [2]).

И это общій отзывъ всѣхъ, кто хоть что-нибудь писалъ о томской гимназіи 40-хъ и 50-хъ годовъ. Когда *П. Б.* напечаталъ въ «Сибирской Газетѣ» свои очерки «Томская гимназія въ 50-хъ годахъ» [3]), Н. М. вполнѣ соглашаясь съ безусловно правдивымъ авторомъ, нашелъ необходимымъ, однако, смягчить злость его каррикатуры и «пожалѣть старыхъ педагоговъ, какъ людей». Но надо сказать правду, въ его проникнутыхъ любовью и полныхъ готовности всепрощенія строкахъ осталось много того, что обрисовываетъ педагогическій міръ съ самыхъ неприглядныхъ сторонъ.

«Это были люди — пишетъ Н. М., — случайно занесенные въ Сибирь изъ стараго педагогическаго института и изъ старыхъ университетовъ, не успѣвшіе ознакомиться съ жизнью, люди безъ всякихъ идеальныхъ стремленій, дѣти глухого безпросвѣтнаго времени эпохи Магницкаго и Шишкова. Многіе передавали намъ воспоминанія о своемъ прошломъ; это также были люди изъ бурсы, семинарій и ста-

---

[1]) *Д. П.*, „Воспоминанія о Н. М. Ядринцевѣ", „Сибирскій Сборникъ", 1896 г., II, 189—191.

[2]) „Сибирскій Сборникъ", 1895 г., IV, 3.

[3]) 1881 г., №№ 3, 6, 7 и 14.

рыхъ аракчеевскихъ гимназій; какъ били ихъ и угощали «кокосами», такъ они угощали и насъ. Это уже была общерусская принадлежность воспитанія,—не Богъ знаетъ, что они видѣли на свѣтѣ. Яковъ Степановичъ Сергіевъ, учитель словесности, кромѣ казеннаго пансіона, педагогическаго института, ничего не видѣлъ; вспоминалъ онъ, какъ они ходили въ треуголкахъ и отдавали честь офицерамъ; какъ за малѣйшій проступокъ ихъ отдавали въ солдаты на аландскіе острова; въ университетскомъ корридорѣ стояла пушка,—таковы были университетскія воспоминанія. Федоръ Афанасьевичъ Прядильщиковъ былъ уроженецъ Оханска, Пермской губерніи, и учился въ Казанскомъ университетѣ; когда онъ явился въ Казань и посѣтилъ базаръ этого большого города, онъ купилъ себѣ раскрашенный подносъ, который болѣе всего привлекъ его вниманіе, хотя онъ не имѣлъ ровно никакого хозяйства. Это былъ его собственный разсказъ. Нѣкоторые сохранили анекдотическія воспоминанія о своемъ воспитаніи, другіе—казенныя и будничныя. Многіе учителя, явившіеся въ открывающуюся сибирскую гимназію, Богъ знаетъ, попали изъ какого міра, но только не изъ педагогическаго; это были какія-то калѣки, полусумасшедшіе старики.

«Я. С. Сергіевъ разсказывалъ намъ, что при открытіи томской гимназіи было 3 или 4 учителя. Многіе пожелали пріѣхать сюда, но не являлись. «Разъ мы играли въ карты у директора,—разсказываетъ Я. С.,—была поздняя ночь; вдругъ раздается страшный лай собакъ. Мы думали, воры. Выйдя на дворъ, мы увидѣли человѣка, влѣзшаго въ подворотню. Онъ былъ въ рваномъ полушубкѣ, небритый и изображалъ изъ себя обитателя трущобъ. Онъ спросилъ директора и вошелъ въ комнату. «Имѣю честь рекомендоваться—сослуживецъ», сказалъ онъ и, подойдя къ карточному столу, положилъ на столъ пятакъ, указавъ «вотъ съ чѣмъ дошелъ до Сибири!» «Оказывается, что, давно промотавъ деньги, онъ шелъ по пути съ партіей по этапамъ». Таковы были первые педагоги, затѣмъ прибылъ какой-то несчастный ветеранъ Г... безъ ногъ и на костыляхъ. У учениковъ осталось въ памяти, какъ онъ у дѣтей купцовъ просилъ принести ему изъ лавки миндалю, причемъ разъ доставили ему миндалю горькаго. Воспитанники у него прятали костыли на печку и онъ оставался безпомощнымъ въ классѣ. Далѣе являлись личности, въ родѣ пастора Тецлава, люди ничуть не лучше. Переходили въ гимназію люди изъ военныхъ училищъ, изъ семинаристовъ, въ родѣ учителя грамматики Ивана Гавриловича. Наконецъ, помню надзирателя, прямо изъ вятскихъ мѣ-

щанъ, пробившаго ползкомъ дорогу и извѣстнаго Т—нора, который служилъ, то смотрителомъ училища, то переходилъ въ частные пристава и потомъ опять воротился въ гимназію. Кромѣ чудака Тецлава, въ гимназіи былъ настоящій помѣшанный Э..., котораго то садили въ сумасшедшій домъ, то онъ опять являлся преподавателемъ. Что можно ожидать отъ такого контингента. Сибирь была сыздавна глухою страною, куда ѣхали люди по нуждѣ и безвыходности и часто такіе люди, которымъ нигдѣ въ Россіи не находилось мѣста, т. е., какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Сибирь получала бракъ. Явившись въ мѣстную среду со своимъ казеннымъ запасомъ знаній, безъ всякой силы и вѣры въ свое призваніе, они могли только затеряться и опуститься. Нельзя сказать, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не обладали свѣдѣніями: нѣкоторые изъ нихъ были отличными учениками въ свое время, но они не умѣли эти свѣдѣнія сдѣлать достояніемъ ни учениковъ, ни общества. Напротивъ, они сами постепенно теряли свои знанія, забывали, облѣнивались, усваивали жизнь и привычки невѣжественной среды, опускались до мѣщанской жизни или спивались и сходили съ ума.

«Я. С. Сергіевъ передавалъ о своемъ товарищѣ изъ педагогическаго института, прекрасномъ математикѣ, который, прибывъ, черезъ года два впалъ въ меланхолію и перешолъ прямо къ запоямъ; при насъ онъ уже таскался по кабакамъ и велъ несчастную жизнь, такъ онъ и погибъ. А—въ, учитель латинскаго языка, имѣлъ наклонность заниматься даже этнографіей, печаталъ статьи въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», но періодически предавался страшнымъ запоямъ и тоже умеръ отъ пьянства. На моихъ глазахъ пріѣхалъ изъ педагогическаго института молодой учитель С—ко, джентельменъ, элегантный, красивый. Когда я пріѣхалъ изъ Петербурга черезъ 3 года, я видѣлъ его въ трактирѣ обрюзгшимъ, опустившимся и пившимъ горькую; скоро онъ вышелъ изъ педагогической среды. Математикъ Чигирь тоже пилъ горькую. «Кокосъ» не ходилъ по цѣлымъ недѣлямъ въ классъ отъ той же болѣзни. Припадки Ивана Гавриловича воспроизведены въ посѣщеніи имъ квартиры своекоштныхъ, гдѣ его вымазали чернилами (см. воспоминанія *П. Б.*). Такъ одна часть опускалась и пила горькую, нѣкоторые, какъ Э..., сходили съ ума; оставались люди, примирившіеся съ обыденной обстановкой, они пережинились на кухаркахъ или простыхъ бабахъ и погрузились въ довольно прозаическую жизнь. Такова была судьба Якова Степановича Сергіева, Федора Афанасьевича Прядильщикова и т. п.

«Я. С. когда-то зналъ порядочно языки, былъ знакомъ съ классиками; Федоръ Афанасьевичъ былъ географъ, знатокъ старины, онъ былъ прекрасный разсказчикъ, но всѣ достоинства и знанія куда-то испарялись. Сначала еще обнаруживались какія-то потуги къ занятіямъ. Ф. А. собиралъ свѣдѣнія о сибирской старинѣ, а Як. Ст. переводилъ стихи изъ Шиллера, но потомъ добрые старики отличались только разсказами анекдотовъ, причемъ Ф. А. передавалъ въ классахъ, какъ пермскій губернаторъ съ обществомъ катался на масляницѣ, причемъ одна дама на половину провалилась сквозь сани къ общему соблазну; а Я. С. сообщалъ о приключеніяхъ Каліостро, фокусахъ Боско и т. п. Я. С. исключительно вмѣсто преподаванія словесности предавался воспоминаніямъ и анекдотамъ. Онъ не зналъ, куда занесетъ его разсказъ. Было замѣчено, что онъ начиналъ о Николаѣ Угодникѣ, а кончалъ классъ о воробьѣ. Иногда онъ прямо приступалъ — «А вотъ я помню, у насъ въ Рязани»... Воспитанники его прозвали, наконецъ, «батолой», погремушкой, навязываемой коровамъ. Всякая интеллигентность сторлась, науки, какъ будто и не существовало.

«Педагоги потеряли до того уже всякій образъ образованныхъ людей, что перепугались, когда пріѣхалъ въ Томскъ извѣстный литераторъ С. В. Максимовъ описывать Сибирь и каторгу. Я помню, какъ передавалъ намъ въ классѣ Я. С. о томъ, что пріѣхалъ петербургскій литераторъ, и что «съ этимъ надо ухо держать востро». По своей наивности онъ сообщилъ, какъ учителя рѣшились устроить на показъ литературный вечеръ, которыхъ никогда не устраивали; они вытащили старыя университетскія диссертаціи и сочиненія, какъ текущія свои занятія; весьма много заботъ составлялъ ужинъ; супъ и пирожное привозили отъ директора изъ другого конца города. Не подозрѣвалъ пріѣзжій литераторъ наведенной паники. Онъ былъ очень добродушный человѣкъ, весело провелъ время, не обращая вниманія на ученыя диссертаціи и, уѣхавъ, печатно принесъ благодарность «за радушный пріемъ», заявивъ, что «въ Томскѣ педагоги для объединенія и развитія умственной жизни устраиваютъ литературные вечера». Такъ эти вечера и остались въ одной книгѣ—«На Востокѣ» [1]). Въ сущности, наши педагоги не имѣли никакого интеллигентнаго позыва.

«Несомнѣнно, что, съ одной стороны, на нихъ повліяла глухая жизнь, мертвое общество, отсутствіе всякой связи съ просвѣ-

---

[1]) Стр. 131, изд. 2-го, 1871 г.

щеннымъ міромъ; во-вторыхъ, ихъ собственная натура далеко не была настолько упругою, чтобы противостоять средѣ. Она не поднималась надъ обыкновеннымъ уровнемъ общества купцовъ и сибирскихъ чиновниковъ. Воспитаніе не дало имъ внутренней силы, знанія ихъ были формальныя и тотчасъ же были отложены въ сторону, какъ дѣлали и мы послѣ экзамена; вѣра въ какое-то другое призваніе и духовный, высшій интересъ жизни были недоступны имъ. Бѣдные, они умерли слѣпцами у подножія того идеала, которой могъ согрѣть ихъ жизнь и спасти ее.

«Не могу не вспомнить, однако, двухъ, трехъ личностей изъ учителей, заслужившихъ наши симпатіи по ихъ мягкости и гуманности. Одинъ былъ законоучитель, отецъ Ѳедоръ Краснопѣвцевъ, мужчина высокаго роста, геркулесовскаго сложенія, но мягкій и добрый до слабости. Воспитанники никогда не учили для него уроковъ, и онъ не имѣлъ духу никому поставить дурную отмѣтку; я не знаю, была ли эта кротость плодъ его христіанскаго благочестія и смиренія, или результатъ душевной мягкости; кажется, послѣднее. На всѣ наши шалости и дикое бѣснованіе онъ отвѣчалъ мягкимъ упрекомъ. Слабостями другихъ учителей пользовались и насмѣхались, но къ отцу Ѳедору всѣ питали любовь и уваженіе. Къ сожалѣнію, я узналъ, что и его жизнь кончилась несчастнымъ образомъ: онъ кончилъ меланхоліей и помѣшательствомъ. Другою симпатичною и мягкой, гуманной личностью явился для насъ добрый Павелъ Михайловичъ Комаровъ, художникъ академіи, пріѣхавшій учителемъ рисованія. Онъ никогда не выходилъ изъ себя, никого не преслѣдовалъ и на самыя неистовыя выходки отвѣчалъ всегда съ мягкой улыбкой и легкимъ укоромъ: «ахъ, господа! господа!» Тѣмъ не менѣе онъ развилъ во многихъ страсть къ рисованію, онъ былъ самъ страстный художникъ. Доброта подобныхъ людей покоряла насъ скорѣе и лучше всякихъ экзекуцій, пинковъ и крика «на колѣни». Мнѣ кажется, что природная мягкость, терпѣніе и нѣжность сердца должны быть непремѣнно принадлежностію педагога, дѣти инстинктивно отличаютъ добрую натуру отъ злой. Какимъ контрастомъ подобнымъ характерамъ былъ, напримѣръ, учитель французскаго языка, Прозоровскій, человѣкъ бѣшеный, холерикъ, который выходилъ изъ себя и разъ нанесъ ударъ большимъ перстнемъ на рукѣ въ лицо воспитаннику, такъ что его окровенилъ.

«Только Степанъ Ивановичъ Игнатьевъ, сухой, но дѣльный учитель исторіи, приходилъ въ классъ, восторгаясь англійскими порядками. Онъ былъ, повидимому, поклонникъ тогдашняго «Русскаго Вѣст-

ника», что, однако, не колебало въ его глазахъ авторитета Устрялова. Что касается, Я. С., какъ учителя словесности, то его безмятежная душа, принося новый «Современникъ», не подозрѣвала даже, что это «Современникъ» новый, а не старый пушкинскій, который онъ привыкъ видѣть. Онъ не подозрѣвалъ, что въ критикѣ творится что-то новое и обыкновенно развертывалъ хроники Панаева подъ псевдонимомъ «Новаго поэта» и, услаждаясь описаніями петербургской жизни, дивился, что явился какой-то новый поэтъ. Но въ жизни кругомъ вѣяло чѣмъ-то другимъ, въ высшіе классы гимназіи какъ-то проникъ Бѣлинскій... Степанъ Ивановичъ, явившись разъ въ классъ, точно осѣненный, вдругъ задалъ вопросъ, какъ мы думаемъ объ одномъ весьма извѣстномъ, но покойномъ авторитетѣ. Мы молчали. И Степанъ Ивановичъ провозгласилъ торжественно, что это былъ «дуракъ!» [1]).

Сказаннаго довольно, чтобы читатель пришелъ къ заключенію о полной безполезности тогдашняго томскаго (да и только ли томскаго!) гимназическаго «образованія». Но, по справедливому замѣчанію П. М., гимназія, какъ ни суровы были ея нравы, не могла убить въ юношествѣ чувства свободы, а окружающій просторъ и сибирская природа не могли на него не вліять. «Освобождаясь отъ класса, мы были свободны дѣлать, что угодно и въ гимназіи и дома. Каждый пользовался свободой по-своему. Часть злоупотребила ею и была наказана. Для большинства она была благотворна. Мы развивали свои силы, способности, свою наблюдательность и впечатлительность. Предъ нами открывался прекрасный міръ для наблюденій и наслажденій. Вырываясь изъ классовъ и душныхъ комнатъ, мы рѣзвились, какъ молодые олени».

Очевидно, то, что пріобрѣталось, пріобрѣталось помимо педагогическаго воздѣйствія гимназіи — путемъ дружности и товарищества. И Ядринцеву было особенно полезно пребываніе въ средѣ томскихъ гимназистовъ.

«Разнообразное демократическое общество изъ разныхъ слоевъ города, сидѣвшее вокругъ меня на скамьяхъ,— говоритъ онъ самъ — имѣло свое взаимодѣйствіе и вліяніе. Впечатлѣнія жизни, кругъ пониманія его выносился изъ среды низшихъ классовъ и средняго общества. стало быть, отличался плебейскимъ складомъ [2]). Жизнь этихъ

---

[1]) *Н. Ядринцевъ*, „Воспоминанія о томской гимназіи", „Сибир. Сборникъ", 1888 г., I, 11—15, 18—19.

[2]) Были ученики, которые въ свободное время торговали въ лавкахъ, на базарѣ, даже былъ одинъ, который самостоятельно торговалъ лошадьми; были въ гимназіи и дѣти ссыльно-поселенцевъ. *Н. Я.*

дѣтей народа была богата опытомъ, они видѣли многое. Жизнь взрослыхъ была для нихъ не тайной и они сами участвовали въ ней. Это была жизнь грубой среды, но тѣмъ не менѣе, цѣльная жизнь, съ ея нуждами, страданіями, радостями и печалями. Поэтому всѣ мои товарищи смотрѣли взрослыми. Я помню, что на меня такое же впечатлѣніе производили крестьянскія дѣти. Правда, здѣсь слышалась масса разсказовъ и понятій, неподходящихъ къ дѣтскому возрасту, проявлялся грубый цинизмъ, рано проснувшіяся страсти. Извращенность взрослыхъ уже проникала въ дѣтскую среду и иногда потрясала, разрушала слабые организмы, но она же подготовляла къ тайнамъ жизни и воспитывала извѣстную мужественность. У дѣтей развращенность являлась болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; всѣ были циники, грубы, но дѣтское цѣломудріе сохранялось во многихъ. Можетъ быть, посторонній человѣкъ поразился бы тѣмъ цинизмомъ, который царствовалъ здѣсь, но надо было много проницательности, чтобы отличить напускное отъ дѣйствительной испорченности. Взрослые воспитанники, правда, дрались съ мѣщанами и отличались дебошами и драками въ предмѣстьяхъ. Иные шлялись по трактирамъ и не уступали въ поведеніи приказчикамъ; живущіе на квартирахъ своекоштные компаніями пьянствовали, многіе были жертвою ужасныхъ пороковъ. Все это было. Но въ то же время многихъ не коснулось растлѣніе въ самой горькой школѣ бѣдности. Замѣчательно, что въ этой средѣ, гдѣ добро и зло имѣли одинаковое дѣйствіе, я замѣтилъ, что порча и развратъ привились болѣе всего не къ бѣднякамъ, не къ плебеямъ, а къ дѣтямъ состоятельныхъ классовъ. Настоящіе баричи, дѣти золотопромышленниковъ, купцовъ, состоятельныхъ чиновниковъ выходили развращеннѣйшими; они, такъ сказать, были болѣе расположены всасывать всякій ядъ и падали его жертвами...

«Демократическая среда гимназіи воспитывала равенство. Дѣти тузовъ и богачей не пользовались никакими преимуществами; если бы они вздумали кичиться происхожденіемъ или состояніемъ, они бы получили жестокій урокъ отъ замарашекъ и плебеевъ силачей. Простота и бѣдность пользовались правомъ первенства. Мы научились уважать въ этой средѣ только собственныя достоинства и нравственныя качества. Хорошій товарищъ, хорошій ученикъ уважался, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ. Вторая стадія нашего развитія заставила понять и полюбить душевныя качества, умъ и отдавать честь способностямъ. Несмотря на то, что я принадлежалъ къ дѣтямъ состоятельныхъ родителей и при-

выкъ къ другой средѣ, я помню свое уваженіе къ поступившему одновременно со мною бѣдняку Л. Я его встрѣтилъ за экзаменаціоннымъ столомъ въ мундирѣ солдатскаго сукна. Онъ былъ сынъ мѣщанина. Дома онъ ходилъ, говорятъ, въ драномъ халатѣ и туфляхъ на босую ногу, вицъ-мундиръ прятался. Такъ поступали въ гимназію многіе. Онъ былъ отличный ученикъ, и впослѣдствіи я встрѣтилъ его въ петербургскомъ университетѣ. Всѣ изъ моихъ друзей дѣтства были совершенные бѣдняки, но я любилъ ихъ и уважалъ до глубины души. Впослѣдствіи университетъ и братская жизнь вмѣстѣ закрѣпили нашу дружбу.

«Да, эта грубая, плебейская среда имѣла много симпатичныхъ сторонъ: я полюбилъ здѣсь народъ, нашу «чалдонократію», какъ мы ее впослѣдствіи окрестили. Эти инстинкты равенства, положенные школой, это уваженіе честной бѣдности и поклоненіе труду и таланту, откуда бы онъ ни выходилъ, облегчили воспріятіе впослѣдствіи общечеловѣческаго идеала. Среди тяжелой обстановки нашей школы мы сплели нечаянно прекрасный, душистый вѣнокъ нашей юности» [1]).

Насколько Н. М. былъ готовъ сойтись съ этой «чалдонократіей», показываетъ уже та быстрота, съ которой у него завязались дружескія отношенія съ Наумовымъ, Поникаровскимъ и многими другими, и на всю жизнь оставшимися его близкими друзьями. Оборванцы-товарищи сразу увидѣли, что опрятный, щегольской барскій костюмъ ихъ новаго соклассника не мѣшалъ ему носить въ себѣ горячее, полное любви къ нимъ сердце, и они привѣтливо отвѣчали ему взаимностью. Такимъ образомъ Н. М. очень быстро освоился съ гимназіей, и незамѣтно протекли въ ней 6 лѣтъ (1854—60 гг.).

Особенно онъ сошелся сначала, конечно, со своимъ сосѣдомъ по скамьѣ—Н. И. Наумовымъ, потомъ извѣстнымъ писателемъ. «Будучи развитѣе другихъ, онъ много читалъ и обладалъ даромъ разсказывать. «Королева Марго», «Монсоро», «Три мушкатера» составляли канву его разсказовъ, но также увлекательно онъ разсказывалъ иногда и историческія событія изъ прочитаннаго имъ «Аббата Милота». Когда надоѣдало «давить масло», мы садили его на столъ и цѣлымъ классомъ его слушали. Тогда среди буйной толпы слышно было, какъ пролетитъ муха».

Любовь къ чтенію постепенно возростала, но нельзя сказать, чтобы удовлетворять ее было совсѣмъ легко, и не столько по не-

---

[1]) „Сиб. Сборникъ“. 1888 г., I, 7—8.

достатку самого чтенія, сколько по волѣ родителей. Наумовъ, напримѣръ, разсказываетъ, что Н. М. всѣ посторонніе, не учебныя, книги «долженъ былъ приносить домой тайно и тайно, украдкой, прочитывать ихъ, скрываясь отъ зоркаго контроля отца и матери. Вообще замѣтно было, хотя онъ никогда не говорилъ о томъ, что надъ нимъ тяготѣла суровая родительская власть, и только во время нашей жизни въ Петербургѣ, въ одной комнатѣ, онъ часто рисовалъ, со свойственнымъ ему юморомъ, сцены изъ семейной жизни во время своего дѣтства. Вслѣдствіе этого гнета, въ характерѣ ребенка проглядывала робость, забитость, соединенная съ приниженностью передъ старшими. При малѣйшемъ повышеніи, бывало, голоса учителя онъ уже терялся, голосъ его дрожалъ, нижняя губа судорожно кривилась и подергивалась, въ глазахъ просвѣчивало какое-то жалкое выраженіе. Я не разъ подмѣчалъ у него, уже впослѣдствіи, у взрослаго, подобное же выраженіе въ лицѣ. Что родители зорко слѣдили за каждымъ шагомъ Ядринцева, стѣсняя въ немъ малѣйшее проявленіе самостоятельности и, особенно за тѣмъ, что читалъ онъ, я видѣлъ изъ того, что послѣ смерти уже отца Ядринцева, когда я былъ принятъ въ ихъ домѣ, какъ хорошій знакомый, и Ядринцевъ былъ уже въ шестомъ классѣ, то стоило, бывало, матери увидѣть въ рукахъ его какую-нибудь книгу, какъ тотчасъ слышался повелительный вопросъ: «Николай, что это за книги у тебя?» Онъ отвѣчалъ робкимъ голосомъ названіе книги. «Подай ее мнѣ, я прочитаю сначала сама!» и онъ подавалъ ей книгу» [1]).

Меньшимъ стѣсненіямъ подвергался юноша, когда читалъ получаемое и покупаемое самими родителями или относилъ такія книги товарищамъ. И Н. М. широко пользовался хоть этой свободой. Онъ надѣлялъ книгами не только своихъ ближайшихъ друзей, Наумова и Поникаровскаго, но и многихъ другихъ. «Современникъ» и «Отечественныя Записки» всегда были въ ходу, ихъ читали до дыръ. Бѣлинскаго знали лучше, чѣмъ учитель словесности...

Въ четвертомъ классѣ (1855—56 гг.) Н. М. долженъ былъ разстаться съ однимъ изъ своихъ друзей: великовозрастный Наумовъ, не имѣвшій средствъ итти дальше, изъ 4-го класса, 18 лѣтъ, поѣхалъ въ Омскъ для поступленія вольноопредѣляющимся. Остался одинъ другъ—Поникаровскій, съ которымъ, спустя лѣто, Ядринцевъ

---

[1]) „Сиб. Сборникъ", 1895 г., IV, 3.

сидѣлъ уже рядомъ на одной скамейкѣ — другъ его «зазимовалъ» въ 5-мъ классѣ.

Осенью 1858 г. умеръ отецъ Н. М. [1]), но это горе не было особенно ощутительно: въ Томскъ былъ переведенъ на службу Наумовъ. Товарищи сблизились тѣснѣе, и среди нихъ потеря отца была не такъ замѣтна. Съ осени же Н. М. былъ разлученъ съ Поникаровскимъ: теперь онъ самъ «зазимовалъ» въ 6 классѣ изъ-за математики.

«Въ это время между нами,—разсказываетъ Наумовъ,—т. е. между мной, Ядринцевымъ и Поникаровскимъ, возникла мысль устроить литературныя чтенія, чтобы къ каждому вечеру каждый изъ насъ приготовлялъ какую-нибудь статью. Нужно сказать, что за время моего отсутствія, Ядринцевъ особенно сдружился съ Поникаровскимъ; сблизила ихъ ружейная охота, на которую они вмѣстѣ ходили скорѣе изъ подражанія Тургеневу, «Запискамъ охотника» котораго они въ то время зачитывались и бредили, чѣмъ по страсти къ охотѣ. Мы рѣшили собираться у Поникаровскаго. Въ первый же вечеръ Поникаровскій прочелъ написанный имъ разсказъ изъ охотничей жизни, длинный, сухой и безсодержательный, а Ядринцевъ—стихотвореніе подъ названіемъ «къ ней» или «къ очамъ», не помню теперь, но въ которомъ не было ни риѳмы, ни размѣра. Я прочелъ первый написанный мною разсказъ: «Случай изъ солдатской жизни», вскорѣ затѣмъ напечатанный въ «Военномъ Сборникѣ», что и рѣшило мою послѣдующую судьбу.

«Къ слѣдующему вечеру нелегкая дернула меня написать шутливую рецензію во вкусѣ Сенковскаго на охотничій разсказъ Поникаровскаго и стихотвореніе Ядринцева, которую я прочиталъ имъ, когда мы собрались; Поникаровскій смѣялся отъ души, слушая ее, и сознался, что ему и самому кажется разсказъ его плоховатымъ, что надъ нимъ нужно поработатать, придать какое-нибудь содержаніе, не ограничиваясь однимъ только описаніемъ природы; но не то было съ Ядринцевымъ: онъ поблѣднѣлъ, нижняя губа его скривилась и задрожала, и хотя правой рукою щупая выступавшій на подбородкѣ пушокъ, онъ старался закрывать ее и тѣмъ скрыть охватившее его волненіе, которое всегда такъ предательски выдавала у него нижняя губа, но не могъ. Я тогда только догадался, какъ глубоко было уязвлено самолюбіе его этою невинною товари-

---

[1]) Н. М. относитъ смерть отца къ 1855 г. (См. „Сиб. Сбор.“, 1895 г. III, 78), но это невѣрно.

щескою шуткой. Даже въ своихъ воспоминаніяхъ («Сиб. Сборн.», 1888 г., № 1-й), упоминая объ этомъ случаѣ, онъ выразился: «но меня осмѣялъ ядовитый Наумовъ». Послѣ этого вечера онъ пересталъ бывать у Поникаровскаго, сдѣлался холоденъ со мной и сталъ избѣгать меня. Замѣтивъ это, я пересталъ бывать у нихъ въ домѣ, сношенія наши прекратились, и даже передъ отъѣздомъ въ Петербургъ онъ не повидался со мной и уѣхалъ не простившись»

Послѣдній фактъ, несомнѣнно, характеренъ для Н. М., но.. дѣло было вовсе не такъ, какъ сообщилъ, очевидно, забывшій подробности Наумовъ. Его опровергаетъ Поникаровскій, воспоминанія котораго менѣе ошибочны съ фактической стороны, такъ какъ они изложены на основаніи старыхъ, гимназическихъ еще, дневниковъ автора.

Вначалѣ сентября 1858 г. Наумовъ пріѣхалъ въ Томскъ, но до середины февраля 1859 г. Н. М. не ходилъ долгое время къ Поникаровскому, точно подчиняясь волѣ матери, которая запретила сыну эти посѣщенія, повѣривъ сплетнѣ, касавшейся Н. М. и квартирантки Поникаровскихъ. Только 15 февраля собрались у послѣднихъ Наумовъ, Смирновъ и Н. М.

«Первый пришелъ ранѣе всѣхъ и прочиталъ мнѣ — разсказываетъ г. Поникаровсвій — первое свое обработанное литературное произведеніе — «Случай изъ солдатской жизни»... Когда-же собрались остальные товарищи, то мы много шутили, острили и по обыкновенію Н. И. спорилъ съ Н. М. Потомъ рѣшили по воскресеньямъ собираться у меня и читать, кто что напишетъ къ этому времени; но это наше предположеніе не состоялось, такъ какъ мнѣ уже нужно было подумать о выпускномъ экзаменѣ, такъ какъ онъ начинался для 7-го класса съ перваго мая и сдавался за всю гимназію изъ всѣхъ предметовъ, Наумовъ былъ занятъ службой, а Н. М. боялся, чтобы опять не остаться въ 6-мъ классѣ и сталъ усерднѣе заниматься» [1]).

Такимъ образомъ ясно, что ни отношенія съ Поникаровскимъ не были порваны, ни посѣщенія его не прекращены изъ-за обиды. Остается только конфликтъ Н. М. съ самимъ Наумовымъ. Но и въ данномъ случаѣ послѣдній передаетъ дѣло не совсѣмъ такъ, какъ оно было. Счеты съ Наумовымъ у Н. М. были, какъ мы уже видѣли изъ разсказа г. Поникаровскаго еще раньше, при самомъ началѣ ихъ дружбы.

---

[1]) „Сиб. Сборникъ“, 1896, II, 206.

Самъ же Н. М. по поводу инцидента «съ критикой» пишетъ: «помню, какъ меня обидѣлъ ядовитый Наумовъ, написавшій стихомъ Брамбеуса... *злую* критику на какое-то мое стихотвореніе» [1]).

При свѣтѣ этихъ показаній станетъ ясно, что нервный и самолюбивый Н. М. не могъ спокойно выносить постоянныхъ колкихъ и злыхъ насмѣшекъ Наумова, особенно, когда онѣ были направлены на его музу. Поэзія въ тѣ годы была слабымъ мѣстомъ Н. М., съ раннихъ лѣтъ привыкшаго слышать отъ матери: «это— мой Пушкинъ». Кто изъ насъ не былъ чувствителенъ къ насмѣшкамъ именно въ возрастѣ 16—17 лѣтъ, когда особенно остро чувствуется всякій уколъ самолюбія?

Я потому остановился на этомъ фактѣ, что въ передачѣ Наумова онъ обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ уяснить себѣ характеръ Н. М.

Кстати объ его стихотвореніяхъ юношескаго возраста? Попикаровскій приводитъ ихъ довольно много, мы же приведемъ лишь «Кружку», подписанную иниціалами N. Г. К...ола съ припискою къ ней, заключенной гимназическимъ прозвищемъ Н. М.— «піявица», даннымъ за его гибкій, тонкій станъ:

Кружка.

Дорогая кружка!
Дней моихъ подружка!
Ты моя отрада
И трудовъ награда.
Тебя не смѣняю
Ни на что я въ мірѣ —
Ни сребра, ни злата
За тебя не надо.
Дорогая кружка!
Дней моихъ подружка!
Мнѣ не нужно счастье
И отрада въ жизни —
Счастливъ я съ тобою,
Награжденъ судьбою;
Лишь была-бъ полна ты
Пѣнящею влагой,
И я полнъ отвагой,
И я радъ и веселъ,
Осушивши кружку,
Дней моихъ подружку.

---

[1]) „Сиб. Сборникъ", 1888 г., I, 18.

И тогда мнѣ люди
Кажутся прекрасны —
Гнусность и пороки
Для меня не ясны,
И бросаюсь къ людямъ
Я тогда въ объятья,
А все моя кружка,
Дней моихъ подружка!
Когда выпью кружку
Я все забываю —
Горе и печали
Гордо презираю,
И она дороже
Мнѣ всего на свѣтѣ!
Пусть отнимутъ жизнь мнѣ —
Съ ней я не разстанусь —
И умру я съ кружкой,
Дней моихъ подружкой.

N. Г. К... ола.

«Тебѣ, конечно, странно, мой другъ, что я воспѣваю кружку, между тѣмъ, ничего не беру въ ротъ, кромѣ воды,

Но я пишу все дребень:
Попался мнѣ олень —
И я пою — олень, олень!
Иль попадется на глаза
Обыкновенная дуга —
И я пою — дуга, дуга!
Кажись, я скоро напишу
Большую оду къ сапогу.

П . и . я . ви . ца. [1])

Шестнадцатилѣтній Н. М. искренно считалъ себя недурнымъ версификаторомъ, товарищи поддерживали въ немъ эту струнку.

Но онъ былъ и сатирикомъ и каррикатуристомъ. Мы видѣли, что уже въ пансіонѣ Прозоровскаго онъ упражнялся въ этой области. Въ гимназіи были къ этому особыя причины. Кто помнитъ свое юношество въ учебномъ заведеніи, тотъ знаетъ, какъ тяжело бывало переносить произволъ классныхъ «силачей», всегда, въ большинствѣ случаевъ, очень мало духовно развитыхъ. Какъ могъ протестовать противъ этакихъ «Ахиллесовъ» слабый, тщедушный Н. М.? Только сатирой,—перомъ и карандашомъ, а то и мѣломъ на классной доскѣ.

---

[1]) „Сиб. Сборникъ", 1896 г., II, 193—194.

«Онъ сидѣлъ въ (5-мъ) классѣ возлѣ меня — разсказываетъ г. Поникаровскій;—все такой-же бойкій и остроумный, что называется, не полѣзетъ за словомъ въ карманъ, почему за его карикатуры и остроты ему часто доставалось отъ товарищей, особенно отъ одного изъ нихъ, А. И. Немирова... котораго прозвали «горникомъ» и надъ которымъ Н. М. часто острилъ. Но и товарищи не оставались въ долгу у него и въ отместку давали ему разныя названія, а у кого изъ товарищей не хватало остроумія отвѣтить на остроту Н. М. остротой, тотъ старался отвѣтить кулакомъ, и мнѣ приходилось постоянно защищать его, какъ болѣе сильному, за что Н. М. прозвалъ меня Донъ-Кихотомъ, а я его звалъ— добрый Санхо» [1]).

Кромѣ чтенія и живой бесѣды съ товарищами, Н. М. посвящалъ довольно много времени всевозможнымъ прогулкамъ, охотѣ и пр. Его тянуло ознакомиться съ жизнью сибирскаго уклада, наблюдать ее самому непосредственно. Въ этомъ отношеніи въ воспоминаніяхъ г. Поникаровскаго есть очень интересный разсказъ о проектѣ первой алтайской «экспедиціи» гимназиста Ядринцева.

Оставшись на второй годъ въ 6-мъ классѣ, Н. М. поѣхалъ погостить въ Барнаулъ. «Изъ Барнаула 8 іюля я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ описываетъ тамошнюю жизнь, свое препровожденіе времени и предположеніе ѣхать на Алтай, чтобы видѣть каменщиковъ. Надо знать, что зимой этого года батюшка принесъ мнѣ изъ губернскаго правленія нумеръ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ которомъ была помѣщена статья о каменщикахъ, т. е. крестьянахъ-раскольникахъ, поселившихся въ Алтаѣ, потомъ бѣжавшихъ въ китайскіе предѣлы и оттуда китайскимъ правительствомъ возвращенныхъ нашему правительству. Эта статья произвела на меня впечатлѣніе, я далъ ее Н. М., онъ пришелъ въ восторгъ отъ нея и отъ каменщиковъ и все мечталъ объ нихъ и желалъ ихъ увидѣть; но въ эту поѣздку въ Барнаулъ почему-то ему не пришлось побывать у каменщиковъ» [2]).

Такъ текла жизнь юноши, въ сущности, довольно ровная. Перейдя въ 7-й классъ, Н. М. сталъ, разумѣется, все больше и больше подумывать объ университетѣ, рисуя себѣ вольное студенческое существованіе. Но ни въ немъ самомъ, ни въ окружающихъ его товарищахъ, ни тѣмъ болѣе въ ихъ родителяхъ, не было созна-

---

[1]) „Сиб. Сборникъ", 1896 г., II, 191.
[2]) „Сиб. Сборникъ", 1896 г., II, 204.

нія важности переживаемаго тогда Россіей историческаго момента, начавшагося вслѣдъ за крымскимъ погромомъ. «Телеграфа не было, газеты мало читали, журналы также, общество не было еще пріучено къ чтенію; новость открывалась случайно и внезапно. Нѣтъ, нѣтъ, да кто нибудь и наткнется на новую невиданную книжку журнала или въ «Русскомъ Вѣстникѣ» откроетъ такую смѣлую штуку, которая ранѣе и во снѣ не снилась. Правда, и въ сибирскомъ обществѣ находились чуткіе наблюдатели и комментаторы новаго вѣянія, но это были избранные по способностямъ или слишкомъ исключительныя, закинутыя въ Сибирь, личности, которыя бесѣдовали и предусматривали событія въ кабинетахъ и тѣсномъ кружкѣ. Общество же было лишено предвѣдѣнія» [1]). Русскія событія шли мимо круга, въ которомъ вращался Н. М. Общественное одушевленіе не отражалось на этомъ міркѣ. Юноши и не подозрѣвали о томъ котлѣ, который кипѣлъ повсюду за уральскимъ хребтомъ, тогда особенно рѣзко отдѣлявшимъ Сибирь отъ Европейской Россіи.

И клокотаніе этого гиганта было бы для нихъ—пріѣхавшихъ въ университетъ—совершенною неожиданностью, если бы не одинъ, рѣшившій все случай.

Въ Томскѣ появился вдругъ петербургскій студентъ — Н. С. Щукинъ, которому предстояло всколыхнуть сонное томское царство. Это былъ тотъ человѣкъ, который рѣшилъ судьбу не одного Ядринцева, который создалъ въ ихъ умахъ цѣлый водоворотъ новыхъ мыслей и ощущеній. Случайно онъ занялъ комнату въ квартирѣ Ядринцевыхъ. Впрочемъ, предоставимъ слово самому Н. М.

«Прійдя изъ гимназіи, я увидѣлъ Н. С. Щукина [2]) послѣ обѣда. Когда онъ вышелъ къ намъ, я, съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, осмотрѣлъ его. Это былъ высокій молодой человѣкъ, весьма стройный, немного сутуловатый, что не уменьшало его большого, внушительнаго роста; большая курчавая голова, открытое лицо, нѣсколько вздернутый носъ, на которомъ были очки, самоувѣренный быстрый взглядъ, увѣренная усмѣшка на губахъ и чуть замѣтная бородка производили пріятное, располагающее впечатлѣніе Онъ былъ въ учительской формѣ, съ сакъ-вояжемъ, трубкою въ рукахъ и въ оригинальномъ кашнэ. Могу сказать, что общее впе-

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе", 1884 г., № 33.

[2]) Въ своихъ воспоминаніяхъ въ „Восточномъ Обозрѣніи", 1884 г. №№ 6, 26, 33 и 34—Н. М. назвалъ его полной фамиліей.

чатлѣніе было вполнѣ оригинально. Многіе помнятъ его подвижную фигуру, энергическую рѣчь, пламенную проповѣдь, его рѣзкіе приговоры всему отживающему, запасъ новыхъ общечеловѣческихъ идей, которые онъ вынесъ изъ тогдашняго университетскаго круга, тѣхъ надеждъ, съ которыми онъ познакомилъ насъ и которыми жила тогда Россія, ждавшая освобожденія крестьянъ и своего обновленія. Студентъ Щукинъ подвижной, неугомонный Рудинъ по натурѣ, студентъ въ душѣ, человѣкъ, искавшій дѣятельности и прозелитовъ новаго ученія, упалъ къ намъ точно съ неба [1]). Отъ него мы узнали впервые, что̀ переживала Россія. Цѣлый потокъ свѣта осѣнилъ наше сознаніе, заставилъ волноваться кровь, трепетно биться сердце. И въ самомъ дѣлѣ, эпоха была исторически великая, вдохновенная, открытіе для нашей души слишкомъ внезапное, наша тьма была слишкомъ неприглядна, а тутъ еще свѣтъ и притокъ цѣлой массы европейскихъ идей, о которыхъ мы не слыхали. Мы въ первый разъ услыхали о прогрессѣ, о человѣческомъ братствѣ, о лучшихъ стремленіяхъ человѣка. Мы были дѣти русскаго общества дальней семьи, его глухой стороны, для которой былъ неизвѣстенъ цѣлый міръ. На насъ хлынуло все разомъ: европейская жизнь, исторія и идеи, волновавшія Европу полвѣка. Руссо и Вольтеръ, Дидро и Даламберъ, Кондорсе—все для насъ было ново, все это разомъ вторглось къ намъ, какъ и въ жизнь Россіи. Матеріалъ былъ громадный для мысли, онъ долженъ былъ потрясти и создать цѣлое міросозерцаніе. Мы узнали, что для Россіи также доступно счастье, что въ ней предвидится великая работа, и мы также будемъ имѣть участіе въ ней, какъ будущіе студенты и будущіе граждане.

«Какъ же не забиться было отъ этого юношескому сердцу. Щукинъ принесъ вѣсти объ обновленіи университетской науки и литературы. Въ первый разъ, съ жадностію и съ восторгомъ мы узнали великія имена Виссаріона Бѣлинскаго, Грановскаго, Пушкина, Лермонтова [2]); ихъ гражданская скорбь, ихъ ранняя гибель

---

[1]) Въ „Восточномъ Обозрѣніи“, №6, 1884 г. по этому поводу находимъ: „Усвоивъ что либо, онъ дѣлался фанатическимъ поклонникомъ и апостоломъ новой идеи, часто не переваривъ ее вполнѣ. Рѣшительный, лаконическій тонъ, умѣнье обрѣзать противника, страстность и горячность, которую онъ вносилъ, производили впечатлѣніе человѣка убѣжденнаго и непреклоннаго“.

[2]) Слова „въ первый разъ“ надо понимать въ томъ смыслѣ, что только тогда эти имена стали для нихъ опредѣленны и потому велики.

получили для насъ новый смыслъ. Золотыя звѣзды всходили на горизонтѣ новой литературы. Въ это время уже показывался Добролюбовъ, и Щукинъ былъ его однокашникомъ сначала въ педагогическомъ институтѣ. Мы находили и слѣдили, что писалось объ освобожденіи крестьянъ. Нашъ новый знакомый передалъ о работѣ редакціонныхъ комитетовъ, о готовящемся уничтоженіи цензуры. Онъ знакомилъ съ послѣдними событіями и волненіями петербургскаго міра. Богъ знаетъ, откуда онъ добывалъ новости и новыя книги. Мы проводили цѣлыя ночи въ бесѣдѣ и поглощали новую литературу. Щукинъ, безпрестанно суетившійся, искавшій поклонниковъ, друзей и учениковъ, скоро сгруппировалъ около себя весьма разнородный кружокъ. И съ кѣмъ онъ только не перезнакомился: и молодые ученики гимназіи, барышня, мечтавшая о педагогической дѣятельности, отставной смотритель училища—60-ти лѣтній старикъ, но философъ и оригинальный умъ, «замѣчательный самородокъ» Д.—человѣкъ замѣчательнаго ума и развитія; ссыльный Бакунинъ [1])—европейская знаменитость, и тутъ же какой-нибудь полуграмотный поэтъ, стихи котораго понравились Щукину и онъ спѣшилъ ихъ отправить къ Добролюбову... Самъ Щукинъ понисывалъ въ газеты и готовилъ какую-то громовую статью въ «Искру». Временами онъ устраивалъ литературные вечера и пельмени, которые носили студенчески безцеремонный характеръ. Но дѣло было не въ самомъ Щукинѣ, онъ часто отдавался забавнымъ иллюзіямъ и разочарованіямъ». Знакомство съ нимъ разбудило умъ юношей. «Передъ нами сверкалъ въ будущемъ настоящій свѣтъ жизни и науки. Иногда страстный трепетъ, подъ вліяніемъ прочитаннаго, охватывалъ все существо. Впечатлѣнія ложились живо и ярко. Иногда гражданскіе восторги и чувства наши были искренни и неподдѣльны.

«Я нашелъ друзей своихъ обновленными, исчезъ мрачный байроновскій взглядъ на жизнь у Наумова, братья С. толковали о новыхъ вопросахъ и сбирались въ университетъ, угрюмый оживился, бродилъ какъ въ туманѣ добрый мой П. Всѣ мы нетерпѣливо ждали выѣзда въ университетъ. Всѣ думали объ одномъ: и состоятельные юноши, и бѣдняки, почти нищіе, которымъ одинаково открывался свѣтъ разума и свободы. Такъ проходилъ этотъ годъ, лучшее время надеждъ. Самыя лучшія чувства, самые свѣжіе гражданскіе восторги были пережиты въ это время, и волненія и

---

[1]) Съ нимъ Щукинъ познакомился въ бытность въ Иркутскѣ.

думы, проклятія старому и благословенія новому, слезы, накипѣвшія въ дѣтской груди, смѣнялись дѣтскою улыбкою надежды; вѣра въ грядущее, любовь безконечкая, пламенная любовь къ человѣчеству, ко всему несчастному и обойденному, вѣра въ народное счастье согрѣвали сердце, какъ основа будущей религіи, какъ залоги жизни» [1]).

Можно себѣ представить, какъ потянуло это чистое и сильное своею молодостью юношество къ свѣту науки, къ общественной работѣ! Какія свѣтлыя перспективы рисовались имъ! Какъ рвались впередъ молодыя сердца и головы!

Н. М. не сдавъ окончательныхъ экзаменовъ, слѣдовательно, не окончивъ, въ сущности, гимназіи, въ серединѣ 1860 г. спѣшитъ съ матерью въ Петербургъ, чтобы вступить въ число вольнослушателей тамошняго университета.

---

[1]) „Сиб. Сборникъ", 1888, I, 19—21.

III.

1860—1863 гг.

Настроеніе русскаго общества 60-хъ годовъ. Петербургскій университетъ того времени. Знакомство съ Г. Н. Потаниным. Мысль образовать сибирское землячество; поводы къ ней. Смерть матери. Сходки земляковъ. Обѣщаніе служить возрожденію родины. Знакомство съ И. В. Федоровымъ (Омулевскимъ) и С. С. Шашковымъ. А. П. Щаповъ. Первая проба литературнаго пера въ „Искрѣ". Вліяніе литературы на молодежь.

Русское общество никогда не переживало больше того, что пережило въ эпоху, такъ называемыхъ, «шестидесятыхъ годовъ» (1855—62 гг.). Это была та свѣтлая полоса, о которой и до сихъ поръ такъ пріятно всегда вспоминать. Славное прошлое, славные дѣятели—его работники; вѣчны идеалы, ихъ стимулировавшіе — любовь, свобода, равенство. Счастливы тѣ, кому удалось жить и работать въ эту исключительную эпоху русской общественности. Благоговѣйное уваженіе и высокій почетъ должны встрѣчать люди и общество, давшіе намъ небывалый расцвѣтъ общественной дѣятельности.

Какъ будто слѣдуя закону равенства угловъ паденія и отраженія, русское общество середины шестидесятыхъ годовъ, немедленно вслѣдъ за выясненіемъ крымскаго погрома, дохнуло такъ глубоко и мощно, что многіе цѣпи и обручи мгновенно лопнули. «Все, что было въ Россіи интеллигентнаго, съ крайнихъ верховъ и до крайнихъ низовъ, начало думать, какъ оно еще никогда прежде не думало... Всѣ стали думать и думать въ одномъ направленіи, въ направленіи свободы, въ направленіи разработки лучшихъ условій жизни для всѣхъ и для каждаго» [1]). «Всѣмъ, казалось, было ясно,—говоритъ другой современникъ,—что нельзя итти далѣе тѣмъ путемъ, по которому шли до сихъ поръ. Необходимъ былъ выходъ изъ того положенія вещей, несостоятельность котораго стала очевидна. Въ поискахъ этого выхода общественная мысль сильно разбрелась. Рядомъ съ глубокими и сильными теченіями можно было видѣть мелкія и поверхностныя; рядомъ со смѣлыми и широко захватывающими планами общественнаго преобразованія,—дѣтскія измышленія, чуждыя всякой перспективы.

---

[1]) *Н. Шелгуновъ*, „Воспоминанія", Сочин., II, изд. 2, Спб., 1895 г., 677.

Но всѣ эти теченія, при всемъ различіи въ ихъ силѣ, глубинѣ и значеніи, шли въ *одномъ* общемъ *направленіи*. Все общественное движеніе представлялось одною широкою, поднимающеюся волною, захватывающею собою и правящія сферы, и средніе круги обывателей, не совсѣмъ чуждыхъ общественнымъ интересамъ, и передовые ряды интеллигенціи страны. Движеніе казалось, быть можетъ, болѣе широкимъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, благодарю тому, что элементы, ему враждебные, растерявшіеся и смятые первымъ натискомъ новыхъ теченій, не могли дать имъ открытаго отпора,— а глухому и пассивному сопротивленію, — оказавшемуся впослѣдствіи такимъ губительнымъ для преобразовательной работы, — не придавали тогда того значенія, которое оно, къ несчастію, имѣло» [1]).

Намъ, современникамъ иной эпохи, даже какъ-то странно слышать о такомъ необыкновенномъ общественномъ подъемѣ — до того онъ кажется сказочнымъ; и въ этомъ-то и проявляется истинное величіе шестидесятыхъ годовъ, можетъ быть, лучше чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ.

«Университетъ и столица этой эпохи представляли своеобразный, можетъ быть, исключительный видъ. Литераторы и студенты пользовались особою симпатіей; это были герои дня. Къ университету подъѣзжали блестящіе экипажи аристократовъ, жаждавшихъ послушать знаменитаго профессора. Аристократическая дама и гусаръ не гнушались аудиторіи.

«Неподдѣльный энтузіазмъ юношей выражался на лекціяхъ. Я помню—пишетъ Н. М.—лекціи Н. И. Костомарова и другихъ любимыхъ профессоровъ, почти публичныя. Университетскій залъ потрясался отъ восторга слушателей, юношей охватывалъ трепетъ. Они испытывали то, что испытывали люди подъ первымъ обаяніемъ ораторовъ, мыслителей, проповѣдниковъ истины и науки. Не знаю, повторялось ли это впослѣдствіи. Литература была также любимицей публики. Журналы и журнальныя статьи играли огромную роль и расхватывались по выходѣ. Читатель глоталъ ежедневно газеты, съ жадностью, какъ чашку кофе послѣ моціона. Новости дня пробѣгали электрическими искрами по Петербургу. Въ публикѣ на общественныхъ собраніяхъ искали глазами извѣстныхъ писателей и талантовъ. Быть литераторомъ было завидно, ни одно пятно еще не безславило литераторскую тогу. Самъ ли-

---

[1]) *П. Анненскій*, „Сорокъ лѣтъ назадъ", сборникъ „На славномъ посту", 1900 г., 431.

Н. М. Ядринцевъ
(1877 г.)

(Съ фотографіи Шульца).

тераторъ высоко держалъ голову. Когда совершались похороны артиста, какъ Мартынова или Бозіо, видно было, что это было торжество и время поклоненія интеллигенціи. Диспуты въ Пассажѣ и въ университетѣ, по общественнымъ и ученымъ вопросамъ, будили и привлекали общественное вниманіе. Все жило въ Россіи въ ожиданіи великой реформы, иначе дышалось, иначе чувствовалось. Когда общественный пульсъ такъ высоко былъ поднятъ, не могла не раздѣлить той же жизни воспріимчивая молодежь» [1]).

Вотъ въ какое время молодой Ядринцевъ прибылъ въ Россію, въ частности въ Петербургъ.

Вскорѣ мать его умерла отъ брюшного тифа, оставивъ сыну около 15000 рублей [2]).

Alma-mater произвела на него очень выгодное впечатлѣніе.

«Петербургскій университетъ тогда представлялъ учрежденіе, какое другимъ поколѣніямъ уже не суждено было видѣть. Я не говорю о блестящемъ и талантливомъ составѣ профессоровъ, оставившихъ имя въ исторіи русской науки и въ исторіи русской литературы. Кавелинъ, Костомаровъ, Сухомлиновъ — будущій академикъ, Спасовичъ, Пыпинъ входили въ составъ профессоровъ того времени. Достаточно вспомнить даровитыя лекціи покойнаго Н. И. Костомарова, на которыя стекался весь Петербургъ, чтобы понять то влеченіе и обаяніе, которыя имѣлъ тогда университетъ для общества и студентовъ. Намъ не забыть никогда публичнаго чтенія Н. И. Костомарова, когда университетская зала была наполнена 2500 человѣками, и все это гудѣло отъ восторга и экстаза; не забыть публичныхъ диспутовъ съ Погодинымъ, когда Н. И. Костомарова студенты выносили на своихъ рукахъ. И это было не одно торжество университета: ликовало общество, общество просвѣщенныхъ людей Петербурга, вся интеллигенція, мало того, даже аристократическіе салоны были прикованы и увлечены жизнью университета. «Студенты» было почетное имя, и они гордо подняли голову. Солидарность между профессорами и студентами была полная, у студентовъ сохранялось глубокое уваженіе къ авторитету

---

[1]) „Литературныя и студенческія воспоминанія сибиряка", „Восточное Обозрѣніе", 1884 г., № 26.

[2]) Эту цифру называетъ не только Н. П. Павлиновъ, но и Я. М. Кравцовъ, хорошо знавшій матеріальныя дѣла Н. М., какъ его повѣренный въ дѣлѣ, о которомъ будетъ сказано ниже. Г. Н. Потанинъ опредѣляетъ наслѣдство въ 8000 р. (См. его замѣтку въ брошюрѣ *Б. Глинскаго*—„Н. М. Ядринцевъ", М. 1895 г., VIII).

знанія, профессора дружески относились къ студентамъ и руководили ими, принимая часто ихъ къ себѣ въ домъ.

«Я помню этихъ благородныхъ руководителей нашихъ, которые уясняли намъ силу знанія, открыли намъ новые горизонты, дали вѣру, напитали нашу душу сознаніемъ идеала и научили находить величайшее наслажденіе и утѣшеніе въ области духа и идеи, несмотря на всѣ превратности. 25 лѣтъ спустя въ Петербургѣ, будучи писателемъ, я встрѣтилъ ихъ такими же и жалъ въ умиленіи руки старцевъ, положившихъ лучшіе залоги жизни въ наше сердце. И съ Н. И. Костомаровымъ и К. Д. Кавелинымъ я бесѣдовалъ, когда они кончали вѣкъ, но были бодры умомъ и духомъ, я говорилъ съ ними о судьбахъ моей родины. Тотъ и другой были истинными друзьями областного возрожденія, разумѣя въ немъ поднятіе духовныхъ и гражданскихъ силъ всего народа. Мнѣ суждено было хоронить ихъ и бросить послѣдній комъ земли и послѣдніе цвѣты.

«Представивъ слабую картину этого времени и положенія университета, я предоставляю судить, что должны были перечувствовать мы, сибиряки, явившіеся изъ своихъ дальнихъ захолустьевъ. Приникнувъ къ общей студенческой жизни въ университетѣ, мы встрѣтили земляковъ изъ Тобольска, Иркутска и друг. мѣстъ Сибири, томичей въ мое время было немного въ Петербургѣ— 2 или 3, только послѣ понаѣхали. Въ Москвѣ также было мало, въ Казани было болѣе» [1]).

Этихъ немногихъ строкъ довольно, чтобы видѣть, въ какомъ восторженномъ настроеніи былъ Н. М., окунувшійся въ университетскую атмосферу.

Но это настроеніе муссировалось товарищескою жизнью, новыми знакомствами и связями.

Прежде всего Н. М., съ письмомъ отъ Щукина, разыскиваетъ очень ему расхваленнаго сибиряка, Г. Н. Потанина, казачьяго офицера, бросившаго службу и поступившаго на естественный факультетъ петербургскаго университета.

«Я засталъ Потанина въ квартирѣ на Васильевскомъ островѣ; помню его почти всегда расхаживавшаго съ книгою по комнатѣ, увлеченнаго естествознаніемъ, но читавшаго также много по тогдашней литературѣ и знакомаго уже съ общественными вопросами. Съ перваго разговора, я помню, рѣчь зашла уже о сибирякахъ въ

---

[1]) „Сиб. Сборникъ“, 1888 г., I, 23 — 24.

Петербургѣ и о необходимости перезнакомиться. Надо замѣтить, что это знакомство не имѣло въ виду вовсе какой-нибудь утилитарной и практической цѣли въ родѣ кассы, взаимной поддержки, нѣтъ! Потанинъ проповѣдывалъ сближеніе, какъ потребность чисто платоническую видѣться съ земляками, вспоминать родину и придумать, чѣмъ мы можемъ ей быть полезны. Идея сознательнаго служенія, краю, въ тотъ моментъ, когда въ Европейской Россіи пробуждалось тоже самосознаніе, вотъ идея, которая легла въ основу нашего сближенія. Я помню, что въ нашихъ разговорахъ съ Потанинымъ мы часто касались этой темы. Мы отдавали другъ другу отчеты о нашихъ привязанностяхъ, говорили, какъ о рѣшенномъ вопросѣ, о нашемъ возвращеніи домой, хотя у меня не осталось близкихъ родственниковъ на родинѣ, говорили, что тѣ же намѣренія нужно поддерживать въ другихъ. Потанинъ уже много читалъ и начиналъ писать о Сибири» [1]).

«Въ бесѣдахъ съ Потанинымъ я не только сходился, но увлекался его умомъ, его планами, и онъ былъ для меня первымъ менторомъ, наставникомъ; онъ же опредѣлилъ мое призваніе. Я фанатически послѣдовалъ его патріотической идеѣ, и мы начали развивать мысль среди товарищей о необходимости группированія. Всѣ охотно раздѣляли эту мысль — иные сознательно, иные инстинктивно» [2]).

Наконецъ, вмѣстѣ съ г. Потанинымъ, Н. М. основалъ первое сибирское землячество въ Петербургѣ. Но объ этомъ ниже, а теперь о другихъ знакомствахъ Ядринцева.

«Понемногу мнѣ представлялъ Потанинъ то студента-юриста, сибиряка, то естественника. Здѣсь были юристы Перфильевъ, братья Павлиновы, Крюковъ, Б-скій, братья Лосевы, Шестаковъ, технологъ. Потанинъ при всей своей кабинетности и несвѣтскости, однако, обладалъ завидною способностью не только сближаться, но и угадывать характеръ и способности у земляковъ (талантъ всю жизнь не оставлявшій его и давшій немало полезныхъ слугъ родинѣ). Одного мнѣ онъ рекомендовалъ, какъ будущаго техника въ Сибири, другого, какъ талантливаго музыканта, третьяго, какъ химика, иныхъ онъ отличалъ за ихъ мягкую, симпатичную натуру. Онъ умѣлъ сближать сибиряковъ и не въ одномъ университетѣ. Въ академіи художествъ у него былъ уже знакомый художникъ

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе“, 1884 г., № 6.

[2]) Ibid., 1884 г., № 26.

изъ Иркутска, Песковъ, въ это же самое время былъ въ Петербургѣ и Федоровъ-Омулевскій, съ которымъ Потанинъ познакомился (еще раньше) черезъ Щукина» [1]).

Первыя двѣ зимы (1860—61 и 1861—62 гг.) Н. М. былъ болѣе или менѣе матеріально обезпеченъ, потому что изъ оставленныхъ матерью денегъ отложилъ себѣ на текущую жизнь около 1000 рублей, изъ которыхъ, впрочемъ, довольно большая доля ушла на помощь товарищамъ и на невинные студенческіе «кутежи». Но на третью зиму, когда оказалось, что деньги, отданныя якобы на вѣрное дѣло, попали въ руки людей безчестныхъ, и много хлопотавшій о привлеченіи ихъ къ судебной отвѣтственности сибирякъ, пріятель Н. М., Я. М. Кравцовъ, долженъ былъ съ грустью констатировать фактъ, что никакими путями денегъ не вернуть, — Ядринцевъ сразу перешелъ на чисто-студенческое существованіе. Тогда онъ поселился въ одной комнатѣ съ пріѣхавшимъ въ Петербургъ Н. И. Наумовымъ; рядомъ, черезъ стѣну, жилъ Ѳ. Н. Усовъ, казачій офицеръ, знакомый г. Потанина, слушавшій лекціи въ академіи генеральнаго штаба, за нимъ Г. И. съ студентомъ Куклинымъ, и, наконецъ, въ четвертой комнатѣ—И. А. Худяковъ, молодой миѳологъ, собиратель и издатель сказокъ.

«Самый бѣдный изъ насъ—разсказываетъ г. Потанинъ—былъ Худяковъ; онъ питался только хлѣбомъ съ масломъ, и больше у него ничего не было. Мы были побогаче; четверо: Ядринцевъ, Наумовъ, Куклинъ и я обѣдали вмѣстѣ; мы покупали картофель, варили въ кухнѣ у хозяйки и ѣли его съ масломъ,—вотъ и весь обѣдъ нашъ въ теченіе цѣлой зимы» [2]).

Въ имѣющихся въ моемъ распоряженіи рукописяхъ, переданныхъ мнѣ В. И. Семидаловымъ, есть довольно объемистая тетрадь, посвященная описанію петербургскаго сибирскаго землячества, но здѣсь я предпочитаю пользоваться тѣмъ, что напечатано самимъ Н. М. раньше ея составленія (1892 годъ), потому что новаго въ ней, сравнительно съ остальнымъ, нѣтъ, а наиболѣе интересные моменты переданы въ рукописи блѣднѣе, чѣмъ въ печати.

Въ письмѣ къ В. И. Семидалову отъ 1 октября 1892 г. Н. М., между прочимъ, писалъ: «Вчера началъ составленіе воспоминаній о сибирскомъ землячествѣ 60-хъ годовъ. Эти воспоми-

---

[1]) Ibid., № 6.

[2]) *Б. Глинскій*, Н. С., IX.

нанія легко возобновить, они, собственно бѣдны. Первое товарищество, при всемъ своемъ пылѣ и пробужденіи патріотизма, не представляло ничего серьезнаго. Это не былъ сплоченный кружокъ малороссовъ, поляковъ и т. п.»

Мнѣ кажется, тридцать лѣтъ, протекшихъ со дня основанія землячества — причина выяснившейся его несерьезности. На такомъ разстояніи, особенно когда оно пройдено, какъ и было съ Н. М., очень и очень тернистымъ путемъ, блѣднѣютъ явленія и факты даже гораздо большаго значенія. Оцѣнивать студенческую попытку, будучи пятидесятилѣтнимъ старикомъ, значитъ впередъ прійти къ неблагопріятному выводу. Играло роль и настроеніе. Н. М. далъ при жизни жены (въ 1888 г.) землячеству иную физіономію, и она, по моему, гораздо вѣрнѣе.

Какъ уже было сказано, мысль сгруппироваться принадлежала г. Потанину и была горячо поддержана Н. М. Подсказалъ же ее приливъ массы сибиряковъ въ петербурскій университетъ, отчасти вообще благодаря тогдашнему стремленію молодежи въ Петербургъ, какъ центръ новой жизни, отчасти благодаря закрытію въ Казани камеральнаго факультета.

«Мы перезнакомились,—пишетъ Н. М.—Казанцы были добрые малые, беззавѣтные бурши, прекрасные товарищи, пѣвцы, любители кутнуть, но люди мало развитые: у нихъ слышались только казанскія воспоминанія о какой-то «ласточкѣ», о кутежахъ въ Гончарной, о силачахъ, о какихъ-то бояхъ съ Рѣзановымъ во главѣ, о столкновеніяхъ съ полиціей; въ концѣ обыкновенно они пили пиво и пѣли казанскія студенческія пѣсни: «Стою одинъ я предъ избушкой» и проч. Они также привезли въ Петербургъ съ собою и наклонность поиграть въ карты, что ужасно, помню, шокировало петербургскихъ сибиряковъ».[1]).

Результатомъ знакомства и было первое собраніе сибиряковъ всевозможныхъ учебныхъ заведеній на квартирѣ одного изъ студентовъ университета.

«Мы ждали — разсказываетъ Н. М. — какой результатъ будетъ имѣть это сближеніе. Сходка вышла шумная и оживленная, какъ всегда бываютъ студенческія собранія; въ ней трудно было, однако, уже не замѣтить земляческихъ симпатій, хотя все это было крайне хаотично, нескладно и за шумомъ и разнообразіемъ знакомствъ трудно было что-нибудь разобрать. Собиралось, помнится, человѣкъ

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе", 1884 г., № 6.

20. На этой сходкѣ я видѣлъ бурята Пирожкова. деликатную и уже интеллигентную личность, джентельмена въ цилиндрѣ, но съ бурятскимъ лицомъ; онъ изучалъ Гегеля и интересовался философіей. Здѣсь я познакомился съ И. В. Федоровымъ-Омулевскимъ, веселымъ, розовымъ юношей, съ золотыми кудрями до плечъ, въ художническомъ бархатномъ сюртучкѣ; здѣсь присутствовалъ симпатичный юристъ, Н. М. Павлиновъ, съ рафаэлевской головой; цѣлая группа казанскихъ буршей шумѣла съ своей необузданной веселостью; привычки воспитаннаго петербургскаго дендизма мѣшались со студенческой развязностью и иногда неуклюжестью семинариста. Среди сибиряковъ въ первый разъ были и не-сибиряки: знакомый Потанина, товарищъ студентовъ, незабвенный художникъ Джогинъ, артистъ-художникъ въ душѣ, выступавшій съ талантливыми пейзажами; не помню, былъ-ли здѣсь И. И. Шишкинъ, тоже нашъ знакомый; наконецъ, присутствовалъ какой-то филологъ, Смирновъ.

«На этомъ вечерѣ не было ни подготовленныхъ заранѣе искусственно вопросовъ, ни организованныхъ словопреній и рѣчей, все носило товарищески-семейный характеръ. Въ концѣ, послѣ первыхъ знакомствъ и шумныхъ земляческихъ изліяній, невольно выступилъ вопросъ о поддержаніи сношеній между земляками, а также о продолженіи собраній; подобная мысль, конечно, была единодушно принята».

«Начало было сдѣлано, оставалось поддержать связи. Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ другой и третій вечеръ» уже на квартирѣ Джогина. «Сходки заканчивались веселымъ пѣніемъ студенческихъ пѣсенъ, которыя продолжались нерѣдко и на улицѣ».

«Рѣшившись собираться, никто не спрашивалъ и не задавалъ вопроса: «зачѣмъ и для чего?» Этотъ вопросъ казался молчаливо рѣшеннымъ «земляками» — стало быть, какъ же не видѣться. Наиболѣе заинтересованные судьбою этого сближенія, однако, чувствовали потребность мысли, идеи и даже какой-нибудь практической задачи; понемногу и они начали являться, но не вдругъ, не сразу. Между сибиряками были люди неглупые и начинали думать о судьбѣ своей родины, ея интересахъ и будущей дѣятельности въ краѣ. Конечно, трудно было въ молодой студенческой семьѣ явиться опредѣленнымъ задачамъ и, сидя въ Петербургѣ еще на школьной скамьѣ, изобрѣтать практическое дѣло. Помню, однако, что на этихъ собраніяхъ впервые раздался вопросъ о значеніи въ краѣ университета и необходимости его для Сибири. Мысль эта всѣмъ

пришлась по душѣ. Конечно, въ честь этого слѣдовали шумные брудершафты [1]). Здѣсь же въ товарищескихъ разговорахъ развивалась мысль о необходимости подготовки къ будущей дѣятельности въ Сибири, о необходимости изучать край и читать о немъ сочиненія, явилась мысль составлять библіографію сибирскихъ книгъ, причемъ Потанинъ брался руководить этимъ дѣломъ, и я долго въ своей жизни хранилъ выписки изъ каталоговъ публичной библіотеки, пока эти клочки не разнесъ вѣтеръ моей скитальческой жизни. Тотъ же Потанинъ совѣтовалъ издать календарь или памятную книжку и рекомендовалъ мнѣ быть издателемъ, причемъ я изъявилъ горячую готовность [2]). Говорили о будущемъ журналѣ, газетѣ,—словомъ, вопросы росли. Въ концѣ все соединилось на убѣжденіи и вѣрѣ, что нашей отдаленной окраинѣ предстоитъ блестящая будущность.

«Собранія длились года два при мнѣ; временно они были прерваны небольшимъ эпизодомъ разлада, но мысль объ нихъ уже не умирала, и группировка воскресала вдолгѣ послѣ, хотя и подъ новой формой.

«Въ тѣхъ собраніяхъ, о которыхъ вспоминаю я, сближеніе началось между лицами разныхъ учебныхъ заведеній и профессій. Здѣсь были медицинскіе студенты, братья Черемшанскіе, впослѣдствіи медики, студенты университета, технологи, появлялись

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Н. М. вспоминалъ: „Въ юномъ воображеніи намъ представлялся уже университетъ открытымъ, мы представляли его въ родѣ раскошнаго зданія, къ которому стеклись всѣ разнообразныя произведенія нашей родины.

„Портикъ долженъ быть изъ бѣлаго мрамора съ золотою надписью: „Сибирскій университетъ". Нѣтъ, лучше на черномъ, внутренность изъ малахита. яшмъ, кругомъ садъ, въ которомъ сосредоточивается вся сибирская флора. Въ кабинеты доставлены коллекціи со всей Сибири, общественная подписка дала огромныя средства. Аудиторія кишитъ народомъ, гдѣ мы встрѣчаемъ рядомъ съ плотными и коренастыми сибиряками, нашихъ инородцевъ — нашъ другъ Пирожковъ, изучившій философію Гегеля, былъ для насъ примѣромъ; университетъ привлечетъ японцевъ и китайцевъ,—говорили другіе. Такъ развивалась мечта.

„Доживемъ-ли до этого? — раздавался скептическій голосъ. И потомъ опять смѣнялось дѣтской радостью и кончалось пѣніемъ „Gaudeamus igitur" и казанской студенческой пѣсней:

„Отъ зари до зари,
Какъ зажгутъ фонари..."

(„Восточ. Обозрѣніе", 1888 г., № 29).

[2]) Надежда на возвратъ денегъ тогда не была еще потеряна.

студенты духовной академіи, художники, былъ военный и кадетъ горнаго института, который, однако, весьма скоро спасовалъ и написалъ намъ весьма трогательную исповѣдь о своемъ исключительномъ положеніи и о какихъ-то аргусахъ своего заведенія, препятствующихъ ему быть вѣрнымъ сибирскому студенческому кружку. Знакомства, однако, все болѣе завязывались. Иниціаторы собраній поддерживали ихъ. Рѣшились отыскать литераторовъ изъ сибиряковъ; тогда уже пріѣхалъ въ Петербургъ С. С. Шашковъ и начиналъ понисывать; вспомнили о старомъ студентѣ-сибирякѣ, Сидоровѣ, даровитомъ математикѣ».

«Сидоровъ этотъ былъ товарищъ Н. С. Щукина, — личность, выдававшаяся умомъ и характеромъ, очень образованный, но эксцентрическій, обнаружившій впослѣдствіи подозрительность до болѣзненности и внесшій нѣкоторый разладъ....

«Самолюбивый Сидоровъ увидѣлъ себя старше и выше головою окружающихъ юношей, ему захотѣлось повелѣвать, онъ потребовалъ себѣ чуть не диктатуры и, конечно, провалился. Внеся свою подозрительность и нетерпимость, онъ вытѣснилъ нѣкоторыхъ товарищей своею раздражительностью, а затѣмъ самъ удалился. Этотъ непріятный эпизодъ, нѣсколько нарушившій товарищество, однако, не былъ причиною распаденія землячества; оно еще продержалось нѣкоторое время; но отсутствіе практическаго дѣла и одна теоретичность, выражавшаяся въ надеждахъ и разговорахъ, не могли дать ему пищи и жизни. Притомъ и въ столицѣ, въ 1862 г., уже не было такого простора студенческимъ собраніямъ. Прежній жаръ и впечатлѣнія этого сближенія исчезали, и выступала прозаическая жизнь кружка, превратившая его въ обыкновенную буршескую корпорацію. Тѣмъ не менѣе, мы не разъ собирались провожать своихъ товарищей-земляковъ, отправляя ихъ домой на родину. Помню, что, въ память нашего знакомства, мы снялись группой, и многіе долго хранили это воспоминаніе студенчества. Какъ бы то ни было, это первое сближеніе оставило свой слѣдъ на душѣ многихъ, оно вспоминалось не разъ въ жизни, можетъ быть, нѣкоторые были обязаны ему сознательнымъ отношеніемъ въ своей дѣятельности на родинѣ» [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, Н. М. указалъ не всѣ причины образованія патріотическаго землячества. Теперь безошибочно можно утверждать, что, кромѣ указанныхъ имъ, не малую роль сыграли прежде

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе“, 1884 г., № 26.

всего лекціи Костомарова—историка-областника, когда-то и самого создавшаго общество съ федеративными планами. На юношей не могла не произвести впечатлѣнія и статья Костомарова—«Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси», напечатанная въ первой книжкѣ малорусскаго журнала «Основа» за 1861 г. Она не могла не сказать сердцу сибиряка. Во-вторыхъ, надо согласиться съ В. И. Семевскимъ,—не безъ вліянія остались и прежнія попытки распространенія федеративныхъ взглядовъ, какъ «Общество соединенныхъ славянъ» и особенно «Кирилло-Меѳодіевское братство».

Въ цитированномъ уже письмѣ Н. М. г. Семидалову находимъ: «Я припомнилъ лекціи Костомарова, кружокъ Шевченко, его поэзію, лекціи объ областности Щапова—все это матеріалъ, канва». Такимъ образомъ предположеніе г. Семевскаго совершенно подтверждается.

«Общество Соединенныхъ Славянъ» было основано въ 1823 году, съ цѣлью «соединенія славянскихъ племенъ посредствомъ федеративнаго союза... съ удержаніемъ взаимной независимости». По словамъ Горбачевскаго, «общество имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластія, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній». Въ 1825 г. «общество соединенныхъ славянъ» слилось съ южнымъ обществомъ» [1]).

«Кирилло-Меѳодіевское братство», членами котораго были Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко, Гулакъ, Бѣлозерскій и др., основано было въ 1846 г., а въ слѣдующемъ, какъ извѣстно, перестало существовать: всѣ его члены были арестованы, и каждый изъ нихъ понесъ ту или другую кару.

Въ запискѣ, продиктованной самимъ Костомаровымъ г. Бѣлозерской, цѣль братства формулирована такъ: «распространеніе идей славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ наро-

---

[1]) *В. Семевскій*, „Нѣсколько словъ въ память Н. М. Ядринцева", „Рус. Мысль", 1895 г., I, 30.

довъ, на основаніи полной свободы и автономіи народностей... Планъ этого общества, получившій впослѣдствіи дальнѣйшую разработку, былъ приблизительно слѣдующій: вербовать наибольшее число членовъ между всѣми славянами и всѣхъ званій людей, преимущественно профессоровъ, учителей и литераторовъ, такъ какъ они всего болѣе могли имѣть вліянія на молодежь и подготовить ее къ будущей дѣятельности. Избѣгать насильственныхъ мѣръ, а когда придетъ пора — противопоставить насилію силу мысли, силу сплоченнаго народа»... «Россія должна была разбиться на части или штаты: сѣверный, сѣверо-восточный, юго-восточный, два поволжскихъ — верхній и нижній, два малороссійскихъ, одинъ средній, два южныхъ, два сибирскихъ, одинъ кавказскій и т. д.» [1]).

Все это, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, было извѣстно сибирякамъ-студентамъ.

Но ближе всего по времени и сильнѣе всего по вліянію были лекціи Щапова. Вступивъ впервые на каѳедру Казанскаго университета (11 ноября 1860 г.), Щаповъ такъ охарактеризовалъ предварительно предметъ своей первой лекціи—«Общій взглядъ на исторію великорусскаго народа»:

«Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть по преимуществу исторія различныхъ областныхъ массъ народа, исторія постояннаго территоріальнаго устройства, разнообразной этнографической организаціи, взаимодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите своеобразное территоріальное и этнографическое самообразованіе областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ повѣствовать вамъ про вѣковую особную, самобытную, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу областей. Потомъ московская лѣтопись заговоритъ о развитіи громадной государственной географической централизаціи московской, а въ областныхъ лѣтописяхъ раздастся самый энергическій протестъ, вопль областныхъ жителей противъ насилія москвичей, противъ централизаціи, противъ *собиранія русской земли.*

«Такъ, областный элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую

---

[1]) *В. Семевскій,* „Н. И. Костомаровъ", „Рус. Старина", 1886 г., I, 187—188.

борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился *въ смутное время*, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявился на земскихъ соборахъ XVII вѣка, сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіе всего XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія, во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій; онъ возбудилъ въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. п.

«И мы, изучая русскую исторію, оставляемъ почти безъ всякаго вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи!»... [1]).

Разумѣется, сибиряки, прибывшіе въ Петербургъ изъ Казани, не преминули освѣдомить своихъ товарищей съ идеей восходящей научной звѣзды.

Какъ укладывалось все это въ умахъ молодежи — сказать трудно. По всей вѣроятности, сколько-нибудь ясно, федерализмъ, какъ политическая система, не выработался у нихъ, но сознаніе, что Сибирь, какъ таковая, требуетъ приложенія къ себѣ рабочихъ интеллигентныхъ и любящихъ ее рукъ — такое сознаніе, несомнѣнно, существовало и именно какъ результатъ всѣхъ названныхъ вліяній.

«Когда мы развивались, — говоритъ Н. М., — когда другой воздухъ окружилъ насъ, когда страстное біеніе жизни коснулось и насъ, то мы не могли не проникнуться болѣе сознательнымъ отношеніемъ къ судьбѣ нашей родины. Когда все жило общественными вопросами русской жизни, русскаго народа, когда такъ мечталось, такъ вѣрилось, и мысль высоко парила въ грядущемъ, могли-ли мы не подумать о своемъ забытомъ краѣ, съ которымъ связаны были рожденіемъ, родствомъ, всѣми нашими симпатіями? Вотъ въ это-то время въ молодомъ кружкѣ товарищей-земляковъ появилась мысль о служеніи нашей родинѣ, о возвращеніи домой. Доселѣ большинство окончившихъ курсъ въ университетахъ не думало возвращаться и избирало выгодныя мѣста внѣ родины. Ихъ не влекло сюда ничто, они съ содроганіемъ вспоминали невѣжественное обще-

---

[1]) *Н. Аристовъ*, „А. П. Щаповъ", 1883 г., 56—57. Курсивъ подлинника.

ство, отсутствіе умственной жизни. Лучшія образованныя силы, ученые, таланты уже не возвращались болѣе на родину. Мы поняли тогда, что такое абсентизмъ.

«Пылкіе и горячіе, мы давали клятвы возвратиться на родину, служить ей беззавѣтно и, окончивъ или не окончивъ курсъ въ университетѣ, возвратились назадъ домой не случайно, но вполнѣ сознательно.

«Видя, какъ было все оживлено, какъ все искало дѣла, примѣненія силъ, слыша страстныя рѣчи о народѣ, о долгѣ гражданскаго служенія, мы не могли не перенестись мыслями къ нашей родинѣ и не задуматься объ ея будущемъ. Мы представляли ее, въ настоящемъ пустынную, бѣдную и убогую, — нарядною и богатою въ будущемъ; невѣжественную—образованной, усѣянной школами; вмѣсто несчастной, слышавшей только звонъ цѣпей и проклятія ссыльныхъ, мы рисовали себѣ ее населенною, свободною, жизнерадостною и ликующею; мы назвали эту страну «страною будущаго» прежде, чѣмъ этими словами началъ книгу мой другъ, профессоръ Петри: «Sibirien ist ein Zukunftsland!» Мы мечтали о счастливой будущности новаго дѣвственнаго края, подобно Америкѣ и Австраліи, перечисляли неистощимыя ея богатства, рисовали ее въ будущемъ виднымъ міровымъ рынкомъ, царицей Азіи. Широкія историческія перспективы открылись нашему духовному взору!»

Н. П. Павлиновъ разсказалъ мнѣ, что собранія землячества почти всегда, особенно когда всѣ хорошо ознакомились другъ съ другомъ, бывали довольно бурны. Немного надо было времени, чтобы произошла нѣкоторая дифференціація, результатомъ которой были двѣ «партіи»: «потанинская» и «павлиновская». «Потанинцы», во главѣ которыхъ стояли Г. Н. и Н. М., настаивали на томъ, что первый и теперь, а второй — до конца своихъ дней говорили и въ печати, и въ личной бесѣдѣ. «Павлиновцы» никогда не полагались на возможность для Сибири проявить свое собственное «я» безъ постоянной помощи и поддержки изъ-за Урала. Вопросъ этотъ — разумѣется, ставшій основнымъ — изучался обѣими сторонами очень основательно. Былъ предпринятъ цѣлый рядъ статистическихъ работъ, дѣлались выписки изъ литературы, составлялись компиляціи сочиненій за то или другое мнѣніе — и съ этими данными «партіи» снова сходились, дебатировали свои взгляды и снова расходились, другъ другомъ неубѣжденныя.

Обратимся, однако, опять къ личной жизни молодого Ядринцева.

Университетскія событія 1861 года, какъ извѣстно, закончились закрытіемъ университета 20 декабря. Г. Потанинъ, вмѣстѣ со многими другими студентами, заключенъ былъ въ кронштадтскую крѣпость, гдѣ и просидѣлъ три мѣсяца, а затѣмъ, въ 1862 году выѣхалъ на родину.

За время, пока лекцій не было, Н. М. обратилъ особенное вниманіе на литературу, съ которой былъ знакомъ очень поверхностно. Еще по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ пріобрѣлъ довольно большую избранную библіотеку, въ которую вошли всѣ лучшія произведенія. Отсюда былъ одинъ шагъ до литературныхъ знакомствъ, а тамъ—и до пробы собственныхъ литературныхъ силъ. Въ томъ и въ другомъ помогли свои же сибиряки — Омулевскій, Наумовъ, Шашковъ и, конечно, Г. Н. Потанинъ, уже напечатавшій кое-что въ «Русскомъ Словѣ».

«И. В. Федоровъ въ тогдашнее время былъ очень молодъ, талантъ его развертывался исключительно подъ вліяніемъ обличительнаго направленія. Онъ писалъ массу сатирическихъ и юмористическихъ стиховъ, эпиграммы и т. д. Послѣ перваго знакомства, онъ сообщилъ о намѣреніи создать газету, на подобіе «Искры», имѣвшей огромное значеніе. Тѣмъ не менѣе я помню первый его неудачный литературный дебютъ съ сонетами Мицкевича, подвергшимися суровой критикѣ. Видя нынѣ въ покойномъ, а тогда въ юномъ И. В. Федоровѣ талантъ, мы не могли не замѣтить, всетаки, нѣкотораго отсутствія серьезной научной подготовки. Желая быть современнымъ и тенденціознымъ, онъ насиловалъ себя и усвоивалъ многое чисто внѣшнимъ образомъ. Недостатокъ этотъ не исчезъ у него до самой смерти. Къ сожалѣнію, тогдашніе корифеи и покровители его развивали и поощряли въ немъ именно эту сторону, а безыскусственнымъ лирическимъ произведеніямъ его не придавали цѣны. Самъ Омулевскій, по настроенію тогдашней жизни, рвался сдѣлаться тенденціознымъ поэтомъ, для чего, однако, у него не было самаго главнаго—серьезнаго образованія, придающаго убѣжденіямъ силу и извѣстную самостоятельность взгляда. Онъ могъ быть только подражателемъ въ этомъ родѣ. Заурядная, шаблонная тенденція безъ подготовки губила только его талантъ, а съ другимъ родомъ поэзіи примириться онъ не хотѣлъ, какъ и соразмѣрить свои силы. Оттого въ его произведеніяхъ остается такъ мало безыскусственнаго и самостоятельнаго. Воспитанный извѣстной средой и петербургскимъ руководительствомъ, онъ впослѣдствіи испыталъ горькую участь быть осужденнымъ за отсутствіе поэтическаго

таланта тѣми, кто болѣе всего способствовалъ невѣрному направленію этого таланта» [1]).

Н. И. Наумовъ тогда еще не былъ извѣстенъ разсказами изъ народной жизни. «Пріѣхавъ въ Петербургъ и начавъ, по обыкновенію, тяжелую, полную лишеній, жизнь, онъ долженъ былъ вскорѣ также приняться за перо и обработалъ свои наблюденія надъ солдатской жизнью, давъ нѣсколько очерковъ въ «Свѣточѣ», издававшемся Милюковымъ [2]). Н. И. Наумовъ имѣлъ опредѣленное призваніе и литературный навыкъ.

Литературный талантъ его былъ замѣченъ сразу. Помѣстивъ свои очерки въ журналѣ, Наумовъ получилъ доступъ въ одинъ литературный кружокъ, и я помню его восторженные разсказы по возвращеніи съ вечеровъ, гдѣ онъ видѣлъ и такого-то писателя, и такую-то знаменитость. Удачный литературный дебютъ части его разсказовъ изъ военнаго быта не устранилъ, однако, испытываемой горькой нужды въ Петербургѣ и давалъ только временное и случайное обезпеченіе. Наумовъ помѣщалъ кое-что въ знаменитой «Искрѣ» и послѣ отъѣзда моего далъ очеркъ «На перевозѣ», гдѣ уже намѣтился родъ его будущей дѣятельности. Наумовъ былъ молодъ, веселъ и безпеченъ, какъ и всѣ мы. Литературный талантъ тогда, однако, не гарантировалъ его отъ бѣдственной жизни, и скоро онъ долженъ былъ отправиться на родину, поступивъ въ коронную службу. Только черезъ нѣсколько лѣтъ онъ воротился опять къ своему призванію» [3]).

Большимъ уваженіемъ пользовался С. С. Шашковъ, о которомъ товарищи Н. М. и онъ самъ услышали черезъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ духовной академіи. С. С. Шашковъ тогда оставилъ духовную академію и перешелъ въ университетъ, на восточный факультетъ, гдѣ былъ, однако, не долго.

«Когда мы познакомились съ нимъ въ Петербургѣ, онъ уже успѣлъ помѣстить кое-что въ тогдашнемъ журналѣ «Вѣкъ», издававшемся артельно, и составлялъ ученыя и историческія статьи. Къ этому времени относится его монографія о шаманствѣ въ Сибирѣ, напечатанная въ запискахъ Императорскаго географическаго общества; мы нашли С. С. серьезнымъ и весьма трудолюбивымъ юношей. Онъ основательно зналъ уже нѣмецкій языкъ и читалъ

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе“, 1884 г., № 33.

[2]) Ошибка: Д. И. Калиновскимъ.

[3]) Ibid.

много путешествій; кромѣ того, у него было основательное знаніе исторіи и привычка заниматься научной литературой. Послѣ Потанина это былъ самый образованный изъ моихъ земляковъ того времени. Способности у него были блестящія. память изумительная и трудолюбіе замѣчательное. Застали мы его бѣднякомъ, въ квартирѣ дома Фридерикса, среди книгъ и рукописей. Сюда я часто заходилъ къ нему и всегда встрѣчалъ его за какой-нибудь очередной работой. Онъ говорилъ мало о своихъ планахъ и произведеніяхъ, надъ которыми работалъ; эта привычка къ сдержанности сохранялась за нимъ всю жизнь и разъ повела къ непредвидѣнному недоразумѣнію. Я и онъ, нѣкоторое время живя вмѣстѣ, написали по однимъ матеріаламъ почти тождественную статью и послали въ разные журналы. Произошло это потому, что я не зналъ, что онъ пишетъ по тѣмъ же документамъ. Въ это же время петербургской жизни, С. С. набросалъ нѣсколько очерковъ изъ исторіи Сибири, помѣщенныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», и сотрудничалъ въ «Очеркахъ» [1]), имѣя знакомство съ Г. З. Елисеевымъ, котораго глубоко уважалъ и цѣнилъ цѣлую жизнь. С. С. Шашковъ велъ необыкновенно скромную жизнь въ Петербургѣ; познакомившись со студентами, онъ не принималъ никакого участія въ весельи и кутежахъ. Живой умъ и юморъ его проявлялся, однако, часто самымъ блестящимъ образомъ. Онъ пробовалъ свое сатирическое перо въ «Искрѣ».

«С. С. Шашковъ написалъ въ своей жизни не мало сатирическихъ стиховъ, въ большинствѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстныхъ въ печати. Дарованія его давали себя чувствовать. Петербургъ его направлялъ на серьезную дорогу и, останься онъ здѣсь, изъ него, несомнѣнно, вышелъ бы очень видный ученый дѣятель. Я видѣлъ нѣсколько разъ въ жизни, съ какой легкостью онъ усваивалъ и какъ овладѣвалъ языками и различными отраслями знанія, изучая постепенно исторію, юридическія науки, экономическую литературу, работая по греческому вопросу, а впослѣдствіи, отдавшись исторіи литературы, С. С. Шашковъ много поработалъ на поприщѣ русской журналистики, хотя всѣ обстоятельства жизни съ самаго начала не благопріятствовали ему; уже сама петербургская жизнь давалась ему не легко. Можно было думать о серьезныхъ научныхъ

---

[1]) Газета, основанная А. Н. Очкинымъ; ближайшее участіе въ ней принималъ редакторъ ея—Г. З. Елисеевъ. Скоро газета была прекращена издателемъ.

работахъ, которыя требовали времени, когда онъ долженъ былъ въ то же время обрабатывать свои произведенія въ мѣсяцъ, два, среди лишеній; понятно, что онъ перешелъ къ журнальнымъ компиляціямъ. Неблагодарный трудъ, лишенія, наконецъ, явившаяся общая намъ всѣмъ потребность мѣстной дѣятельности, заставили его оставить Петербургъ въ 1863 г., подобно другимъ» [1]).

Со Щаповымъ, близкимъ пріятелемъ Шашкова, Н. М. близко знакомъ не былъ.

«Я раза два видѣлъ его издали и зналъ о немъ черезъ другихъ; среди студентовъ много разсказывали о его умѣ, огромномъ талантѣ и необыкновенной оригинальности. Мы знали, что онъ былъ нашъ сибирякъ, привезенъ изъ Казани и пострадалъ. Молодежь къ нему льнула. Шашковъ былъ его ученикомъ, любилъ его, но зналъ всѣ его слабости и относился къ нему весьма трезво и даже строго. Одно время они жили на одной квартирѣ, и С. С. Шашковъ, помню, жаловался на черезчуръ несдержанную его домашнюю жизнь.

«Въ это время Щаповъ, по поводу своихъ журнальныхъ статей, получилъ письмо отъ Герцена, письмо это я читалъ, въ немъ выражалось сочувствіе литературной дѣятельности Щапова и его направленію. Щаповъ въ это время переживалъ кризисъ, онъ переходилъ отъ прежнихъ своихъ самобытныхъ взглядовъ и встрѣтился съ потокомъ петербургскаго западническаго направленія, положившаго печать на послѣдующіе его труды. Съ нашимъ кружкомъ онъ не былъ знакомъ, хотя и послалъ привѣтъ Сибири и сибирякамъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ видѣ одного стихотворенія, но это, кажется, былъ послѣдній вздохъ его по Сибири. Съ нею суждено было ему встрѣтиться при иномъ настроеніи» [2]).

Первый литературный трудъ Н. М. былъ напечатанъ въ «Искрѣ», 1862 г. И, конечно, это было обличеніе, т. е. то, съ чего начинали всѣ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ. Такое ужъ было время. Да и притомъ мы уже видѣли, что сатирическая жилка была принадлежностью Ядринцева съ малыхъ лѣтъ.

За первою пробою была вторая, за второю—третья... Талантливый редакторъ литературнаго отдѣла «Искры», В. С. Курочкинъ, понималъ, что перо молодого сибиряка блѣдно и нетвердо, но на своемъ мѣстѣ, среди другихъ обличителей и оно дѣлало свое дѣло.

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе“, 1884 г., № 34.

[2]) Ibid.

А. Ѳ. Ядринцева
(1888 г.)

(Съ фотографіи Павловскаго).

«Мы скромно отпраздновали съ пріятелями первый мой литературный дебютъ. Мой менторъ, Г. Н. Потанинъ, былъ весьма доволенъ, что я вступилъ на литературное поприще. Въ В. С. Курочкинѣ я встрѣтилъ добродушнаго и милаго редактора, никакого генеральства въ немъ не было. Я часто проводилъ у него редакціонныя утра и слушалъ весьма дѣльные разговоры и пользовался совѣтами и замѣчаніями. Иногда встрѣчалъ я здѣсь Стопановскаго, Д. Д. Минаева и И. Ф. Горбунова.

«Послѣ «Искры» я имѣлъ нѣкоторыя сношенія съ редакціей «Эпохи» [1]), въ лицѣ М. М. Достоевскаго: я снесъ ему большую рецензію на одно сочиненіе о Сибири Ипполита Завалишина; помню что я работалъ надъ нею много, исписалъ десятки листовъ, благодаря неопытности и незнанію литературныхъ пріемовъ, такъ что М. М. Достоевскій, посмотрѣвъ на рукопись, изумился прежде всего ея величинѣ и просилъ дать ей болѣе подходящій размѣръ. Я свою рукопись взялъ обратно. Это охладило нѣсколько мой литературный пылъ, и я возобновилъ попытки уже въ Сибири» [2]).

Конечно, всѣмъ этимъ пробамъ пера самъ Н. М. не придавалъ серьознаго значенія. Писателемъ онъ себя считалъ съ момента дѣйствительной службы Сибири, о чемъ, между прочимъ, и высказался, бесѣдуя съ В. И. Семидаловымъ.

IV.

1863—1865 гг.

Выходъ изъ университета. Пріѣздъ въ Томскъ. Знакомство съ А. П. Пичугинымъ. Переѣздъ въ Омскъ. Популяризація идеи сибирскаго университета. Публичныя лекціи. Работа Шашкова въ Красноярскѣ. Переѣздъ въ Томскъ. Сотрудничество въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Лекціи Шашкова въ Томскѣ.

Дождавшись открытія университета полностью и увидѣвъ, что дальнѣйшее въ немъ пребываніе неизбѣжно связано съ принятіемъ «матрикулъ», породившихъ безпорядки 1861 года, Н. М., осенью

---

[1]) Н. М. спуталъ „Эпоху" братьевъ Достоевскихъ, съ ихъ же „Временемъ", куда онъ отнесъ свою ненапечатанную замѣтку. „Эпоха" была основана позже отъѣзда Н. М. изъ Петербурга.

[2]) „Восточное Обозрѣніе", 1884 г., № 34.

1863 года, вмѣстѣ съ нѣкоторыми земляками, уѣзжаетъ на родину. Спустя много лѣтъ, онъ не разъ сожалѣлъ объ этомъ шагѣ, но тогда молодость далеко отодвигала всѣ практическія соображенія.

«Мы всѣ явились въ Сибирь въ какомъ-то восторженномъ состояніи экзальтированныхъ прозелитовъ новой идеи, одушевлявшей насъ. Мы могли говорить о Сибири, о ея обновленіи, о будущихъ задачахъ цѣлые часы, горячо, пламенно говорить. Спорамъ, разработкѣ деталей, мечтамъ, не было конца. Воображеніе живо и реносило насъ въ даль будущаго. Намъ представлялось все въ розовомъ цвѣтѣ. Мы короновали, изукрашали свою родину, какъ невѣсту, всѣми нарядами, всѣми цвѣтами нашей души; явившись въ сибирское общество, у насъ явилась потребность скорѣе высказаться, передать, провести свои идеи въ жизнь, пробудить и заставить жить это общество. Мало того—заставить трепетать его и воспламеняться тѣмъ же огнемъ, какой кипѣлъ въ насъ. Мы неустанно пропагандировали вездѣ обновленіе Сибири, и не довольствуясь кружками, искали случая говорить публично, читать лекціи и зажигать сердца» [1]).

Въ такомъ настроеніи Н. М. пріѣхалъ прежде всего въ Томскъ, гдѣ жила его сестра, бывшая замужомъ за его гимназическимъ товарищемъ, А. В. Смирновымъ, чтобы выяснить съ нею свое матеріальное положеніе.

«Изъ Томска, я помню — пишетъ жившій тогда въ Омскѣ Г. Н. Потанинъ, — онъ мнѣ написалъ очень веселое письмо. Онъ сообщалъ въ немъ пріятную новость: въ его родномъ городѣ была открыта публичная библіотека. Тогда повсюду было оживленіе общественной жизни; въ городкѣ основывались библіотеки, которыхъ ранѣе совсѣмъ не было; читались лекціи, что было также новостью въ провинціи, особенно такой, какъ Сибирь. Это просвѣтительное движеніе, главнымъ образомъ, производилось учителями гимназій; въ Томскѣ учитель словесности, Дм. Льв. Кузнецовъ, кончившій курсъ въ Казанской духовной академіи, открылъ публичную библіотеку при гимназіи» [2]).

Въ этой библіотекѣ Н. М. случайно встрѣтился съ удивительнымъ человѣкомъ — А. П. Пичугинымъ, томскимъ старожиломъ, человѣкомъ большого ума и выдающагося характера. «Будучи

---

[1]) Изъ непапечатаннаго рукописнаго наброска біографіи С. С. Шашкова.

[2]) *Б. Глинскій*, п. с., IX.

торговцемъ, онъ забросилъ торговлю и отдавался исключительно книгамъ. Это былъ умъ мыслителя; всѣ, кто сталкивался съ нимъ, какъ-то становились бодрѣе и выше. Идеализмъ и духовная энергія этого человѣка производили, по словамъ Н. М., впечатлѣніе обаятельное. Многіе воспитались подъ его вліяніемъ и сохраняли нравственную чистоту до самой смерти. Я познакомился съ нимъ, около него ютились всѣ, кто любилъ переживать тѣ же вопросы, кто стремился знать, мыслить и учиться. Молодежь въ это время рвалась въ университетъ. Мы условились съ Пичугинымъ помогать ей добиваться знанія всѣми средствами» [1]).

Кромѣ Пичугина, Н. М. за короткое время успѣлъ сойтись съ нѣсколькими семинаристами, перезнакомиться съ кружкомъ Пичугина и т. д. Это свидѣтельствуетъ, какъ горячо онъ взялся за просвѣтительную дѣятельность, какъ быстро умѣлъ разыскивать людей, полезныхъ своей родинѣ.

Окончивъ личныя дѣла, онъ выѣхалъ въ Омскъ, гдѣ и поселился вмѣстѣ съ г. Потанинымъ, пока Г. Н. въ половинѣ зимы 1863 г. не выѣхалъ въ экспедицію Н. В. Струве, въ область озера Зайсана, въ которой и пробылъ около года. Здѣсь онъ быстро перезнакомился тоже съ очень многими, въ томъ числѣ невольными обывателями Омска по событіямъ 1863 года въ Польшѣ.

Средства къ жизни пришлось добывать уроками, и съ этою цѣлью Н. М. устроился гувернеромъ сына мѣстнаго жандармскаго полковника, Рыкачева. «За обѣдомъ—разсказываетъ г. Потанинъ—Ядринцевъ, кажется, имѣлъ постоянный обѣдъ у Рыкачева, — Рыкачевъ и Ядринцевъ часто спорили: Ядринцевъ горячо защищалъ перемѣны, которыя тогда проводились въ русской жизни» [2]).

Въ это время Н. М—ча особенно занимала мысль объ основаніи сибирскаго университета. Онъ хорошо зналъ исторію этого давнишняго проекта: еще въ 1804 г. Демидовъ пожертвовалъ 50,000 руб. на тобольскій университетъ, хранившіяся въ московскомъ университетѣ; въ 1823 г. генералъ-губернаторъ Капцевичъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ указывалъ на недостатокъ нравственныхъ началъ въ сибирскомъ населеніи, на недостатокъ въ краѣ просвѣ-

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе", 1887 г., № 17.

[2]) *Б. Глинскій*, н. с., X. Это находится въ явномъ противорѣчіи съ записью Н. М. въ „Автобіографія": „Возвращаясь въ Омскъ въ 1863 г., жилъ годъ домашнимъ учителемъ у Кузнецова, мѣстнаго капиталиста". Или эти два урока были одновременны, или кто-нибудь ошибается.

щенныхъ чиновниковъ и на невозможность для сибиряковъ, по бѣдности, получать образованіе въ университетахъ въ Европейской Россіи, на необходимость учрежденія въ Сибири высшаго учебнаго заведенія; немного позже Магницкій представилъ проектъ объ учрежденіи въ Барнаулѣ высшаго училища, въ видѣ отдѣленія казанскаго университета и т. д. Но дѣло не двигалось, и Н. М. понималъ, что оно и не двинется безъ широкаго и настойчиваго проявленія общественной иниціативы... И вотъ онъ, двадцатилѣтній юноша, рѣшается выступить публично съ выраженіемъ своей мысли и наболѣвшаго сердца.

Въ декабрѣ, на литературномъ вечерѣ, устроенномъ въ пользу школы для казачьихъ дѣтей, онъ произноситъ пламенную рѣчь по поводу сибирскаго университета. По моему мнѣнію, она такъ характерна для опредѣленія взглядовъ и темперамента тогдашняго Н. М., что ее необходимо привести здѣсь почти полностью.

«Скоро минетъ 300 лѣтъ, какъ нашъ народъ, подъ предводительствомъ отважнаго эмигранта XVI-го столѣтія, вступилъ на землю Сибири. Скоро будетъ 300 лѣтъ, какъ свободная казацкая община и русскіе промышленные авантюристы, ища привольной жизни въ новыхъ земляхъ, начали рядъ обширныхъ завоеваній, заселеній и культуру тѣхъ странъ, которыя теперь находятся въ нашемъ владѣніи. Много опасностей и тяжкихъ трудовъ, много страданій отъ разныхъ неустройствъ и притѣсненій пришлось перенести нашему населенію въ этотъ прошлый періодъ исторической жизни, что, вмѣстѣ съ участью Сибири, какъ ссыльной колоніи, положило на него тотъ мрачный колоритъ, который вызвалъ слова нашего историка: «о, гдѣ столько пролито слезъ, какъ на землѣ Сибири, и стала-ли она теплѣе, благословеннѣе?» [1]) Этотъ прошлый періодъ, отличаясь завоевательнымъ характеромъ, народными эмиграціонными стремленіями, рядомъ съ правительственными заселеніями, представляетъ только попытки къ осуществленію той гражданской жизни, полное и самоотверженное развитіе которой должно осуществиться въ будущемъ. Начало этого привольнаго развитія, сознаніе настоящихъ интересовъ страны, избавленіе отъ прежнихъ ошибокъ и созданіе болѣе лучшихъ формъ общественной гражданской жизни должно выпасть на долю современнаго общества. Этими стремленіями начнется новый періодъ нашей исторіи! Мы стоимъ на границѣ новаго періода, наша молодая общественная, гражданская жизнь, только что начавшая складываться, возбуждаетъ много требованій, въ ряду которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ потребность въ болѣе совершен-

---

[1]) Слова Слѣпцова. *Н. Я.*

номъ образованіи народа и развитіи его духовныхъ силъ. Эта потребность проявилась въ мысли о созданіи сибирскаго университета.

«Извѣстно, что сибирскій университетъ съ давнихъ поръ составляетъ самую завѣтную мечту, самый любимый идеалъ сибиряковъ-патріотовъ. Почти нѣтъ ни одной статьи о Сибири, нѣтъ ни одной книги, занятой описаніемъ ея, чтобы не высказалась въ нихъ мысль о необходимости высшаго учебнаго заведенія въ нашемъ краѣ. Несмотря, однако, на то, что эта мысль вѣлась въ наше общество, сроднилась съ нимъ и сдѣлалась самымъ святымъ желаніемъ и самой близкой потребностью, она остается до сихъ поръ одною мыслью, даже безъ серьезныхъ попытокъ къ приведенію ея въ исполненіе. До сихъ поръ она считалась однимъ предположеніемъ въ будущемъ, и въ будущемъ далекомъ, между тѣмъ, какъ потребность въ созданіи университета все болѣе и болѣе выяснялась и становилась настоятельнѣе.

«Съ давнихъ поръ наши юноши отправляются въ россійскіе университеты, за тысячи верстъ, часто чуть не пѣшкомъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Ихъ можно встрѣтить и на смрадныхъ чердакахъ столицъ, и въ бѣдныхъ каморкахъ провинціальныхъ университетскихъ городовъ. Они неизвѣстны, эти труженики, тѣмъ, кто не видалъ трудовой и голодной студенческой жизни! Другіе молодые люди и этого не могутъ сдѣлать; несмотря на свою готовность къ пожертвованіямъ, мы встрѣчаемъ ихъ, при желаніи получить высшее образованіе, затертыми въ душныхъ сферахъ невѣжественной среды, опустившимся, одряхлѣвшими, съ разбитыми надеждами и энергіей, а когда-то стремившимися лучшими силами души принести пользу своему краю, своей родинѣ.

«Посмотрите, что дѣлается съ тѣми изъ нашихъ земляковъ, которые даже оканчиваютъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Многіе изъ нихъ остаются въ Россіи и мало того— тамъ остаются часто самые даровитые. Стоитъ указать на профессоровъ Щапова, Корсака, Чугунова, Менделѣева, чтобы понять, что наше общество, выдѣляя даровитыя личности, не получаетъ отъ нихъ никакой пользы для своего края. Воспитываясь по разнымъ университетамъ, будучи разъединенными, они не пропитываются общимъ духомъ любви къ родинѣ, не вырабатываютъ никакихъ самобытныхъ идей въ интересахъ своего края и остаются космополитами, чуждыми своей землѣ, чуждыми своему народу. Думали-ли мы, господа, объ этихъ потерянныхъ лучшихъ силахъ земли нашей? Наконецъ, то меньшинство, которое по-одиночкѣ возвращается къ намъ, до сихъ поръ, по своей малочисленности, не вносило новыхъ элементовъ въ общество, а сливалось со старой рутинной массой и глохло безплодно въ той же сферѣ апатіи и квіетизма. Немудрено послѣ этого, что у насъ было отсутствіе всякой духовной жизни и

умственныхъ интересовъ. Не можетъ же Сибирь удовлетвориться наѣзжими образованными людьми изъ Россіи. Наѣздъ этотъ ограничивается чиновничьимъ штатомъ, а намъ нужны не только образованные чиновники, но и образованные люди; мы законно мечтаемъ о томъ, чтобы всѣ члены сибирскаго общества были людьми университетскаго образованія:—неужели найдется забавникъ, который станетъ увѣрять, что Сибирь можетъ удовлетвориться наѣзжей образованностью? Она и потому еще не можетъ удовлетвориться ею, что лица наѣзжія, по своему достоинству, не могутъ быть сравнены съ образованными туземцами, которые будутъ пропитаны тою любовью къ мѣсту рожденія и воспитанія, которая удесятеритъ ихъ силы. Никакая реформа немыслима въ странѣ, ежели не будетъ въ ней образованныхъ дѣятелей, способствующихъ ей. Нашъ край нисколько не изслѣдованъ и не разработанъ. Всѣ сокровища нашей земли не приносятъ намъ пользы, потому что мы или не знаемъ ихъ, или не умѣемъ разработать. Кто знаетъ, сколько богатствъ мы найдемъ въ землѣ нашей? Намъ нужны теперь и сельскіе хозяева, для созданія болѣе раціональнаго хлѣбопашества, намъ нужны и минералоги и геологи, для открытія минералогическихъ богатствъ, намъ нужны технологи, для созданія правильной заводской и фабричной промышленности, намъ нужны географы, статистики, зоологи и ботаники! А гдѣ они у насъ? Только образованіе и создастъ ихъ! Ни политическое, ни экономическое процвѣтаніе не будетъ доступно странѣ, въ особенности странѣ молодой, какъ Сибирь, безъ умственнаго развитія, потому что величайшимъ двигателемъ всей человѣческой исторіи было знаніе. Безъ знанія нѣтъ богатой страны, безъ знанія нѣтъ свободной страны, безъ знанія нѣтъ счастливой страны! Все это доказываетъ, что намъ необходимъ университетъ, необходимъ какъ можно скорѣе, необходимъ сейчасъ, даже сію минуту, ежели бы его можно было создать въ одну минуту!

«Да, господа, мы дошли до того предѣла сознанія, когда чувствуемъ, что университетъ намъ необходимѣе всего, а его созданіе неотлагаемо.

«Сочувствіе къ сибирскому университету на дѣлѣ обнаруживалось до сихъ поръ только личными порывами. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, однимъ енисейскимъ капиталистомъ, Кузнецовымъ, пожертвованъ капиталъ на учрежденіе сибирскаго университета; недавно г. Сидоровъ предложилъ пожертвовать золотосодержащія площади въ пользу того же; по нашему, все это показывало заявленіе личностей, но вовсе не цѣлаго общества.

«Что же, собственно, останавливало приведеніе въ исполніе этой мысли?

«Главною причиною считается неимѣніе средствъ, неимѣніе капиталовъ. Но средства въ рукахъ самого общества. Его обязанность позаботиться о средствахъ и создать ихъ, ежели

они ему нужны для народнаго дѣла. Пусть оно не надѣется на благотворительность богачей, но исполнитъ цѣлымъ обществомъ свой долгъ, долгъ гражданскій.

«Кто мѣшалъ ему, спрашивается, до сихъ поръ дѣлать общественныя подписки для этой цѣли? Кто мѣшалъ ему дѣлать спектакли, литературные вечера, маскарады и лотереи? Кто мѣшалъ въ городахъ, гдѣ эта мысль понята городскими обществами, дѣлать легкіе налоги, какъ это дѣлалось для созданія Новороссійскаго университета?!»

Лучшимъ средствомъ для привлеченія къ своей завѣтной мысли широкихъ общественныхъ слоевъ Н. М. считалъ созданіе особаго «общества учрежденія сибирскаго университета». Составившись изъ людей, преданныхъ дѣлу, оно, по его мнѣнію, непремѣнно довело бы дѣло до конца. Сообщивъ затѣмъ нѣсколько практическихъ указаній по организаціи общества, Н. М. продолжалъ:

«Сибири суждена роль—создать ту цивилизацію, которая будетъ служить послѣднимъ звеномъ, смыкающимъ образованные народы умѣреннаго пояса сѣвернаго полушарія. Сибирскій университетъ будетъ зародышемъ этой цивилизаціи.

«Мы указали на средства, которыми онъ можетъ какъ можно скорѣе осуществиться; а обществу остается сказать: мы хотимъ университета, мы готовы дать средства, и сибирскій университетъ будетъ, будетъ и будетъ!!» [1])

Такая рѣчь не могла не произвести впечатлѣнія и, дѣйствительно, особенно послѣ напечатанія ея, приливъ пожертвованій усилился.

Ядринцевъ же комплектовалъ будущихъ студентовъ: подъ его вліяніемъ, какъ онъ самъ говоритъ, многіе изъ Омскаго кадетскаго корпуса и изъ казачьихъ офицеровъ поѣхали въ университеты. [2])

Въ это же время Н. М. устраивалъ всевозможныя лекціи, чтенія, вечера и т. п. Словомъ, жизнь закипала тамъ, гдѣ бурлилъ этотъ молодой энтузіастъ.

Въ далекомъ Красноярскѣ, гдѣ поселился Шашковъ, почти одновременно съ Н. М. покинувшій Петербургъ, шла аналогичная работа. Оба дѣятеля вели оживленную переписку.

«Въ это время мы создавали планъ изданія сборниковъ, календарей и газеты. И, дѣйствительно, Шашковъ въ Красноярскѣ принялъ на себя редактированіе памятной книжки и занимался составленіемъ лекцій по всеобщей исторіи. Я видѣлъ эти

---

[1]) „Томскія Губ. Вѣдомости", 1864 г., № 5.

[2]) Рукописная „Автобіографія".

лекціи, никогда неизданныя, но обнаруживавшія замѣчательную эрудицію автора и направленіе боклевской школы. Въ то же время онъ участвовалъ на литературныхъ вечерахъ, гдѣ читалъ самъ выдержки изъ лучшихъ сатиръ Щедрина. Несмотря на то, что, искусно сгруппировавъ сатирическіе типы Щедрина, онъ въ нихъ пробовалъ собрать всѣ комическія черты тогдашняго одного администратора (Замятнина) и сосредоточилъ здѣсь всю желчь обличенія, публика была въ восторгѣ, Шашкову сдѣланы были оваціи, и онѣ были такъ велики, а порывъ общаго одушевленія и одобренія былъ такъ силенъ, что въ потокъ былъ увлеченъ и самъ обличаемый, который не понялъ, что дѣло шло о немъ, и горячо благодарилъ лектора. Затѣмъ Шашковъ прочелъ рядъ лекцій по исторіи Сибири» [1]).

Одновременно, 11 ноября (1864 г.), Н. М. снова выступаетъ съ лекціей — «Общественная жизнь въ Сибири», въ которой, повторивъ во многомъ главную мысль первой лекціи, призываетъ общество помочь учащейся молодежи, защищая ее отъ добровольцевъ-хулителей, злобно шипящихъ на молодежь, не желавшую входить въ сдѣлки съ своей совѣстью и предпочитавшую лучше голодать, чѣмъ обязываться людямъ, достойнымъ презрѣнія съ общественной точки зрѣнія. Н. М. предлагалъ ввѣрить этой молодежи судьбу Сибири со словами: «да будетъ благословенно наше молодое образованное поколѣніе!» [2]).

Возвратясь изъ экспедиціи въ Томскъ, г. Потанинъ сталъ звать туда Н. М., потому что получилъ тамъ мѣсто секретаря статистическаго комитета. Между прочимъ, онъ приглашалъ его на постоянное сотрудничество въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», думая, что Н. М. очень полезно было бы имѣть всегда возможность печатно высказаться по нѣкоторымъ волновавшимъ его вопросамъ.

«Сначала я—пишетъ Н. М. въ своей ненапечатанной «Автобіографіи» — отнесся съ предубѣжденіемъ къ этому предложенію; мнѣ казалось, что въ офиціальной газетѣ едва-ли можно найти мѣсто для выраженія нашихъ желаній. Эта неофиціальная часть «вѣдомостей» всегда представлялась мнѣ губернаторской прихожей, гдѣ литературничали угодливые чиновники. Но мое безвыходное положеніе заставило меня, наконецъ, согласиться на

---

[1]) Рукописная біографія С. С. Шашкова.

[2]) „Томскія Губ. Вѣдомости“, 1865 г., № 5.

предложеніе Потанина, и по пріѣздѣ въ Томскъ я началъ рядъ статей».

Въ Томскѣ Н. М., оказавшійся безъ всякихъ средствъ, поселился у сестры, потомъ нашелъ нѣсколько грошевыхъ уроковъ и «съ увлеченіемъ, по свидѣтельству своего друга, отдался интересамъ губернской газеты» [1]).

Редактировалъ «Вѣдомости» Д. Л. Кузнецовъ, человѣкъ интеллигентный, основатель первой въ городѣ публичной библіотеки, дававшій Н. М—чу порядочную долю возможной вообще въ офиціальномъ органѣ свободы.

Въ первомъ же номерѣ «Вѣдомостей» за 1865 г. была помѣщена статья Ядринцева: «Сибирь въ 1-е января 1865 года», начинавшаяся очень звучнымъ эпиграфомъ: «Vive la mort и да воздрузится будущее!» Выраженныя въ ней мысли заслуживаютъ быть отмѣченными: это снова и снова пробужденіе тяжелаго на подъемъ сибирскаго общества, очень лѣниво воспринимавшаго оживленіе зауральской части. Въ Европейской Россіи уже успѣла водвориться реакція, тамошнее прогрессивное общество уже отжило свои немногіе свѣтлые годы, а здѣсь, въ Сибири, все еще царилъ сонъ.

Могъ-ли Н. М., видѣвшій и добрую работу, и безпробудную неподвижность, оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ второй?

И поскольку было можно, онъ громилъ ее:

«Наше общество не есть сплошная масса, стремящаяся къ соблюденію интересовъ своего края; оно не является иниціаторомъ и антрепренеромъ въ дѣлахъ общественныхъ, а живетъ разъединенно, какъ будто ничто его не связываетъ, какъ будто оно не имѣетъ никакихъ общественныхъ интересовъ и даже лишено любви къ своей родинѣ...

«...Посмотрите, было-ли хоть одно предпріятіе, которое сосредоточивало бы всѣ силы Сибири? Было-ли предпріятіе, которое бы одинаково интересовало всѣхъ сибиряковъ? Было-ли хоть одно дѣло общественное всей Сибири? Нѣтъ, его не было. Губерніи Сибири ничѣмъ не связаны, города стоятъ, какъ

---

[1]) Къ сожалѣнію, не видно, отчего произошло и чѣмъ создалось „безвыходное положеніе“, на которое указываетъ Н. М. Вѣдь, въ Омскѣ онъ былъ матеріально обезпеченъ по своимъ всегда скромнымъ требованіямъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что въ то время сотрудничество въ офиціальныхъ изданіяхъ было явленіемъ довольно обычнымъ. Не говоря уже о „Морскомъ Сборникѣ“, гдѣ участвовалъ цѣлый рядъ знаменитыхъ писателей, можно назвать „Военный Сборникъ“, въ 1858 г. редактировавшійся, между прочимъ, Н. Г. Чернышевскимъ, тогда уже сотрудникомъ „Современника“.

чужестранные, деревни чужды другъ другу, общаго интереса у нихъ нѣтъ. А между тѣмъ, нашъ молодой край во многомъ нуждается, что бы должно дѣлаться общими силами всего сибирскаго населенія, что бы должно быть обдумано коллективнымъ умомъ всей Сибири, ибо интересы всей страны одинаковы. Наша страна, раскинутая на 280,000 кв. миль, лежитъ въ запустѣніи, какъ мертвый трупъ. Цѣлыя тысячныя пространства представляютъ безмолвныя пустыни, неоживленныя жизнью, безъ городовъ и деревень, безъ всякаго населенія или только съ рѣдко разбросанными кочующими инородцами. Кто видѣлъ, кто изслѣдовалъ эти пустыни и дремучіе урманы, съ ихъ вѣковыми хвоями и необозримо колеблющимися синими волнами лѣсныхъ вершинъ? Кто подумалъ объ ихъ заселеніи и культурѣ? Составлялись-ли у насъ колонизаціонныя общества для заселенія страны, подобно американскимъ торговымъ компаніямъ и бразильскимъ обществамъ капиталистовъ? Думали-ли сами сибиряки о необходимости колонизаціи и о ея выгодахъ для Сибири? Нѣтъ, объ этомъ наше общество не думало. Промышленное развитіе наше не высоко. Сибирь пользуется всѣмъ привознымъ, у насъ нѣтъ мануфактуръ, и заводы ничтожны; мы пьемъ, ѣдимъ и одѣваемся чужими произведеніями, мы не самостоятельный экономическій народъ, а эксплуатируемыя массы, простаки-труженики, надуваемые разными спекулянтами въ родѣ московскихъ мануфактуристовъ. Подумало-ли наше общество, чтобы стать экономически самостоятельнымъ, создавши свои мануфактуры, чтобы гарантировать себя отъ обмана и, при экономическомъ обмѣнѣ произведеній, получать для потребленія хорошіе продукты, а не гнилье московской грошевой фабрикаціи?...

«...Рѣдкіе наши города имѣютъ публичныя библіотеки, скудно поддерживаемыя, что доказываетъ нелюбовь къ чтенію нашего общества. Во всей Сибири нѣтъ ни одной частной типографіи, нѣтъ даже книжныхъ лавокъ; какъ будто умственная жизнь чужда Сибири, и ея городскіе жители болѣе нуждаются въ винныхъ погребкахъ, чѣмъ въ великомъ изобрѣтеніи Гуттенберга. Въ прошломъ наши интересы никогда не выражались обществомъ, да оно и не имѣло для этого своего литературнаго органа. Цѣлыя столѣтія сыпались на Сибирь самыя жестокія обвиненія. Сибирь называли тундрой, неспособной ни къ какой культурѣ, на нее смотрѣли, какъ на мѣсто для каторжниковъ, у ней отнимали всякую надежду на самобытное развитіе народныхъ силъ, ей пророчили Лапландскую будущность и обрекали ея народъ на коснѣніе среди тундуръ, подобно Эскимосамъ. Словомъ, у сибирскаго народа отнималось его будущее, оспаривалось общечеловѣческое право на цивилизацію и убивалась самая святая надежда на разумно-человѣческое существованіе!

«И что же, поднялъ-ли кто голосъ въ защиту нашей страны? Защитилъ-ли кто право на разумную жизнь нашего

народа? Подалъ-ли кто-нибудь надежду на лучшее будущее Сибири? Нѣтъ, Сибирь оставалась безмолвною, безстрастно-холодною, какъ ея зимнія поля, мертвенно раскинувшіяся на безконечныхъ пространствахъ. Прошлое Сибири открываетъ намъ нашу мартирологію, печальную, безмолвно-страдальческую судьбу нашего народа, невѣжественное состояніе нашего населенія и отсутствіе самобытной жизни въ странѣ; это прошлое намъ не за что любить, мы о немъ можемъ только жалѣть. Пусть же оно умираетъ и мы воскликнемъ: «Vive la mort и да водрузится будущее!» Въ будущемъ наши надежды, въ будущемъ осуществленіе завѣтныхъ идеаловъ нашихъ. Наступаетъ время, когда Сибирь должна подумать о своихъ интересахъ и своемъ будущемъ. Настаетъ время, когда она должна предъявить права свои на цивилизацію, доставшуюся въ удѣлъ всему человѣчеству безъ климатическихъ различій и ограниченій. Пусть сибирское общество соединится отъ Урала до Восточнаго океана, чтобы создать новую жизнь Сибири, начнетъ жить умственною жизнью и заботиться о своемъ самобытномъ всестороннемъ развитіи.

«...Мы призываемъ, въ интересахъ страны нашей, образовывающееся сибирское юношество въ россійскихъ университетахъ возвращаться на родину для служенія ей. Ему принадлежитъ разработка и изслѣдованіе дѣвственной страны нашей, ему принадлежитъ воспитаніе и образованіе своихъ земляковъ и созданіе того завѣтнаго будущаго, въ которое заживетъ страна наша лучшею жизнію. Мы надѣемся, что образованное сибирское юношество съ горячей патріотическою любовью, съ гражданскимъ самопожертвованіемъ начнетъ святой трудъ на благо своей родины. Этими надеждами мы начинаемъ новый годъ, самыми святыми надеждами, и желаемъ, чтобы скорѣй осуществились эти надежды, скорѣй начался приходъ грядущаго, въ которомъ мы видимъ занимающуюся зарю Сибири».

Вторая характерная статья была отповѣдью Н. В. Шелгунову, не склонному признать важное значеніе и великую будущность родины Ядринцева и высказавшему это въ рядѣ статей: «Сибирь по большой дорогѣ», въ «Русскомъ Словѣ». Заглавіе ея уже выражало сдержанный гнѣвъ: — «Сибирь подъ судомъ русской литературы». Изъ этой статьи я приведу лишь наиболѣе выразительный конецъ:

«Недаромъ въ Сибирь пришла самая энергическая и предпріимчивая часть русскихъ людей; недаромъ эти люди дѣлали завоеванія, открытія и почти три столѣтія работали по лѣсамъ и пустынямъ новой земли. Г. Шелгуновъ говоритъ, что сибирякъ покорялся природѣ и не дѣлалъ ничего, чтобы побѣдить ее. Но исторія сибири развѣ не предъ нами, развѣ не передъ нами эти герои прошлаго, какъ Дежневъ, предвосхитившій ве-

ликое открытіе Беринга; Прончищевъ, съ молодой женой погибающій Таймырскую землю; Исаковъ, въ утлой лодкѣ, объѣзжающій Новую землю; купецъ Шалауровъ, погибшій въ смѣлой борьбѣ съ природой, и сотни другихъ. Нѣтъ! все, что могъ сдѣлать народъ русскій въ Сибири, онъ сдѣлалъ съ необыкновенной энергіей, и результатъ трудовъ его достоинъ удивленія по своей громадности. Покажите мнѣ другой народъ въ исторіи міра, который бы въ полтора столѣтія прошелъ пространство, большее пространства всей Европы, и утвердился на немъ? Нѣтъ, вы мнѣ не покажете такого народа!

«Все, что ни сдѣлалъ народъ русскій въ Сибири, было выше силъ его, выше историческаго порядка вещей. Что ему недоставало до сихъ поръ—это знанія и науки, при посредствѣ которыхъ бы онъ устранилъ условія, задержавшія его развитіе. Но будущая исторія ему дастъ и это.

«Теперь же, когда самая трудная минута пережита, когда край долженъ вступить на поприще болѣе широкой экономической дѣятельности и самобытнаго развитія, не время отнимать у него значеніе и ругаться надъ его будущимъ. Вотъ почему мы считаемъ долгомъ стать въ опозицію русскимъ публицистамъ, унижающимъ Сибирь.

«4,000,000 народу ждутъ лучшей жизни, 4,000,000 народу ждутъ своего счастія въ новой странѣ и своего благосостоянія. Мы вѣримъ въ силы этого народа, мы увѣрены, что онъ сумѣетъ создать свое лучшее будущее и стать такимъ же цивилизованнымъ народомъ, какъ и всѣ прочіе народы міра.

«Кому же должна принадлежать роль указать будущее Сибири и вывести народъ ея на путь цивилизаціи и историческаго прогресса?

«Эта роль должна принадлежать мѣстной литературѣ, которую до сихъ поръ наша бѣдная Сибирь не имѣетъ. Изданіе сибирскаго журнала теперь бы могло имѣть громадное значеніе и вліяніе на развитіе страны. Созданіе мѣстной литературы будетъ зачаткомъ осмысленной жизни и началомъ умственнаго развитія массъ. Мѣстная журналистика будетъ изслѣдовать страну нашу, разрабатывать ея вопросы, предъявлять ея интересы и укажетъ то будущее, которое будетъ состоять не въ завоеваніяхъ, какъ утверждаютъ панегиристы, а въ созданіи цивилизаціи для своего народа, которая, вмѣстѣ съ торговлей, будетъ имѣть вліяніе на весь востокъ и на Азію. День-ото-дня мы ждемъ, что міръ долженъ связаться братской любовью взамѣнъ прежней исторической вражды; ибо какъ принципомъ древняго міра и государствъ были: война, завоеваніе и рабство, такъ принципомъ новаго будетъ миръ, цивилизація и свобода! Можетъ быть, скоро настанетъ вѣкъ,

«Когда народы, распри позабывъ,
«Въ великую семью соединятся.

И въ этой семьѣ народъ Сибири будетъ такимъ же цивилизованнымъ народомъ и Сибирь такою же богато развитой экономически, какъ и всѣ прочія.

«Будущая счастливая судьба народовъ міра будетъ доступна и нашей странѣ. Никакія хулы не отнимутъ у насъ лучшаго будущаго, и мы твердо увѣрены, что и наше солнце скоро взойдетъ!!...» [1]).

Прочитавъ всѣ эти статьи и лекціи, дѣлается ясно, что къ 23 годамъ Н. М. уже создалъ въ себѣ тѣ взгляды и убѣжденія, благодаря проведенію которыхъ въ жизнь онъ и сдѣлался дорогимъ сыномъ Сибири.

Въ ту же зиму, по зову своихъ друзей, пріѣзжаетъ въ Томскъ Шашковъ, чтобы прочесть приготовленныя въ Красноярскѣ лекціи.

«Мы взяли ему залу въ томскомъ общественномъ собраніи; билеты быстро разошлись. Зала наполнилась молодежью и семинаристами, жаждавшими слушать Шашкова. Лекціи были превосходны. Послѣ историческихъ очерковъ онъ переходилъ къ положенію общества, къ его нуждамъ, говорилъ объ эмансипаціи народа, рабство котораго и горькую судьбу очерчивалъ въ прошлой исторіи, говоря о жизни невѣжественной страны и отсутствіи сознательной жизни, затѣмъ переходилъ къ доказательствамъ о необходимости университета, говорилъ о грядущемъ Сибири. Въ это время онъ былъ исполненъ одушевленія и превращался въ страстнаго оратора. Лекціи его производили потрясающее впечатлѣніе и прерывались взрывами аплодисментовъ; публика жила съ лекторомъ. Конецъ лекціи покрывался цѣлымъ громомъ одобреній. Мы, конечно, находились также подъ обаяніемъ этихъ лекцій, радовались, какъ товарищи, но такъ какъ онъ былъ единомышленникомъ и представителемъ нашихъ идей, то это былъ и нашъ тріумфъ и самый счастливый» [2]).

---

[1]) „Томскія Губ. Вѣдомости“, 1865 г., № 9.

[2]) Рукописная біографія Шашкова.

V.

1865—1873 гг.

Дѣло о „сибирскомъ сепаратизмѣ". Омскій острогъ. Ссылка въ Шенкурскъ. Жизнь тамъ. Работа въ „Дѣлѣ", „Отечественныхъ Запискахъ" и „Недѣлѣ". Выходъ въ свѣтъ „Русской общины въ тюрьмѣ и ссылкѣ", ея содержаніе. Сотрудничество въ „Камско-Волжской Газетѣ". Полученіе амнистіи. Пріѣздъ въ Петербургъ.

Весной 1865 г. молодые энтузіасты, полные впечатлѣніями горячей работы на пользу своей родины, не замѣтили приближенія мрачныхъ нависающихъ надъ ихъ головами тучъ, очень быстро разразившихся сильнѣйшей грозой...

«Мы—разсказываетъ Н. М.—были съ Потанинымъ и Е. Я. Колосовымъ (поручикомъ артиллеріи въ отставкѣ, имѣвшимъ частную школу въ Томскѣ) на заимкѣ Пичугина, на естественно-исторической экскурсіи, когда насъ вдругъ вызвали въ городъ и подвергли домашнему аресту. Бумаги наши были захвачены. Мы сначала не знали, по какому дѣлу привлекаютъ насъ къ отвѣтственности, но мрачныя предчувствія охватили насъ. Черезъ три дня насъ отправили въ Омскъ, и здѣсь начались новыя мытарства и горькія испытанія. Въ Омскѣ насъ представили исправляющему должность генералъ-губернатора и затѣмъ отправили въ острогъ. Каково было ощущеніе, каковы были первые минуты неволи, описано въ моей книгѣ «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ» [1]).

«Началось слѣдствіе.

«Дѣло сибирскаго сепаратизма или дѣло «объ отдѣленіи Сибири отъ Россіи и образованіи республики, подобно Соединеннымъ Штатамъ» [2]) надѣлало много шума. По этому дѣлу были произве-

---

[1]) Глава „Первыя минуты неволи", къ которой въ 1872 г. было сдѣлано также примѣчаніе: „Записки эти, касающіяся подслѣдственнаго заключенія, принадлежатъ одному изъ подсудимыхъ, когда-то при прежнемъ судопроизводствѣ долго содержавшемуся въ острогѣ. Записки пріобрѣтены нами случайно. Здѣсь мы помѣщаемъ ихъ почти безъ измѣненія, присоединивъ къ нимъ свою особую статью".

[2]) Названіе невѣрное; въ архивахъ оно изложено иначе: „дѣло о злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, стремившихся къ ниспроверженію существующаго въ Сибири порядка управленія и къ отдѣленію ея отъ имперіи".

дены многочисленные аресты въ Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Уральскѣ... Объ этомъ дѣлѣ писалъ Катковъ [1]), печатали даже въ лондонскомъ «Times'ѣ». Можно подумать, что это было нѣчто грандіозное. Объ этомъ дѣлѣ многіе спрашивали меня, и нерѣдко эти вопросы сопровождались ироническими улыбками: «какъ вы отдѣляли Сибирь?» Конечно, были поводы поглумиться надъ горстью юношей-сибиряковъ, задававшихся какими-то несбыточными планами. Отдѣлять Сибирь, которая многимъ представлялась пустынею и страною ссылки, мечтать о возможности вести войну съ огромнымъ государствомъ могли только сумасшедшіе или дѣти.

«Мнѣ не приходилось никому разсказывать подробностей этой исторіи, но долженъ сказать, что дѣло было опредѣленно не столько въ задуманномъ намѣреніи, сколько въ обвиненіи, которое склонно было формулировать это намѣреніе. Подлинное дѣло, возвращенное въ 1868 г. изъ сената, хранится въ омскомъ архивѣ; оно состояло изъ нѣсколькихъ томовъ и представляло запутанныя показанія и дѣтскія признанія... Комиссія состояла изъ члена совѣта главнаго управленія Зап. Сибири [2]), жандармскаго штабъ-офицера [3]), двухъ аудиторовъ и стряпчаго.

«Первое, что обнаружено было, — это кружокъ кадетъ въ Омскѣ, которые имѣли сношенія со мной и съ Потаниным; въ этомъ кружкѣ велась будто бы пропаганда сепаратизма. 2) Обнаружено было, что единомышленники сибиряки жили и въ другихъ городахъ: Томскѣ, Иркутскѣ (Н. С. Щукинъ) [4]), Красноярскѣ (С. С. Шашковъ). 3) У сибирскихъ сепаратистовъ было открыто воззваніе, найденное въ Омскѣ и въ Иркутскѣ. 4) Обнаружилось

---

[1]) Внимательно прочитавъ всѣ статьи Каткова за 1865—1868 гг., я ничего не нашелъ тамъ объ этомъ дѣлѣ.

[2]) Генералъ Пилино.

[3]) Полковникъ Рыкачевъ, отецъ репетируемаго Н. М—чемъ въ Омскѣ мальчика.

[4]) Сидя въ 1861 г. въ III отдѣленіи, Щаповъ написалъ стихотвореніе, посвященное Сибири. „Сколько помнимъ, — говоритъ Н. М.,—оно заключало въ себѣ слѣдующую мысль: — въ то время, когда въ Россіи идетъ общее пробужденіе, когда Финляндія, Малороссія и западный край отозвались уже на призывъ жизни,—что же ты молчишь одна, отдаленная моя Сибирь? Стихотвореніе это сдѣлалось популярно между сибиряками. За этотъ плодъ досуговъ Щаповъ имѣлъ гдѣ-то объясненіе, кончившееся пустякомъ. Но это же стихотвореніе дало поводъ привлечь его въ 1865 г. изъ Иркутска къ дѣлу по обвиненію въ сибирскомъ сепаратизмѣ“ („Жизнь и труды А. П. Щапова“, „Вост. Обозрѣніе“, 1883 г., № 31).

изъ переписки, что сибирскій кружокъ существовалъ уже въ Петербургѣ среди студентовъ-сибиряковъ...

«Изъ всего этого была соткана сѣть для обвиненія...

«Но достаточно указать на поводъ и на начало дѣла, чтобы увидѣть, сколько въ немъ было случайнаго и преувеличеннаго.

«Кадетъ Усовъ, роясь въ столѣ, гдѣ лежали бумаги брата его, казачьяго офицера, нечаянно съ учебными тетрадками захватилъ листокъ, въ которомъ были изложены взгляды на безотрадное положеніе Сибири и ея исторію. Это произведеніе было написано, правда, горячо, во вкусѣ листковъ, распространявшихся въ столицахъ въ 1860-хъ годахъ. Кадетъ показалъ въ корпусѣ это письмо товарищу, который взялъ его и началъ пугать, что покажетъ начальству, если тотъ не дастъ ему папиросъ. Наконецъ, этотъ кадетъ ловится съ папиросой надзирателемъ и вмѣсто табаку, сохраняя папиросы, отдаетъ ему листокъ, который самъ не читалъ. Надзиратель былъ изумленъ и представилъ листокъ начальству. Тогда произведенъ былъ обыскъ у старшаго брата Усова, штабъ-офицера, взята переписка, и полетѣли телеграммы и депеши въ разные концы [1]).

«Кадеты также были арестованы и сидѣли съ нами 3 года на гауптвахтѣ... [2]). На гауптвахтѣ содержался Д. Л. Кузнецовъ, редакторъ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»... Здѣсь же былъ привезенный изъ Иркутска, изъ военнаго училища, 12-лѣтній мальчикъ Золотинъ, обвинявшійся въ томъ, что принесъ воззваніе Щукину. Насъ (меня, Потанина и Шашкова) даже обвиняли въ томъ, что мы писали въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» статьи о необходимости для Сибири университета. «Кто васъ просилъ объ этомъ?» говорили омскіе чиновники.

---

[1]) Тогдашній тобольскій губернаторъ, а потомъ членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, А. И. Деспотъ-Зеновичъ, человѣкъ извѣстный своею просвѣщенностью, очень дисгармонировавшею съ непроглядной тьмой, царившей въ сибирской администраціи въ 60-хъ годахъ — въ письмѣ къ генералъ-губернатору Зап. Сибири, Казнакову, отъ 21 апрѣля 1876 г. такъ объясняетъ всю эту суматоху: „если минутнымъ утопическимъ мечтаніямъ юношей, образовавшихъ въ Петербургѣ сибирскій кружокъ, и придано было тогда государственное значеніе, то это объясняется тревожнымъ состояніемъ, въ которомъ находились правительственныя власти въ виду польскаго возстанія, рѣзкаго изобличительнаго направленія тогдашней прессы и многихъ ненормальныхъ явленій самого общества, призваннаго, послѣ вѣкового сна, къ новой жизни“.

[2]) Потомъ они, конечно, сдѣлались офицерами.

1-го Апрѣля № 1. 1882.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Россіи.
Безъ доставки
на годъ . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсяц. . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсяц. . 4 р. —
Съ доставкой и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсяц. . 6 р. —
на 6 мѣсяц. . 5 р. —
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за границею
на годъ . . . . 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Статьи и требованія адресовать въ редакцію, С.П.Б., Знаменская, д. № 14, кв. 1.
ПОДПИСКА принимается въ Петербургѣ—С.П.Б., Невскій, д. № 13, кв. 16., а также въ нижеименованныхъ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Невскій, Гостиный дворъ, № 18.
Въ Тифлисѣ—въ книжномъ магазинѣ Вацуро.
Въ Пруссіи—въ Конторѣ Редакціи газеты «Сѣверъ».
Въ Омскѣ—въ конторѣ, магазинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ. Отъ редакціи.—Востокъ и Западъ *В. П. Васильевъ*.—Русскій Востокъ и его будущія судьбы.—Правительственная регламентація.—Политическая свободы.—Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни.—Сибирскіе вопросы и реформы.—Стороннимъ на полезныя мысли *Н. Мерзляковъ*.—Хроника и корреспонденціи.—Польскіе вопросы.—Критика и библіографія.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ ИЗЪ РЕДАКЦІОННЫХЪ ЛИЦЪ Н. Н. МУРМЕЛЛЯ.

Издаваемое выходящимъ въ Азіи, посвященное Политикѣ, Наукѣ и общественной жизни на русскомъ Востокѣ, въ Сибири и Туркестанѣ.

Программа Газеты слѣдующая:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльныя бюллетенями.

2) Отдѣлъ оффиціальный—помѣщаемыя правительственныя распоряженія.

3) Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ.

4) Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ.

5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ.

6) Корреспонденціи изъ провинціи: съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатскихъ государствъ и изъ Америки.

7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.

8) Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы.

9) Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.

10) Фельетонъ.

11) Судебная хроника.

12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.

13) Объявленія казенныя и частныя.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ нѣкотораго времени положеніе отдаленныхъ окраинъ и жизнь на русскомъ Востокѣ получаютъ особый интересъ, вызываютъ изслѣдованія и возбуждаютъ все болѣе вниманія правительства и русскаго общества. Желая дать по возможности правдивую картину жизни Востока въ ея многообразныхъ проявленіяхъ, попытаться опредѣлить роль русской національности на азіатскомъ Востокѣ и ея общечеловѣческое призваніе, а также желая выразить нужды и потребности русскаго общества на окраинѣ, мы предпринимаемъ изданіе, знакомящее Европейскую Россію съ Азіей и Сибирью, какъ и обратно жителей окраинъ—съ жизнью и развитіемъ Россіи.

Можетъ быть мы ошибаемся, но въ данную минуту наше глубокое убѣжденіе состоитъ въ томъ, что подробное областное изученіе Россіи можетъ оказать извѣстную услугу и не явится лишнимъ въ средѣ русской періодической печати.

Мы намѣваемъ такую задачу тѣмъ своевременнѣе, что Сибирь наканунѣ своего 300-лѣтія ждетъ гражданскаго обновленія и разработки различныхъ вопросовъ, поднятыхъ ея жизнью. Ходатайство и предстательство за интересы населенія восточныхъ окраинъ будетъ нашей обязанностью. Въ Петербургѣ, въ центрѣ Россіи, это предстательство можетъ принести извѣстную пользу въ разъясненіи положенія края и пролить нѣкоторый свѣтъ на нѣкоторые вопросы. Затаенному голосу восточныхъ окраинъ, ихъ нуждамъ, мы даемъ случай высказаться откровенно и безпристрастно.

Искреннимъ пожеланіемъ нашимъ будетъ—соединить мнѣнія лицъ, знающихъ жизнь Сибири и Востока, любящихъ свой край и желающихъ добра ему. Въ то же самое время мы приглашаемъ всѣхъ знатоковъ Востока и ученыя силы принять участіе въ предлагаемомъ ознакомленіи русскаго общества съ Азіей, и съ этой цѣлью готовы дать обширное мѣсто научнымъ изслѣдованіямъ, путешествіямъ и возможно полной библіографіи Востока.

Нашъ обѣщаніи обязательно содѣйствіе и сотрудничество слѣдующія лица, извѣстныя своими трудами въ литературѣ о Востокѣ и русскихъ восточныхъ окраинахъ: Проф. В. П. Васильевъ, проф. Н. П. Мишаевъ, проф. В. В. Радловъ, проф. И. Я. Фойницкій, проф. Д. Н. Анучинъ, Доцентъ Петерб. Унив. Поздѣевъ, С. В. Максимовъ, Д. И. Завалишинъ, С. Я. Капустинъ, Н. И. Наумовъ, М. С. Знаменскій, С. С. Шашковъ, М. В. Малаховъ, д-ръ О. К. Думбергъ, путешественники: М. В. Пѣвцовъ, И. С. Полѣновъ, Г. Н. Потанинъ, А. В. Адріановъ, и другіе.

Первый номеръ „Восточнаго Обозрѣнія".

(въ 1/4 наст. вел.)

«Не могу не припомнить по поводу статей, что одновременно былъ преданъ суду и цензоръ, вицо-губернаторъ. Онъ такъ долго находился подъ судомъ, что въ 1876 г., когда я явился въ Сибирь къ генералъ-губернатору Казнакову, на службу чиновникомъ, онъ спросилъ меня, не могу-ли я ему написать отвѣтъ по поводу вопросовъ: «какія статьи онъ пропускалъ?» «Боже мой! — воскликнулъ я, — неужели вы еще подъ судомъ? Напишите, что вы пропускали статьи о сибирскомъ университетѣ, т. е. о томъ, о чемъ ходатайствовалъ нынѣшній генералъ-губернаторъ».

«... Что мы могли отвѣчать на вопросы слѣдственной комиссіи? Въ нашемъ сердцѣ было искреннее желаніе мирнаго блага нашей забытой родинѣ; нашею мечтою было ея просвѣщеніе, гражданское преуспѣяніе. Въ юношескихъ мечтахъ и желаніяхъ многіе мѣстные вопросы еще были смутны и получили извѣстную форму и тезисы только впослѣдствіи. Мы отвѣчали, что желаемъ Сибири новаго гласнаго суда, земства, большей гласности, поощренія промышленности, большихъ правъ для инородцевъ. Что тутъ было преступнаго? Что было преступнаго въ горячей любви къ своей родинѣ? Но здѣсь патріотизмъ былъ принятъ за сепаратизмъ.

«.... Скоро минетъ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда явилось обвиненіе насъ, первыхъ патріотовъ, въ сепаратизмѣ. Это обвиненіе не изгладилось, несмотря на то, что многіе сотоварищи мои перемерли, другіе сдѣлали впослѣдствіи блестящую карьеру, были, какъ Усовъ, полковыми командирами и т. д.... Послѣ этого кличка или титулъ сепаратиста, которую мнѣ давали до конца, оставалась только за мною. Причинявшая мнѣ много безпокойствъ и непріятностей, эта кличка перестала, наконецъ, устрашать меня, и я сталъ къ ней равнодушенъ. Еслибы подъ конецъ моей жизни меня спросила какая-нибудь власть и вновь назвала бы меня за мой патріотизмъ сепаратистомъ, я сказалъ бы, что въ цѣломъ рядѣ юныхъ поколѣній она не найдетъ задатковъ сепаратизма, и дѣлъ такихъ не возникало...

«Дѣло было не въ сепаратизмѣ, а въ уничтоженіи патріотическихъ стремленій въ Сибири. Послѣ перваго землячества въ 60-хъ гг. въ Петербургѣ и послѣ сибирскаго дѣла 1865 г. тенденція патріотизма, считаясь не дозволенной, замираетъ на время. Но она не могла исчезнуть и выступила черезъ нѣсколько лѣтъ. Она должна была выступить при большемъ сознаніи мѣстнаго общества и выясненіи имъ себѣ нуждъ края. Выступилъ вопросъ объ университетѣ, выступилъ вопросъ о ссылкѣ. Появилась мѣстная па-

тріотическая печать. Само правительство желало удовлетворить нѣкоторыя мѣстныя нужды и дало реформы» [1]).

Среди привлеченныхъ къ дѣлу былъ и П. М. Павлиновъ, университетскій товарищъ П. М—ча, въ 1865 г. состоявшій чиновникомъ особыхъ порученій при иркутскомъ губернаторѣ. Мѣсто это получено было имъ, благодаря рекомендаціи, данной гр. Муравьевымъ-Амурскимъ (тогда уже оставившимъ Сибирь) генералъ-губернатору Восточной Сибири, М. С. Корсакову. Вотъ что разсказалъ мнѣ самъ г. Павлиновъ.

«Въ одинъ прекрасный день меня зоветъ къ себѣ М. С. Корсаковъ и говоритъ, что принужденъ отправить меня немедленно въ Омскъ, къ предсѣдателю слѣдственной комиссіи, Пилино, что я привлекаюсь къ такому-то дѣлу, какъ участникъ собраній сибиряковъ-студентовъ еще въ Петербургѣ.

«Я сначала не повѣрилъ, думая, что добрый генералъ чего-нибудь не договариваетъ, потому что никакъ не могъ понять, что было преступнаго въ нашихъ сборищахъ. Но оказалось, что все это было истиной. Тогда я, зная хорошо Корсакова, у котораго былъ на хорошемъ счету, попросилъ отпустить меня на нѣсколько минутъ домой, чтобы принести оттуда одну книгу. Генералъ улыбнулся и уважилъ мою просьбу. Черезъ нѣсколько минутъ я являюсь и подаю ему книгу, въ которой подробно изложены бесѣды какого-то административнаго учрежденія о возможности отдѣленія Сибири и пр. Вы найдете это, — если поищете — пояснилъ онъ мнѣ — въ тогдашней литературѣ.

«Корсаковъ внимательно прочиталъ нѣсколько отмѣченныхъ мною мѣстъ и сказалъ: «Да, дѣло, дѣйствительно, возможное только при нашихъ современныхъ сибирскихъ порядкахъ. Оставайтесь въ Иркутскѣ. Вы мнѣ нужны по службѣ. Предсѣдателю комиссіи будетъ написано, что если вы нужны, то всѣ допросы съ васъ могутъ быть сняты здѣсь, на мѣстѣ».

«И, дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время съ меня сняли показанія и, по настоянію генералъ-губернатора, больше не тревожили. Тѣмъ все и кончилось».

Иначе посмотрѣло на дѣло начальство Западной Сибири. Вотъ что пишетъ ея генералъ-губернаторъ, А. О. Дюгамель, бывшій весной 1865 г. въ Петербургѣ: «Наканунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга (29 мая) я получилъ отъ временно замѣняв-

---

[1]) Рукописная „Автобіографія“.

шаго меня въ Сибири ген. Панова депешу, содержаніе которой крайне удивило меня. Благодаря простой случайности, въ Омскѣ были открыты слѣды заговора, въ которомъ были сильно замѣшаны нѣкоторые изъ казацкихъ офицеровъ сибирскаго корпуса. Эти молодые безумцы задумали отдѣлить Сибирь отъ имперіи и образовать изъ нея федеративную республику по образцу Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ. Чтобы вывести наружу всѣ развѣтвленія этого безразсуднаго и преступнаго замысла, генералъ Пановъ немедленно образовалъ слѣдственную комиссію, а вслѣдъ за этимъ были произведены аресты въ большой части городовъ Восточной и Западной Сибири, а также и въ Москвѣ. Я сообщилъ военному министру содержаніе этой депеши и сталъ торопливо готовиться къ отъѣзду. Хотя и не усматривалъ никакой серьезной опасности въ тайныхъ проискахъ нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ людей, которые не имѣли никакого корня внутри страны, но, все-таки, это служило указаніемъ на расположеніе умовъ и на вредныя тенденціи, которыя были почерпнуты этими низкопробными заговорщиками въ университетахъ и въ школахъ, и которыя еще разъ свидѣтельствовали, какъ была у насъ неудовлетворительна система общественнаго воспитанія». Случайно или умышленно, увидѣвъ на мѣстѣ истину дѣла, созданнаго ген. Пановымъ,—но г. Дюгамель не сказалъ о «сепаратистахъ» больше ни слова, хотя автобіографію свою продолжалъ [1])...

Въ свою очередь, ярость и излишнее усердіе ген. Панова можно объяснить знакомствомъ его съ архивомъ своего управленія. Въ послѣднемъ, конечно, хранилась копія отвѣта, написаннаго кн. Горчаковымъ на запросъ о настроеніи сибирскаго общества, сдѣланный генералъ-губернатору, вслѣдъ за обнаруженіемъ собраній у Буташевича-Петрашевскаго въ 1849 году. Сказавъ въ этомъ отвѣтѣ о своей увѣренности въ преданности монарху сибирскаго общества, кн. Горчаковъ, однако, замѣтилъ: «Безспорно, что сибиряки гордятся своей родиной, къ коей привязаны болѣе внутреннихъ обывателей; что они съ излишествомъ цѣнятъ ея изобиліе, удобства, наконецъ, что возникаетъ ужо классъ, взирающій не совсѣмъ равнодушно на пользы, извлекаемыя имперіею отъ сибирской торговли, отъ тамошнихъ произведеній и въ особенности отъ золота, сокровищъ составляющихъ, якобы, частную собственность Сибири,— коснувшись сей струны, можно скорѣй найти отголосокъ въ сердцѣ сибиряка и, можетъ быть, возбудить желаніе къ составленію неза-

[1]) „Рус. Архивъ", 1885 г., X, 178—179.

висимаго владѣнія; но и это направленіе *молодой только части* не представляетъ еще существенной опасности» [1]).

Ген. Панову должно быть, показалось, что опасность уже представилась...

Однако, обратимся къ интригующей, должно быть, читателя невѣдомой книгѣ, излагавшей «сепаратистскія» сужденія государственныхъ сановниковъ.

Это — 9-й номеръ тогдашняго журнала «Экономистъ» за 1861 г., въ которомъ помѣщены отчеты о нѣсколькихъ засѣданіяхъ политико-экономическаго комитета при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. Они настолько интересны именно рядомъ съ «дѣломъ сепаратистовъ», что я позволю себѣ остановиться на этихъ отчетахъ подробнѣе.

Хотя гр. Муравьевъ-Амурскій и оставилъ въ 1861 г. управленіе Восточно-Сибирскимъ генералъ-губернаторствомъ, но онъ не переставалъ думать о заселеніи Пріамурскаго края и отчасти Сибири. По его мысли, этимъ вопросомъ занялся политико-экономическій комитетъ географическаго общества, и посвятилъ его обсужденію три засѣданія. Предсѣдателемъ послѣднихъ былъ избранъ членъ государственнаго совѣта А. И. Левшинъ, членами присутствовали: Великій князь Константинъ Николаевичъ, П. А. Валуевъ, Я. А. Соловьевъ, А. Г. Тройницкій, бар. Е. К. Мейендорфъ, Д. М. Сольскій, гр. Муравьевъ-Амурскій, Д. Л. Милютинъ, Н. П. Игнатьевъ, П. П. Семеновъ, Ф. Г. Тернеръ и другіе.

Не останавливаясь на послѣдовательномъ ходѣ пространныхъ разсужденій комитета, я приведу лишь нѣсколько мнѣній на выдержку:

П. П. Семеновъ: «Всякій, кто знакомъ съ Сибирью, знаетъ, что между ея простолюдинами грамотность, образованность и уваженіе къ закону распространены несравненно болѣе, чѣмъ между сельскимъ населеніемъ Великороссіи, и не только уровень благосостоянія, но и уровень образованія несравненно выше, такъ что можно сказать положительно, что *колонія* обогнала свою метрополію».

Бар. Е. К. Мейендорфъ: «Всѣ наши пріобрѣтенія на Востокѣ отнимаютъ у насъ и время и силы замѣчательныхъ дѣятелей, въ которыхъ, конечно, у насъ нѣтъ излишества; предполагая даже, что мы успѣемъ устроить благосостояніе всѣхъ новыхъ нашихъ населеній, *мы этимъ только будемъ спосп*ъ-

---

[1]) *В. Семевскій*, „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ“, сборникъ „На славномъ посту“, 142.

шествовать ихъ отдѣленію отъ метрополіи, какъ учитъ исторія всѣхъ колоній».

К. М. Вэръ: «Я считаю себя вынужденнымъ возразить противъ послѣдняго заключенія моего предшественника. Весьма справедливая мысль бар. Мейендорфа, что колоніи рано или поздно стремятся къ пріобрѣтенію независимости отъ метрополіи—можетъ произвести впечатлѣніе неблагопріятное для колонизаціи нашихъ пограничныхъ азіатскихъ странъ.

«Подобныя стремленія всѣхъ колоній могутъ быть доказаны исторіей; но въ нихъ нѣтъ еще никакого бѣдствія, если мы будемъ смотрѣть на нихъ съ здравой точки зрѣнія. Государственные люди Англіи совершенно убѣдились и нѣсколько разъ громко высказывали, что Великобританія имѣетъ гораздо болѣе выгодъ отъ своихъ колоній съ тѣхъ поръ, какъ онѣ сдѣлались самостоятельны, нежели когда онѣ были въ зависимости отъ метрополіи. Это убѣжденіе привело даже къ тому, что Великобританія старается давать своимъ колоніямъ тѣмъ болѣе самостоятельности, чѣмъ болѣе она успѣваетъ развивать ихъ способности къ самоуправленію, и отсюда происходитъ между прочимъ ея благосостояніе. Такъ, Канада имѣетъ уже свой собственный парламентъ, и ея связь съ Великобританіей болѣе номинальная. Колоніи мыса Доброй Надежды предоставлено имѣть собственныя военныя силы, и съ тѣхъ поръ прекратились кровавыя войны съ кафрами. Въ Австраліи также водворены нѣкоторыя начала самоуправленія. Несмотря, однако, на такое постепенное освобожденіе колоній, онѣ продолжали приносить пользу метрополіи; въ нихъ распространялись: употребленіе общаго съ метрополіей языка, ея нравы и обычаи, что значительно облегчало торговыя сношенія, возраставшія съ каждымъ новымъ шагомъ къ независимости, при этомъ надлежитъ только заботиться объ одномъ: не возбуждать, чрезъ сопротивленіе самостоятельности, горечи въ отношеніяхъ, которая, конечно, не можетъ содѣйствовать торговлѣ. Если бы было справедливо, что нужно воздерживаться отъ колонизаціи, вслѣдствіе стремленія колоніи къ самостоятельности, тогда и отецъ никогда не долженъ бы желать имѣть сына изъ опасенія, что послѣдній рано или поздно пожелаетъ пріобрѣсти самостоятельность. Но никогда благоразумный отецъ не можетъ имѣть подобныхъ опасеній» [1]).

Вотъ о чемъ говорили высокіе государственные сановники въ совершенно публичныхъ и всегда переполненныхъ посторонними засѣданіяхъ вполнѣ легальнаго учрежденія... Конечно, сибиряки-студенты, члены своего землячества, не могли не знать объ этомъ, потому что тогда «Экономистъ» былъ довольно распространеннымъ

---

[1]) „Экономистъ", 1861 г., № IX, т. IV, „Приложенія къ Экономическому Указателю".

журналомъ. Теперь понятно, почему, ознакомившись съ только что приведеннымъ, Корсаковъ рѣшилъ дѣло это не раздувать.

Въ некрологѣ Н. М-ча А. Н. Пыпинъ назвалъ «дѣло о сепаратизмѣ»—«дѣломъ очень страннымъ, если вспомнить, что обвиненіе направлялось противъ трехъ-четырехъ юношей, виновныхъ только въ идеалистическихъ мечтаніяхъ, какими они дѣлились между собой, и если представить себѣ абсолютную неисполнимость этихъ мечтаній» [1]). И съ уважаемымъ академикомъ нельзя не согласиться.

Возвратимся къ разсказу Н. М-ча.

«Судъ былъ къ намъ строгъ: меня, Потанина и Шашкова сначала приговорили къ 12-лѣтней каторгѣ, но послѣ смягчили приговоръ, въ виду нашей молодости и долгого заключенія во время слѣдствія [2]). Мы же сидѣли 3 года въ Омскѣ, маленькомъ городкѣ, сначала на гауптвахтѣ, потомъ въ острогѣ, ибо на гауптвахтѣ, было тѣсно; мы помѣщались по 4 и 5 человѣкъ въ камерѣ и начали болѣть. Жили мы впроголодь, иногда питаясь чаемъ и калачами. Все это мы вынесли, благодаря молодости. Тянулись года, въ Россіи совершались реформы, явилось земство, новый судъ.

«Въ тюрьмѣ и на гауптвахтѣ мы сокращали дни заключенія занятіями. Потанинъ выхлопоталъ право разбирать областной архивъ; я, Шашковъ и онъ работали надъ нимъ. Шашковъ извлекъ изъ него богатые матеріалы для своихъ историческихъ монографій. Потанинъ издалъ акты по исторіи Сибири XVII и XVIII вѣковъ [3]), я написалъ также статью «Исторія сибирской женщины въ XVIII столѣтіи» [4]). Наконецъ, въ тюрьмѣ я занялся этнографическими работами и собралъ о ссыльныхъ

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1894 г., VII, 445.

[2]) Въ 1868 году Н. М. былъ лишенъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію (тогда павловскій мѣщанинъ) присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сосланъ на житье въ г. Шенкурскъ Архангельской губ. Потанинъ, кромѣ лишенія правъ, былъ подвергнутъ крѣпостнымъ работамъ въ Свеаборгѣ на три года, а затѣмъ житью въ г. Никольскѣ Вологодской губ. Шашкова постигла та же участь, что и Н. М.

[3]) Напечатаны частью въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", 1866—67 гг.

[4]) Заглавіе не точно: „Женщина въ Сибири въ XVII и XVIII столѣтіяхъ"; статья эта напечатана была въ „Женскомъ Вѣстникѣ" 1867 г. Кромѣ того, за три года острожной жизни Н. М. напечаталъ, какъ видно изъ приложеннаго въ концѣ указателя:—1 статью въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ", 3—въ „Искрѣ" и 2—въ „Дѣлѣ".

и бродягахъ для книги «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Въ тюрьмѣ мы учились и много читали».

Въ іюнѣ 1868 г. обвиняемымъ былъ объявленъ окончательный приговоръ, и Н. М., Шашковъ, Щукинъ, братья Усовы, казачій офицеръ Шайтановъ и Золотинъ отправились на арестантской баржѣ до Нижняго-Новгорода, а оттуда до мѣстъ назначенія— пѣшкомъ, по этапу. Надо-ли говорить, какія лишенія чувствовались на этомъ болѣе, чѣмъ трехмѣсячномъ пути?

«Особенно тяжело было положеніе болѣзненнаго Шашкова, не могшаго итти пѣшкомъ и ѣхавшаго на телѣгѣ. Въ Костромѣ у насъ затеряли документы, и мы прожили въ замкѣ двѣ недѣли. Мы видѣли массу остроговъ, и наши наблюденія надъ тюремнымъ бытомъ обогатились... У насъ на дорогу было всего по 10 руб. (съ ними мы прошли всю Россію); деньги эти, данныя благотворителями, истощились, платье обносилось; были только казенные халаты и рубахи, которыя при повѣркѣ причиняли массу безпокойствъ.—«Серафима Шашкова!—выкликалъ полуграмотный унтеръ-офицеръ, юбка, кафтуръ есть?» А выходилъ нашъ товарищъ Шашковъ, впослѣдствіи извѣстный писатель... Измученные и усталые мы явились въ Архангельскъ, гдѣ были встрѣчены сначала грубо и сурово мѣстнымъ полицеймейстеромъ, даже фамилія котораго гармонировала съ его суровостью: онъ назывался Штуцеръ. Мы были безъ гроша. Насъ заперли въ полицейскую кутузку. Но къ счастью для насъ, скоро обхожденіе измѣнилось. Губернаторомъ въ Архангельскѣ былъ князь Гагаринъ, благородная и прекрасная личность. Это былъ типъ джентельмена и аристократа администратора, мягкаго и гуманнаго. Получивъ заранѣе бумаги о насъ и смотря на насъ, какъ на лицъ, сосланныхъ не за уголовное преступленіе, а страдавшихъ за увлеченіе, онъ приказалъ обходиться съ нами мягко и деликатно. Дѣйствительно, насъ перевели въ часть и дали лучшее помѣщеніе... Съ переводомъ въ часть наше положеніе, однако, мало улучшилось. Предстояла ссылка въ дальніе округа. Въ Архангельскъ явились Шайтановъ. Ушаровъ и я. Шашковъ остался въ Шенкурскѣ по болѣзни, Щукинъ отсталъ въ дорогѣ (въ Костромѣ) и пришелъ послѣ [1]). Наше положеніе безъ гроша, глухой осенью было почти безвыходно. Я рѣшилъ подать прошеніе губернатору о разрѣшеніи остаться недѣли на двѣ, на

---

[1]) Въ это время онъ былъ уже умственно ненормаленъ и, прибывъ въ Пинегу, умеръ.

три въ Архангельскѣ, до полученія гонорара изъ редакціи, но частный приставъ предупреждалъ, что Штуцеръ прошенія не передастъ. Ушаровъ подалъ подобную просьбу, прося остаться по болѣзни. Однако, къ удивленію полицейскихъ, насъ оставили и приказали перевести въ больницу, въ Саламболу. Больница была прекрасная (какой-то бывшій адмиральскій домъ, въ немъ сохранились еще богатые обои и т. д.). Мы помѣстились съ Ушаровымъ, а Шайтановъ рѣшилъ итти по этапу въ Пинегу. Шайтановъ — мягкая, симпатичная личность; въ ожиданіи приговора онъ немного страдалъ нервами, дорогой былъ апатиченъ и оправился только впослѣдствіи (по возвращеніи изъ ссылки онъ служилъ въ Усть-Каменогорскѣ офицеромъ же). Ушаровъ былъ иркутянинъ, славянофилъ, этнографъ, добрая натура, но въ высшей степени несчастная по характеру и привычкамъ. Онъ былъ привезенъ изъ Иркутска. Всю жизнь онъ бѣдствовалъ и находилъ пріютъ и покой только въ казенныхъ больницахъ. Въ архангельской комфортабельной больницѣ онъ поселился съ удовольствіемъ.

«Но я не могъ оставаться безъ дѣла, безъ книгъ, безъ занятій. Помѣстившись въ больницѣ, я написалъ письма П. П. Чубинскому, сосланному по дѣлу малороссовъ, но принятому на службу въ Архангельскѣ, и Н. В. Альбертини, извѣстному писателю, бывшему также въ ссылкѣ. Они прислали мнѣ книгъ, газетъ, а затѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ и Чубинскій. Это была энергичная и даровитая личность [1]). Онъ мнѣ разсказалъ объ архангельскомъ режимѣ. Губернаторъ Гагаринъ былъ прекрасная личность, аристократъ и типъ гуманнаго администратора 60-хъ годовъ, человѣкъ безъ той двуличности и іезуитизма, какой иногда свойственъ людямъ его положенія. Князь Гагаринъ пользовался совѣтомъ и сотрудничествомъ административныхъ ссыльныхъ: Чубинскаго, Покровскаго (московскій студентъ), Стронина (соціологъ) и Альбертини.

«Прошло двѣ недѣли въ больницѣ, когда пріѣхалъ ко мнѣ Чубинскій и просилъ приготовить записку о положеніи русской тюрьмы въ виду предстоявшей тюремной реформы. Эту записку губернаторъ взялся свезти въ министерство, собираясь ѣхать въ Петербургъ. Я принялъ это предложеніе и работалъ недѣли двѣ. Въ это время я исписалъ груду бумаги: впечатлѣнія были свѣжи, аппетитъ писать громадный. Губернаторъ и Альбертини, прочитывая мои описанія, приходили въ восторгъ, какъ передавалъ

---

[1]) Потомъ извѣстный этнографъ.

Чубинскій. Въ больницу мнѣ присылали разныя лакомства, виноградное вино и т. д. Когда я кончилъ записку, губернаторъ пріѣхалъ для осмотра госпиталя; войдя безъ свиты, благодарилъ меня (я былъ въ арестантскомъ халатѣ, накинутомъ на свой пиджакъ) и въ знакъ своего благоволенія предложилъ мнѣ выбрать лучшій уѣздный городъ въ архангельской губерніи. Я избралъ Шенкурскъ, куда меня препроводили съ полицейскимъ разсыльнымъ въ экипажѣ, а не по этапу. Записка моя была представлена въ министерство безъ моего имени.

«...Въ Шенкурскѣ я встрѣтилъ Шашкова, полубольного, въ оригинальной обстановкѣ: у него былъ на послугахъ польскій ксендзъ Ювеналъ, какъ когда-то у Вольтера—іезуитъ Адамъ.

«Потянулись долгіе годы ссылки.

«Въ Шенкурскѣ было нѣсколько ссыльныхъ сотоварищей: А. Х. Христофоровъ (бывшій казанскій студентъ), подполковникъ Соколовъ (авторъ «Отщепенцевъ»); послѣ пріѣхали А. С. Пругавинъ, Натансонъ, нѣсколько поляковъ и ксендзовъ. Ксендзы вошли въ общеніе съ мѣстнымъ обществомъ и очень нравились: привычки и образъ жизни ихъ сходились. Мы жили отдѣльнымъ кружкомъ, выписывали газеты, книги. Шашковъ работалъ въ журналахъ [1]).

«Въ ссылкѣ я началъ рядъ журнальныхъ статей въ «Дѣлѣ» о сибирской тюрьмѣ и ссылкѣ. Въ связи съ этимъ я началъ интересоваться уголовнымъ вопросомъ и выписалъ много иностранныхъ книгъ. Но главная цѣль была — разоблачить несостоятельность сибирской ссылки. Я разобралъ ее въ этомъ отношеніи со всѣхъ сторонъ. Въ это же время я изучалъ исторію колоній, учился англійскому языку и занялся вопросомъ о централизаціи и децентрализаціи въ различныхъ европейскихъ государствахъ. Вопросъ этотъ мнѣ казался важнымъ для изученія областного вопроса Россіи. Такимъ образомъ, во все время ссылки я готовился къ публицистической дѣятельности, изучая европейскую исторію и исторію колоній [2]). По исторіи колонизаціи были помѣщены мною статьи

---

[1]) Ограниченность мѣста не позволяетъ мнѣ привести нѣсколько интересныхъ штриховъ изъ шенкурской жизни, набросанныхъ Н. М-чемъ въ рукописной біографіи Шашкова. Не могу кстати не отмѣтить, что автобіографія Шашкова, помѣщенная въ №№ 27, 28, 30 и 32 „Восточнаго Обозрѣнія“ за 1882 годъ, не вошла въ собраніе его сочиненій, изданныхъ О. Поповой въ 1898 г.

[2]) Въ „Очеркахъ англійской колонизаціи“ Н. М. останавливается съ особымъ вниманіемъ на подчеркиваніи политической самостоятель-

въ «Дѣлѣ», по исторіи французской провинціи—въ «Камско-Волжской Газетѣ». Бесѣды и обмѣнъ мыслей съ такими образованными людьми, какъ Христофоровъ, Стронинъ и Шашковъ, давали возможность выяснять вопросы.

«Кромѣ того, интересуясь всегда жизнью крестьянства, я не забывалъ интересоваться бытомъ архангельскихъ крестьянъ: собралъ свѣдѣнія о хозяйствѣ шенкурскаго крестьянина и помѣстилъ въ «Недѣлѣ». Съ жившимъ въ Шенкурскѣ мировымъ посредникомъ, Огаревымъ, вырабатывалъ проектъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и писалъ прошенія для крестьянъ. Въ одномъ случаѣ я выхлопоталъ сложеніе недоимки.

«Въ 1872 г. возвращенъ былъ изъ арестантскихъ ротъ Потанинъ и поселился сначала въ Тотьмѣ, а потомъ въ Никольскѣ вологодской губ. У насъ началась оживленная переписка. Хотя она была подъ контролемъ и шла черезъ исправника, но мы не стѣснялись обмѣниваться мыслями, предлагать темы статей и проч. Исправникъ, бывшій гвардейскій офицеръ, говорилъ мнѣ, что читаетъ нашу переписку съ интересомъ, только ради любопытства. Обрадованный возвращеніемъ своего друга, я ожилъ. Масса сибирскихъ темъ вертѣлась въ головѣ. Я писалъ огромныя письма Г. Н. Потанину, онъ отвѣчалъ мнѣ» [1]).

Интересно письмо отъ 12 марта 1872 г.

Жалуясь своему другу на то, что статьи по восточнымъ вопросамъ не находятъ сочувствія и спроса въ петербургскихъ журналахъ, и извѣщая о началѣ своего сотрудничества въ новомъ тогда «Азіатскомъ Вѣстникѣ» [2]), онъ высказываетъ сомнѣнія о возможности существовать на одинъ литературный заработокъ, хотя столичные редакторы и «щедры на обѣщанія и на лестныя письма, благо это дешево». Одинъ изъ нихъ «даже написалъ, что пили, дескать, за ваше здоровье; все это хорошо, но хоть бы давали

ности англійскихъ колоній и на ихъ экономической эксплоатаціи. Съ особеннымъ удареніемъ цитируетъ онъ извѣстное письмо Франклина англійскому парламенту: „Вы сдѣлали изъ нашей земли помойную яму пороковъ, отъ которыхъ не могло избавиться старое европейское общество; вы нанесли этимъ тяжелое оскорбленіе чистымъ и патріархальнымъ нравамъ нашихъ колонистовъ... Что бы вы сказали, если бы мы послали вамъ своихъ гремучихъ змѣй?!“ („Дѣло“, 1872 г., VIII, 295).

[1]) Рукописная „Автобіографія“.

[2]) Вышла только первая книжка; затѣмъ журналъ самъ собой прекратился.

намъ закусывать, мы нуждаемся въ самыхъ простыхъ блюдахъ, даже въ хлѣбѣ... Впрочемъ, я нисколько не удивлюсь, ежели восточныя статьи придется писать безплатно: это моя обыкновенная участь, такъ ужъ на роду написано; вы помните мои неоплачиваемые труды въ Сибири [1]).

«По пріѣздѣ въ архангельскую губ. я подтвердилъ свои наблюденія въ обратномъ смыслѣ. Какъ только я принялся за общія статьи, мало имѣвшія восточнаго интереса, какъ, напр., за тюремный вопросъ, деньги повалили, и я прожилъ 3 года не въ особенной нуждѣ. Проживалъ до 25 и 30 руб. въ мѣсяцъ. Но деньги, всетаки, приходилось вытаскивать отъ Благосвѣтлова [2]) тисками, притомъ онъ постоянно обсчитывалъ. Литературная работа на заказъ для благосвѣтловскаго журнала мнѣ положительно была невыносима, тѣмъ болѣе, что онъ все перевиралъ, что я не писалъ; однажды онъ написалъ, что я, будто, сижу и читаю «Fortnightly Review», когда я не зналъ по-англійски. Чтобы поправить свою репутацію для потомства, я принужденъ былъ поэтому учиться этому языку». Дальше Н. М. сообщаетъ подробно о своихъ занятіяхъ за три года ссылки, поясняя, что, работая для «Дѣла», онъ постоянно искалъ какую-нибудь связующую мысль съ тѣми вопросами (конечно, сибирскими), которые его больше всего занимали.

«Я началъ съ тюремныхъ записокъ и потомъ перешелъ къ штрафной колонизаціи. Но какъ было примирить гуманное воззрѣніе на арестанта, ссыльнаго и несчастнаго, съ тѣмъ зломъ, которое они приносятъ въ мѣста ссылки? Что нужно дѣлать съ преступниками, ежели уничтожить штрафную колонизацію? Надо указать новый путь наказанія и средства обезопасить общество».

Какъ убѣжденный областникъ, Н. М. восторгается, найдя у Кэри подтвержденія теоріи о необходимости каждой области имѣть самостоятельное существованіе, какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ промышленномъ отношеніи: «добываніе сырыхъ произведеній для потребностей чужихъ рынковъ есть занятіе, достойное только раба и варвара»!—восклицаетъ онъ вмѣстѣ съ американскимъ экономистомъ [3]).

Итакъ, Н. М. работалъ безъ устали и по самымъ разнообразнымъ вопросамъ: жизнь и собственная мысль, окружающіе

---

[1]) Должно быть, намекъ на губернскія вѣдомости.

[2]) Редакторъ „Дѣла“.

[3]) „Изъ бумагъ сибирскаго патріота“, „Вост. Обозрѣніе“, 1902 г., № 160.

товарищи и горячее сердце подсказывали тему за темой. Но основнымъ сочиненіемъ этого періода нужно считать, конечно, книгу «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ», составленную не случайно въ концѣ 1871 года. Читая газеты, Н. М. зналъ, что въ Петербургѣ въ этомъ году учреждена особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго писателя, гр. В. А. Саллогуба, на которую возложили составленіе предположеній объ устройствѣ мѣстъ заключенія; зналъ и о другой комиссіи — сенатора Фриша — для пересмотра всей системы наказаній по русскому уложенію. Могъ-ли онъ, такъ болѣзненно-нервно прочувствовавшій на себѣ самомъ все то зло, съ которымъ теперь, повидимому, наставало время побороться, не поторопиться составленіемъ книги, написанной «кровью сердца и сокомъ нервовъ»,—конечно, въ предѣлахъ возможности по условіямъ цензуры...

Собравъ свои статьи въ «Дѣлѣ», «Недѣлѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» за 1868—71 гг., обработавъ ихъ заново, дополнивъ и написавъ нѣсколько новыхъ главъ, Н. М. энергично ведетъ выпускъ книги, вышедшей въ свѣтъ, судя по датѣ подъ предисловіемъ, въ самомъ концѣ декабря 1871 года.

Не будучи спеціалистомъ въ этой области, я не возьму на себя выясненіе ея научной цѣнности и притомъ именно въ то время, когда литература тюремнаго и ссыльнаго вопросовъ была очень и очень невелика [1]). Достаточной рекомендаціей книжки можетъ служить серьезное вниманіе, которое было обращено на нее комиссіей гр. Соллогуба, во многомъ заимствовавшей свои выводы именно изъ труда Н. М.

Авторъ далъ очерки одиночнаго заключенія, изслѣдовалъ детально мало тогда отмѣченное явленіе — тюремную общину, нарисовалъ нѣсколько самыхъ разнообразныхъ типовъ тюрьмы, очень подробно остановился на сибирскомъ бродяжничествѣ, прослѣдилъ исторически ссылку и, наконецъ, подвергъ критикѣ различныя системы наказанія.

Вотъ основныя положенія книги: Арестантъ — преступникъ, но прежде всего человѣкъ. Пенитенціарная (одиночная) система не можетъ достигать цѣли исправленія. Послѣднее возможно только подъ вліяніемъ широкаго общенія съ товарищами. Общинному

---

[1]) „Записки изъ мертваго дома“ Достоевскаго, „Сибирь и каторга“ Максимова, „Очерки русскаго острога“ Соколовскаго, „Енисейскій округъ и его жизнь“ Кривошапкина—вотъ она почти и вся.

началу—предстоитъ сыграть немаловажную роль въ системѣ тюремнаго наказанія.

Предисловіе книги открывалось такими словами: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ авторъ этой книги имѣлъ случай близко познакомиться съ міромъ преступниковъ и съ жизнью сибирскихъ тюремъ».

«Искреннимъ желаніемъ автора было — содѣйствовать выработкѣ раціональной системы исправленія, которая бы, давая полныя гарантіи общественной безопасности, могла возможно болѣе благопріятствовать перевоспитанію человѣка и его нравственному совершенствованію. Онъ надѣется, что, при введеніи у насъ новой исправительной системы наказанія, болѣе внимательно отнесутся къ судьбѣ преступника, внесутъ новые, гуманные взгляды въ систему наказанія и, содѣйствуя исправленію наказуемой личности, снимутъ съ нея хоть часть тѣхъ излишнихъ страданій и горя, въ существованіи которыхъ, при прежней системѣ наказанія, иногда приходилось убѣждаться горькимъ опытомъ»—таковъ былъ конецъ предисловія.

По условіямъ цензурнымъ, Н. М. принужденъ былъ не разъ подчеркнуть въ текстѣ, что онъ говоритъ все время о «старой» тюрьмѣ... Но, конечно, читатель понималъ, что это значило.

Особенно удачны главы, посвященныя характеристикѣ общиннаго начала, проникающаго русскую тюрьму. Послѣ ихъ прочтенія дѣлается совершенно ясно, что, несмотря на то, что острожной общинѣ приходилось стоять ежеминутно на стражѣ своихъ традиціей закрѣпленныхъ правъ, ревниво оберегая свои льготы въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и бороться противъ всевозможныхъ покушеній на цѣлость ея учрежденій,—она выказала все свое коллективное могущество, весь свой умъ, всю энергію и настойчивость. Мѣнялась ея обстановка, смѣнялись десятки и сотни начальниковъ, примѣнялись самыя суровыя и разнообразныя мѣры, но арестантство стояло крѣпко и сумѣло сохранить права своей общины и установить прочныя и твердыя отношенія къ тюремнымъ формальностямъ и начальству. Наблюденіе надъ этимъ громаднымъ организмомъ привело Ядринцева къ убѣжденію, что только одно довѣріе, оказываемое арестанту, какъ человѣку, гуманное обхожденіе и удовлетвореніе его человѣческихъ потребностей могутъ успокоить и усмирить арестанта. Значительныя выгоды общинной организаціи, ея артельныхъ учрежденій, взаимности, братскаго вспомоществованія другъ другу—вотъ лучшій плодъ нашихъ тюремныхъ опытовъ и результатъ нашей самобытной жизни» (стр. 183).

«Ссылка—по мнѣнію Н. М.—является такою же карательною и жестокою мѣрою, какъ и всѣ самыя тяжкія наказанія: она осуждаетъ человѣка на самыя мучительныя страданія» (стр. 606). «Опытъ, наука, справедливость и самый ходъ человѣческаго прогресса—все убѣждаетъ насъ, что ссылка въ ея карательно-колонизаціонномъ значеніи должна имѣть всего менѣе мѣста въ средѣ современныхъ наказаній и, потерпѣвши немало крушеній на практикѣ, должна рушиться и въ теоріи» (стр. 608)... Черезъ тридцать только лѣтъ слова Н. М. начинаютъ дѣлаться общимъ достояніемъ.

Въ заключеніе своей работы авторъ, между прочимъ, говоритъ:

«Европейская исторія ясно указываетъ новыя начала перевоспитанія; но на что не успѣла еще натолкнуться европейская пенитенціарная практика, на то указываетъ и наталкиваетъ насъ нашъ опытъ. Мы питаемъ робкую надежду въ этомъ случаѣ, что, можетъ быть, въ силу нашего національнаго чутья и особаго народнаго расположенія къ общиннымъ учрежденіямъ, мы угадали ту тайну, которая должна довершить систему европейскаго исправленія преступниковъ и тѣмъ послужить къ окончательному разрѣшенію фатально-уголовнаго вопроса» (стр. 718).

По теплотѣ чувства къ «отверженнымъ», которое красной нитью проходитъ черезъ всю книгу, видно, какъ много настрадалось молодое сердце автора въ обстановкѣ тогдашней тюрьмы. «Эти острожники, эти страшныя лица, эти измученные люди, давно уже, вѣрно, покончившіе жизнь въ лѣсахъ и на каторгѣ, вставали передо мною, когда я впослѣдствіи писалъ свою книгу о русской тюрьмѣ. Они вставали такъ живо, что мои нервы переживали прежнія ощущенія да еще въ усиленной степени. Я понимаю Достоевскаго: я галлюцинировалъ ими и переживалъ съ ними ихъ трагедіи. Понятно, что мои собственные нервы стали чувствительны до болѣзненности» — говоритъ Н. М. въ своей рукописной «Автобіографіи».

И предчувствуя, что «міръ отверженныхъ» все больше и больше будетъ привлекать вниманіе русскаго общества, онъ въ одной изъ своихъ статей (въ томъ же, 1872 году), направленной отчасти по адресу «беллетриста малярнаго цеха» Вс. Крестовскаго, за его «Петербургскія трущобы»,—«самую злонамѣренную клевету не на одного арестанта, но вообще на человѣческую природу» — пишетъ:

«Желая искренно помогать наукѣ исправленія въ изысканіи средствъ перевоспитанія личности, художникъ не долженъ пре-

брегать изслѣдуемымъ предметомъ, не долженъ терять надежды отыскать въ каждомъ преступникѣ вполнѣ человѣческія черты, добрыя чувства и наклонности, чтобы указать возможность воспользоваться ими при исправленіи. Онъ долженъ быть воодушевленъ убѣжденіемъ, что нѣтъ людей неисправимыхъ, что въ человѣкѣ не могутъ заглохнуть всѣ чувства, парализироваться всѣ умственныя и нравственныя отправленія. Онъ долженъ имѣть въ виду ту истину, что всѣ силы, всѣ способности, всѣ страсти преступника—такія же, какъ и у всѣхъ людей, только исключительно и дурно направленныя. Онъ долженъ помнить, что при другихъ условіяхъ эти силы, способности и страсти могли бы оказать дѣйствительную услугу обществу; и чѣмъ болѣе одарена личность способностями, чѣмъ сильнѣе ея характеръ, тѣмъ больше она должна возбуждать сожалѣнія о погибшихъ силахъ, о пропавшихъ дарованіяхъ, которыя могли бы быть украшеніемъ общества, и на болѣе правильной дорогѣ оказать услуги какъ своему обществу, такъ и человѣчеству. Ставъ на высоту этого гуманнаго пониманія, художникъ будетъ проникнутъ сознательнымъ состраданіемъ; онъ будетъ любить въ людяхъ то, что въ нихъ осталось добраго, человѣческаго, любить человѣческую природу за то, что на послѣднихъ степеняхъ ея развращенія въ ней есть, все-таки, проявленія добрыхъ чувствъ, что въ ней теплится искра божественнаго огня и что эта природа все еще, несмотря на свое паденіе, можетъ подняться высоко и возстановить въ себѣ благородный человѣческій образъ» [1]).

Вообще Н. М. придавалъ всегда большое значеніе любви; любовь къ человѣку, любовь къ родинѣ — вотъ одушевлявшія его чувства.

Родина—вотъ мысль, неотступно стоявшая передъ нимъ. Какъ онъ схватился за возможность послужить ей, когда его другъ, переѣхавшій въ Никольскъ и познакомившійся тамъ съ бывшимъ фактическимъ редакторомъ «Камско-Волжской Газеты»—К. В. Лаврскимъ, увѣдомилъ его, что редакція очень бы хотѣла заняться освѣщеніемъ жизни Сибири! Н. М. немедленно пишетъ редактору, Н. Я. Агафонову: «близко интересуясь судьбами провинціальной журналистики, которой я глубоко всегда сочувствую, я готовъ служить ей—не знаю только, чѣмъ труды мои могутъ быть при-

---

[1]) „Преступники по изображенію романтической и натуральной школы“, „Дѣло“, 1872 г., VI, 192.

годны для вашей газеты. Я—писатель по преимуществу сибирскій, и ежели чѣмъ могу быть полезнымъ, то именно статьями о Востокѣ... Зная условія провинціальнаго изданія, я не требую, въ случаѣ недостатка средствъ, никакого гонорара. но зато буду просить, ежели мое сотрудничество станетъ постояннымъ, высылки вашей газеты на Востокъ, въ Сибирь, въ 3 или 4 главныхъ города—Тюмень, Томскъ, Иркутскъ и Омскъ, такъ какъ она, вѣроятно, недостаточно тамъ популярна» [1]).

Разумѣется, такое предложеніе было встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ, и съ 1873 года Н. М. присылаетъ редакціи массу матеріала: нѣтъ недѣли, чтобы не было напечатано его одной-двухъ статей, а сколько пропадало въ наборѣ...

«Камско-Волжская Газета», основанная въ Казани съ января 1872 г., быстро обратила тогда на себя вниманіе, какъ органъ, очень серьезно смотрѣвшій на силы и нужды провинціи. Не малую долю успѣха далъ ему неофиціальный редакторъ, К. В. Лаврскій, очень скоро высланный въ Никольскъ, вологодской губерніи [2]). Кромѣ него, принимали дѣятельное участіе проф. Н. П. Буличъ, А. С. Гацискій, В. Португаловъ, В. И. Вагинъ, А. П. Нестеровъ и многіе другіе.

Съ 34-го номера (за 1873 г.) Н. М. началъ свое сотрудничество и писалъ въ газетѣ по массѣ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, сообщая Агафонову, что работаетъ такъ «особенно за то, что вы насъ, бѣдныхъ музыкантовъ безъ инструмента—восточныхъ писателей, цѣлую жизнь скитающихся безъ своего литературнаго органа, гостепріимно пріютили» [3]).

Г. Н. Потанинъ не отставалъ отъ своего друга, и даже есть разсказъ «Аулъ», подписанный ими обоими.

«Каждая русская область могла имѣть свои интересы, и воззрѣнія провинціала были особые отъ столичнаго централизатора: такова была исходная точка. Потанинъ, я и Лаврскій были солидарны. Статьи въ «Камско-Волжской Газетѣ» были полны оригинальности. У насъ явилась смѣлость нападать на столичную

---

[1]) „Н. М. Ядринцевъ въ „Камско-Волжской Газетѣ“ (1873 г.)“ — „Восточное Обозрѣніе“, 1899 г., №№ 170 и 172.

[2]) Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ довольно большую популярность статьей въ „Первомъ шагѣ“ и статьями „Почвенные вопросы“ въ „Недѣлѣ“ за 1882 годъ. Сестра его, Александра Викторовна, вышла затѣмъ замужъ за Г. Н. Потанина.

[3]) Ibid.

Н. М. Ядринцевъ
(1887 г.)

(Съ фотографіи).

печать; въ то же время я подвергъ разбору провинціальные органы. Мы начали проводить направленіе децентралистическое и идею областного провинціальнаго возрожденія. Скоро газета выдвинулась, обратила на себя вниманіе въ столичной прессѣ, и Шелгуновъ, какъ и Мордовцевъ, въ своихъ провинціальныхъ обозрѣніяхъ отводили ей первое мѣсто. Мы писали съ жаромъ, свободно, не стѣсняемые редакціей. Это былъ органъ, гдѣ мы были равноправны съ редакторомъ. Даже серьезный ученый, другъ мой Потанинъ, сдѣлался на это время публицистомъ. Здѣсь же я началъ свои фельетоны подъ именемъ «Добродушнаго Сибиряка». Писали мы въ «К.-В.-Г.», не разсчитывая на гонораръ, но я писалъ съ удовольствіемъ и забросилъ работу въ столичныхъ журналахъ» [1]).

Какъ Н. М. горячо принялся за дѣло, видно, между прочимъ, и изъ очень интереснаго письма его къ А. С. Пругавину отъ 27-го іюня 1873 года, когда послѣдній выѣхалъ уже изъ Шенкурска въ Воронежъ.

Послѣ приглашенія А. С-ча стать сотрудникомъ и выясненія цѣлей газеты, о которыхъ мы уже говорили, Н. М. писалъ:

«Я получилъ отъ редакціи массу провинціальныхъ газетъ а въ томъ числѣ и «Донъ» [2]). Буду готовить обозрѣніе провинціальныхъ газетъ. Придется указать, что наша провинціальная пресса не знаетъ даже, чѣмъ заниматься, она не опредѣлила народныхъ интересовъ въ томъ районѣ, гдѣ издается. Провинціальная газета все еще занимается фонарями, мостовыми, водопроводами и дальше театральныхъ скандаловъ не идетъ.

«Каждая мѣстность въ извѣстныхъ географическихъ границахъ, со своими топографическими, этнографическими особенностями, а вслѣдъ за этимъ съ особыми экономическими интересами, свойственными ей, должна посвящать себя разработкѣ мѣстныхъ своихъ интересовъ. На такія группы, округа, раздѣляется вся Россія по мѣстнымъ особенностямъ, каждая группа можетъ разрабатывать свои интересы. Напримѣръ, сѣверъ, его, такъ сказать, областные интересы и незатронуты. Объ нихъ толкуютъ нынѣ пошлымъ образомъ господа въ родѣ Сидорова [3]), но изъ этого не слѣдуетъ, что такихъ общихъ областныхъ вопросовъ нѣтъ или ими не стоитъ заниматься. На сѣверѣ, напримѣръ, есть существенный вопросъ лѣсной, отъ котораго зависитъ благосостояніе крестьянства. Сѣверъ отдѣленъ лѣсами,

---

[1]) Рукописная „Автобіографія".

[2]) Воронежская газета.

[3]) М. К. Сидоровъ — извѣстный зоологъ, много силъ посвятившій на изученіе сѣвера Россіи.

къ нему затруднено сообщеніе, и потому онъ лежитъ въ запустѣніи, пребываетъ въ дикомъ состояніи, онъ нищъ, бѣденъ. Никто не думаетъ провести къ нему сообщеніе, никто не думаетъ присоединить его къ цивилизованной жизни. Онъ составляетъ исключеніе теперь въ ряду реформъ, о желѣзныхъ дорогахъ къ нему не думаютъ, и онъ, можетъ, еще десятки лѣтъ останется глушью — объ этомъ стоитъ подумать. Его исторія трагична. Централизація убила въ немъ жизнь, отняла у него выгоднѣйшія сообщенія по рѣкамъ изъ Сибири, съ Востока; рѣки сѣвера атрофированы, какъ бы ихъ не было. Во время крымской войны онъ былъ жертвой: вспомните поморовъ.

... Кто былъ представителемъ сѣверныхъ интересовъ? Чубинскіе, Сидоровы, Шапиро. Гдѣ ихъ благодѣянія, гдѣ сами дѣятели? (Вотъ вамъ и еще тема). Обратите же вниманіе какъ бы искренно было служеніе, какъ бы прочна была дѣятельность мѣстнаго дѣятеля, любящаго свой край, хоть въ тѣхъ же лѣсныхъ крестьянскихъ артеляхъ. Но ежели въ провинціи не все покуда можетъ быть осуществлено, то можетъ быть основательно разработано, что нужно крестьянству въ данной мѣстности. У сѣвера нѣтъ теперь ни одного человѣка, кто бы съ толкомъ взглянулъ на интересы этой окраины. Гдѣ интеллигенція на сѣверѣ, и гдѣ *постоянная* мѣстная интеллигенція вообще въ провинціи? Всѣ мы бродимъ, всѣ мы случайно пристаемъ къ какому-нибудь дѣлу, и нѣтъ у насъ связи, нѣтъ интересовъ съ народомъ. О томъ, что сѣверъ имѣетъ свои существенные интересы, стоящія въ тѣсной связи съ народной жизнью, съ массой, недавно затронулъ вопросъ мой знакомый въ «Камско-Волжской Газетѣ».

«Вспоминаете-ли вы этотъ народъ, съ которымъ встрѣчались и на поморьѣ и въ лѣсахъ архангельской губ.? Вѣдь, онъ не имѣетъ ни одного образованнаго друга. Представляется ли вамъ когда эта мѣстность и ея тяжелая, низменная жизнь изъ вашего далека, по воспоминаніямъ дѣтства. Говорятъ, когда мы живемъ на извѣстномъ мѣстѣ, мы не чувствуемъ привязанности, оставимъ — полюбимъ.

«Не бойтесь, я васъ не подозрѣваю въ ностальгіи къ сѣверу, но говорю вообще. А, впрочемъ, и у васъ, можетъ быть, есть *сѣверная* жилка [1]).

«Говорятъ, что провинціальные вопросы слишкомъ мелки. Да, конечно, такъ, какъ они понимаются нынѣ. Но свяжите ихъ съ жизнью народной, крестьянства — и они не будутъ мелки. А облегченіе народа, помощь даже въ самой ничтожной степени есть вещь благородная, отъ которой не слѣдуетъ отказываться. Безъ тѣсной связи съ народомъ вообще всякая интеллигенція — нуль. Интеллигенція будетъ парить въ облакахъ, а тѣло пре-

---

[1]) А. С. Пругавинъ — уроженецъ Архангельска.

смыкаться. Сойтись же съ народной жизнью можно только на почвѣ мѣстныхъ интересовъ; воспитаніе народа можетъ итти только этимъ путемъ, отъ первыхъ его нуждъ, отъ простыхъ настроеній къ болѣе общимъ. Когда вы заговорите на этой почвѣ съ народомъ, вы будете поняты.

«Я говорю, что каждая группа въ Россіи по мѣстностямъ имѣетъ свои интересы, свою жизнь, свои потребности. Оживленіе этой группы мѣстности связано съ развитіемъ и оживленіемъ всецѣло народа. Только тамъ, за границей, народная жизнь оживлена, гдѣ каждая часть государства живетъ и имѣетъ представителей своихъ интересовъ, имѣетъ своихъ мѣстныхъ дѣятелей. Въ Россіи не только малыя мѣстности, но цѣлыя областныя группы лежатъ мертвыми. Вотъ какое имѣетъ значеніе провинціальный вопросъ, которое не сознаютъ провинціальные газеты и писатели.

«Въ общечеловѣческихъ вопросахъ интеллигенція часто мучится, разочаровывается, часто впадаетъ въ иллюзіи. Обновить міръ, открыть новый критерій для измѣренія человѣческой природы—вещи не легкія, часто самое занятіе это есть только философствованіе, не дающее никакихъ практическихъ результатовъ. Другое дѣло, когда вы стоите вблизи жизни, когда вы видите, чѣмъ можно помочь въ частномъ случаѣ, когда передъ вами живое тѣло. Вы видите постоянно извѣстный объектъ, вы его любите и замѣчаете каждый токъ его крови.

«Скажу вамъ о себѣ. Я, напримѣръ, люблю свой отдаленный Востокъ, и всю жизнь онъ живетъ въ моемъ сердцѣ. Я питаю любовь и вѣру гдѣ бы я ни былъ; это согрѣваетъ и утѣшаетъ меня, доставляетъ мнѣ минуты величайшаго наслажденія писать о томъ, что я люблю. Человѣческая мудрость, ученіе, школы, системы проходятъ и измѣняются, а у меня любовь все теплится въ сердцѣ, ибо я люблю нѣчто постоянное, нѣчто реальное. Пусть міръ совершенствуется, пусть пріобрѣтается лучшее — я только приноровлю это къ любимому предмету. Такъ, мнѣ кажется, можетъ дѣйствовать и каждый человѣкъ.

«Вы видите, что я придаю большое значеніе разработкѣ провинціальныхъ вопросовъ и провинціальнымъ привязанностямъ, я соединяю ихъ тѣсно съ народною жизнью. Скажу теперь относительно литературныхъ занятій провинціала. Въ петербургскія газеты вы можете послать обличеніе, насмѣшку надъ провинціей, но никогда не напишете, задушевно относясь къ провинціи — это не принято. Провинціальная пресса, напротивъ, дастъ вамъ просторъ и возможность и поругаться и поговорить отъ души. Провинціальная же пресса дастъ вамъ возможность и объѣздить, поупражнять вашего молодого негаса. Вотъ выгоды, которыя представляются. Ежели вы согласны съ моимъ мнѣніемъ, напишите горячую и пламенную статью «Забытый сѣверъ». Жму вашу руку и надѣюсь, что вы мнѣ отвѣтите, насколько согласны со мной. Не понадобятся-ли вамъ справочныя книги о сѣверѣ, т. е. архангельской губерніи? Напишите».

Не менѣе интересно другое его письмо за 1873 г.—къ г. Потанину, прошедшее черезъ руки шенкурскаго исправника.

Развивая свой взглядъ на провинціальную печать, Н. М. говоритъ, что она должна преслѣдовать двѣ задачи. Первая, и главнѣйшая — знакомить общество и мѣстную интеллигенцію съ тѣми, чисто мѣстными вопросами и нуждами, которые сама жизнь ставитъ на очередь и разрѣшеніе которыхъ должно обусловить развитіе и ростъ извѣстной области. Вторая — быть посредницей между высшей литературой и провинціальнымъ читателемъ, т. е. умѣть указывать ему все, что лучшаго появляется въ столичной литературѣ, сообщая въ популярной формѣ всякія полезныя научныя знанія.

А между тѣмъ — «у насъ каждая провинціальная газета — говоритъ Н. М. — силится подражать столичной», но скудость матеріала и узкія сравнительно со столицей рамки жизни дѣлаютъ ее похожей «на ворону въ павлиньихъ перьяхъ».

Вслѣдствіе этого каково же состояніе провинціальнаго редактора?

«Набравъ цѣлую охабку задачъ, онъ постоянно разсѣвается и вполнѣ не можетъ удовлетворить ни одной, особенно на двухвершковой газеткѣ. Желая помѣщать все, онъ не находитъ ни силъ, ни сотрудниковъ... преслѣдуя всевозможныя цѣли, онъ разомъ гонится за ста зайцами и ни одного не (догоняетъ). Имъ не довольны и за обличенія и за необличенія, за сплетни и за отсутствіе сплетенъ, за отсутствіе занимательности и за отсутствіе серьезности. Положеніе его адское! Нѣтъ, я бы скорѣе повѣсился, чѣмъ сталъ провинціальнымъ редакторомъ!

«А провинціальный литераторъ-фельетонистъ!... Посмотрите, какъ онъ пыжится найти столичный матеріалъ по заведенному «лекалу»... Нѣтъ ничего жальче и комичнѣе этой роли! Провинція—вѣчный лакей, копирующій своего барина, — а въ литературѣ—лакей, смѣшной по своей важности и жалкій, потому что никогда не достигнетъ своего образца — столицы. И чѣмъ болѣе отдаляется онъ отъ «провинціальнаго», тѣмъ сильнѣе этимъ провинціальнымъ воняетъ отъ него...

«Провинціальная газета должна понять, что со столичной она конкурировать не можетъ, у нея нѣтъ того матеріала, и задачи ея другія... Соотвѣтственно (этому) у столичной газеты свои рубрики, у провинціальной должны быть свои. То, что у столичной газеты занимаетъ отдѣлъ міровой политики,—у провинціи должно быть иностранной политикой, рисующей жизнь провинцій на Западѣ, автономію ихъ и т. д., и т. д. То, что въ столичной занимаетъ (отдѣлъ) государственный, въ провинціальной газетѣ долженъ занимать (вопросъ) областной. Я не

говорю, чтобы она совсѣмъ не посвящала себя вопросамъ міровымъ и государственнымъ, но она должна изъ нихъ изрѣдка дѣлать краткій сводъ и указывать тѣ здоровые источники, гдѣ они разрабатываются; главная же ея спеціальность — вопросъ областной.

«Вы, мой другъ, замѣтили вполнѣ основательно, что у насъ мѣстнаго провинціальнаго вопроса не понимаютъ. Я давно, еще въ «Томскихъ Вѣд.», называлъ нашу мѣстную литературу *фонарной*, такъ какъ мѣстный вопросъ разумѣлся въ фонаряхъ, лужахъ на улицѣ, тротуарахъ, мостахъ и т. д. Отчего это? Да потому, что наша мѣстная жизнь и провинціальная общественная дѣятельность — право провинціи не шло дальше права устраивать фонари, мосты и бить собакъ...

«Провинціальный редакторъ долженъ имѣть цѣльныя убѣжденія, т. е. прежде, чѣмъ приступить къ газетѣ, долженъ знать, чего онъ хочетъ; мало сказать: «Мы хотимъ печатать!», необходимо прежде «выяснить цѣль изданія» и отдать себѣ ясный отчетъ въ задачахъ провинціальнаго органа.

«А кто же изъ провинціальныхъ литераторовъ и редакторовъ этимъ занимался?

«Чтобы усвоить себѣ исторію, жизнь и права провинціи, надо изучить особую литературу, надо слѣдить за нею въ тѣхъ государствахъ, гдѣ провинціальная жизнь достигла высшаго развитія, гдѣ она представляетъ разнообразіе, кипучую дѣятельность и гдѣ выяснены, формулированы ея принципы, ея мѣстные интересы и отношенія къ общимъ. Надо изучать мѣстныя общины, какъ ячейку государства, и глубоко въ себя впитать убѣжденіе, что безъ развитія мѣстной жизни и самодѣятельности, безъ уразумѣнія отношеній частнаго къ общему невозможно правильное развитіе общества.

«У каждой провинціи могутъ быть въ высшей степени тонкія различія въ требованіяхъ, и что полезно для одной провинціи, можетъ быть губительно для другой. Такъ, въ одной провинціи мѣстнымъ вопросомъ можетъ быть густота населенія, въ другой его рѣдкость, земледѣльческій или фабричный вопросъ, та или другая эксплоатація почвы и природы при физическихъ особенностяхъ, отличающихъ каждую провинцію, вопросъ пространства, путей въ данной мѣстности и ихъ направленіе, вопросъ, касающійся этнографическаго состава населенія, вопросъ національностей—все это мѣстные вопросы.

«Они должны быть точно опредѣлены, такъ какъ на основаніи ихъ вырабатываются мѣстныя потребности населенія. Уразумѣніемъ и разработкой этихъ подробностей должна заняться каждая провинція, начинающая сознательную жизнь. Общечеловѣческіе вопросы развитія должны быть сведены въ предѣлы мѣстныхъ условій и должны разсматриваться сообразно имъ. Опредѣлить эти мѣстныя условія, конечно, не можетъ столичная литература: они должны разрабатываться на мѣстѣ

Петербургскія газеты подводятъ всѣ провинціальныя потребности подъ одинъ шаблонъ, не принимая во вниманіе ни пространства, ни мѣстныхъ условій; оттого онѣ постоянно врутъ.

«Каждая провинція должна ясно сознать всѣ свои нужды и составить программу дѣйствій для удовлетворенія ихъ.

«Если эти потребности не сознаны, жизнь вяла, общественной иниціативы не существуетъ, и населеніе не понимаетъ своей связи съ государственными и общественными вопросами. Указать эту связь интересовъ каждой маленькой общины, деревни, городка съ высочайшими интересами человѣчества, — вотъ воспитательное значеніе провинціальной литературы.

«Ежели бы провинціальные редакторы и писатели поняли свою задачу, они могли бы выступить смѣло, не копируя столичной худосочной печати... и сознали (бы), что провинція есть народъ, главная масса народа, которой принадлежитъ все, исполнились бы гордости и высокаго вдохновенія, здѣсь они почерпнули бы силы...

«Стоя на распутьи между шикарной дорогой петербургскаго журналиста и скромной провинціальной дѣятельностью, я никогда не задумаюсь, что мнѣ предпочесть. Я охотно подамъ руку всякому провинціальному изданію.

«Я негодую на всякое подражаніе пошлымъ сторонамъ столичнаго журнализма и за попытки высокомѣрничать передъ провинціальной массой, передъ которой должны стоять съ открытой головой!

«Провинція — будущее!» [1]).

Письма эти, по-моему, имѣютъ громадное значеніе, какъ сконцентрировавшія въ себѣ убѣжденія Н. М-ча по многимъ вопросамъ русской жизни. Прежде всего, вамъ дѣлается ясно, что авторъ ихъ глубокій сбластникъ-провинціалъ, совершенно не раздѣляющій преклоненія ни передъ всенивеллирующимъ Петербургомъ, ни передъ господами-гастролерами, милостиво бросающими провинціи крупицы своихъ досуговъ. Во-вторыхъ, это человѣкъ практически взвѣшивающій работу въ провинціи и не признающій цѣлесообразности въ заоблачныхъ мечтаніяхъ. Въ-третьихъ, это преданный другъ и слуга народа, которому, по его убѣжденію, суждено сказать послѣднее слово... Какъ бы ни смотрѣть на эти убѣжденія, но нельзя не видѣть ихъ силы и продуманности у самого Н. М-ча.

Всѣ эти убѣжденія раздѣляла и «Камско-Волжская Газета» — отсюда ея сила среди провинціальной прессы, отсюда и жаркая полемика со столичными журналистами, и до сихъ поръ не переносящими указаній на ихъ иногда нелѣпое отношеніе къ провинціи.

---

[1]) „Изъ бумагъ сибирскаго патріота“, „Вост. Обозрѣніе“, 1902 г., № 188.

Самочувствіе Н. М-ча въ это время было гораздо лучше, чѣмъ до начала постоянной работы въ казанской газетѣ. Тогда на него находила иногда хандра и онъ писалъ своему никольскому другу: «Когда меня душитъ тоска, я только съ вами и могу бесѣдовать, отъ остальныхъ запираюсь. Боюсь, чтобы не сдѣлаться меланхоликомъ; ссылка мнѣ порядочно-таки надоѣла, даже въ этомъ случаѣ перемѣна тюремъ лучше... Но я крѣплюсь еще. С. С., кажется, сбирается хлопотать о свободѣ... у меня же нѣтъ ничего впереди и ежели потерпится—потерпимъ. Ежели, бы я (и) хотѣлъ для чего освобожденія, то для того чтобы пристроиться лучше къ спеціальнымъ занятіямъ и предаться одному Востоку. На заданныя Благосомъ [1]) темы у меня не лежитъ сердце писать, и онъ изъ меня холопа своего никогда не сдѣлаетъ, какъ я ни несчастенъ. Я могу работать только то, чему я преданъ душой и тѣломъ, и пусть меня сгубитъ нужда, но я не продамъ своей вѣры и своего слова. Моя проклятая натура требуетъ вдохновенія, а это вдохновеніе приходитъ только съ одной идеей... Вотъ нѣсколько недѣль назадъ я пробовалъ писать компиляціи о землевладѣніи въ Европѣ и объ отзывахъ иностранцевъ о русской общинѣ. Ну, не лежитъ душа, хотя и матеріалы нашлись; все равно, какъ будто я никогда пера въ руки не бралъ, а взялся въ одинъ вечеръ писать нашъ любезный романъ, и съ лихорадочнымъ жаромъ написалъ нѣсколько уже главъ»... [2])

Въ «Автобіографіи» же находимъ: «Не все время жилось легко и беззаботно, иногда тоска и безнадежность сокрушали духъ. Наша ссылка была безсрочная. Товарищи уѣзжали или переводились. Стронинъ уѣхалъ, Христофоровъ тоже, Шашковъ, Натансонъ, Пругавинъ были переведены на югъ. Я оставался одинъ съ Ушаровымъ. Этотъ несчастный человѣкъ требовалъ постоянно опеки: онъ былъ неисправимый алкоголикъ. Послѣднюю зиму онъ простудился, получилъ воспаленіе легкихъ и умиралъ на моихъ рукахъ. Я хоронилъ его одинъ. Впечатлѣніе было тягостное. До послѣдней минуты я не оставлялъ его. Онъ умеръ въ казенной больницѣ, его положили въ коленкоровомъ халатѣ и башмакахъ (платья у него не было), гробъ былъ казенный. Несли гробъ служителя и уголовные ссыльные, жившіе въ городѣ. Пасмурный день,

---

[1]) Такъ онъ называлъ редактора „Дѣла"—Благосвѣтлова.

[2]) „Изъ бумагъ сибирскаго патріота", „Вост. Обозрѣніе", 1902 г., № 160. О какомъ романѣ идетъ рѣчь—неизвѣстно.

бѣдная церковь, желтыя свѣчи и этотъ трупъ въ халатикѣ уснувшаго страдальца писателя-земляка—вотъ что осталось въ памяти.

«Послѣ смерти Ушарова мое одиночество въ Шенкурскѣ стало еще тягостнѣе. Я уже съ полгода началъ переписку съ Петербургомъ и обратился къ бывшему тобольскому губернатору, члену совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, Деспоту-Зеновичу, а также къ графу Соллогубу, занимавшемуся тюремнымъ вопросомъ, прося ихъ ходатайствовать о моемъ освобожденіи. Благодаря ходатайству этихъ лицъ и поданному прошенію на имя графа Шувалова, я былъ прощенъ и поѣхалъ въ Петербургъ» [1]).

Въ концѣ декабря 1873 г. Н. М. получилъ свободу и, быстро собравшись, двинулся въ Петербургъ, пославъ нѣсколько статей въ «Камско-Волжскую Газету», которую, однако, пришлось, уже въ столицѣ, оплакивать: за статьи, въ томъ числѣ и самаго Н. М., о самарскомъ голодѣ, цензированіе ея было перенесено въ Москву, въ прошеніи же перевести туда и редакцію Агафонову было отказано... На 11-мъ номерѣ 1874 года газета прекратилась навсегда...

VI.

1874—1876 гг.

Поступленіе домашнимъ секретаремъ къ гр. В. А. Соллогубу. Работа у него по вопросу о тюрьмѣ и ссылкѣ. Знакомство съ А. Ѳ. Барковой. Женитьба на ней. А. Ѳ. Ядринцева. Взглядъ Н. М. на народничество. Работа въ журналахъ и газетахъ. Казанскій сборникъ „Первый шагъ". Стихотворенія Н. М. Знакомство съ генералъ-губернаторомъ З. Сибири, Казнаковымъ. Сотрудничество въ „Сибири". Отъѣздъ въ Омскъ.

«Въ Петербургъ я ѣхалъ измученный ссылкою, усталый и нервный. Дорогой у меня сдѣлалось страшное сердцебіеніе. Но я

---

[1]) Всеподданнѣйшее прошеніе было подано министру внутреннихъ дѣлъ, Тимашеву, и имъ по сношеніи съ архангельскимъ губернаторомъ, препровождено главноуправляющему III отдѣленіемъ гр. Шувалову вошедшему 17 ноября 1873 г. съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о помилованіи Ядринцева возвращеніемъ ему прежнихъ правъ и дозволеніемъ повсемѣстнаго жительства. Оно послѣдовало до 1 декабря, такъ какъ въ этотъ день гр. Шуваловъ уже препроводилъ министру вн. дѣлъ копію съ своего доклада и высочайшей на немъ резолюціи. (См. архивъ бывшаго главнаго управленія Запад. Сибири, 1881 г., № 124).

кое-какъ доѣхалъ. Начались поиски работы»—такъ заноситъ Н. М. въ автобіографію этотъ важный моментъ своей жизни.

Вскорѣ онъ поступилъ домашнимъ секретаремъ къ гр. В. А. Соллогубу и занимался у него составленіемъ докладовъ и записокъ по тюремному дѣлу, написалъ замѣчанія на проектъ соллогубовской комиссіи, выработалъ проектъ попечительныхъ и патронатныхъ обществъ, подготовилъ, съ помощью Соллогуба, записку о параллелизмѣ въ системѣ нашей лѣстницы наказаній, переводилъ съ французскаго парламентскіе отчеты по тюремномъ же вопросамъ, а съ англійскаго—мнѣнія инспектора тюремъ Дюкена и т. д. Когда же соллогубовскій проектъ «положенія о тюрьмахъ» былъ переданъ въ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Зубова, то Н. М. и здѣсь нашелъ себѣ дѣло: онъ подготовилъ матеріалъ для записки И. Я. Фойницкаго, объ окончательномъ проектѣ тюремнаго преобразованія, представленной въ 1877 г. въ учрежденную въ составѣ государственнаго совѣта комиссію подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота.

«Графъ Соллогубъ, старикъ-чудакъ, вышедшій въ 70-хъ годахъ точно изъ мертвыхъ (въ 60-хъ онъ стушевывался). Графъ въ своихъ тюремныхъ проектахъ сталъ сразу противъ ссылки, какъ наказанія, и въ своемъ проектѣ процитировалъ всю мою книгу. Въ этомъ отношеніи я считалъ своимъ долгомъ его поддерживать. Графъ иногда шутя говорилъ мнѣ: «а Сибирь мнѣ должна поставить памятникъ!» Я его видѣлъ позднѣе умирающимъ, полупомѣшаннымъ старикомъ. За его борьбу противъ ссылки и ясное пониманіе ея вреда для Сибири нельзя не воздать ему доброй памяти и признательности. Въ другихъ вопросахъ мы не имѣли съ графомъ ничего общаго. У гр. Соллогуба я встрѣчалъ массу разныхъ тюрьмовѣдовъ, представителей министерствъ, генераловъ, профессоровъ. Здѣсь же я познакомился съ проф. И. Я. Фойницкимъ, солидарнымъ со мною по вопросу о ссылкѣ. Чрезъ него я зналъ обо всѣхъ проектахъ. Эти знакомства дали мнѣ возможность знать воззрѣнія разныхъ административныхъ лицъ и ученыхъ по вопросу о ссылкѣ. Въ то же время я учился быть представителемъ сибирскихъ интересовъ и ходатаемъ за Сибирь. Впослѣдствіи мои связи въ административныхъ кругахъ расширились.

«Несмотря на эти отношенія съ высшими административными лицами, мое личное положеніе не улучшалось и, работая у графа Соллогуба, я не имѣлъ никакого обезпеченія. Я явился разъ къ Некрасову въ «Отечественныя Записки», но встрѣтилъ вѣжливый, но

сухой пріемъ. Мнѣ предлагали принести статьи для образца, а между тѣмъ, я написалъ уже книгу, которая произвела свое дѣйствіе. Даже Елисеевъ, редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», не зналъ моей книги о Сибири.

«Скоро судьба моя, однако, измѣнилась, и я почувствовалъ приливъ особой энергіи въ своей дѣятельности.

«По пріѣздѣ въ Петербургъ, я познакомился, по порученію Г. Н. Потанина, съ корреспонденткой «Камско-Волжской Газеты», Аделаидой Федоровной Барковой, жившей съ матерью въ Петербургѣ. Полгода она была почти моимъ секретаремъ, я совѣщался съ ней о дѣлахъ любимой «К.-В. Газеты», это связало насъ духовными интересами. Въ 1874 г. я женился на ней и нашелъ товарища, друга и сотрудника» [1]).

Все только что разсказанное о женитьбѣ нуждается, конечно, въ гораздо большихъ подробностяхъ. Аделаида Федоровна играла слишкомъ видную роль въ жизни своего мужа, чтобы не остановить на ней вниманіе читателя, тѣмъ болѣе, что сдѣлать это и вполнѣ возможно; прежде всего мы имѣемъ цѣнную характеристику и отчасти біографію покойной, написанную ея подругой—г-жей М. Свентицкой, которую и перепечатываемъ почти полностью, предваривъ, что А. Ѳ., родившаяся въ Нижнемъ-Новгородѣ, была дочерью енисейскаго золотопромышленника Баркова, потомъ разорившагося и умершаго.

«Съ Аделаидой Федоровной Ядринцевой, бывшей Барковой, я познакомилась въ Нижнемъ, въ 1869 году. Я была тогда ученицей 5-го класса нижегородской гимназіи, куда осенью и поступила Баркова».

Очень скоро г. Свентицкая и ея ближайшая подруга, Маврина, сдружилась съ А. Ѳ. и очень полюбили свою новую подругу.

«Адя заняла мѣсто между нами, выдѣляясь своимъ образованіемъ, разностороннимъ развитіемъ и спокойнымъ, уравновѣшеннымъ нравомъ. Она много читала, но ея чтеніе не было такимъ безпорядочнымъ, какъ мое, и такимъ одностороннимъ, какъ чтеніе Мавриной. Она поступила въ пятый классъ съ прекрасной подготовкой къ занятіямъ и съ бо̀льшимъ развитіемъ, чѣмъ мы, и внесла въ нашу интеллектуальную жизнь новые интересы, невольно способствуя расширенію нашего кругозора.

---

[1]) Рукописная „Автобіографія“.

«Общеніе съ Адей особенно сильно сказалось на мнѣ, и теперь, оглядываясь назадъ, я отчетливо сознаю, какъ много сдѣлала она для меня. Прежде всего ея вліяніе сказалось на моемъ чтеніи. Обыкновенный вопросъ Ади: «Что ты теперь читаешь?»— натолкнулъ меня на мысль, что читать надо всегда, что чтеніе не развлеченіе, а постоянное, необходимое занятіе. Ея брезгливое отношеніе къ французскимъ романамъ, въ родѣ «Рокамболя», вызвало много разговоровъ о литературѣ и впервые натолкнуло на мысли о томъ, что чтеніе не должно быть безъ разбора, что плохія книги вліяютъ на нравственный міръ такъ же сильно и дурно, какъ общеніе съ плохими людьми. Ея вопросы: «Чье это произведеніе? Какая главная мысль его?»—заставляли меня серьезнѣе относиться къ читаемому и невольно знакомиться съ представителями нашей и иностранной литературы, такъ какъ всегда послѣ такихъ вопросовъ у насъ бывали бесѣды о томъ или другомъ авторѣ...

«Вліяніе Ади сказалось и на другихъ сторонахъ моего внутренняго міра. Въ тѣ юные годы (мнѣ было 14 лѣтъ) я отличалась нѣкоторой сантиментальностью: очень любила толковать о вѣчной дружбѣ, о самопожертвованіи въ любви, о тоскѣ по идеаламъ и т. п. и, если можно такъ выразиться, жила только въ области чувствъ, не имѣя никакого представленія ни о жизни, ни о людяхъ, ни объ обязанностяхъ человѣка, какъ члена общества. Адя всегда указывала мнѣ смѣшныя и вредныя стороны такого направленія. «Ты все толкуешь о любви и непремѣнно вѣчной», говорила она: «но, вѣдь, любовь должна вести къ дѣятельности, а думаешь-ли ты о ней? Ты жалуешься на какую-то неопредѣленную тоску, толкуешь объ идеалахъ,—но... есть-ли у тебя ясные и опредѣленные идеалы? Да и какая можетъ быть тоска у человѣка, который совсѣмъ еще не жилъ? Не тосковать, а работать надо надъ своимъ развитіемъ, нужно готовиться къ жизни, къ служенію тѣмъ идеаламъ, о которыхъ ты такъ любишь говорить»...

«Вліяніе Ади Барковой сказывалось и на всемъ классѣ, хотя и слабѣе, чѣмъ на насъ съ Мавриной. Она приносила въ классъ и раздавала желающимъ хорошія книги и никогда не отказывалась говорить по поводу содержанія этихъ книгъ. Всей душой стояла она за товарищество въ классѣ, охотно помогала слабымъ и вмѣстѣ съ Мавриной устроила даже регулярныя занятія съ отставшими передъ экзаменами. Многихъ ученицъ изъ своего класса Адя приглашала къ себѣ и вообще всѣми силами старалась сблизить, объединить весь классъ.

«Бывать у Барковой было громаднымъ наслажденіемъ, и я никогда не забуду тѣхъ чудесныхъ вечеровъ, которые мы у ней проводили. Адя жила вдвоемъ съ матерью. Александра Ивановна Баркова всегда такъ тепло и сердечно относилась къ намъ, подругамъ ея дочери, такъ много вносила оживленія и интереса въ наши бесѣды, что мы всѣ горячо полюбили ее и считали самымъ желаннымъ членомъ нашей молодой компаніи. Послѣдній годъ ученія мы съ Мавриной бывали у Барковыхъ обыкновенно по субботамъ,—и этотъ день былъ нашимъ любимымъ днемъ...

«Послѣ чая устраивалось чтеніе вслухъ. Барковы обыкновенно заранѣе намѣчали для чтенія какую-нибудь книгу или журнальную статью. За чтеніемъ—опять бесѣды, нерѣдко споры. Конецъ вечера посвящался музыкѣ,—и Адя и Александра Ивановна недурно играли на роялѣ. Расходились мы часовъ въ 12,—веселыя, бодрыя, всегда довольныя проведеннымъ вечеромъ.

«Въ послѣдній же годъ нашего пребыванія въ гимназіи у насъ произошло «событіе», въ которомъ немалую роль играла Адя. Подъ вліяніемъ одного изъ нашихъ общихъ знакомыхъ (К. В. Лаврскаго), а также и нашихъ совмѣстныхъ чтеній и бесѣдъ, мы рѣшили, что намъ необходимо дѣлать какое-нибудь «общественное дѣло», необходимо уже приносить «пользу людямъ». И вотъ мы надумали устроить безплатную школу для бѣдныхъ дѣтей, причемъ все преподаваніе въ ней вести общими силами. Желающихъ учить нашлось много изъ нашихъ однокурсницъ, но не было ни помѣщенія, ни средствъ для обзаведенія и содержанія школы. Какъ быть? И вотъ мы рѣшаемъ устроить «общество» съ ежемѣсячными взносами членовъ для покрытія расходовъ по школѣ. Баркова принимала самое горячее участіе въ этомъ дѣлѣ: она и членовъ вербовала, и пожертвованія стала собирать, и даже упросила одного изъ учителей гимназіи,—любителя драматическаго искусства,—устроить домашній спектакль въ пользу будущей школы. Дѣло быстро пошло на ладъ. Членовъ набралось такъ много, что однихъ членскихъ взносовъ, по нашимъ разсчетамъ, почти хватало на содержаніе школы,—а вѣдь, кромѣ того, предполагались еще пожертвованія, спектакль, лоттерея и т. п. Счастливыя отъ удачи задуманнаго, мы собирались все сообщить начальницѣ и были вполнѣ увѣрены, что она одобритъ наши планы и похвалитъ насъ за желаніе такой полезной дѣятельности, — какъ вдругъ все разлетѣлось прахомъ; начальница, узнавъ откуда-то со стороны о нашемъ «обществѣ», отнеслась къ нему совсѣмъ не такъ, какъ мы ждали,

и категорически заявила, что мы должны отказаться отъ нашихъ плановъ.

«Въ утѣшеніе Адя придумала иной способъ дѣятельности: мы втроемъ съ Мавриной выпросили у директора разрѣшеніе заниматься, въ свободные отъ нашихъ классовъ часы, въ пріютѣ, который находился противъ нашей гимназіи, и учительствовали тамъ все время, пока были въ необязательномъ, педагогическомъ классѣ, и еще годъ по окончаніи курса. Адя занималась прекрасно: я иногда ходила слушать ея уроки и всегда приходила отъ нихъ въ восторгъ. Занятія въ пріютѣ, которыя были для насъ очень трудны (дѣти были разныхъ возрастовъ и разныхъ знаній), принесли намъ неожиданную пользу: мы воочію увидали, какъ мало еще приготовлены къ педагогической дѣятельности и какъ мало знаній у насъ самихъ.

«Послѣ многихъ бесѣдъ на эту тему, мы пришли къ слѣдующему рѣшенію: наше образованіе далеко не закончено; намъ нужно еще много и много учиться, а такъ какъ въ Нижнемъ это устроить трудно, то мы всѣ три непремѣнно отправимся въ Петербургъ, какъ только кончимъ курсъ въ гимназіи, и поступимъ тамъ на курсы. (Въ это время готовились къ открытію медицинскіе и высшіе Бестужевскіе курсы; Маврина рѣшила поступить на медицинскіе, а мы съ Адей—на Бестужевскіе).

«Въ 1872-мъ году мы кончили курсъ въ гимназіи, но поѣхать въ Петербургъ тотчасъ же никому изъ насъ 3-хъ нельзя было по семейнымъ обстоятельствамъ. Пришлось остаться въ Нижнемъ и ждать. Чтобы хоть что-нибудь сдѣлать для пополненія нашего образованія, мы надумали устроить коллективные уроки математики и физики. (Въ то время въ женской гимназіи проходилась только ариѳметика; курсъ же физики былъ черезчуръ кратокъ).

«Адя очень хлопотала съ устройствомъ нашихъ занятій и все время очень горячо и активно относилась къ нимъ. Уроки происходили въ ея квартирѣ. Слушательницъ набралось около 15 человѣкъ; лекціи читалъ намъ одинъ изъ учителей мужского института. Въ какомъ восторгѣ мы были отъ этихъ лекцій, съ какимъ жаромъ учились!

«Въ этомъ-же, 1872 году, началось знакомство Ади съ Н. М. Ядринцевымъ, но не личное, а черезъ письма. Вышло это вотъ какъ: Н. М. былъ друженъ съ Г. Н. Потанинымъ, который, въ свою очередь, въ бытность свою въ Никольскѣ, сошелся близко съ К. В. Лаврскимъ, братомъ моей подруги. К. В. былъ очень хорошъ

со всѣмъ нашимъ тріумвиратомъ и такъ много хорошаго разсказывалъ намъ въ письмахъ изъ Никольска и при личномъ свиданіи о Г. Н. и Н. М., что у насъ явилось сильное желаніе завязать съ ними знакомство, хотя бы черезъ письма. Это желаніе мы привели въ исполненіе,—написали письма и получили отвѣты. Н. М. такъ охотно откликнулся на наше письмо, что мы скоро опять написали ему, — и вотъ между нами и Н. М. завязалась правильная и очень интересная переписка. Мы съ Мавриной были лѣнивѣе на письма и скоро отстали, а Адя вплоть до личнаго знакомства не прекращала переписку съ Н. М., изрѣдка дѣлясь съ нами содержаніемъ писемъ.

«Осенью 1873 года Барковы переѣхали въ Петербургъ, такъ какъ Адѣ сильно хотѣлось поступить на курсы. Въ Петербургѣ Адя поступила на педагогическіе курсы и такимъ образомъ первая изъ нашего тріумвирата сдержала данное слово.

«Писала она намъ очень часто; описывала петербургскую жизнь, курсы, свои занятія, новыя знакомства. Столичная и курсовая жизнь пришлась ей по сердцу; она быстро нашла себѣ въ Петербургѣ и друзей и знакомыхъ; ея научныя занятія шли очень хорошо. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Адя сообщила, между прочимъ, что у ней появился новый и вмѣстѣ съ тѣмъ старый знакомый — Н. М. Ядринцевъ, который пріѣхалъ въ этомъ году въ Петербургъ и произвелъ на нее прекрасное впечатлѣніе. Съ этого момента въ каждомъ изъ писемъ Ади было что-нибудь и о Н. М., съ которымъ ея знакомство постепенно переходило въ дружбу.

«Лѣтомъ 1874 г. Адя совсѣмъ неожиданно пріѣхала въ Нижній вмѣстѣ съ Н. М., котораго она уже представила намъ съ Мавриной, какъ своего жениха.

«Н. М. произвелъ на насъ очень хорошее впечатлѣніе, и мы искренно радовались за Адю, желая ей отъ всего сердца самаго полнаго, самаго лучшаго семейнаго счастья. Теперь ужъ всѣ вечера мы проводили *вчетверомъ*, быстро сойдясь съ Н. М., который совсѣмъ очаровалъ насъ своимъ умомъ, живостью и крайне ласковымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ намъ. Шутя, онъ говорилъ, что боится насъ съ Машей Мавриной, боится не понравиться намъ, такъ какъ Адя сказала ему, что не выйдетъ за него замужъ, если мы не одобримъ ея выбора, — и сколько веселья, сколько шутокъ было по этому поводу!.. А какъ много интереснаго разсказывалъ намъ Н. М. изъ своего прошлаго!

Разсказывалъ онъ прекрасно, и мы цѣлыми часами слушали его, затаивъ дыханіе» [1]).

24 іюля (1874 г.) состоялась свадьба. Дата эта возстановляется благодаря уцѣлѣвшему письму Н. М-ча своему пріятелю, Я. М. Кравцову, на слѣдующій день: «Милый и добрый Яковъ Михайловичъ, заѣзжайте же ко мнѣ взглянуть на меня завтра до 12 часовъ, часовъ въ 11. Все кончено, со вчерашняго дня я ношу кольцо на рукѣ... Итакъ жду васъ, вы должны подѣлиться моей радостью, моимъ счастьемъ».

Всѣ знавшіе А. Ѳ. въ одинъ голосъ говорятъ о ея высокихъ качествахъ и какъ человѣка, и какъ жены. Близко знавшій ее В. И. Семевскій утверждаетъ, что «это была одна изъ самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ благородныхъ, самыхъ гуманныхъ женщинъ, золотое, великое сердце которой билось только для блага ближняго. Интересы общественные и литературные всегда были для нея выше личныхъ интересовъ; она готова была на всякую жертву ради того, что она считала важнымъ и необходимымъ, ради преуспѣянія печати, для которой такъ много поработалъ горячо любимый ею мужъ, ради интересовъ сибирской молодежи, на пользу которой она трудилась до послѣдней болѣзни, унесшей ее въ могилу» [2]).

«Постоянно дѣятельная, искренняя, ласковая, вызывающая на откровенность, она имѣла громадное вліяніе на окружающихъ, безусловно большее, чѣмъ самъ Н. М., съ его саркастическимъ языкомъ и повышенными требованіями. Нужно было болѣе продолжительное знакомство, чтобы оцѣнить и полюбить Н. М., извинить его нѣкоторые недостатки, тогда какъ А. Ѳ. завоевывала симпатіи къ ней съ перваго раза, съ первой съ ней бесѣды» [3]).

«Женясь,—говоритъ Н. М.—я былъ бѣднякомъ-литераторомъ съ случайнымъ заработкомъ, но моя подруга не посмотрѣла на это, ее не остановила будущая бѣдность: она раздѣляла только мои лучшія цѣли и стремленія приносить пользу обществу и родинѣ. Начать семейную жизнь безбѣдно и въ удобной обстановкѣ дала

---

[1]) *М. Свентицкая*, „А. Ѳ. Ядринцова", „Вост. Об.", 1897 г., № 56. Объ увлекательности и художественности разсказовъ Н. М. говорятъ всѣ близко его знавшіе.

[2]) *В. Семевскій*, „А. Ѳ. Ядринцова", „Рус. Старина", 1888, IX, 695.

[3]) *А. Михайловичъ*, „А. Ѳ. Ядринцева", „Сибир. Жизнь", 1903 г., иллюстр. приложеніе къ № 121.

намъ возможность тещa, мать Аделаиды Ѳедоровны, святая женщина, Александра Ивановна Баркова» [1]).

Вдвоемъ Ядринцевы работали уже за десятерыхъ.

Встрѣтившій его какъ разъ въ это время товарищъ по университету, В. П. Острогорскій, пишетъ:

«Встрѣтились мы, кажется, въ 1875 г., въ Петербургѣ, и сразу узнали другъ друга. Общія воспоминанія о студенчествѣ подогрѣли насъ, а женитьба его на одной изъ лучшихъ моихъ ученицъ по педагогическимъ курсамъ сблизила насъ тѣмъ болѣе. Въ обществѣ уже быстро надвигалась реакція, и въ Петербургѣ далеко не было того оживленія, какое было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Но, Боже мой, какимъ живымъ, жизнерадостнымъ, вѣрящимъ въ свое дѣло сохранился этотъ, столько испытавшій, человѣкъ! Какое ободряющее впечатлѣніе произвелъ онъ тогда на меня, точно такъ же, какъ и на всѣхъ, съ кѣмъ онъ сближался! Было въ немъ, при всемъ его сибирскомъ, довольно чуждомъ для насъ, патріотизмѣ столько общечеловѣческаго, культурнаго, столько любви къ народу и его просвѣщенію! Онъ еще тогда подготовлялся къ дѣятельности болѣе широкой, и, по массѣ знаній, при просвѣщенныхъ его взглядахъ и пламенной убѣжденности, можно было предвидѣть, что эта дѣятельность разрастется и должна принести плоды!» [2]).

Но работа въ Петербургѣ для Н. М. не могла находиться скоро: онъ былъ слишкомъ убѣжденный областникъ, чтобы подойти къ нераздѣлявшимъ эти стремленія органамъ. На любую тему статья могла быть принята, на любимую, выношенную—съ большимъ трудомъ.

«Вопросъ запутался къ тому же новой тенденціей о «деревнѣ», которую проводилъ Червинскій [3]). Русская интеллигенція, стремясь въ народъ, понимала подъ провинціальною дѣятельностью только дѣятельность въ деревнѣ для мужика. Это—справедливо замѣчаетъ Н. М.—суживало и дѣятельность, и самую идею областного движенія. Мы разумѣли обобщеніе и пробужденіе интеллигентной жизни въ провинціи. Въ столицѣ и столичной печати была самая неблагопріятная почва для возбужденія вопроса о провинціи. Вопросъ, по моему, имѣющій огромную важность въ гражданскомъ и поли-

---

1) Рукописная „Автобіографія“.

2) *В. Острогорскій*, „Памяти Н. М. Ядринцева“, „Рус. Вѣдомости“, 1894 г., № 214.

3) Подписывался П. Ч. и печатался въ „Недѣлѣ“, 1875—1882 гг.

Н. М. Ядринцевъ
(1890-ые годы).

(Съ фотографіи Д. Здобнова).

тическомъ смыслѣ для развитія Россіи, вопросъ объ области и ея участіи въ жизни народной, когда-то поднятый Щаповымъ и установившій новое историческое воззрѣніе, было рѣшительно не понятъ. Для столичника провинція — глушь, образецъ застоя, невѣжества, проявленія грубыхъ инстинктовъ массы и крѣпостническихъ отжившихъ интересовъ. Провинціальная интеллигенція—мелочь, ничтожество; провинціальная печать — убожество. А между тѣмъ, провинція и область просыпались. Уже работа въ одномъ земствѣ доказала, какая жизнь здѣсь могла быть сосредоточена. О группировкѣ провинціальной интеллигенціи и ея сплоченіи никто не думалъ. Теченіе «народничества» въ его общей, расплывчатой, неопредѣленной формѣ овладѣло столичнымъ направленіемъ. Но что такое народничество безъ участія высшей духовной и гражданской жизни въ провинціи?! Такъ или иначе въ провинціальныхъ обозрѣніяхъ въ столичныхъ журналахъ касались жизни провинціи, но вопросъ никогда не поднимался во всю ширь, глубину, и тонъ защиты провинціи никогда не возвышался такъ, какъ у насъ въ областной печати, въ «Камско-Волжской Газетѣ» и въ «Первомъ шагѣ» [1]).

Это мѣсто въ «Автобіографіи» очень важное. Совершенно ясно, что такъ называемое «народничество» не захватило Н. М—ча, понимавшаго лежащій въ его основѣ вопросъ нѣсколько иначе. Благодаря этому и самое главное теченіе общественной мысли 70-хъ годовъ не вліяло на взгляды Н. М. такъ, какъ на другихъ. Оно прошло мимо него.

Упомянутый Н. М—мъ «Первый шагъ» былъ сборникомъ, изданнымъ въ 1876 г., въ Казани, замолкшею группою сотрудниковъ «Камско-Волжской Газеты». Это былъ первый шагъ по пути возможнаго выясненія мыслей, только что процитированныхъ нами изъ «Автобіографіи». Здѣсь неумѣстно было бы входить въ оцѣнку этого шага, но нельзя не отмѣтить, что «сборникъ» былъ составленъ недостаточно спокойно и потому не вполнѣ убѣдительно. Талантливая статья Лаврскаго—«Литературное обозрѣніе» била часто не туда, куда слѣдовало, и потому въ частяхъ производила тогда даже комическое впечатлѣніе. Второй томъ «сборника» не былъ разрѣшенъ цензурой.

Н. М. помѣстилъ тамъ два разсказа и стихотвореніе «Лѣсъ сѣвера».

---

1) Рукописная „Автобіографія".

Н. М. вообще придавалъ поэзіи большое значеніе въ жизни человѣка. На него, всегда занятаго массою практическихъ вопросовъ, очень часто находило поэтическое вдохновеніе, и тогда на первомъ же попавшемся листкѣ онъ изливалъ его въ видѣ самыхъ разнообразныхъ стиховъ. Въ этомъ отношеніи очень любопытно для его характеристики одно стихотвореніе: «27 марта». На одной страницѣ этого листка—стихи, а на другой—рукою самого Н. М. выведено: «Проектъ объ уничтоженіи» и т. д.; внизу приписка: «а вышла поэзія» [1]). И стихи онъ писалъ всю жизнь. Конечно, имъ нельзя придавать сколько-нибудь большого значенія, многіе изъ нихъ положительно слабы и по замыслу, и по исполненію, но для характеристики Н. М—ча они имѣютъ значеніе.

Чтобы не возвращаться дальше къ этой чертѣ психологической жизни Н. М., приведу здѣсь нѣсколько его поэтическихъ произведеній.

Жалоба.

(Вписана въ жалобную книгу въ деревнѣ Семилужкахъ, на первой станціи отъ Томска).

Здѣсь въ деревнѣ Семилужной
Родился писатель скромный
И живи онъ тихо, смирно—
Былъ бы онъ талантъ огромный.
Но писатель Семилужный
Угодилъ подъ чью-то лапу
И какъ слѣдуетъ былъ высланъ
Изъ селенья по этапу.

Съ этихъ поръ въ село родное
Ходитъ тайно на свиданье
Изъ бродягамъ окнъ
Проситъ скромно подаянья.

Въ Семилужной пѣсни, пляски,
Въ Семилужной плачъ и вой,
Засѣдательская встряска,
Кражи, буйства и разбой.
А писатель добродушный [2])
Весь избитъ, и хилъ, и старъ,
Все такой же благодушный
Славитъ прелесть Семилужной [3]).

[1]) „Сиб. Жизнь“, 1903 г., иллюстр. приложеніе къ № 121.

[2]) Намекъ на псевдонимъ „Добродушный Сибирякъ“.

[3]) Воспроизвожу по рукописи-оригиналу, доставленному В. И. Семидаловымъ. Написано это стихотвореніе въ 1899-къ годахъ Семилуж-

Well come! Wellcome!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Ахъ, тотъ, кто не былъ разлученъ,
Быть можетъ, не любилъ,
Какъ тотъ свободы не цѣнилъ,
Кто цѣпи не носилъ.

Вдали просторъ, вдали привѣтъ!
Край неба виденъ изъ тюрьмы,
Свободно птица мчится вдаль—
Не вырвешься лишь ты.

Кто зналъ, какъ тяжко умирать
Приходится вдали,
И мутнымъ взоромъ не найти
Кругомъ родной земли [1]).

Родина.

Я рожденъ въ странѣ далекой,
Къ чьимъ гранитнымъ берегамъ
Вѣчно хладною струею
Плещетъ грозный океанъ.

Я рожденъ въ землѣ обширной,
Гдѣ границъ пространствамъ нѣтъ,
Гдѣ отъ моря и до моря
Разостлался бѣлый свѣтъ.

Я изъ той страны привольной,
Гдѣ начала нѣтъ рѣкамъ,
Гдѣ зелеными морями
Лѣсъ бушуетъ по доламъ.

Я изъ той земли, гдѣ горы
Тонутъ въ бѣлыхъ облакахъ
И извилисты, какъ змѣи,
Расползаются въ степяхъ.

Все, кажись, въ странѣ той диво,
Вся она полна чудесъ:
Горы съ розами близъ снѣга
И зимой зеленый лѣсъ.

ная — деревня близъ Томска, отъ которой Н. М. и взялъ свой псевдонимъ „Семилуженскій“, но въ данномъ случаѣ это—вся Сибирь. Это стихотвореніе въ измѣненномъ видѣ напечатано и въ „Мірѣ Божьемъ“ 1895 г., № 3.

[1]) „Камско-Волжская Газета“, 1873 г., № 41. Конецъ стихотворенія, написаннаго подъ впечатлѣніемъ щенкурской жизни.

Вверхъ стремящіяся рѣки,
Въ бездну бьющій водопадъ,
Рай, раскинутый въ долинѣ,
И ущелій темный адъ.

Я изъ странъ, въ которыхъ соболь
Съ давнихъ поръ водетъ свой родъ,
Гдѣ лисица съ горностаемъ
Драгоцѣнный мѣхъ даетъ,

Гдѣ олень стадами бродитъ,
Гдѣ боберъ родится сѣдъ;
Я изъ той страны, чьей краше
И пушистѣй бѣлки нѣтъ.

Я оттуда, гдѣ роскошно
Разстилаются луга,
Что современемъ поточатъ
Рѣки меда и млека.

Я изъ той земли, чьи нѣдра
Драгоцѣнный держатъ кладъ,—
Для дворцовъ порфиръ и мраморъ,
Малахиты для палатъ.

Я изъ той страны, что людямъ
Дорогой металлъ дала,
Для царей вѣнцы сковала
И въ порфиры облекла.

Къ той землѣ сыздавна зависть
Въ людяхъ жгучая живетъ.
Къ почвѣ дѣвственнаго края
День за днемъ маня народъ,

И за дальними горами
Край пустынный и нѣмой,
Постепенно оживляясь,
Блещетъ новой красотой,

. . . . . .
. . . . . .

И я слышу чуткимъ сердцемъ,
Что великою судьбою
Начинаетъ уже вѣять
Надъ моимъ далекимъ краемъ,
Надъ страной моей родною [1]).

Безусловно поэтичны и сердечны нѣкоторыя беллетристическія произведенія Н. М—ча. Особенно вѣетъ сердечностью отъ двухъ изъ нихъ: «Покинутыя переселенческія дѣти» [2]) и «Дѣдъ-карауль-

---

[1]) „Сибирскіе мотивы", сборникъ, изд. Н. М. Сибирякова, Спб. 1886 г., 14—16.

[2]) „Русск. Жизнь", 1892 г., № 350.

щикъ (посвящается дочери моей Лидіи)» [1]). Только за недостаткомъ мѣста нѣтъ возможности познакомить съ ними читателя.

Въ перепискѣ съ В. И. Семидаловымъ есть цѣлыя страницы, полныя поэзіи; такъ, напримѣръ, впечатлѣнія отъ Крыма, отъ чтенія переписки Герцена съ его женою и пр. Душа Н. М. была всегда настроена романтически и это не мѣшало продуктивности практической дѣятельности. Здѣсь онъ снова чистый шестидесятникъ. Врядъ-ли когда были большіе реалисты, чѣмъ въ 60-хъ годахъ, а между тѣмъ, какъ всѣ они отмѣчены идеализмомъ—явленіе, которое еще ждетъ своего изслѣдователя... Въ одномъ изъ своихъ набросковъ Н. М. писалъ:

«Романтизмъ людей 60-хъ годовъ не походилъ на старый романтизмъ, полный неопредѣленной грусти и стремленія къ невѣдомому, необъяснимому. Это было художественно-поэтическое созерцаніе жизни, ея отраженіе во всѣхъ ея краскахъ и образахъ и опоэтизированіе предугадываемаго идеала человѣчества въ его грядущихъ лучшихъ проявленіяхъ. Такой романтизмъ былъ присущъ Тургеневу и Герцену и имѣлъ свои права и жизненность».

Вскорѣ Н. М—чу пришлось испытать большую радость и подъемъ духа.

«Въ 1874 г., зимою, я узналъ, что въ Западную Сибирь назначается новый генералъ-губернаторъ, Н. Г. Казнаковъ. Отъ извѣстнаго дѣятеля на сѣверѣ, М. К. Сидорова, съ которымъ велъ знакомство много лѣтъ, я узналъ о личности новаго генералъ-губернатора. Оказалось, что онъ интересовался литературой о Сибири и собиралъ свѣдѣнія по вопросу о сибирскомъ университетѣ Я просилъ Сидорова познакомить меня съ нимъ, и представился генералу Казнакову. Онъ совершенно очаровалъ меня: показалъ мнѣ, что онъ читалъ книгу Наумова [2]), мою книгу «Русская община» и вообще интересуется живо сибирскими вопросами. «Скажите, что я могу сдѣлать для Сибири?» спрашивалъ онъ. Передавъ на словахъ о нуждахъ нашей окраины, я просилъ позволенія представить ему записки и проекты по главнымъ вопросамъ, между прочимъ о ссылкѣ, съ программой свѣдѣній, какія необходимо собрать о современномъ положеніи ссылки и по исторіи вопроса о сибирскомъ университетѣ. Мысль объ университетѣ живо заняла генералъ-губернатора Казнакова.

---

[1]) Ibid., 1894 г., № 15.

[2]) „Сила солому ломитъ", Спб., 1874 г.

«Я былъ въ восторгѣ, что нашелъ администратора, который такъ живо отзывался на сибирскіе вопросы. Возвратясь домой, я передалъ моему другу, женѣ моей, о моихъ впечатлѣніяхъ и принятомъ обѣщаніи написать рядъ записокъ. Мой дорогой, преданный другъ и товарищъ раздѣлила мою радость, мои надежды: она знала, какъ я любилъ свою родину, какъ я желалъ ей блага. Однако, вслѣдъ за этимъ явился одинъ практическій вопросъ. За записками я долженъ былъ проработать съ мѣсяцъ или недѣль 6, и оставить текущіе заработки по журнальной работѣ. Какъ быть? «Не безпокойся, сказала А. Ѳ., какъ нибудь устроимся. Работай, пиши и пользуйся случаемъ: такой рѣдко выпадаетъ!» Я полагался на нее и не спросилъ, гдѣ мы добудемъ денегъ, чтобы жить. Въ нѣсколько недѣль я кончилъ записки, а у жены, какъ замѣтилъ, куда-то исчезли два дорогіе золотые браслета, принесенные ею въ приданое. Я догадался и горячо поцѣловалъ эти руки, которыя отдали свое приданое въ долю другого приданаго другой невѣстѣ— моей родинѣ, начинавшей новую жизнь и обновленіе. Записки я приносилъ Н. Г. Казнакову, и каждый разъ наши бесѣды становились продолжительнѣе. Онъ сознавалъ хорошо вредъ ссылки и настоятельную необходимость университета. Когда я ему передавалъ послѣднія работы, я нашелъ Н. Г. Казнакова въ мундирѣ, возвратившагося изъ дворца. Онъ передалъ мнѣ радостную вѣсть, что государь согласился на созданіе университета въ Сибири и поручилъ ему выработать проектъ. Н. Г. Казнаковъ поздравилъ меня, какъ сибиряка, и поцѣловалъ. Я принялъ этотъ привѣтъ и поздравленіе новаго друга Сибири [1]). Для Сибири начиналась новая заря. Я писалъ въ это время цѣлый рядъ статей въ «Голосѣ» по поводу назначенія новаго генералъ-губернатора и тѣхъ ожиданій, какія наполняютъ Сибирь. Я напоминалъ, какъ ждала Сибирь Сперанскаго, какъ ждетъ она давно правосудія. Статьи эти были раскатами петербургскаго грома надъ трепетавшими сибирскими чиновниками, успокоившимися при Хрущовѣ и погрузившими Сибирь въ застой, мракъ и безгласность.

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Н. М. писалъ: „Помню, что вскорѣ я бѣжалъ по Литейной въ одну изъ редакцій, совершенно отуманенный. Улицы, дома для меня не существовали. Я переносился мыслью въ далекое прошлое, когда мы мечтали юношами о томъ, чему суждено свершиться чрезъ много лѣтъ. Сіяющій и веселый, придя домой, я перецѣловалъ семью свою. Этотъ день мы провели какъ-то торжественно. Мои ощущенія были тѣмъ сильнѣе, что я зналъ то, что другіе еще не знали, и мнѣ выпадало передать благую вѣсть на родину“. („Вост. Обозрѣніе“, 1888 г., № 29).

«Мы проводили генералъ-губернатора Казнакова. Передъ отъѣздомъ онъ передалъ мнѣ, что постарается оправдать ожиданія. Дѣйствительно, скоро донеслись извѣстія, какое впечатлѣніе произвелъ его въѣздъ въ Сибирь. Многіе бросили мѣста, чуя грозу. Онъ атаковалъ встрѣтившихъ его чиновниковъ неожиданными вопросами о сибирскихъ дѣлахъ, о ссылкѣ, и всѣ изумлялись, откуда новый генералъ-губернаторъ узналъ все это. Въ Сибири привыкли видѣть генералъ-губернаторовъ не знакомыми съ мѣстными дѣлами и брали ихъ въ руки. Здѣсь было наоборотъ, генералъ-губернаторъ Казнаковъ явился какъ бы ревизоромъ.

«... Въ Петербургъ явился и освобожденный мой другъ, Г. Н. Потанинъ [1]). Мы радушно встрѣтились и часто видѣлись. Онъ писалъ по порученію П. П. Семенова дополненіе къ Риттерову «Землевѣдѣнію Азіи». Въ это время онъ былъ женатъ. Все измѣнилось: люди, бывшіе въ опалѣ, въ ссылкѣ, появились вновь у очага сибирскихъ дѣлъ.

«Лѣтомъ мы уѣзжали въ деревню, къ нашимъ родственникамъ [2]), а зимой я жилъ въ Петербургѣ. Зимой 1875 г. [3]) я познакомился и часто видѣлся съ сибирскимъ путешественникомъ и милымъ человѣкомъ, П. А. Ровинскимъ. Это бывшій профессоръ, дѣятель 60-хъ гг., живучая страстная натура, любившая Сибирь (онъ жилъ долго въ славянскихъ земляхъ и Черногоріи). Мы много говорили съ нимъ о томъ, что назрѣло время для сибирской печати, и необходимо было бы издавать хотя сборники. Ровинскій предложилъ мнѣ познакомиться съ Б. А. Милютинымъ, служившимъ въ Вост. Сибири и издававшимъ тамъ даже газету [4]). У него была мысль издавать газету «Востокъ» въ Петербургѣ; онъ ходатайствовалъ, но ея не разрѣшили, потому что при М. Н. Лонгиновѣ, начальникѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, былъ періодъ, когда на увеличеніе газетъ смотрѣли не особенно благосклонно. Цѣлую зиму шли совѣты, я посѣщалъ собранія у Милютина, но дѣло не выгорѣло. Зато выгорѣло другое. Нашъ пріятель, А. П.

---

[1]) Въ 1874 г. Г. Н. былъ амнистированъ по ходатайству Географ. Общества, благодаря П. П. Семенову.

[2]) Село Большое, Пронскаго уѣзда, Рязанской губ., имѣніе Н. Ѳ. Ржавской, родственницы Барковыхъ.

[3]) Въ концѣ года.

[4]) Въ 1862 г. онъ присоединился къ М. Загоскину, какъ редакторъ „Амура“, а въ 1864—68 гг. издавалъ и редактировалъ „Сибирскій Вѣстникъ“.

Нестеровъ, въ Иркутскѣ пріобрѣлъ газету «Сибирь» отъ Клиндера, газету, захирѣвшую въ неумѣлыхъ рукахъ. Сначала телеграфировали намъ, чтобы мы взяли эту газету въ Петербургъ, и я хотѣлъ, дѣйствительно, передать ее Милютину, войдя съ своей редакціей (Наумовъ, Потанинъ и я были на лицо въ Петербургѣ). Но комбинація эта не удалась, въ виду разницы воззрѣній нашихъ и кружка Милютина. Газетѣ суждено было остаться въ Иркутскѣ; въ ней приняли участіе Нестеровъ, Вагинъ, Загоскинъ, и она просуществовала много лѣтъ. Во все время мы поддерживали ее дѣятельнымъ сотрудничествомъ. При выходѣ ея, съ новой редакціей, однако, случился курьезъ. Въ Иркутскѣ у редактора и издателей иркутскій полицеймейстеръ (впослѣдствіи судившійся за подлогъ и разныя преступленія) произвелъ обыскъ по тому поводу, что редакція имѣетъ сношенія съ сепаратистами, Потанинымъ и Ядринцевымъ, хотя мы были давно свободные люди. Этотъ самовольный поступокъ не получилъ одобренія со стороны властей въ Иркутскѣ, и газета начала выходить [1]).

«Во время пребыванія въ Петербургѣ я дѣятельно корреспондировалъ въ газету. Познакомился я и съ будущимъ попечителемъ и строителемъ университета, В. М. Флоринскимъ. Проектъ университета вырабатывался, пошелъ вопросъ, гдѣ основать его: въ Омскѣ или Томскѣ. Я стоялъ за Томскъ» [2]).

Скудный литературный заработокъ поддерживалъ существованіе семьи Н. М—ча, имѣвшей къ этому времени уже первенца—сына Льва, теперь молодого газетнаго работника.

Въ началѣ 1876 г. Казнаковъ пріѣхалъ по службѣ въ Петербургъ и, увидѣвшись съ Н. М., пригласилъ его къ себѣ на службу.

«Предложеніе было соблазнительное: оно давало возможность опять видѣть родину. Генералъ сказалъ: «Ядринцевъ, поѣдемте со мной. Вы любите Сибирь, вы такъ изучили ея нужды, ея вопросы,

---

[1]) Разсказъ не совсѣмъ точенъ. Почти съ самаго начала газета вызвала неудовольствіе властей, въ редакціи дѣлались обыски и т. д. Въ 1879 г. поступила жалоба изъ Иркутска, по гр. Лорисъ-Меликовъ приказалъ дѣло оставить, а арестованную редакцію освободить. Въ мартѣ 1879 г. сгорѣла типографія, Нестерова арестовали, какъ „поджигателя“, корреспонденцію конфисковали. На 11-мъ номерѣ 1880 г. „Сибирь“ пріостановилась, давъ всему этому полную огласку въ № 276 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1880 годъ, откуда я и заимствую эти данныя. Съ 11-го января 1881 г. снова выходила.—Ошибка Н. М. тѣмъ болѣе странна, что онъ же самъ вѣрно изложилъ исторію „Сибири“ въ „Молвѣ“ за 1881 годъ.

[2]) Рукописная „Автобіографія“.

будемъ работать вмѣстѣ». Это было приглашеніе благороднаго администратора и вызовъ патріота. Я понялъ все довѣріе нашимъ добрымъ желаніямъ, нашимъ взглядамъ. Но для вступленія на службу у меня не было никакихъ правъ, я жилъ по паспорту, взятому въ архангельской губерніи. Когда я передалъ предложеніе генералъ-губернатора роднымъ и женѣ и спросилъ, согласны-ли они будутъ, чтобы я вступилъ на службу и оставилъ Петербургъ, они благословили меня и дали согласіе. Мы продали все свое имущество, оставили свою уютную квартирку въ Петербургѣ, гдѣ такъ покойно жилось», и Н. М., А. Ѳ., ребенокъ и кормилица поѣхали въ Сибирь [1]).

---

[1]) Рукописная „Автобіографія". О своемъ желаніи пригласить Н. М—ча Казнаковъ сообщилъ А. И. Деспоту-Зеновичу, прося у него подробныхъ свѣдѣній какъ о личности Н. М. вообще, такъ и о литературныхъ его трудахъ. Состоявшій съ 1867 г. членомъ совѣта министра внутр. дѣлъ Деспотъ-Зеновичъ хорошо узналъ Н. М—ча за 1874—76 гг. и далъ о немъ очень обстоятельный и теплый отзывъ, отъ 21 апрѣля 1876 г., который я уже неоднократно и цитировалъ. Сообщивъ сначала вкратцѣ біографію Н. М. до 1876 г., Деспотъ-Зеновичъ писалъ Казнакову: „Вотъ краткій формуляръ, жизненныя графы коего рельефнѣе очерчиваютъ человѣка, чѣмъ отмѣтки послужныхъ списковъ „способенъ и достоинъ". Если прибавить къ этому завѣтную мысль Ядринцева честнымъ служеніемъ, въ видахъ правительства, освѣтить тѣни пройденнаго имъ пути, то вопросъ о его нравственныхъ качествахъ будетъ исчерпанъ". А послѣ обзора его литературныхъ трудовъ прибавлялось: „Вообще пенитенціарныя работы Ядринцева одобрены профессорами Петербургскаго университета, Таганцевымъ и Фойницкимъ, а нѣкоторыя изъ разработанныхъ имъ данныхъ вошли уже въ университетскіе курсы преподаванія. Изъ всего этого ваше превосходительство изволите усмотрѣть, что Ядринцевъ, прошедшій тяжелую школу испытаній, посвящающій себя умственному труду — этому высшему наслажденію мыслящаго человѣка—представляетъ собою ручательство быть достойнымъ вашего довѣрія" (Архивъ бывшаго Главн. управл. Зап. Сибири, 1881 г., № 124).

VII.

1876—1881 гг.

Поступленіе въ Главное Управленіе Западной Сибири. Интриги сослуживцевъ. Дѣятельная работа по мѣстнымъ вопросамъ. Образованіе Зап.-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества. Первая экспедиція на Алтай. Матеріальное положеніе семьи. Литературная работа. Переписка съ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Вторая экспедиція на Алтай. Отставка Казнакова. Пріѣздъ въ Петербургъ.

По пріѣздѣ Н. М—ча, въ іюлѣ 1876 г., въ Омскъ, началась усиленная работа на пользу его горячо любимой родины. Ошибутся тѣ, кто будетъ думать, что Н. М. нашелъ «выгодное» мѣсто. Только черезъ два года по прибытіи на службу нашъ энтузіастъ сталъ получать... 800 руб. въ годъ, до тѣхъ же поръ окладъ его былъ гораздо меньше, а пріѣхалъ онъ на собственный счетъ... Нужда чувствовалась на каждомъ шагу, особенно съ рожденіемъ въ апрѣлѣ 1877 г. второго ребенка—сына Николая. Но что она значила для такихъ людей, какъ Н. М. и А. О... Иногда, когда ужъ очень туго придется, пожалуются своимъ ближайшимъ друзьямъ, но все это опять забывается, и снова кипитъ работа.

Въ сентябрѣ Н. М. былъ прикомандированъ для занятій, съ правомъ голоса, къ особо учрежденной Казнаковымъ комиссіи по земельному устройству государственныхъ крестьянъ Зап. Сибири, и сейчасъ же почувствовалъ силу интриги своихъ новыхъ сослуживцевъ, не могшихъ равнодушно переносить расположенія генералъ-губернатора къ какому-то невѣдомому для нихъ «петербургскому литератору», очень нерасположенному къ чиновничьей кликѣ и царившему вокругъ канцеляризму.

Чтобъ задержать назначеніе, наперекоръ желанію Казнакова, возбудили вопросъ о «правахъ» его на государственную службу; дѣло доходило до совѣта министровъ, и Н. М-чу съ семьей пришлось полгода быть «безъ мѣста и безъ средствъ въ этомъ крайне антипатичномъ для меня Омскѣ»,—писалъ онъ Потанину. Наконецъ, 10 декабря послѣдовало высочайшее соизволеніе на разрѣшеніе Н. М. поступить на службу, а 9 января 1877 г. онъ былъ опредѣленъ въ штатъ I отдѣленія главнаго управленія, получивъ,

кромѣ того, еще 1 января временное исправленіе (до 31 октября 1877 г.) должности секретаря акмолинскаго областного тюремнаго комитета.

«Какъ вы предугадывали, такъ и вышло, — писалъ онъ въ томъ же письмѣ, 5 сентября 1877 г.:—я не болѣе, какъ столоначальникъ, но въ значительной степени номинально, ибо М—въ меня игнорируетъ и дѣлъ черезъ меня не ведетъ.»

«Должность секретаря тюремн. комитета по рекомендаціи К—ва тоже оказалась не Богъ знаетъ что; это должность писаря за 25 руб., счетчика арестантскихъ халатовъ и проч. Я даже не вижу интереснаго для меня замка [1]) и людей, заваленный канцелярщиной. Я чуть не сходилъ съ ума и былъ обезкураженъ совершенно, когда мнѣ пришлось сочинять казенныя бумаги...

«Безъ средствъ, съ семьей на рукахъ, положеніе мое эту зиму было критическимъ, между тѣмъ, въ ожиданіи мѣста я долженъ былъ являться въ общество; визиты и проч., — довершали отраву. Складъ чиновничьей жизни претилъ. Къ веснѣ я началъ немного привыкать къ новому положенію и научился писать канцелярскія бумаги... Но чего это стоило! Кто могъ подумать, что мнѣ выпадетъ судьба быть чиновникомъ, но мнѣ выпало на долю еще—поступить въ виду общаго предубѣжденія противъ меня, какъ литератора. Все это чуть не привело меня въ отчаяніе въ первое время; преоборовъ одни препятствія, мнѣ встрѣчались другія.

«Даже послѣ испрошеннаго въ Питерѣ разрѣшенія на службу М—въ вписалъ въ формуляръ, что мнѣ дозволено служить только въ Западной Сибири [2]). Смѣясь, я замѣтилъ, что мнѣ присваиваются права службы тамъ, гдѣ я, повидимому, долженъ быть исключенъ, и гораздо было бы справедливѣе дать эти права кромѣ Зап. Сибири. Во-2-хъ, мнѣ объяснили что я пользуюсь правами канцелярскаго служителя, до чина 8 лѣтъ, а за упущенія меня могутъ отдать въ солдаты и даже сослать на поселеніе... Я поблагодарилъ» [3]).

Малообращавшій вниманія на эти происки, Казнаковъ назначилъ Н. М. 5 февраля 1877 г. исправляющимъ должность столоначальника I отдѣленія, въ которой онъ и пробылъ до 31 августа 1878 г., а черезъ три недѣли (25 февраля) — членомъ-дѣлопроизводителемъ въ комитетъ для обсужденія мѣръ по возведенію въ

---

[1]) Т. е. тюрьмы.

[2]) Въ „аттестатѣ“, выданномъ 24 апрѣля 1881 г. за № 891, это ограниченіе, дѣйствительно, значится.

[3]) „Изъ бумагъ сибирскаго патріота“, „Вост. Обозрѣніе“, 1902 г., № 172.

степень русскихъ поселеній и для опредѣленія количества земли, нужнаго киргизамъ для ихъ осѣдлости.

Хорошія отношенія и довѣріе генералъ-губернатора удерживали Н. М—ча на службѣ и заставляли работать, хотя въ большинствѣ случаевъ даромъ.

«Я былъ назначенъ членомъ комиссіи по поземельному устройству государств. крестьянъ въ З. Сибири; предположено имъ дать надѣлъ, но комиссія такъ дурно повела дѣло, что я вышелъ съ особыми мнѣніями, разбилъ ея труды, и она кончилась ничѣмъ. Во-2-хъ, представилъ записку къ высочайшему отчету, представилъ записку и проектъ изслѣдованій по свободной колонизаціи».

«Покушенія отобрать земли отъ киргизъ и планы административнаго селенія по трактамъ» были не по душѣ Н. М. «Я убѣдился,—пишетъ онъ Потанину,—что эти протекторскія комиссіи стоятъ не на народной почвѣ, да и не въ этомъ дѣло».

Для знакомства съ положеніемъ сибирскаго крестьянина Н. М., по словамъ г. Фарафонтовой, началъ собирать свѣдѣнія о землевладѣніи въ Сибири, серьезно разрабатывая «по подлиннымъ дѣламъ» исторію раздачи и продажи земель въ частную собственность.

«Это отнятіе лучшихъ земель у крестьянъ и продажа ихъ чиновникамъ и купцамъ — пишетъ онъ — представляетъ факты, которые заставляютъ становиться дыбомъ волоса».

Н. М. полагалъ, что доказательно составленная по этому вопросу историческая записка должна положить предѣлъ такому хищническому хозяйничанью. Дѣйствительно, его записка не осталась безъ послѣдствій, и въ 1881 г. продажа земель была пріостановлена по распоряженію министра государст. имуществъ.

Высказывая твердое намѣреніе собирать матеріалы о положеніи сибирскаго крестьянина и переселенца, онъ съ досадой прибавляетъ: «нынѣшнее лѣто я кляну, что мнѣ не удалось никуда вырваться, даже въ Барабу. Только масса живого матеріала, который я начиналъ откапывать, миритъ меня съ здѣшней жизнью да еще надежда поѣздить по Сибири. К—ковъ не протежируетъ этимъ поѣздкамъ и придется дѣйствовать самостоятельно. На Бійскую линію я, вѣроятно, самъ вырвусь на будущее лѣто, хоть даже въ отпускъ и на свой счетъ».

«Въ сущности мнѣ слѣдовало ѣхать въ Сибирь не для поступленія на службу,—пишетъ онъ въ другой разъ, — а, пользуясь приглашеніемъ администраціи, объѣхать Сибирь и составить описаніе; все равно, мы прожили массу своихъ денегъ и пріѣхали

на свой счетъ. Терять годы въ канцеляріи М—ва для меня невыносимо. До чина, говорятъ, лѣтъ восемь — это насмѣшка! Два лѣта я провелъ въ Сибири, и меня не пускаютъ видѣть народную жизнь; не знаю, что скажетъ будущее, но я беру отпускъ и иду пѣшкомъ — это рѣшено».

«Что касается до службы, то въ принципѣ вопросъ для меня поконченный: я могу оставаться пока для разработки архивныхъ дѣлъ, намѣченныхъ мной, для запаса матеріаловъ и статистическихъ работъ, а объ остальномъ не думаю, и чѣмъ скорѣе на свѣжій воздухъ, въ мою родную стихію—литературу, тѣмъ я больше сохраню силъ».

«Въ литературу», конечно, не значило «изъ Сибири», но оставаться въ неоправдавшей надежды канцеляріи было невозможно.

Въ это же время Н. М. является однимъ изъ иниціаторовъ образованія въ Омскѣ Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества, или вѣрнѣе — однимъ изъ лицъ, убѣдившихъ въ этомъ Казнакова. Но и здѣсь Сибирь даетъ чувствовать свои шипы. Вотъ что онъ сообщаетъ Потанину 2 ноября 1877 г.: «...X затрудняется, что дѣлать Отдѣлу; У очень вялъ для того, чтобы поднять, привлечь и проч., и чинитъ какіе-то чиновные доклады, какъ въ канцеляріи; Z смотритъ скептически на Отдѣлъ, да и, какъ спеціалистъ, не видитъ въ немъ учрежденія общественнаго, придавая значеніе только сухой наукѣ...

«Нашъ Отдѣлъ собирается преимущественно по случаю проѣзда ученыхъ. Боюсь, что онъ будетъ получать доклады лишь проѣзжихъ ученыхъ и будетъ носить названіе «Отдѣлъ иностранныхъ сообщеній». На засѣданіяхъ мѣстные члены, по обыкновенію, молчатъ... Начинаю даже конфузиться съ единственными своими докладами. Послѣ чтенія W въ прошлое засѣданіе, утомленные члены такъ быстро вскочили и исчезли, что я не успѣлъ доложить о рукописяхъ Кострова; никакихъ вопросовъ, ни плановъ не развивается» [1]).

1-го мая 1878 г. Н. М. ѣдетъ на два мѣсяца въ отпускъ— офиціально, въ экспедицію на Алтай — фактически, но не безъ вѣдома Казнакова. Эта первая экспедиція Н. М—мъ была сдѣлана по порученію Западно-Сибирскаго отдѣла И. Р. Г. Общества изучить

---

[1]) *Т. Фарафонтова*, „Н. М. Ядринцевъ", Омскъ, 1902 г., 4 и 6. (Оттискъ изъ „Юбилейнаго Сборника Зап. Сибирскаго отдѣла И. Р. Г. Общества").

колонизаціонное движеніе и произвести экономическія и этнографическія изслѣдованія населенія горнаго алтайскаго округа [1]).

Настроеніе Н. М—ча сразу приподнялось.

«Я готовъ въ экспедицію и во всеоружіи—пишетъ онъ А. П. Нестерову;—ѣду съ Т—вымъ изъ Тюмени въ его экипажѣ. Будемъ въ Алтайскихъ альпахъ. Мнѣ данъ открытый листъ для собиранія статистическихъ свѣдѣній, письмо предсѣдателя отдѣла и проч. Все въ порядкѣ. Я совершенно измѣнился передъ поѣздкой: бодръ, здоровъ и веселъ. Бѣгаю и собираюсь до усталости».

А вотъ и другое письмо:

«Дорогой другъ Григорій Николаевичъ, 4 апрѣля въ засѣданіи отдѣла вопросъ объ экспедиціяхъ рѣшенъ; я ѣду, даютъ 600 руб. и изъ Тюмени сейчасъ получилъ согласіе Тимофѣенки. Авось при такой комбинаціи экспедиція будетъ обставлена лучше. Н. Ф. С—въ даетъ барометръ для измѣренія высотъ. Говорятъ, такія наблюденія придаютъ солидность поѣздкѣ, какъ пудренный парикъ судьѣ.

«Въ томъ же засѣданіи сдѣлалъ сообщеніе проѣзжій на Кеть инженеръ А—въ, очень кратко; увѣрялъ, что Ангара судоходна, и сибиряки напрасно ее боятся. Сообщилъ, что на кетскомъ пути надо сдѣлать шлюзы, и всѣ работы обойдутся не дороже 5 милліоновъ. Это, конечно, пустяки» [2]).

1-го мая Н. М. выѣхалъ и возвратился бы къ 1-му іюля, если бы не получилъ приглашеніе томскаго вице-губернатора, А. И. Дмитріева-Мамонова, сопутствовать ему въ южный Алтай. Отпускъ былъ продленъ по 1 августа. «Поѣздка съ вице-губернаторомъ на Бухтарму и обратно въ Томскъ—писалъ онъ,—хотя по быстротѣ и не могла имѣть особаго этнографическаго значенія, но выяснила многое: она дорога была публицисту: отношенія администраціи къ народу, мировымъ учрежденіямъ и проч. выяснились. Всѣ эти волостныя правленія, земскія власти, повинности народа стали, какъ на блюдцѣ» [3]).

5 іюня Н. М. писалъ своему новому знакомому, С. И. Гуляеву, извѣстному знатоку Алтая, съ которымъ онъ, конечно, познакомился, пріѣхавъ въ Барнаулъ:

---

[1]) Отдѣлъ существовалъ тогда только фактически: лишь 8 іюня 1878 г. „положеніе“ о немъ было утверждено министромъ внутреннихъ дѣлъ. (См. „Юбилейный сборникъ Зап.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О.“. Омскъ 1902 г.).

[2]) „Изъ бумагъ сибирскаго патріота“, „Вост Обозрѣніе“, 1902 г., № 172

[3]) Ibid., 8.

«Черезъ недѣлю направляемся на Алтай, поѣдемъ черезъ Улалу, спустимся по Катуни, объѣдемъ горныя деревни: Куеганъ, Солонечную, Алтайскую, Смоленскую и т. д., а затѣмъ недѣли черезъ двѣ поѣдемъ на Телецкое озеро. Сначала про путешествіе на Телецк. оз. намъ передавали о разныхъ трудностяхъ, но оказалось, что докторъ Михайловскій хочетъ вести туда даже дѣтей».

Далѣе Н. М. проситъ Гуляева справиться въ главномъ управленіи, заготовляютъ-ли для него обѣщанныя свѣдѣнія о переселенцахъ и проситъ сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія, необходимыя для отчета.

Въ письмѣ отъ 12 августа, уже изъ Омска Ядринцевъ пишетъ Гуляеву: «Изъ Барнаула я проѣхался въ Бійскъ, гдѣ составилъ маршрутъ путешествія по Алтаю. Такъ какъ меня занимали наиболѣе населенныя мѣста, то я предпочелъ объѣхать деревни и главныя волости. Прежде всего я направился въ Улалу и познакомился съ царствомъ монаховъ, миссіонеровъ. Здѣсь я пріобрѣлъ карту миссіи со станами и статистическія свѣдѣнія о населеніи... Въ Топольной познакомился съ населеніемъ поселковъ и раскольниковъ. Между Каменкой и Ануемъ мною нанесено на карту до 14 новыхъ поселковъ, всего же нанесено до 60. Во время экскурсіи въ Альпы собралъ гербарій, въ горахъ—камни, на пашняхъ —образцы почвъ. Изъ Топольной теченіемъ Ануя мы достигли Сибирячихи — метрополіи раскольничьяго населенія. Около Сибирячихи я нашелъ двѣ пещеры: горизонтальную и вертикальную; прошли съ огнемъ до 200 шаговъ; на днѣ ея глина, которая употребляется въ краску. Образцы взяли для коллекціи, вышлю вамъ для образца. Спустившись съ горъ, мы выѣхали въ степь, обогнули Алтай и посѣтили Смоленскую волость. Здѣсь я собралъ свѣдѣнія о скотоводствѣ и пчеловодствѣ, и, наконецъ, возвратился въ Бійскъ, проведя въ общемъ на сѣверномъ Алтаѣ 17 дней. Во все время экскурсіи я собиралъ свѣдѣнія по вопросу занимавшему меня—о движеніи въ Алтай переселенцевъ. Здѣсь я увидѣлъ стремительный колонизаціонный токъ, почти неудержимый, по крайней мѣрѣ, ни земская полиція, ни другая какая власть регулировать его не въ состояніи, переселенцы садятся цѣлыми деревнями и заселяютъ Алтай. Такъ какъ здѣсь нѣтъ ничего вреднаго, а только полезное, то, конечно, этому слѣдуетъ предоставить свободу скорѣе, чѣмъ стѣсненіе. Это въ интересахъ столько же Кабинета и казны, сколько и пустыннаго, но богатаго края. Было бы крайне желательно дать переселенцамъ побольше льготъ и помочь, ибо это, по моему глубокому убѣжденію, чисто культурный элементъ для Сибири».

Сообщая о своемъ кратковременномъ пребываніи въ Томскѣ, въ томъ же письмѣ, Н. М. пишетъ: «Несмотря на то, что въ общемъ я объѣхалъ слишкомъ большой районъ [1]), но гдѣ-

[1]) Сдѣлано около 4500 верстъ.

нибудь остановиться повнимательнѣе и подробнѣе, къ сожалѣнію, не могъ; тѣмъ не менѣе, настоящую поѣздку я считаю не безполезной въ смыслѣ изученія географіи края».

Обращаясь съ вопросами относительно текущихъ межеваній, о собиранія алтайскихъ пѣсенъ и т. д., Н. М. пишетъ: «Въ Алтаѣ я заинтересовался раскольниками-поляками, они очень оригинальны въ этнографическомъ отношеніи. Надо ихъ сравнить съ семейскими забайкальскими» [1]).

«Диллетанту, прикомандированному къ географической наукѣ» удалось констатировать фактъ высыханія озеръ Чановъ, составляющихъ остатокъ когда-то существовавшаго тамъ моря.

Изслѣдованіе это, напечатанное въ Запискахъ Имп. Рус. Геогр. Общества [2]), обратило на себя вниманіе знатока географіи М. И. Венюкова, который сдѣлалъ по этому поводу докладъ въ Парижѣ, а русское географическое Общество основало особую комиссію для выработки программы подробнаго изслѣдованія. За изученіе же переселенческаго движенія на Алтай Н. М. былъ награжденъ отъ географическаго Общества золотою медалью [3]).

Какъ результатъ поѣздки, явились и статьи въ «Недѣлѣ», «Сибири», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Багатствѣ» и др. изданіяхъ [4]). Все, что видѣлъ глазъ и говорилъ путевой дневникъ—все это принимало постепенно оформленный видъ и быстро пускалось въ печать. Н. М. былъ заваленъ работой.

31 августа 1878 г. онъ, по прошенію, былъ уволенъ отъ исправленія должности столоначальника I отдѣленія Главнаго управленія и причисленъ къ IV отдѣленію, а 5 октября ему было поручено временное исправленіе должности младшаго штатнаго чиновника особыхъ порученій при главномъ управленіи; только съ этого дня онъ сталъ получать 550 руб. жалованья и 250 руб. столовыхъ въ годъ и получалъ ихъ уже до отставки. Но это его мало радовало при общей атмосферѣ, царившей въ управленіи, что особенно ясно изъ письма къ г. Потанину:

«Да, дорогой другъ, надо положить за правило намъ ничего не добиваться, ничего не ждать. Трудно дѣлать дѣло народное и быть въ положеніи просителя, канючить, какъ послѣдній пройдоха-

---

[1]) *Г. Баитовъ*, „Изъ писемъ Н. М. Ядринцева объ Алтаѣ“, „Вост. Обозрѣніе“, 1903 г., № 128.

[2]) 1879 г., I и 1880 г., II.

[3]) *А. Ивановскій*, „Памяти Н. М. Ядринцева“, „Рус. Вѣд.“, 1894 г., № отъ 11 іюня.

[4]) См. приложенный въ концѣ библіографическій указатель.

Н. М. Ядринцевъ въ костюмѣ, въ которомъ совершалъ экспедицію 1891 года.

(Съ фотографіи Н. Чарушина).

канцеляристъ. Вы видите, что я еще не падаю духомъ: и безъ денегъ, и безъ хлѣба пишу записки и представляю. Наше дѣло не признается дѣломъ... жизнь идетъ клипомъ. Не везетъ въ карьерѣ и въ деньгахъ, ну и чортъ съ ними! Это не должно мѣшать нашимъ любимымъ дѣламъ и стремленіямъ, иначе жизнь совсѣмъ будетъ отравлена; я гоню отъ себя въ эти трудныя минуты мысль о своемъ личномъ положеніи».

Говоря въ томъ же письмѣ объ А. Ѳ., Н. М. сообщаетъ, что она «даетъ уроки англійскаго, но давно добивается мѣста учительницы въ гимназіи, чтобы откуда-нибудь добыть средствъ на время нашего бѣдованья. Омскіе тузы прочатъ своихъ протеже. Жаль, что способности и знанія Аделаиды здѣсь не имѣютъ исхода: она сама томится и ищетъ дѣла. Если не удастся ей найти занятія здѣсь и должности, рѣшили отправиться ей на лѣто съ семьей въ Россію, къ роднымъ, въ деревню, чтобы не уморить здѣсь дѣтей съ голоду. Останусь на время одинъ на вѣтеръ всякимъ случайностямъ. Если я оставлю бѣдовать здѣсь семью, то меня проклянутъ ея близкіе вмѣстѣ съ моей «любовью къ Сибири».

На приглашеніе Г. Н-ча переѣхать въ Иркутскъ, Н. М. отвѣчаетъ: «Въ Иркутскъ перебираться невозможно пока: 1) нѣтъ средствъ на переѣздъ; 2) служба дозволена мнѣ только въ Западной Сибири; 3) меня можетъ ожидать та же нужда и тѣ же случайности, наконецъ, гоненія. Боюсь, что и тамъ не найду прочнаго положенія. Въ канцелярію не гожусь совершенно. Лучше останусь пока помучиться здѣсь, а потомъ возвращусь въ Питеръ, хоть на время освѣжиться, запастись нравственными силами. Я жалѣю, что мнѣ невозможно разъѣзжать по Сибири: эти года не были бы потеряны ни для литературы, ни для общества; боюсь, что эти два съ половиной года жизни не принесутъ много вклада въ общественную сокровищницу» [1]).

Нелучше дѣла обстояли и въ мѣстномъ храмѣ географической науки: «географическія дѣла наши плохи, чтенія не хотятъ дѣлать публичными и доступными; я не понимаю этого канцелярскаго порядка замкнутости [2]). Мой алтайскій гербарій лежитъ въ

---

[1]) „Изъ бумагъ сибирскаго патріота", „Восточное Обозрѣніе", 1902 г., № 172.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ редакція „Записокъ Зап.-Сиб. отдѣла И. Р. Г. О." сдѣлала примѣчаніе: „О какихъ именно чтеніяхъ говоритъ Н. М., изъ цитатъ не видно. До конца 1882 г. расп. комитета при отдѣлѣ не было; значитъ, даже неудобные для публичнаго обсужденія ихъ вопросы и

чуланѣ неразобраннымъ, какъ и образцы минеральныхъ водъ, камни и проч. Въ нашемъ Отдѣлѣ все будетъ складываться безъ всякой пользы. Z имѣетъ жреческое воззрѣніе на свою науку и услуги «профановъ» не принимаетъ... Въ подобномъ Отдѣлѣ трудно ожидать проку» [1]).

Приходилось переживать самое мучительное чувство: тамъ, куда человѣкъ стремился съ 1868 года, онъ не находилъ удовлетворенія своей энергіи, своей живости и желанію поработать во-всю. «Освѣженія» ждалось отъ Петербурга...

Но пока «освѣженіе» было въ проектѣ, приходилось отвѣчать тому же Петербургу, рѣшавшему вопросы Сибири. Такъ, изъ письма Н. М-ча И. А. Дмитріеву-Мамонову, посланнаго незадолго до опубликованія закона 27 февраля 1879 г., образовавшаго съ неожиданною быстротою при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ главное тюремное управленіе, видно, какъ онъ все еще надѣялся на разрѣшеніе вопроса о ссылкѣ и тюрьмахъ въ желательномъ для пользы дѣла смыслѣ.

«Относительно рѣшеній комиссіи Грота могу сказать, что она перерабатываетъ старый матеріалъ, бывшій въ комиссіяхъ Соллогуба, Фрипа, Зубова, и поэтому ей бы легче было сладить съ вопросомъ, но она ищетъ компромиссовъ, а потому, признавши ссылку въ Сибирь въ принципѣ неудобною и отринувъ ее, какъ наказаніе, въ то же время, въ видѣ переходной мѣры, она предлагаетъ: 1) организовать лучше приказъ и экспедиціи, 2) размѣщать ссыльныхъ сообразно экономическимъ условіямъ мѣстности, заработковъ и проч., дозволить передвиженіе ссыльнымъ по волости и право пріобрѣтать недвижимую собственность, 3) направить ссылку въ области Акмолинскую, Семипалатинскую, Амурскую и Семирѣченскую. (Объ этомъ послано генералъ-губернаторамъ). Не знаю, что они отвѣтятъ, но я подалъ свое мнѣніе въ особой запискѣ на дняхъ. Оно сводится: «у насъ нѣтъ единства въ организаціи ссылки и одного учрежденія завѣдывающаго ими. Завѣдываніе ссыльными у насъ дробится между различными учрежденіями: приказомъ, экспедиціями, казенными палатами. Въ главномъ управленіи также есть столъ о ссыльныхъ при I отд.; всѣ занимаются ссыльными безъ всякой связи и всѣ заняты — столкнуть ссыльнаго изъ одного учрежденія въ другое. Приказъ —

слабые, недостаточно обоснованные, не законченные, не отдѣланные для публичнаго прочтенія ихъ доклады должны были обсуждаться на *общихъ* собраніяхъ... Лишь къ 1883 г. каждое общее собраніе можно было дѣлать публичнымъ, что и осуществилось".

[1]) *Т. Фарафонтова*, „Н. М. Ядринцевъ", 4—5.

экспедиціямъ, экспедиціи распредѣлить и сдать казеннымъ палатамъ; въ концѣ надзоръ падаетъ на вездѣсущую, всевѣдущую, всемогущую и во всемъ отвѣтствующую земскую полицію, и ссыльный, все-таки, предоставленъ только себѣ. Никто не озабоченъ не только устройствомъ быта ссыльныхъ, но, при переходѣ ихъ отъ одного учрежденія въ другое, нельзя даже отыскать свѣдѣній о числѣ ихъ. Экспедиціи могутъ ссыльныхъ распредѣлить, но безсильны водворить ихъ и обезпечить. При настоящихъ штатахъ и средствахъ ни приказъ, ни экспедиціи ничего не подѣлаютъ. Свести вопросъ только къ увеличенію канцелярскаго штата это еще немного (такъ, впрочемъ, кажется, управляющій приказомъ и отнесся).

«Если контингентъ ссылки въ томъ же объемѣ будетъ продолжаться,—онъ доходитъ до 900,000 на Сибирь,—то приказъ, экспедиціи и казенная администрація все равно будутъ безсильны, если имъ не дадутъ милліоны денегъ и цѣлыя арміи надзирателей и стражи для надзора.

«Что касается права передвиженія ссыльныхъ для заработковъ, предоставленія имъ браковъ на мѣстѣ и правъ пріобрѣтать дома, то это старая пѣсня. Все это пробовано и испробовано. Что ссыльныхъ въ отлучкахъ никто не стѣснялъ, доказательство — развитое бродяжество; браки поощрялись 50 р. выдачею, но это не много помогло; дома могли пріобрѣтать ссыльные, ихъ заводили даже каторжные, но масса ссыльныхъ были сиры, бездомны и нищи не потому, что правъ не имѣли, а потому, что заводить было не на что, и ссыльные менѣе имѣли средствъ устроиться въ Сибири, чѣмъ на родинѣ. Направленіе ссылки въ области — это тоже старое исканіе, исканіе выхода ссылки въ мѣста незаселенныя. Но куда будутъ приселять ссыльныхъ въ киргизскихъ степяхъ; крестьянскихъ поселеній тамъ нѣтъ. Есть станицы бѣднѣйшія, жалкіе города и киргизы. Насколько это будетъ выгодно для инородцевъ, наконецъ, не будетъ-ли еще болѣе побужденій у ссыльнаго удрать изъ этихъ степей въ благословенныя Томскую и Тобольскую губерніи. Изъ Семипалатинской области ссыльные, напримѣръ, отлично могутъ направиться бродягами на Бухтарму, и Алтайскій округъ наводнится ссыльными. Направлять ссылку куда-бы-то ни было — это значитъ распространять заразу. Таково мое мнѣніе» [1]).

Университетъ — эта аннибалова клятва Н. М., — конечно, тоже не оставлялся безъ вниманія. Н. М. употребилъ всѣ силы,

---

[1]) „Письмо Н. М. Ядринцева о ссылкѣ", „Степной Край", 1894 г., №№ 83 и 84. Все еще надѣясь потомъ, уже послѣ опубликованія закона 1879 г, что нибудь сдѣлать по этому кардинальному вопросу, Н. М. посылаетъ въ 1880 г. сообщеніе въ петербургское юридическое общество „О сибирской ссылкѣ" (См. „Юридическое общество при Имп. Спб. университетѣ за 25 лѣтъ", Спб., 1902 г., 157). Напечатано въ „Рус. Рѣчи", 1880 г., № 10.

чтобы Казнаковъ энергично двинулъ это дѣло. 16 мая 1878 г. высочайше было повелѣно открыть въ Томскѣ университетъ.

«По университетскому вопросу — пишетъ онъ въ томъ же письмѣ—познакомился и говорилъ съ главнымъ инспекторомъ, Максимовымъ. Смиренный петербургскій директоръ-классикъ, пріѣхавшій на отдыхъ и на пенсію въ Сибирь, занялъ большой домъ въ родѣ дачи и очень доволенъ положеніемъ. Вотъ его характеристика. Энергіи—никакой. Сообщилъ, что на пожертвованія начинать строить университетъ нельзя. Демидовскій капиталъ въ билетахъ непрерывнаго дохода, курсъ низокъ и брать его невыгодно. Сибиряковскія 100.000 условны до основанія университета; остается Цибульскій и тысячъ 10 еще. Между тѣмъ, менѣе какъ съ 300—400.000 и начинать нечего.

«Всѣ покоряются обстоятельствамъ и не настаиваютъ.

«Не зная о моемъ знакомствѣ, Максимовъ замѣтилъ про Василія Марковича [1]): «былъ одинъ, который хотѣлъ строить университетъ, но теперь въ Казани и, кажется, забылъ про него».

«Вѣроятно, г. М. ошибется.

«Пишите Василію Марковичу, чтобы хлопоталъ. Мы двинемъ вопросъ литературно, сколько можемъ. Простите за длинное письмо.

Вашъ Н. Ядринцевъ.

«Писалъ въ Тюмень и другія мѣста о пожертвованіяхъ. Всѣ говорятъ, если бы генералъ-губернаторъ настоялъ — дали бы многіе. Такова—Сибирь» [2]).

24 апрѣля 1879 г. Н. М. былъ назначенъ членомъ комитета по пересмотру проектовъ уставовъ объ отправленіи воинской повинности инородцами Зап. Сибири — дѣло само по себѣ малоинтересное, но позволявшее ознакомиться съ кое-какими данными по всегда волновавшему Н. М-ча инородческому вопросу. Результатомъ этой работы была очень обстоятельная «программа для описанія сибирскихъ инородцевъ», изданная въ Омскѣ отдѣльной брошюрой, въ 1880 г. Въ іюлѣ (1879 г.) Н. М. пишетъ своему другу:

«Занятіе инородческимъ вопросомъ и начатое знакомство съ литературой о бытѣ инородцевъ Зап. Сибири пробудило во мнѣ желаніе сдѣлать обстоятельное изслѣдованіе о нихъ, точно также составить хорошую карту распредѣленія инородцевъ. Я бы съ удо-

---

[1]) Флоринскаго.

[2]) Ibid.

вольствіемъ совершилъ экспедицію къ инородцамъ, но вопросъ объ экспедиціяхъ моихъ долженъ быть отклоненъ до слѣдующаго лѣта какъ бы мнѣ ни хотѣлось опять на Алтай» [1]).

А тянуло на Алтай очень... Обращаясь къ Гуляеву и членамъ и сотрудникамъ барнаульскаго отдѣла географическаго общества Н. М., между прочимъ, пишетъ:

«Могу васъ завѣрить, милостивые государи, что хотя я и пребываю въ Иртышской равнинѣ, но мои глаза обращены постоянно къ синѣющимъ вершинамъ Алтая, гдѣ оставлено мое сердце. Тамъ когда-нибудь среди раскопокъ найдетъ его археологъ будущихъ поколѣній, и не знаю, узнаетъ-ли, что это похороненное сердце одного бѣднаго сибирскаго писателя! [2]) О, сколько разъ. докторъ Думбергъ, я проклиналъ васъ, что вы влюбили меня въ эти горы? Цѣлую зиму я продолжалъ изучать Алтай по разнымъ сочиненіямъ и въ настоящее время занимаюсь его инородцами, Это показываетъ, что я не разстаюсь съ нимъ, и тѣмъ постояннѣе гложетъ меня мысль еще разъ для болѣе обстоятельнаго изученія посѣтить ваши мѣста. Эта поѣздка, по всей вѣроятности, будетъ отложена до слѣдующаго лѣта. Алтай, хотя и наскоро мною видѣнный, живетъ въ моемъ воображеніи, и не знаю, достанетъ-ли на моей палитрѣ красокъ, пурпура и золота, чтобы хотя намекнуть на его красоты, тѣ, которыя видѣлъ Гельмерсенъ, Щуровскій, Геблеръ и др. путешественники внутренняго Алтая».

Заканчивая это письмо, Н. М. сообщаетъ: «Нынѣшнюю зиму я разработалъ статистическій матеріалъ и наблюденія о новѣйшей колонизаціи въ Алтаѣ. Не утерпѣлъ чтобы не написать статейку объ этой колонизаціи въ «Отеч. Зап.». Составилъ карту подъ своей редакціей Бійскаго округа съ прежними линіями, райономъ калмыцкихъ земель Чуйской дороги и опредѣленіемъ высотъ всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ въ Алтаѣ, надъ уровнемъ моря.

«Далѣе, мною составлены краткая и подробная программы для изученія сельской общины въ Сибири, доложенная отдѣлу, и ее положено напечатать [3]).

---

[1]) *Т. Фарафонтова*, „Н. М. Ядринцевъ“, 9.

[2]) Н. М. точно предчувствовалъ, что умретъ въ Барнаулѣ.

[3]) См. „Записки Зап.-Сиб. О. И. Р. Г. Общества“, 1881 г., III. По мнѣнію спеціалистовъ, работа очень обстоятельная и выдающаяся. Поводомъ къ ея составленію послужило отчасти извѣстіе, что министерство государственныхъ имуществъ намѣрено заняться вопросомъ о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ и о переложеніи подуш-

«О своемъ путешествіи на Алтай въ «Запискахъ» отдѣла я помѣщу сухой отчетъ. Все же живописное приберегу для отдѣльной книги объ Алтаѣ [1]). Забылъ прибавить, что я нарисовалъ цѣлый альбомъ видовъ и перерисовалъ его зимою.

«Итакъ, да лишуся я правой руки своей, если
«Не буду еще разъ у тебя, ханъ-Алтай»! [2])

27 сентября 1879 г. Н. М-чу поручено было извлеченіе изъ дѣлъ Омской контрольной палаты свѣдѣній о вещевомъ и кормовомъ довольствіи пересыльныхъ арестантовъ Тобольской губерніи за время съ 1873 по 1878 годы, а 2 мая 1880 г. онъ получилъ отъ Казнакова другое порученіе, гораздо болѣе удовлетворявшее его потребности по разработкѣ стоявшаго на очереди вопроса—собрать свѣдѣнія о современномъ состояніи инородцевъ Томской губерніи и ихъ общественномъ управленіи. Западно-Сибирскій отдѣлъ ассигновалъ на эту экспедицію 1,550 руб. Недолги были сборы Н. М-ча, и уже черезъ нѣсколько дней онъ выѣзжаетъ въ долгожданную экспедицію да еще съ полномочіями, позволявшими получать массу свѣдѣній, мало доступныхъ обыкновенному изслѣдователю.

Отдавая преимущественное вниманіе антропологическимъ изслѣдованіямъ, Н. М. произвелъ очень подробное описаніе типовъ, путемъ точныхъ измѣреній и рисунковъ, бывшаго при экспедиціи художника. Здѣсь передъ нашимъ изслѣдователемъ встали во весь ростъ два громадной важности вопроса: почему инородцы такъ нищаютъ и потому вымираютъ? и что нужно для борьбы съ этимъ зломъ?

Одновременно Н. М. использовалъ свою поѣздку и въ цѣляхъ географическихъ, отправляясь въ августѣ въ Катунскія альпы. «Чтобы достигнуть ледниковъ, ему пришлось совершить предварительный переходъ черезъ Чуйскіе бѣлки; высота, которой онъ достигъ, равнялась, по показанію анероида, 9680 ф. Около недѣли

ной подати на землю, съ другой стороны — желаніе способствовать лучшему устройству крестьянъ горнаго алтайскаго округа, еще не получившихъ тогда окончательнаго надѣла.

[1]) Матеріалъ къ ней значительно пополнился послѣ второй экспедиціи (1880 г.), но въ свѣтъ вышла лишь часть: значительная часть неосуществленной книги находится у А. Ивановскаго („Рус. Вѣд.", 1894 г., 11 іюня).

[2]) *Г. Вагновъ*, „Изъ писемъ Н. М. Ядринцева объ Алтаѣ", „Вост. Обозрѣніе", 1903 г., № 128.

онъ со спутникомъ работалъ среди льдовъ, снимая планы, срисовывая виды и наблюдая жизнь ледниковъ; здѣсь, на ближайшемъ разстояніи, ему удалось, наконецъ, осмотрѣть и описать два снѣжные зубца знаменитой Бѣлухи, этого сибирскаго Монблана, который, собственно, и составлялъ цѣль его подъема на сибирскія альпы. Изъ путешественниковъ Ядринцевъ явился сюда вторымъ послѣ Геблера, посѣтившаго Алтай болѣе, чѣмъ за 50 лѣтъ до него. Результатомъ этой поѣздки были: 1) подробные маршруты и описанія пройденныхъ мѣстностей, 2) метеорологическія наблюденія и опредѣленія высотъ по имѣвшимся 2 анероидамъ, 3) географическая карта Телецкаго озера со всѣми притоками, 4) карта Чуи и ея притоковъ и 5) виды и планы Катунскихъ глетчеровъ» [1]).

Для иллюстраціи настроенія Н. М-ча во время экспедиціи и способа и манеры его работы, приведу нѣсколько выдержекъ изъ писемъ къ женѣ и знакомымъ: «Мужчинъ измѣрялъ въ качествѣ доктора, дававшаго медицинскую помощь»... «Работы гибель; иногда я съ пяти-шести часовъ работаю до вечера безустанно; о хозяйствѣ, нравахъ, обычаяхъ и религіи написана цѣлая книга, множество рисунковъ... «Рожи мѣряемъ исправно»... «Хитростями и ласкою произвожу ихъ (антропометрическія изслѣдованія)»... «Я совершенно счастливъ, потому что достигнулъ, наконецъ, Телецкаго озера; это мой праздникъ» [2])...

«Снявъ Бѣлуху, я пошелъ черезъ хребетъ на Уймонъ, котораго и достигъ счастливо. Здѣсь я отпустилъ своихъ людей въ Бійскъ, разсчитывая скоро вернуться, но не унялся, прошелъ черезъ Котонду по Катуни до Чуи; здѣсь прошелъ на Эбели и Сора-Кольджаръ новой дорогой, снялъ карту бомовъ, узналъ Чуйскую дорогу и воротился, проѣхавши на Ангудай, Кеньгу къ Усть-Кану, на заимку Мокина, Тауракъ и Кусганъ въ с. Алтайское. Для изученія быта и вѣрованій алтайцевъ кое-что сдѣлано. Записано поклоненіе огню, водѣ, открыто много неизвѣстныхъ вѣрованій, напр.— Иротъ, переселеніе мертвыхъ въ живыхъ. У насъ остатокъ этого вѣрованія: желаютъ здоровья при чиханіи».

«13 сентября вернулся въ Бійскъ, пройдено мною: по Біѣ до Макарьевскаго, затѣмъ—на Улалу, Телецкое озеро (оно снято съ подробностями). На Телецкомъ озерѣ найдена древняя крѣпость на Артелѣ. Проходя чрезъ Чернь, раскрылъ бытъ лѣсныхъ кочевни-

---

[1]) *Т. Фарзфэнтова*, „Н. М. Ядринцевъ“, 12.
[2]) Ibid., 11, 12.

ковъ съ ихъ промыслами. Для изученія типа произведены антропологическія измѣренія. Съ Телецкаго озера прошли на Чулышманъ, откуда сдѣлана экскурсія на высочайшую сопку, Алтынъ-тау. Съ высоты, можетъ быть, 7000 ф. открылось все Телецкое озеро. Красота водопадовъ на Телецкомъ озерѣ привела насъ въ восхищеніе. При экспедиціи былъ художникъ И. И. Лавровъ. Съ Чулышмана мы сдѣлали перевалъ на Башкаусъ; теченіе тамъ до того быстрое, что несетъ лошадей вдоль рѣки значительное разстояніе.

«Съ Башкауса прошли на р. Кедроль чрезъ Айгунскій хребетъ, высота была до 9000 ф., прошли полярную страну на хребтѣ. Вышли на Курейскую степь, дошли до Котъ-Агачи и Пю-Чаюнъ-Узуну, перевалили чуйскіе Альпы, опять до снѣжной высоты. Перешли Архытъ (Аргутъ), на Кокъ-сѣ подошли къ Катунской Бѣлухѣ; эта величественная гора сіяла передъ нами болѣе недѣли открытая. Я сдѣлалъ 3 версты по леднику, глетчеръ срисовалъ. Къ сожалѣнію, универсальный инструментъ, присланный изъ Катонъ-Карагая, оказался разбитымъ (4 и 2-й инст.). Не теряя духу, я сдѣлалъ, что могъ, поднимаясь на конѣ на высоту хребтовъ' Иногда калмыки отказывались вести на высоту, но я ѣхалъ одинъ и возбуждалъ ихъ энергію. Въ вершинахъ Катуни ямщики начали у насъ разбѣгаться, боясь, что ихъ погонятъ на Уймонъ. Положеніе было критическое, но я дождался новыхъ подводъ, подоспѣли киргизы. Былъ и на горячихъ ключахъ, взята вода».

2 сентября изъ Салаира Ядринцевъ пишетъ Гуляеву: «Доскакалъ до Салаира, а изъ Кузнецка ѣздилъ въ Кузодѣеву, гдѣ видѣлся съ Вербицкимъ и обмѣнялся наблюденіями. Черневые татары, кузнецкіе и бійскіе, представляютъ огромный интересъ по своей культурѣ; они—народъ, находящійся въ переходной степени къ осѣдлости, у которыхъ были и есть задатки ремеслъ; ихъ кожи, ткани, сѣти, растенія, употребляемыя ими, получаютъ огромную важность. Поэтому моя просьба къ вамъ описать—«кендырь», что вы подъ нимъ разумѣете. У черневыхъ татаръ «кендырь» называютъ коноплю. Не было-ли это названіе дано особому растенію или крапивѣ? Какой у васъ былъ кендырь, откуда и что изъ него выдѣлываютъ? Напишите. Я надѣюсь своими соображеніями доказать, что изъ кендыря была изготовлена первая ткань. Я дѣлалъ археологическія наблюденія надъ могилами, въ связи съ распредѣленіемъ племенъ въ Сибири, поэтому собрать археологическій матеріалъ задумалъ большой; нужны рисунки со всѣхъ находокъ. Не можете-ли найти въ Барнаулѣ подходящаго человѣка снять хотя

самые простые рисунки и контуры съ археологическихъ рѣдкостей барнаульскаго музея, тѣмъ болѣе, что тамъ ихъ не Богъ знаетъ сколько.

«А сами добудете-ли каталогъ музея съ обозначеніемъ, откуда вещи. Альбомъ археологическихъ предметовъ я намѣренъ приготовить для сибирскаго университета. У насъ въ Сибири жилъ культурный народъ, надо его розыскать по памятникамъ. Слѣды земледѣлія я нашелъ во многихъ мѣстахъ» [1]).

Надо-ли говорить, что, вернувшись въ ноябрѣ въ Омскъ, Н. М. засѣлъ за обработку добытыхъ богатыхъ матеріаловъ и снова написалъ массу разнообразныхъ статей въ изданіяхъ, съ которыми поддерживалъ непрерывныя сношенія... Во время этой экспедиціи, 26 августа 1880 года, въ Томскѣ, была совершена торжественная закладка университета...

Наконецъ, настало время «петербургскаго освѣженія»: въ концѣ 1880 года Казнаковъ заболѣлъ и уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы уже не возвращаться, а 14 января 1881 года Н. М. беретъ отпускъ на два мѣсяца и со всей семьей ѣдетъ въ Петербургъ. Отсрочивъ отпускъ еще на два мѣсяца, онъ, однако, не пользуется имъ до конца, и 30 марта, по прошенію, получаетъ отставку, которая застаетъ его въ с. Большомъ (Рязанской губ.), куда вся семья переселилась на лѣто. Въ теченіе петербургскаго пребыванія Н. М. успѣлъ сдѣлать два доклада: «О сибирскихъ инородцахъ»—въ Юридическомъ Обществѣ [2]) и «Объ алтайцахъ и черневыхъ татарахъ» — въ Географическомъ [3]), а въ письмахъ къ пріятелямъ не перестаетъ просить о присылкѣ всевозможныхъ свѣдѣній, касающихся инородцевъ [4]).

---

[1]) *Г. Баитовъ*, „Изъ писемъ Н. М. Ядринцева объ Алтаѣ“, „Вост. Об.“, 1903 г., № 128.

[2]) „Юрид. общество при И. Спб. университетѣ за 25 лѣтъ“, Спб., 1902 г., 157.

[3]) См. „Извѣстія И. Р. Г. О.“, 1881 г., IV.

[4]) *Д. Поникаровскій*, „Воспоминанія о Н. М. Ядринцевѣ“, „Сиб. Сборникъ“, 1896 г., II, 210.

VIII.

1881—1882 гг.

Энергичная обработка собранныхъ матеріаловъ. Встрѣча юбилея 300-лѣтія Сибири. Ея нужды. Выпускъ въ свѣтъ „Сибири, какъ колоніи". Ея содержаніе. Отношеніе къ книгѣ критики.

Въ деревнѣ Н. М. принялся энергично за обработку накопленнаго до сихъ поръ матеріала по всестороннему описанію своей родины, задумавъ сдѣлать ей подарокъ къ приближавшемуся трехсотлѣтнему юбилею. Послѣдній, по мнѣнію Н. М-ча, былъ только поводомъ поговорить какъ слѣдуетъ о всѣми забываемой странѣ, и поводомъ этимъ онъ воспользовался широко. Кромѣ статьи въ «Недѣлѣ», имъ была напечатана довольно большая статья въ «Вѣстникѣ Европы», въ которой авторъ горячо доказывалъ, что потребности и нужды Сибири не могутъ оставаться безъ отвѣта со стороны государственныхъ людей.

«Они состоятъ въ распространеніи на Сибирь гражданскихъ правъ, которыми пользуются уже подданные Европейской Россіи. Сибирское общество ждетъ введенія земства, новаго гласнаго суда, распространенія образованія, гарантій личности и лучшаго общественнаго существованія. Дарованіе самоуправленія, водвореніе правосудія и справедливости для этого несчастнаго края становится тѣмъ необходимѣе, что Сибирь въ продолженіе всего прошлаго существованія испытала много притѣсненій, несправедливостей и неустройствъ.

«Между тѣмъ, нынѣ выступаютъ многочисленные общественные вопросы и нужды, требующіе настоятельнаго удовлетворенія. Къ такимъ принадлежатъ: отмѣна уголовной ссылки, мѣшающей безопасности и развитію гражданской жизни, организація переселеній, устройство быта инородцевъ, принятіе мѣръ противъ міроѣдства и кулачества, улучшеніе участи золотопромышленныхъ рабочихъ и многія другія. Наконецъ, въ краѣ является потребность умственной жизни, стремленіе къ гласности, желаніе разрабатывать общественныя нужды путемъ печати; общество желаетъ гарантій для личности и защиты отъ мѣстнаго произвола».

Н. М. вполнѣ присоединяется къ прекрасному предложенію енисейскаго гласнаго Скорнякова, принятаго думой: «Наше трех-

сотъ-лѣтнее существованіе даетъ намъ право говорить о своихъ пользахъ и нуждахъ, и теперь, мнѣ кажется, лучшее для этого время. Нужды Сибири, нужды наши слишкомъ велики и обширны, велики потому, что мы дома почти 300 лѣтъ были пасынками Россіи, были обдѣлены всѣмъ, за исключеніемъ лишь извѣстнаго законодательнаго акта 16 іюня 1870 г., распространившагося и на сибирскую окраину [1]). Наша мать, Россія, уже пользовалась многими коренными реформами, мы же, сибиряки, страдая отъ нашихъ неурядицъ, могли только плакаться и завидовать ей. Поэтому-то наши нужды и требованія и должны быть обширны и велики; но это не должно смущать насъ, потому что, пріобрѣтая коренныя измѣненія и улучшенія въ нашей жизни, мы пріобрѣтаемъ залогъ для нашего лучшаго будущаго, вступимъ въ общечеловѣческія права, дѣлающія жизнь человѣка похожею на жизнь человѣка въ полномъ смыслѣ слова.

«Наши первыя и настоятельныя нужды — это введеніе земства, гласнаго суда, свободы печати и слова, свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселеній и прекращенія ссылки въ Сибирь».

Заканчивалась статья такъ: «Въ интересахъ человѣчества, какъ и въ интересахъ русской народности, наступаетъ время призвать наши окраины къ новой жизни, пробудить ихъ общественныя силы къ самодѣятельности и тѣмъ положить начало новому историческому періоду. Признаніе совершеннолѣтія общества, дарованіе ему гражданскихъ правъ, удовлетвореніе общечеловѣческихъ стремленій есть священнѣйшій долгъ метрополіи по отношенію ко всякой молодой развивающейся на ея рукахъ странѣ: великая обязанность налагается на нее Провидѣніемъ передъ лицомъ всего человѣчества и будущей исторіи» [2]).

Очень интересно письмо Н. М-ча къ одному изъ тобольскихъ друзей, написанное лѣтомъ, изъ деревни, по поводу предстоящаго празднованія 300-лѣтія Сибири:

«...Сумѣютъ-ли сибиряки отстоять свои симпатіи и создать свое народное торжество? Я имѣю поводъ сильно сомнѣваться въ силахъ и настоятельности сибирскихъ городскихъ обществъ —этихъ представителей мочальнаго ряда, какъ вы справедливо выражае-

---

[1]) Городовое положеніе, въ этотъ день санкціонированное.

[2]) „Трехсотлѣтіе Сибири съ 26 октября 1581 года“, „Вѣстникъ Европы“, 1881 г., XII, 845—847, 849.

тесь... Во всякомъ случаѣ важенъ не день и не срокъ, на который менѣе можно было бы обращать вниманіе, а важны приготовленія, какія будутъ сдѣланы, и заявленія къ этому дню. Дѣло не должно ограничиться балами и молебнами. Надо, чтобы въ рѣчахъ, тостахъ, заявленіяхъ различные представители заявляли объ общественныхъ потребностяхъ и ожиданіяхъ края, о новомъ судѣ, земствѣ, просвѣщеніи, бо́льшей свободѣ печати и т. д. Вы говорите, что ваши городскіе представители будутъ предубѣждены противъ ходатайствъ за печать. Пусть ихъ, печать сама заявитъ свои интересы! Говоръ и голоса о земствѣ для Сибири все чаще раздаются. Нужды Сибири такъ вопіющи, что о нихъ чаще надо повторять. Въ «Голосѣ» встрѣтите вы двѣ статьи «Дореформенная Сибирь» сибирскаго патріота... Въ иностранныхъ газетахъ напечатано, что гр. Игнатьевъ имѣетъ въ виду ввести земскія учрежденія въ Сибири. Я буду имѣть случай узнать это осенью въ Питерѣ, а также буду представленъ министру, приготовлю записку о нуждахъ Сибири.

«Если я не могъ приносить пользы на родинѣ, буду стараться работать по дѣлу реформъ въ Петербургѣ.

«Я плохо поправляюсь въ деревнѣ; на сей разъ разлука съ Сибирью и боязнь, что въ виду борьбы, открытой мной, будетъ закрыто мнѣ возвращеніе, дѣйствуетъ болѣзненно. Силы падаютъ день ото дня. Хвораю» [1]).

На праздновавшемся въ Петербургѣ 26 октября (1881 г.) трехсотлѣтіи взятія Искера, Н. М. указалъ, что увѣковѣченіе этого дня желательно обогащеніемъ того памятника, который строится на рубежѣ третьяго и четвертаго столѣтій: сибирскаго университета, ожидающаго новыхъ вкладовъ и пожертвованій [2]).

Въ Обществѣ же для содѣйствія промышленности и торговлѣ онъ прочелъ докладъ—«Культурное и промышленное состояніе Сибири», вышедшій въ 1884 г. особой брошюрой.

Въ началѣ 1882 г. Н. М. выпускаетъ свой капитальнѣйшій трудъ — «Сибирь, какъ колонія».

Уже самое заглавіе книги ясно выражаетъ его основной взглядъ на роль своей родины, а эпиграфъ изъ Адама Смита

---

[1]) *В. К.*, „Къ сибирской молодежи“, „Степной Край“, 1894 г., № 60. Очевидно, Н. М. намекаетъ на готовившуюся къ выходу „Сибирь, какъ колонію“ и на задуманное уже тогда „Восточное Обозрѣніе“ — то и другое, дѣйствительно, создало ему массу враговъ среди сибирской администраціи.

[2]) „Порядокъ“, 1881 г., № 296.

лишь лучше его оттѣняетъ: «Колоніи просвѣщеннаго общества, утверждающіяся въ безлюдной и малонаселенной странѣ, скорѣе всякаго другого человѣческаго общества двигаются къ богатству и благосостоянію».

По отзыву такого знатока сибирской литературы, какимъ является А. Н. Пыпинъ, эта работа, принадлежащая человѣку, не имѣвшему офиціальной научной марки, даже не получившему аттестата зрѣлости—«представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ всей сибирской литературы» [1]).

Надо-ли говорить, что въ «Сибири, какъ колоніи», Н. М. сконцентрировалъ и развилъ всѣ свои взгляды, съ которыми читатели частично уже имѣли случай ознакомиться. Въ предисловіи онъ замѣтилъ, что считаетъ свою книгу небезполезной не только для сибиряка, но и для жителя Европейской Россіи, очень плохо знающаго свою колоссальную восточную сосѣдку. Тамъ же онъ просилъ не осуждать его за не всегда выдержанныя спокойствіе и объективизмъ изложенія, потому что, «приходя на зовъ жизни, мы стремились отвѣтить на него всѣми силами души и полагали здѣсь весь жаръ своего сердца».

Затѣмъ идутъ очень обстоятельныя главы: «Русская народность на Востокѣ», «Областной типъ русской народности на Востокѣ», «Инородцы и инородческій вопросъ въ Сибири», «Условія разрѣшенія инородческаго вопроса», «Колонизація Сибири и современныя переселенія», «Ссылка въ Сибирь и положеніе ссыльныхъ», «Исторія эксплоатаціи богатствъ на Востокѣ», «Экономическое положеніе Сибири», «Управленіе Сибирью и реформа Сперанскаго», «Потребность знанія на Востокѣ и образованіе въ Сибири», «Будущность страны и условія ея преуспѣянія» и, наконецъ, приложеніе—«статистическія свѣдѣнія о современномъ состояніи Сибири».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ остановиться на книгѣ сколько-нибудь подробно, да ее, полную массой цѣнныхъ мыслей и фактовъ, и не передать болѣе или менѣе кратко. Въ нашихъ цѣляхъ достаточно ограничиться наиболѣе ярко опредѣляющимъ, съ одной стороны, самую работу, съ другой—автора.

Характеризуя областной типъ русской народности на Востокѣ, Н. М., между прочимъ, говоритъ:

«Въ Сибири нѣтъ монополизирующаго за собою культурную жизнь сословія, и сибирскій крестьянинъ, какъ и средній классъ

---

[1]) „Исторія русской этнографіи“, IV, 1892 г., 377.

населенія, поэтому ведетъ себя непринужденно и развязно. Сибирскій крестьянинъ чувствуетъ себя равноправнымъ, онъ смѣло входитъ въ комнату, подаетъ вамъ руку, садится съ вами за столъ и, если вы его пригласите, совершенно непринужденно будетъ пить чай, ѣсть и свободно вести съ вами рѣчь. Это мѣняетъ обхожденіе съ простымъ народомъ самихъ пріѣзжихъ въ Сибирь. До извѣстной степени, при добрыхъ отношеніяхъ, такое общеніе практикуется между начальствующими и народомъ. Даже пріѣзжій кровный господинъ (seigneur) въ Сибири долженъ сдѣлать уступку купечеству, мѣщанину и крестьянину, если онъ захочетъ съ ними сблизиться, какъ бы это ни оправдывалось уступкой «обычаямъ дикарей». Сибирское чиновничество, постоянно зависимое въ матеріальномъ отношеніи и не составляющее особаго класса, нерѣдко выходящее изъ тѣхъ же низшихъ слоевъ, имѣетъ общеніе только съ мѣщанами и купцами, уѣздное же—съ сельской мужичьей аристократіей; поэтому сибирское общество, неотдѣляемое перегородками, составляетъ однородную массу, гдѣ жизнь и обмѣнъ ея свободенъ. Все это не можетъ не поднимать уровень жизни крестьянина» [1]).

Фактъ, который совершенно не былъ извѣстенъ широкому русскому обществу, между тѣмъ представляющій громадный интересъ, какъ и слѣдующія три страницы, въ которыхъ авторъ выразилъ глубокую мысль.

Указавъ на наклонность русскаго сибирскаго населенія къ простору, волѣ и равенству, Н. М. продолжаетъ:

«Сибирь много терпѣла отъ административнаго и воеводскаго произвола; но онъ, все-таки, не могъ подавить всей жизни, и самое давленіе на личность было другого характера, чѣмъ крѣпостной феодальный гнетъ. Сибирскій крестьянинъ о гнетѣ въ экономической сферѣ, въ смыслѣ ограниченія пользованія благами природы, не имѣетъ даже понятія. Когда сибирскому крестьянину разсказываютъ о крѣпостномъ правѣ, о стѣсненіяхъ въ землѣ, онъ не вѣритъ и почти не можетъ составить представленія о жизни въ этихъ условіяхъ. Свобода пользованія различными благами укоренила въ немъ извѣстное міросозерцаніе о присущемъ ему неотъемлемомъ правѣ на жизнь и распоряженіе извѣстными благами. Административный произволъ разнился отъ крѣпостного права тѣмъ, что въ убѣжденіяхъ народной массы онъ не входилъ, какъ сознаніе его неизбѣжности, необходимости и законности. Напротивъ, это административное распоряженіе судьбою личности разсматривалось,

[1]) Стр. 64—65.

во-первыхъ, какъ явленіе, отъ котораго можно защититься, откупиться, спрятаться, наконецъ, противъ котораго можно протестовать, бороться. Все населеніе убѣждено было въ незаконности такихъ порядковъ и искало средствъ защиты противъ нихъ... Сибирское населеніе заявляло себя попытками исканія законности и справедливости. Сибирь была страною челобитчиковъ, истцовъ и даже прославлена за страну «ябедниковъ». Доносы на злоупотребленіе и челобитье были обыкновенными формами протеста, хотя эта борьба не дешево обходилась, — она стоила многихъ жертвъ мѣстному населенію. Но, тѣмъ не менѣе, исканіе правосудія, законности, правды волновало сибирское общество и проявлялось при каждой ревизіи; оно получило еще большую силу и увѣренность со времени, когда нѣкоторые администраторы, подобно Сперанскому, становились на сторону интересовъ населенія. Это сопоставленіе высшей правды мѣстному произволу и до сихъ поръ живуче въ массѣ населенія» [1]).

Принимая въ соображеніе такую психологію населенія и разсмотрѣвъ всесторонне историческое значеніе сибирской крестьянской общины, авторъ приходитъ къ такому заключенію:

«Для полнаго возрожденія сибирская община нуждается въ реформахъ, въ уступкѣ ей самоуправленія въ хозяйственныхъ дѣлахъ и въ улучшеніи ея гражданскихъ отношеній; этимъ былъ бы ускоренъ ея прогрессъ. Только въ свободномъ теченіи жизни общины и въ возбужденіи общинной энергіи и самодѣятельности заключается залогъ преуспѣянія мѣстнаго сибирскаго населенія» [2]).

Въ вопросѣ о переселеніяхъ П. М. является, конечно, сторонникомъ полной ихъ свободы. «Въ настоящее время нѣтъ въ Европѣ государства, которое бы задерживало переселенія насильственно, такъ какъ право человѣка искать лучшихъ условій существованія весьма естественно. Право переселенія—есть право жить».

«Чѣмъ виноваты люди, которыхъ новая мѣра задержитъ въ мѣстности, откуда они стремятся, подъ тѣмъ предлогомъ, что кто-то можетъ пострадать отъ недостатка рабочихъ рукъ? Такая задержка равнялась бы наложенію на свободныхъ людей обязанности продавать свой трудъ въ пользу другихъ лицъ по низшей цѣнѣ сравнительно съ стоящею на рынкѣ. Съ другой стороны, всякая мѣра къ опредѣленію границъ колонизаціи допускаетъ обширное поприще для произвола и случайности. Разрѣшеніе или запрещеніе выселяться будетъ поставлено въ зависимость отъ обилія или недостатка рабочихъ рукъ. Но понятіе о недостаткѣ рабочихъ рукъ есть, очевидно, относительное. Землевладѣлецъ жалуется на такой недостатокъ всякій

[1]) Стр. 68 — 70.
[2]) Стр. 81 —82.

разъ, какъ только онъ не находитъ рабочихъ по цѣнѣ, какую платилъ до тѣхъ поръ; между тѣмъ, стоитъ увеличить цѣну, и отъ рабочихъ не будетъ отбоя. Въ тѣхъ самыхъ губерніяхъ, откуда, вслѣдствіе чрезмѣрной населенности, крестьяне цѣлыми тысячами отправляются въ отхожіе промыслы, сплошь и рядомъ раздаются голоса о невозможности достать рабочихъ. Курскій землевладѣлецъ уже начинаетъ кричать объ отсутствіи рабочихъ, какъ скоро не оказывается охотниковъ обработывать его поля по 5 р. за десятину. Между тѣмъ, очевидно, что самое стремленіе удалиться съ привычнаго, насиженнаго мѣста, самая рѣшимость на лишенія во время отдаленнаго переѣзда есть уже признакъ избытка рабочихъ рукъ, невозможности найти для труда занятіе, обезпечивающее человѣку сколько-нибудь сносное существованіе».

«Во всякомъ случаѣ, колонизація не можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія интересовъ лицъ, заинтересованныхъ въ конкурренціи рабочихъ, хоть бы часть ихъ умирала съ голоду; она не можетъ быть подчинена также частнымъ интересамъ губерній,— она есть дѣло самихъ лицъ, чувствующихъ потребность въ выселеніи, и дѣло государства, которое отъ этого не проигрываетъ, а, напротивъ, выигрываетъ, получая вмѣсто разоренныхъ пролетаріевъ зажиточныхъ производителей» [1]).

И дальше:

«Требуется не мало проницательности и государственной сообразительности, чтобы понять и соразмѣрить роль административной государственной функціи въ дѣлѣ колонизаціи и не брать на свою отвѣтственность доли труда, которой по свойству своему никакая администрація выполнить не въ состояніи; она не заставитъ искусственно дѣйствовать народъ такъ, какъ онъ бы самъ дѣйствовалъ и не удержитъ его тамъ, гдѣ естественныя условія не благопріятствуютъ народному труду. Точно также, какъ не удержать ей токъ могучихъ народныхъ движеній туда, куда народъ имѣетъ естественное влеченіе стремиться. Одной административной самоувѣренности не дано творить жизнь и культуру. Этого не надо забывать. Наиболѣе проницательная государственная мудрость должна убѣдиться, въ концѣ концовъ, что въ рукахъ ея находится только одинъ механизмъ парового клапана, отпускающаго или задерживающаго народную силу, но никоимъ образомъ она не должна отождествлять себя съ дѣйствіемъ пара. Къ сожалѣнію, эти ошибки и заблужденія повторяются доселѣ, мѣшая свободному развитію народныхъ силъ и исторической творческой ихъ дѣятельности.

«Остатокъ регламентаціи, искусственнаго задержанія и направленія народныхъ движеній и колонизаціи все еще остается

---

[1]) Стр. 147 — 148.

Панихида въ день открытія памятника.

(Съ фотографіи С. Борелова).

въ традиціяхъ отъ прошлой казенной колонизаціи, хотя она давно отжила свое время. Бюрократическая самоувѣренность и привычка вмѣшательства затмѣваютъ здоровую государственную политику и задерживаютъ культурную историческую работу въ сферѣ колонизаціи. Вотъ почему часто наша колонизація и самое обновленіе нашихъ колоній не имѣютъ тѣхъ успѣховъ и прогресса, которое онѣ имѣютъ на Западѣ» [1]).

Н. М. настойчиво указываетъ на ту энергію, которую правительство должно обратить на колонизацію Сибири. «Отъ свободы переселеній въ Сибирь и прочнаго водворенія переселенцевъ будетъ зависѣть вся будущность этого края, его культурные успѣхи и развитіе. Мы разумѣемъ, конечно, переселенія свободнаго земледѣльческаго класса Россіи. Весь вопросъ въ томъ, пожелаемъ-ли мы имѣть этотъ край населеннымъ, цвѣтущимъ, полнымъ жизни или по прежнему оставимъ его безжизненнымъ и пустыней. Что касается Сибири, то ея интересъ стремиться всѣми средствами привлекать переселенія и содѣйствовать устройству колонистовъ, такъ какъ это условіе ея питанія, роста и пріобрѣтенія жизненныхъ силъ въ будущемъ» [2]).

Говоря о ссылкѣ, какъ о «колонизаціи», Н. М. преподнесъ фактъ громадный и до него мало извѣстный: вымираніе ссыльныхъ, а не приростъ, и вымираніе на $^4/_5$!

Не останавливаясь на массѣ убѣдительныхъ цифръ въ области стоимости ссылки, приведемъ лишь заключеніе автора:

«Современное положеніе раскрываетъ самый печальный и растлѣнный бытъ ссыльнаго населенія; ссыльные бѣдствуютъ, и Сибирь вмѣсто полезныхъ работниковъ, наводнена массою бездомнаго и празднаго пролетаріата. Вмѣсто исправленія, при печальныхъ условіяхъ ссыльнаго быта, наказаніе это даетъ обратные результаты, а именно: испорченность, бродяжничество и преступленія ссыльныхъ.

«Вмѣсто огражденія общества путемъ изолированія и перемѣщенія преступника, ссылка у насъ способствовала развращенію преступниковъ, наконецъ, наводнила Сибирь преступленіями, годъ отъ году увеличивающимися въ невѣроятныхъ размѣрахъ, и такимъ образомъ цѣлая мѣстность лишилась безопасности, и жизнь Востока представила такія условія, которыя не совмѣстимы съ жизнью какого-либо гражданскаго края» [3]).

---

[1]) Стр. 156—157.
[2]) Стр. 162—163.
[3]) Стр. 221.

Тогдашнее положеніе сибирской администраціи авторъ нашелъ удобнымъ характеризовать отзывами самихъ болѣе выдающихся губернаторовъ.

«Вотъ какъ отзывается начальникъ Иркутской губерніи въ своемъ отчетѣ о положеніи дѣлъ: «въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ губерніи цѣликомъ сохранилась прежняя централизація, смѣшеніе власти, неравномѣрность въ распредѣленіи труда и бѣдность его вознагражденія. Судебныя учрежденія страдаютъ скопленіемъ дѣлъ въ судахъ первой степени, такъ что дѣла лежатъ по пяти и шести лѣтъ безъ движенія. Въ волостныхъ правленіяхъ головы безграмотны, выправляютъ за нихъ писаря. Дѣлопроизводство въ волостныхъ правленіяхъ громадное, выпускаютъ до 20.000 нумеровъ въ годъ исходящихъ бумагъ; разнообразіе обязанностей требуетъ такой всесторонности, какой не можетъ добиться отъ своихъ органовъ даже губернская администрація. Кромѣ того, приносятся жалобы на злоупотребленія въ инородческихъ управахъ. Все это можетъ исчезнуть, говоритъ начальникъ, когда будутъ въ Сибири учрежденія, коими пользуется и Европейская Россія. Сибирскія же учрежденія отжили свое время. Точно также характеризуется положеніе дѣлъ въ Томской губерніи: «главный недугъ судебныхъ и административныхъ мѣстъ въ Западной Сибири заключается въ постоянной медленности и накопленіи дѣлъ, — говоритъ начальникъ Томской губерніи,—что происходитъ отъ недостатка развитыхъ дѣятелей. Мѣстныя учебныя заведенія, хотя и выпускаютъ каждый годъ извѣстное число воспитанниковъ, окончившихъ курсъ, но лучшіе изъ нихъ отправляются въ университеты и уже не возвращаются сюда; кто остается — не удовлетворяетъ потребности. Ожидать пріѣзда на службу способныхъ людей изъ внутреннихъ губерній имперіи невозможно, потому что тамъ представляется нынѣ болѣе обширное, нежели въ Сибири, поприще правительственной и общественной службы, при весьма хорошемъ вознагражденіи. Административный и судебный строй остается для Сибири тотъ же со времени Сперанскаго, т.-е. съ 1822 года, особенно судебныя учрежденія, несмотря на увеличеніе населенія и переполненіе края элементомъ ссыльныхъ; поэтому нынѣ дѣйствующія учрежденія не могутъ справиться съ громаднымъ количествомъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. До сихъ поръ принимаемыя мѣры оказываются палліативными, и все вызываетъ необходимость судебной реформы въ Сибири во всемъ составѣ (Отчетъ начальника Томской губерніи за 1873 годъ)» [1]).

Генералъ-губернаторства Н. М. считалъ полезнымъ совершенно упразднить или, въ крайнемъ случаѣ, уменьшить ихъ число,

---

[1]) Стр. 354—355.

находя что отъ этого только ускорится проведеніе гражданскихъ и культурныхъ началъ въ жизнь населенія. Что же касается управленія губерніями, основаннаго на многихъ «особенностяхъ», то, по его мнѣнію, обладая русскимъ полноправнымъ населеніемъ, сибирскія губерніи не нуждаются больше ни въ какихъ «особенностяхъ».

«Весьма продолжительный опытъ доказалъ ясно, что такія особенности не послужили гарантіей ни отъ злоупотребленій, ни отъ самовластія; напротивъ, сибирскіе генералъ-губернаторы со времени Сперанскаго, наперекоръ духу «сибирскихъ учрежденій 1822 г.» и существующему законодательству, стремились расширить свою власть, сосредоточить подчиненіе всѣхъ вѣдомствъ и этимъ уничтожить всякій взаимный контроль и почву правильнаго развитія законности.

«Въ Сибири, какъ и вездѣ, предстоитъ выдѣленіе военной власти отъ гражданской, которыя нынѣ соединены въ лицѣ генералъ-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ, выдѣленіе функціи суда отъ администраціи, что можетъ быть достигнуто полнымъ введеніемъ новыхъ судебныхъ учрежденій, уничтоженіе особенностей административнаго управленія и введеніе общаго положенія по управленію губерніями, съ подчиненіемъ губернскихъ учрежденій министерствамъ, наконецъ, выдѣленіе отъ администраціи дѣлъ по земскому хозяйству и призваніе общественныхъ и земскихъ силъ къ содѣйствію и удовлетворенію насущныхъ своихъ потребностей. Одно губернское управленіе мало принесетъ еще пользы. Губернская и особенно земско-полицейская администрація безсильна совладать съ многосторонними земскими нуждами, она не можетъ ни содѣйствовать грамотности и просвѣщенію, ни помочь народному здравію, ни регулировать повинности.

«..Одна реформа губернской администраціи немыслима нынѣ безъ помощи другихъ учрежденій, общественныхъ и земскихъ. Это тѣ самые органы, о которыхъ мечтали Сперанскій и Козодавлевъ. Ко введенію тѣхъ же реформъ въ Сибири, какія введены въ Европейской Россіи, теперь не можетъ встрѣтиться препятствій, принимая во вниманіе гражданское развитіе населенія, земскую силу его, податныя обязанности, общественныя повинности, которыя несетъ мѣстное населеніе наравнѣ съ другими областями Имперіи. Только при участіи земскихъ силъ достигнется тотъ контроль въ земскомъ хозяйствѣ, къ какому стремится сызданна высшая власть, уничтожатся существующія злоупотребленія и устранятся другія затрудненія по управленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ администрація будетъ имѣть подъ рукою живую силу общества, а не мертвый механизмъ» [1]).

---

[1]) Стр. 362—364.

Вотъ вкратцѣ нѣсколько яркихъ положеній «Сибири, какъ колонія». Понятно, такая книга не могла не привлечь вниманія литературы.

Извѣстный публицистъ, С. Я. Капустинъ, призналъ эту книгу «зеркаломъ Россіи» и такъ и озаглавилъ свою посвященную ей статью въ «Русской Мысли». Самъ знатокъ Сибири, Капустинъ находилъ, что «вся эта полнѣйшая и разнообразнѣйшая картина Сибири составлена на основаніи самыхъ добросовѣстныхъ экстрактовъ изъ всего, что писано было о Сибири ея администраторами, учеными, изслѣдователями, путешественниками, — изъ всего, что можно было извлечь изъ иностранной и русской, общей и исторической литературы. Каждая страница этой книги разсказываетъ событіе фактами, данными, легендами, выводами и мнѣніями историковъ, естествоиспытателей, путешественниковъ, промышленниковъ, торговцевъ и проч.,—однимъ словомъ, выборками изъ огромнѣйшей литературы. Замѣчательно при этомъ, что, несмотря на такой составъ книги, изложеніе ея отличается удободоступностью для большинства читающей публики» [1]).

С. С. Шашковъ написалъ очень оригинальную рецензію—это была большая статья, подъ заглавіемъ которой—«Сибирь на юбилеѣ»—стояло въ скобкахъ: «Сибирь какъ колонія» Н. М. Ядринцева. Спб. 1882 г.» — и только. На протяженіи всей статьи ни имени Н. М—ча, ни названія книги не упоминается: Шашковъ писалъ о томъ, какова Сибирь была и есть, вполнѣ довѣряя компетентности автора [2]).

Въ «Устояхъ» помѣстилъ статью Г. Н. Потанинъ, подписавшійся иниціаломъ *Л* [3]). Озаглавивъ ее «Сибирь, какъ колонія», почтенный ученый вполнѣ присоединился къ выводамъ своего друга [4]).

Кромѣ этихъ статей, въ журналахъ и газетахъ были обычныя небольшія рецензіи, всѣ въ одинъ голосъ указывавшія на громадное значеніе книги. Помимо этого, труды Н. М. не остались и безъ оцѣнки офиціальныхъ сферъ, что можно видѣть, напримѣръ, изъ работы начальника главнаго тюремнаго управленія, А. П. Са-

---

[1]) „Рус. Мысль", 1883 г., I, 5.

[2]) „Дѣло", 1882 г., VI.

[3]) См. *В. Карцевъ и М. Мазаевъ*, „Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей", Спб., 1891 г.

[4]) „Устои", 1882 г., № 6.

ломона, не разъ указывающаго на Ядринцева, какъ на «извѣстнаго изслѣдователя сибирской ссылки», какъ на «вполнѣ компетентнаго въ этомъ дѣлѣ судью» и т. п. [1]).

Министерство народнаго просвѣщенія рекомендовало «Сибирь, какъ колонію» для ученическихъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній.

IX.

1882—1887 гг.

Основаніе „Восточнаго Обозрѣнія". Широкая связь Н. М. съ обществомъ. Пріемъ газеты Сибирью. Первое предостереженіе. Основные взгляды газеты. Мнѣніе о сибирской желѣзной дорогѣ. Отношенія къ корреспондентамъ. 2-е и 3-е предостереженія. Отдача газеты подъ цензуру. Матеріальное положеніе. Мысль перенести изданіе въ Иркутскъ. Н. М., какъ редакторъ. Поѣздка въ Швейцарію. Экспедиція въ Минусинскій край. „Сибирь, какъ колонія" на нѣмецкомъ языкѣ. Общество вспомоществованія сибирякамъ, учащимся въ Петербургѣ. Любовь Н. М. къ молодежи, помощь ей. Н. М., какъ отецъ.

Одновременно съ выпускомъ въ свѣтъ своей капитальной книги Н. М. велъ очень энергичные хлопоты по основанію въ Петербургѣ безцензурной сибирской газеты. Бывшія связи, особенно вліяніе Н. Г. Казнакова и А. И. Деспота-Зеновича, помогли ему получить разрѣшеніе, а товарищи-земляки составили денежный фондъ около 4.000 руб., изъ которыхъ 2.500 р. были внесены залогомъ за безцензурность, вѣрнѣе—за неподверженность каждаго отдѣльнаго слова предварительно цензурѣ — готовый номеръ всеравно поступалъ, на основаніи закона, на четыре дня въ цензурный комитетъ, гдѣ и могъ быть задержанъ.

1 апрѣля 1882 г. вышелъ первый номеръ еженедѣльнаго «Восточнаго Обозрѣнія» [2]). Программа газеты была довольно полная. Вотъ что Н. М. объявилъ въ этомъ номерѣ:

---

[1]) „Ссылка въ Сибирь", для Высочайше учрежденной комиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки. Спб., 1900 г.

[2]) Цѣна: въ Спб. 7 р. 50 к., въ провинціи 8 р. въ годъ.

«Съ нѣкотораго времени положеніе отдаленныхъ окраинъ и жизнь на русскомъ Востокѣ получаютъ особый интересъ, вызываютъ изслѣдованія и возбуждаютъ все болѣе вниманія правительства и русскаго общества. Желая дать по возможности правдивую картину жизни Востока въ ея многообразныхъ проявленіяхъ, попытаться опредѣлить роль русской національности на азіатскомъ Востокѣ и ея общечеловѣческое призваніе, а также желая выразить нужды и потребности русскаго общества на окраинѣ, мы предприняли изданіе, знакомящее Европейскую Россію съ Азіей и Сибирью, какъ и обратно—жителей окраинъ съ жизнью и развитіемъ Россіи.

«Можетъ быть, мы ошибаемся, но въ данную минуту наше глубокое убѣжденіе состоитъ въ томъ, что подробное областное изученіе Россіи можетъ оказать извѣстную услугу и не явиться лишнимъ въ средѣ русской періодической печати.

«Мы полагаемъ такую задачу тѣмъ своевременнѣе, что Сибирь наканунѣ своего 300-лѣтія ждетъ гражданскаго обновленія и разработки различныхъ вопросовъ, поднятыхъ ея жизнью. Ходатайство и предстательство за интересы населенія восточныхъ окраинъ будетъ нашей обязанностью. Въ Петербургѣ, въ центрѣ Россіи, это предстательство можетъ принести извѣстную пользу въ разъясненіи положенія края и пролить нѣкоторый свѣтъ на мѣстные вопросы. Затаенному голосу восточныхъ окраинъ, ихъ нуждамъ мы даемъ случай высказаться откровенно и безпристрастно.

«Искреннимъ намѣреніемъ нашимъ будетъ — соединить мнѣнія лицъ знающихъ жизнь Сибири и Востока, любящихъ свой край и желающихъ добра ему. Въ это же самое время мы приглашаемъ всѣхъ знатоковъ Востока и ученые силы принять участіе въ предлагаемомъ ознакомленіи русскаго общества съ Азіей, и съ этой цѣлью готовы дать обширное мѣсто научнымъ изслѣдованіямъ, путешествіямъ и возможно полной библіографіи Востока.

«Намъ обѣщали обязательное содѣйствіе и сотрудничество слѣдующія лица, извѣстныя своими трудами въ литературѣ о Востокѣ и русскихъ восточныхъ окраинахъ: проф. В. П. Васильевъ, проф. И. П. Минаевъ, проф. В. В. Радловъ, проф. И. Я. Фойницкій, проф. Д. Н. Анучинъ, доцентъ Петерб. унив. Позднѣевъ, С. В. Максимовъ, Д. И. Завалишинъ, С. Я. Капустинъ, Н. И. Наумовъ, М. С. Знаменскій, С. С. Шашковъ, М. В. Малаховъ, д-ръ О. К. Думбергъ, путешественники: М. В. Пѣвцовъ, И. С. Поляковъ, Г. Н. Потанинъ, А. В. Адріановъ и другіе».

Конечно, нельзя не замѣтить, что составъ названныхъ сотрудниковъ былъ не совсѣмъ однообразенъ по направленію, но, повидимому, Н. М. считалъ, что почти всѣ они могутъ дать цѣнныя на-

учныя свѣдѣнія. Публицистическій же, т. е. направляющій изданіе, элементъ опредѣлялся прежде всего имъ самимъ и принимавшими раньше или позднѣе участіе, между прочимъ, слѣдующими лицами: И. П. Бѣлоконскій («Петровичъ»), И. В. Вагинъ, М. Венюковъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, Д. Н. Клеменцъ, А. А. Корниловъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, А. С. Пругавинъ, В. И. Семевскій, И. В. Федоровъ («Омулевскій») и др. Съ такимъ составомъ сотрудниковъ «Восточное Обозрѣніе» съ перваго номера стало въ ряды прогрессивныхъ органовъ. И если отбросить нѣсколько ироническое къ нему отношеніе со стороны органчиковъ, какъ страстнобульварскіе будочники, эртелевская сирена и имъ подобныхъ, то отношеніе всей русской печати къ новому своему товарищу было безусловно теплое и сочувственное.

Н. М. работалъ дни и ночи, А. Ѳ., конечно, не отставала. Вдвоемъ они и были, собственно, редакціей: средства не позволяли расширить число ея постоянныхъ членовъ. Н. М. писалъ такую массу, что только поражаешься разносторонностью этого человѣка: у него все было интересно и своевременно. Каждая статья, каждая замѣтка имѣла свое опредѣленное значеніе. Жена вела «хронику», «послѣднія новости», «хронику жизни за недѣлю», «событія русской жизни» и вообще всѣ отдѣлы, требующія большой и внимательной работы по прочтенію массы газетъ и журналовъ; она же была и корректоромъ, и секретаромъ, и конторщикомъ.

Н. М. хорошо понималъ, что первымъ условіемъ дѣйствительной жизненности печатнаго органа должно быть широкое общеніе съ обществомъ, въ лицѣ его лучшихъ представителей, и потому сразу же устроилъ въ своей скромной квартирѣ памятные для многихъ «четверги» — день выхода «Восточнаго Обозрѣнія». По словамъ В. И. Семевскаго, эти «четверги»—«по своей задушевности и непринужденности заставляли вспоминать о лучшемъ времени шестидесятыхъ годовъ, когда общество жило болѣе полною жизнью» [1]).

Интересомъ и оживленіемъ своихъ «четверговъ» Н. М. былъ не мало обязанъ и А. Ѳ—нѣ, умѣвшей невидно для всѣхъ дирижировать хоромъ собравшихся, во-время сказать свое слово, кстати что-нибудь напомнить. Всѣ кто бы ни бывалъ у Ядринцевыхъ поражались способностью А. Ѳ. сближать людей, доставлять имъ

---

[1]) *В. Семевскій*, „Нѣсколько словъ въ память Н. М. Ядринцева". „Рус. Мысль", 1895 г., I, 34.

дѣйствительно интересное времяпрепровожденіе въ своей небольшой гостиной, далеко не блиставшей ни изяществомъ, ни убранствомъ.

«Жизнь Ади — пишетъ г. Свентицкая — въ это время была полна интереса и живой, кипучей дѣятельности. Она помогала мужу въ работахъ по изданію журнала, читала, писала, и находила еще время для участія въ обществѣ пособія учащимся сибирякамъ. Постоянно добрая и веселая, она просто поражала меня своей энергіей и безустанной дѣятельностью; у ней, кажется, минуты не было, и вѣчно нужно было торопиться, чтобы успѣть сдѣлать все, что она взяла на себя. Безконечно добрая и отзывчивая на чужое горе, она привлекала къ себѣ всѣ сердца и постоянно была окружена друзьями, безгранично ей преданными. Особенно любили ее сибиряки; они шли къ ней со всякимъ горемъ, со всякой бѣдой своей и всегда находили у ней и участіе и помощь».

Труды увѣнчивались успѣхомъ. «Въ Томскѣ, въ Иркутскѣ, въ Якутскѣ каждый номеръ «Восточнаго Обозрѣнія» ожидался съ нетерпѣніемъ. Читатель любилъ встрѣчать въ новой газетѣ саркастическую полемику противъ великолѣпныхъ носителей культуры, пріѣхавшихъ въ Сибирь на казенныхъ подводахъ, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, или присланныхъ въ качествѣ проконсуловъ и подпроконсуловъ на кормленіе, какъ говорили въ старину. Еще болѣе любилъ онъ узнавать подъ смѣшными прозвищами и масками такіе персонажи, которыхъ мѣстная печать не могла касаться въ силу, такъ называемыхъ, мѣстныхъ условій печати. Читатель ощущалъ удовольствіе, пробѣгая фельетонъ «Добродушнаго Сибиряка» или ядовитые комментаріи, которыми редакторъ «Восточнаго Обозрѣнія» сопровождалъ мелкія извѣстія и факты въ рубрикѣ «Сибирской хроники»; то, чего не могла ему дать мѣстная взнузданная пресса, ему дала новая петербургская газета: онъ увидѣлъ, что безотвѣтность Сибири не вѣчна и не безпредѣльна, что капризъ и произволъ, власть и мошна имущихъ не совершенно безконтрольны, что есть страхъ и на тѣхъ, кто наводилъ страхъ, что границы зла открыты, наконецъ» [1]).

Не такъ относились къ газетѣ элементы ею затронутые. Въ злобѣ потрясались кулаки, слышались клятвенныя обѣщанія прикрыть ее...

---

[1]) *Г. Качерецъ*, „Восточное Обозрѣніе“, „Сибирь“, 1897 г., № 39.

Все это не было неожиданностью для Н. М. Онъ одинаково гордился какъ сочувствіемъ интеллигенціи, такъ и злобнымъ шипѣніемъ Кондратовъ [1]) и ихъ присныхъ—работа, значитъ, шла хорошо. Онъ зналъ, что насколько интеллигенція будетъ радоваться первому болѣе или менѣе свободному отъ мѣстнаго произвола слову, настолько будетъ негодовать другая сторона.

Въ 1882 г. тиражъ газеты былъ не ниже того, на который разсчитывали Ядринцевы: 500 подписчиковъ.

27 октября 1882 года «Восточное Обозрѣніе» подверглось первой карѣ, которую и воспроизвело въ ближайшемъ номерѣ:

«Принимая въ соображеніе, что газета «Восточное Обозрѣніе», своею тенденціозностью и безпрерывными нападками на сибирскую администрацію, стремится дискредитировать ее въ глазахъ мѣстнаго населенія (статья въ № 29 подъ заглавіемъ: «Новый способъ распространенія газетъ», статья въ № 30 подъ заглавіемъ: «Подкладка сибирской благотворительности», корреспонденція изъ Омска отъ 15 іюля въ № 24 и корреспонденція изъ Сибири въ № 28).

«Министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 прилож. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз. св. зак. т. XIV, по продолж. 1876 г., и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ «Восточное Обозрѣніе» первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора Николая Ядринцева» [2]).

Въ первой изъ инкриминируемыхъ статей шла рѣчь о распоряженіи какого-то администратора по распространенію неофиціальнаго отдѣла «Губернскихъ Вѣдомостей»; во второй—о благотворительности кулаковъ и монополистовъ, закрѣпощающихъ благодаря этому всю округу, и о благотворителяхъ по приказанію начальства; въ третьей—о частыхъ нарушеніяхъ закона именно въ Омскѣ; въ четвертой—о радѣніи администраціи о нуждахъ народа.

Что касается самаго содержанія «Восточнаго Обозрѣнія», то, не собираясь заниматься здѣсь исторіей этой газеты, что было бы, конечно, несвоевременно и неумѣстно, я скажу о немъ сравнительно немного.

Прежде всего надо имѣть въ виду начало одной изъ статей перваго номера: «Область—вотъ девизъ, съ которымъ мы выходимъ среди другихъ органовъ русской печати». Этому девизу га-

---

[1]) Такъ Н. М. называлъ въ своей газетѣ сибирскихъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Слово это быстро стало ходячимъ.

[2]) „Вост. Об.", 1882 г., № 32.

зета была вѣрна всегда, хотя статей прямо ему посвященныхъ и не очень много. Область отчетливо проникала сквозь всѣ поры, глядѣла изъ каждой строки. Щапову и Костомарову, какъ историкамъ-областникамъ, воздавалось всегда должное. Вопросъ о провинціальной прессѣ трактовался съ уже знакомыхъ намъ точекъ зрѣнія Н. М—ча.

Надо-ли говорить, что и по другимъ вопросамъ «Восточное Обозрѣніе» высказывалось всегда въ духѣ тѣхъ идей, которыя всю свою жизнь исповѣдовалъ его редакторъ. Ссылка, тюрьма, переселенія, административное устройство Сибири, ея общественная жизнь, университетъ—все это обсуждалось съ точекъ зрѣнія, уже знакомыхъ нашему читателю.

Изъ болѣе частныхъ вопросовъ остановимся на сибирской желѣзной дорогѣ. Этому газета посвятила около 40 статей, но совершенно не участвовала въ спорѣ о направленіи дороги, потому что, по ея мнѣнію, «никто изъ конкурентовъ не думалъ въ данномъ вопросѣ о Сибири и ея благѣ» [1]). «Восточное Обозрѣніе» настойчиво предлагало называть дорогу не «сибирской», а «черезъ Сибирь»: интересы Сибири, по ея мнѣнію, принимались здѣсь въ разсчетъ очень мало. Органъ Н. М. находилъ, кромѣ того, что «при всей важности въ будущемъ этого предпріятія можетъ явиться вопросъ о его своевременности». Что «при обсужденіи выгодъ этого предпріятія въ смыслѣ матеріальнаго и умственнаго прогресса народа можетъ явиться сравненіе и оцѣнка настоящаго средства экономическаго преуспѣянія съ другими, и кто знаетъ, не выдвинутся-ли болѣе серьезныя текущія задачи... Желѣзныя дороги есть одно изъ средствъ проведенія цивилизаціи, но не однѣ онѣ. Мало того, это одно изъ орудій и средствъ торговли и спекуляціи, какъ деньги, какъ кредитъ. А извѣстно, что эти средства цивилизаціи могутъ различно служить въ различныхъ рукахъ. Мы не противники цивилизующихъ средствъ, а потому и облегченія путей сообщенія, но мы понимаемъ цивилизацію не въ этомъ одномъ. Мы спрашиваемъ, почему только «желѣзная дорога» такая панацея ото всѣхъ золъ? Почему люди, желающіе облагодѣтельствовать Сибирь и поднять ея культурный уровень, говоря такъ горячо о милліардахъ на желѣзную дорогу, не обращаются къ другимъ равносильнымъ и, можетъ быть, болѣе имѣющимъ значенія орудіямъ цивилизаціи? Отчего бы не сказать: усѣйте этотъ край народными школами, тех-

---

[1]) 1885 г., № 4.

ническими заведеніями, не жалѣя милліардовъ на это? Но этого не говорится. Отчего не говорится о поднятіи народной культуры, развитіи просвѣщенія и т. д., которыя стоятъ желѣзныхъ дорогъ и которымъ не менѣе, а, можетъ быть, болѣе этихъ дорогъ обязана Европа и другія части свѣта блескомъ цивилизаціи и народнаго благосостоянія? Поднимите эту культуру и промышленность края, дайте просторъ развитію жизни, просвѣщенію со всѣми его благами, и желѣзныя дороги явятся сами послѣдствіемъ этого высшаго уровня, причемъ не придется болѣе употреблять усилій и фикцій для существеннаго проведенія вопроса о желѣзной дорогѣ на Востокъ, во имя практическихъ и отвлеченныхъ цѣлей. Такъ какъ вопросъ о желѣзной дорогѣ въ Сибирь не разсматривался съ этой точки зрѣнія сравнительной оцѣнки различныхъ благъ цивилизаціи, то мы остаемся при настойчивомъ повтореніи вопроса: «насколько нужна желѣзная дорога Сибири?» [1]).

Здѣсь же не могу не коснуться и позднѣйшаго невмѣшательства Н. М—ча въ вопросъ о проведеніи желѣзной дороги. Для этого довольно богатый матеріалъ есть въ письмахъ его къ В. И. Семидалову, изъ которыхъ я приведу только два. «Съ сибирскимъ комитетомъ по желѣзной дорогѣ я не завелъ сношеній и по принципу не могу туда пробиваться. «Енисейскій Листокъ» Кудрявцева злорадствуетъ и упрекаетъ «Восточное Обозрѣніе» и «Сибирскую Газету», что они были противъ желѣзной дороги. Враги наши празднуютъ, но празднуетъ-ли Сибирь?... Въ эту минуту надо крѣпиться и остаться вѣрнымъ себѣ» (17 марта 1893 г.).

«Проведеніе жѣлезной дороги, со всѣми наѣзжими элементами, произведетъ переворотъ въ воззрѣніяхъ, нравахъ, вкусахъ—это *нашествіе желѣзнодорожной цивилизаціи*, алчной, жадной, ташкентской. Сибирякамъ нужно будетъ много стойкости, гражданскаго мужества, много патріотизма отстаивать себя и здоровое направленіе жизни. И посмотрите, какая идейная связь между *времен-*

---

[1]) 1884 г., № 28. Это совершенно совпадаетъ съ той мыслью, которую Н. М. высказалъ еще въ 1873 г., присоединясь къ проекту желѣзной дороги: „Рядомъ съ желѣзной дорогой должны быть выдвинуты и другія средства для защиты края отъ эксплоатаціи и къ поощренію мѣстной промышленности. Характеръ этихъ мѣръ можетъ обсудить только мѣстное учрежденіе—земство, безъ котораго край будетъ вверженъ въ экономическую анархію и подверженъ всевозможнымъ случайностямъ. Мы должны поэтому желать, чтобы первый торжественный поѣздъ въ Азію былъ встрѣченъ земствомъ“ („Недѣля“, 1873 г., № 5).

ными гостями Сибири, ея гораздо болѣе (чѣмъ у насъ), хотя эти гости въ худшемъ положеніи. Другіе элементы, пришлые въ Сибирь, также сплотились во имя своихъ интересовъ. Желѣзнодорожники сойдутся съ наѣзжими, съ Картамышевымъ [1]) и К°, съ адвокатами, съ подрядчиками, кулаками и наѣзжими чиновниками. Это будетъ цѣлая партія усиленныхъ культуртрегеровъ. А наши, неорганизованные и сосредоточивающіе себя на мелочахъ городскихъ и разрозненные, будутъ никуда негодны» (6 сентября 1893 г., курсивъ въ подлинникѣ).

Очень хорошо былъ поставленъ и отдѣлъ корреспонденцій изъ Сибири. Корреспонденты—люди вполнѣ интеллигентные, солидарные съ своимъ вдохновителемъ-редакторомъ, давали всегда матеріалъ крайне живой и интересный и при томъ въ такой формѣ, которая заставляла читать этотъ отдѣлъ всѣхъ и каждаго. Рука Н. М. видна во многихъ изъ нихъ—онъ считалъ своимъ долгомъ использовать и тутъ по возможности полнѣе право газеты выходить безъ предварительной цензуры. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ привести кое-какія письма его къ корреспондентамъ, изъ которыхъ видно, какъ живо Н. М. чувствовалъ въ Петербургѣ всѣ уродливыя явленія своей родины, какъ честно и осторожно относился онъ къ обличеніямъ, и какъ настойчиво просилъ обличить уже безпощадно человѣка, дѣйствительно того заслуживающаго. Теплыя, внимательныя отношенія дали ему, конечно, любящихъ газету и дорожащихъ ея честнымъ именемъ работниковъ на мѣстахъ. «Восточное Обозрѣніе» за время Н. М. имѣло шесть судебныхъ процессовъ, начатыхъ «обличенными», но всѣ они кончались въ той или другой инстанціи полнымъ оправданіемъ.

Сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о сущности «Восточнаго Обозрѣнія», находящагося, какъ и вся русская пресса, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій... Къ нимъ-то мы и перейдемъ.

10-го іюня 1884 года послѣдовало другое распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ: «Принимая въ соображеніе, что газета «Восточное Обозрѣніе», несмотря на объявленное ей 27 октября 1882 г. предостереженіе, вновь начала сообщать ложныя извѣстія о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ сибирскихъ властей, съ очевидною цѣлью ослабить въ населеніи авторитетъ администраціи и возбу-

---

[1]) В. П. Картамышевъ, редакторъ-издатель „Сибирскаго Вѣстника" въ 1885—94 гг., газеты тогда очень двусмысленнаго состава.

дить недовѣріе къ ея дѣятельности (корреспонденціи: въ № 1 изъ Читы, въ № 5 изъ Укыра и статья «Съѣзды на Ирбитской ярмаркѣ» № 11), управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 прилож. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз. св. зак. т. XIV, по продолж. 1876 г., и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ «Восточное Обозрѣніе» второе предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора Николая Ядринцева» [1]).

19 сентября 1885 г. сдѣлано было третье распоряженіе:

«Принимая въ соображеніе, что редакція газеты «Восточное Обозрѣніе», несмотря на полученныя ею два предостереженія, старается попрежнему изображать въ крайне неблаговидномъ свѣтѣ дѣятельность сибирской администраціи, и что предосудительное направленіе это, которымъ проникнута большая часть статей и корреспонденцій этой газеты, особенно рѣзко выразилось въ статьѣ, помѣщенной въ № 35, подъ заглавіемъ «Амурскія иллюзіи и разочарованія», управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 прил. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз. св. зак. т. XIV, по прод. 1876 г., и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ «Восточное Обозрѣніе» третье предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора Николая Ядринцева, съ пріостановленіемъ изданія на двѣ недѣли и съ примѣненіемъ къ нему примѣчанія къ вышеозначенной статьѣ уст. ценз. св. зак. т. XIV, по прод. 1883 года» [2]).

А примѣчаніе это означало отдачу газеты подъ предварительную цензуру... Первый номеръ (№ 39) послѣ двухнедѣльной пріостановки и вышелъ съ помѣткой: «дозволено цензурой 9 октября 1885 года»..

На 38-мъ номерѣ за 1885 г. кончились красные дни «Восточнаго Обозрѣнія». Съ № 39-го оно пошло къ упадку, число под-

---

[1]) „Вост. Об.", 1884 г., № 24. 26 октября 1884 г., въ Иркутскѣ происходилъ торжественный обѣдъ въ честь взятія Ермакомъ Искера; на обѣдѣ присутствовалъ и губернаторъ, С. И. Носовичъ. Оттуда была послана „Восточному Обозрѣнію" слѣдующая телеграмма: „Устроители вечера 26-го октября шлютъ пламенное привѣтствіе редакціи за ея честное и неуклонное служеніе нуждамъ и интересамъ забытаго края". Ядринцевъ отвѣчалъ: „Шлю сердечную благодарность устроителямъ вечера; будемъ стараться сохранить незапятнанной честь областной печати" („Вост. Об." 1884 г., № 50).

[2]) „Вост. Об"., 1885 г., № 39.

писчиковъ за 1885 г. — 1300 — было кульминаціоннымъ пунктомъ: въ 1886 г. оно упало на 150, а потомъ, что дальше, то больше [1]).

Надо-ли говорить о томъ, какъ все это вліяло на Н. М—ча и его помощницу... Тотъ, кто не испытывалъ страшныхъ мукъ за невозможность выговорить свою мысль, не пойметъ этихъ страданій. Нервы его напряглись до послѣдней степени, и если что еще поддерживало бодрость, то, съ одной стороны, неутомимая энергія и настойчивость въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли, съ другой—сочувствіе, которое онъ встрѣчалъ отъ окружающихъ. Такъ, напримѣръ, въ январѣ 1886 г. Н. М. получилъ очень теплый адресъ отъ группы московскихъ сибиряковъ-студентовъ, въ которомъ «выражалось глубокое уваженіе къ Н. М. и признательность за его долголѣтнюю литературную дѣятельность. Адресъ былъ вложенъ въ красивый, плюшевый бюваръ зеленаго цвѣта съ зелеными же атласными лентами. На бюварѣ была надпись золотыми буквами: «Отъ учащихся въ Москвѣ сибиряковъ». Адресъ былъ покрытъ почти 60 подписями» [2]).

Подписка на 1887 г. была уже настолько незначительна, что не хватало ни ея, ни пособій, получаемыхъ Н. М—мъ отъ друзей Сибири. А пособія эти получались не безъ труда и униженій для гордаго, самолюбиваго Н. М. Они «доставались иногда съ такими усиліями, съ такими уколами для самолюбія бѣднаго издателя, что я—говоритъ г. Левинъ—твердо убѣжденъ, что опасность потерять самаго близкаго человѣка не заставила бы Н. М. такъ унижаться. Но такъ велика была любовь покойнаго къ своему дѣтищу—«Во-

---

[1]) О паденіи на эту цифру Н. М. сообщалъ въ апрѣлѣ 1886 г. Поникаровскому („Сиб. Сборникъ", 1896 г., II, 211). Въ „Сибири" г. Потанинъ писалъ: „уже послѣ перваго предостереженія Ядринцевъ самъ сбавилъ тонъ газеты, послѣ второго онъ сталъ писать еще скромнѣе, послѣ третьяго газета стала совсѣмъ безцвѣтною; параллельно съ этимъ падала и подписка" („Сибирь", 1897 г., № 39). Все это нуждается въ поправкѣ. Во-первыхъ, послѣ перваго предостереженія не замѣтна сбавка тона; во-вторыхъ, послѣ 3-го—газета, дѣйствительно, значительно умѣрилась, но безцвѣтною никогда не была; въ-третьихъ, подписка падала вовсе не параллельно съ предостереженіями; наоборотъ, она все это время возростала, что видно изъ цифръ сообщенныхъ въ „Восточномъ Обозрѣніи" 1897 г., въ № 40: въ 1882 г.—500 подписчиковъ, въ 1883—900, въ 1884—1100, въ 1885—1300.

[2]) *П. Головачевъ*, „Воспоминанія о другѣ молодежи", „Вост. Об.", 1896 г., № 56.

сточному Обозрѣнію»!.. [1]). Приходилось подумать о способахъ поднятія интереса къ газетѣ или объ ея прекращеніи.

«Тогда — разсказываетъ г. Потанинъ—друзья посовѣтовали Ядринцеву перенести газету въ Сибирь; руководствовались при этомъ такими соображеніями: газета, издаваемая въ столицѣ для Сибири, должна имѣть въ виду только небольшую группу людей, которые будутъ ею интересоваться; это люди, которые интересуются общественными вопросами Сибири. Понятно, что для такихъ читателей большое значеніе имѣетъ бойкое, живое слово въ газетѣ; газета начнетъ мямлить, начнетъ наполняться ничтожными извѣстіями, подписка падетъ. Газета, издаваемая на мѣстѣ, на окраинѣ, имѣетъ совсѣмъ другой кругъ читателей; ея читатель интересуется и малозначительными фактами мѣстной жизни; для него, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, преслѣдованіе серьезныхъ цѣлей въ газетѣ не представляетъ необходимой потребности. Простой листокъ объявленій, издаваемый на мѣстѣ, въ которомъ нѣтъ ни тѣни публицистики, гораздо болѣе обезпеченъ подпиской, чѣмъ публицистическій органъ, издаваемый для окраины въ столицѣ. «Вост. Об.», перенесенное въ Иркутскъ, могло разсчитывать на вѣрныхъ 300 городскихъ подписчиковъ и на 500 иногородиихъ. Вотъ какими соображеніями руководились друзья Ядринцева, совѣтуя ему не закрывать газету, а перенести ее въ Иркутскъ. Вовсе не тѣ мысли руководили Ядринцевымъ, когда онъ переносилъ газету въ Сибирь, какія, повидимому, приписываетъ ему «Новое Время». («Нов. Время» заявило въ 1897 г., что переносъ газеты совершился, благодаря увѣренности Н. М. въ большей осмысленности такого изданія на мѣстѣ—*М. Л.*); онъ переѣхалъ въ Иркутскъ не потому, что ему захотѣлось стать ближе къ сибирской жизни, тутъ были простыя хозяйственныя соображенія. Друзьямъ Ядринцева хотѣлось во что бы-то ни стало продолжить существованіе «Вост. Обозрѣнія»; имъ хотѣлось, чтобы голосъ ихъ друга не смолкалъ; пусть онъ раздается слабо, но пусть, все-таки, раздается» [2]).

Послѣ долгихъ размышленій Н. М., подъ вліяніемъ друзей, рѣшился, наконецъ, объявить въ № 45 за 1887 г. о перенесеніи газеты съ 1 января 1888 г. въ Иркутскъ. Выборъ именно послѣдняго онъ аргументировалъ такъ: «Мы избрали Восточную Сибирь

---

[1]) *Н. Левинъ*, „Памяти хорошаго человѣка". „Вост. Об.", 1894 г., № 89.
[2]) „Сибирь", 1897 г., № 39.

и городъ Иркутскъ резиденціей редакціи потому, что въ немъ всегда болѣе живо бьется пульсъ общественной жизни, что самое общество здѣсь болѣе чутко къ общественнымъ вопросамъ. Умственная жизнь Восточной Сибири давала себя знать и проявляла себя со времени Сперанскаго. Восточная Сибирь отзывалась на всѣ насущные и живые вопросы края съ замѣчательнымъ чутьемъ. Въ послѣднее время также изъ Восточной Сибири идетъ инициатива по главнымъ вопросамъ края, стремясь къ удовлетворенію насущныхъ нуждъ его. Крестьянское дѣло, поземельный вопросъ, ссыльный, инородческій и другіе стоятъ на первомъ планѣ и ждутъ своего разрѣшенія. Можно-ли сказать, что здѣсь нечего дѣлать прессѣ» [1]).

Изъ статьи же въ 47-мъ за 1887 г. можно видѣть, что доводы друзей были раздѣляемы и самимъ Н. М—мъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и П. Головачевъ, говоря, что зимой 1887 г., въ свиданіе свое съ московской молодежью, Н. М. много говорилъ о переводѣ газеты въ Иркутскъ и много отъ него ожидалъ. Молодежь его поддерживала тѣми же доводами. За послѣдними, дѣйствительно, было одно практическое соображеніе, выходившее изъ желанія сохранить органъ: при условіяхъ, въ которыхъ приходилось работать послѣ третьяго предостереженія, сколько-нибудь широко поставленный отдѣлъ общихъ статей о Сибири былъ немыслимъ, а мелочи мѣстной жизни изъ Петербурга невидны. Вотъ почему Н. М. писалъ: «при всемъ томъ, что положеніе центральной журналистики даетъ возможность смотрѣть глубже и шире на историческіе и текущіе вопросы народной жизни, при всемъ томъ, что столичный органъ можетъ стоять на высотѣ воззрѣній европейской жизни, а работа въ столицѣ учитъ литературнымъ пріемамъ и болѣе совершенной техникѣ, мы, всетаки, должны сознаться, что центральная печать не можетъ во многомъ замѣнить *мѣстной печати*, стоящей au courant своихъ областныхъ дѣлъ; она не можетъ такъ близко стать къ населенію, уловить дѣйствительный пульсъ и настроеніе общества, волнующія его мысли и проникнуть въ ту глубь народнаго самосознанія, въ тѣ нѣдра жизни, гдѣ идетъ хотя медленная, но послѣдовательная жизненная работа.

---

[1]) „Вост. Об.“, 1888 г., № 1. За выборъ Иркутска говорили и еще два чисто практическихъ соображенія. Во-первыхъ, въ 1887 г., въ немъ, привыкшемъ къ газетѣ, прекратилось изданіе „Сибири“. Во-вторыхъ, тогда была увѣренность въ терпимости къ органу опредѣленной окраски скорѣе со стороны администраціи Восточной, чѣмъ Западной Сибири.

Видъ могилы въ день открытія памятника.

(Съ фотографіи С. Борелова).

«Еще было труднѣе, издавая мѣстный органъ въ столицѣ, угождать частнымъ мелочнымъ потребностямъ повседневной провинціальной жизни. Сама редакція не могла не чувствовать себя оторванной и отдѣленной отъ жизни сибирскаго общества, хотя душою она всегда пребывала съ ней...

«...Окончивъ ту миссію, которую принялъ на себя временно мѣстный органъ въ столицѣ, онъ долженъ почувствовать чрезъ извѣстный періодъ необходимость возвратиться въ ту среду, откуда онъ вышелъ. Такой періодъ наступилъ для «Восточнаго Обозрѣнія». Дальнѣйшее существованіе въ столицѣ можетъ сдѣлать его слишкомъ отвлеченнымъ и не всегда способнымъ отвѣчать вопросамъ дня. Мы полагаемъ поэтому, что перенесеніе органа туда, гдѣ онъ можетъ лучше угадывать нужды населенія, придастъ ему болѣе силы и жизненности» [1]).

Что касается внѣшнихъ условій, то Н. М. сказалъ, что надѣется больше на лучшее, чѣмъ на худшее изъ возможнаго въ провинціи...

Съ переводомъ «Восточнаго Обозрѣнія» въ Иркутскъ начинается новый періодъ жизни Н. М., а потому, прежде чѣмъ приступить къ его описанію, мы должны закончить періодъ газеты 1882—1887 гг. и жизнь самого Н. М. за это время.

Въ октябрѣ 1884 г. было объявлено, что въ слѣдующемъ году при газетѣ будетъ приложенъ «Литературный Сборникъ», который годовые подписчики получатъ безплатно. Это нововведеніе Н. М. объяснялъ какъ накопленіемъ матеріала, превосходящаго размѣръ газетныхъ статей, такъ и желаніемъ создать областную журналистику. Въ началѣ 1885 г. «Литературный Сборникъ» вышелъ и былъ встрѣченъ читателями очень сочувственно.

Съ 1886 года при газетѣ сборникъ сталъ уже постояннымъ, называясь «Сибирскій Сборникъ», и стоилъ въ годъ лишнихъ два рубля, будучи всегда достаточно цѣннымъ прибавленіемъ. О сборникахъ есть очень интересное мѣсто въ письмѣ Н. М—ча А. С. Пругавину отъ 28 ноября 1886 года: «...Я надсаждаюсь и корплю за газетой, готовлю къ выпуску 2 приложенія за этотъ годъ, хотя изданіе сборниковъ, конечно, не окупилось и въ прямой убытокъ. Сейчасъ получилъ письмо и вырѣзку изъ Petermanns Mitteilungen, первый географическій журналъ, гдѣ помѣщена рецензія «Sibirskiy Sbornik». Въ это же время изъ русскаго топографическаго отдѣла

[1]) „Вост. Об.", 1887 г., № 47.

при Главномъ Штабѣ заявленіе, что на приложенія подписываться не желаютъ, ибо они не носятъ географическаго характера. Странно, что нѣмцы ученые оказались менѣе требовательны и нашли научный интересъ въ изданіяхъ. Надо замѣтить, что въ сборникахъ у насъ помѣщены были этнографическія статьи, путешествіе Потанина, путешествіе Сонье, статьи профессора Петри объ инородцахъ и обширная библіографія сочиненій о Сибири. И все это недостаточно серьезно».

Какъ редакторъ, Н. М. отличался аккуратностью и знаніемъ дѣла. Прочитывая его газету, вамъ становится прежде всего яснымъ, что редакторъ имѣетъ вполнѣ опредѣленный взглядъ на всѣ вопросы, что органъ его не колеблется въ нихъ, что вся газета есть, въ сущности, хорошо сыгравшійся оркестръ, въ которомъ сразу нельзя различить отдѣльныхъ инструментовъ. По словамъ г. Потанина, — «Ядринцевъ былъ созданъ журналистомъ; онъ быстро оріентировался въ направленіяхъ и событіяхъ и работалъ необыкновенно легко и много. День проводилъ въ бѣготнѣ и сношеніяхъ съ людьми, забѣгалъ въ редакцію, сновалъ по канцеляріямъ, а работалъ преимущественно по ночамъ. Фельетонъ зарождался у него мгновенно, и за одинъ присѣстъ выкладывался на бумагу. Случалось иногда, что передъ самимъ выходомъ газеты, къ нему бѣгутъ изъ типографіи съ извѣстіемъ, что цензоръ зачеркнулъ статью, и опроставшееся мѣсто нечѣмъ наполнить: нѣтъ-ли готовой статьи? Сначала нѣсколько минутъ смущенія — никакой готовой статьи въ портфелѣ редактора нѣтъ, — потомъ оживленіе въ глазахъ отъ пришедшей идеи, и Николай Михайловичъ пишетъ въ типографію съ посыльнымъ успокоительную депешу и проситъ обождать полчаса; проходитъ полчаса, и отъ Н. М. въ типографію несутъ фельетонъ, сюжетъ котораго былъ взятъ изъ разговора, прерваннаго посыльнымъ изъ типографіи» [1]).

При такой работѣ да при потрясеніяхъ съ внѣшней стороны мудрено было не заболѣть на пятомъ десяткѣ. Въ серединѣ 1885 г., по настоянію врачей, Н. М. ѣдетъ за границу лѣчить свой желудокъ и геморрой, сдавъ редакцію А. Ѳ., которой много помогалъ К. Н. Михайловъ. Но развѣ могъ этотъ вѣчно движущійся человѣкъ подчиниться безпрекословно предписанію врачей? За границей онъ не упустилъ случая проѣхаться по Швейцаріи, дѣлясь своими впечатлѣніями съ читателями «Восточнаго Обозрѣнія» и все время

---

[1]) *Б. Глинскій*, н. з., XI—XII.

возвращаясь въ ней къ своей далекой родинѣ. Конечно, по возвращеніи онъ почувствовалъ снова ту же хворость, снова принялся за изнурительную работу ночами» [1]).

Въ послѣдней повинна была, впрочемъ, не только натура самого Н. М., но и финансовая сторона его жизни. «Восточное Обозрѣніе» не давало ему никакого обезпеченія, приходилось дѣятельно работать въ другія изданія.

Въ маѣ 1886 г., по порученію Географическаго Общества, котораго Н. М. былъ уже членомъ [2]), и на средства его Восточно-Сибирскаго отдѣла, Н. М. совершилъ путешествіе къ берегамъ Ангары и Байкала и къ верховьямъ Орхона, съ цѣлью осмотра мѣстныхъ музеевъ и археологическихъ работъ, провѣрки направленія древней колонизаціи къ нашимъ границамъ по Орхону и наблюденія надъ кочевымъ бытомъ монголовъ (остяковъ и саянскихъ племенъ Минусинскаго края), сравнивая ихъ прошлое, по существующимъ описаніямъ, съ настоящимъ.

П. Головачовъ разсказываетъ, что въ это время настроеніе Н. М. было снова приподнято — онъ ѣхалъ въ дорогую Сибирь. По пріѣздѣ въ Москву, Н. М. пригласилъ къ себѣ группу сибиряковъ-студентовъ, незадолго до того почтившихъ его адресомъ. Онъ «кипѣлъ энергіей, былъ полонъ плановъ и предположеній. Вечеромъ мы проводили его на вокзалъ; помню тамъ продолжительный разговоръ о сибирскихъ инородцахъ. Н. М., какъ всегда, явился ревностнымъ и убѣжденнымъ защитникомъ этихъ людей и блистательно опровергалъ аргументы одного изъ насъ, что, судя по разнымъ знаніямъ изъ міра растительнаго и животнаго, вымираніе инородцевъ не представляетъ-ли фатальнаго естественнаго факта, котораго требуетъ неумолимая эволюція природы и исторіи? Н. М. былъ положительно противъ этого мнѣнія и доказывалъ свою мысль многочисленными примѣрами и остроумными соображеніями. На этомъ же свиданіи мы еще разъ увидѣли, какъ трогаетъ Н. М. всякій интересъ къ Сибири, особенно со стороны иностранцевъ. Испанскій докторъ Сентиньонъ, изъ Барселоны, знающій русскій языкъ, случайно познакомился съ «Вост. Обозр.», заинтересовался имъ и просилъ одного изъ русскихъ ученыхъ, проф. Манассеина, съ которымъ случайно встрѣтился, передать

[1]) *Д. Поникаровскій*, „Вспоминанія о Н. М. Ядринцевѣ", „Сиб. Сборникъ", 1896 г., II, 211.

[2]) Кромѣ того, онъ былъ тогда членомъ И. Р. Археологическаго общества и почетнымъ членомъ лейпцигскаго Museum für Völkerkunde.

Н. М. свой привѣтъ. Ядринцевъ былъ этимъ тронутъ и просилъ меня письменно благодарить за вниманіе г. Сентиньона» [1]).

Въ сентябрѣ Н. М. возвращался изъ экспедиціи. Снова произошло свиданіе съ студентами-земляками. «Сначала мы—пишетъ г. Головачевъ—слушали разсказъ Н. М. о его послѣднемъ путешествіи по Сибири; затѣмъ разговоръ зашелъ о томъ, что предварительное, теоретическое, такъ сказать, знакомство съ Сибирью и интересъ къ ней необходимы для учащихся сибиряковъ, большинство которыхъ обыкновенно возвращается на родину: такимъ образомъ заранѣе оріентируешься въ мѣстныхъ вопросахъ, пріучаешься осмысленно относиться къ нимъ, а этотъ интересъ и даже укрѣпившаяся потому симпатія къ Сибири значительно скрашиваетъ и осмысливаетъ пребываніе въ ней, само по себѣ для посторонняго человѣка очень тяжелое. Много говорилъ Н. М. на эту тему». Черезъ мѣсяцъ Н. Головачевъ получилъ отъ него письмо: «...Совсѣмъ заработался и хвораю. Сбирался въ Москву на засѣданія Об—ва антропологіи и заболѣлъ. Работаю жестоко ночами и опять одинъ [2]). Даже обдѣлывать матеріалъ некогда, а шлютъ сырье...» [3]).

Отчетъ о поѣздкѣ былъ напечатанъ въ 1887 г., въ «Запискахъ И. Р. Г. Общества».

Въ концѣ 1886 г. проф. Э. Петри выпустилъ въ Іенѣ, свой переводъ «Сибири, какъ колоніи», сдѣланный съ согласія автора по русскому оригиналу.

Наконецъ здѣсь же нельзя не остановиться на одномъ благомъ дѣлѣ, починъ въ которомъ, между прочимъ, принадлежалъ и Н. М. Я говорю объ основаніи «общества содѣйствія учащимся въ Петербургѣ сибирякамъ»; уставъ его былъ утвержденъ 25 марта 1884 года. Н. М. былъ избранъ членомъ правленія, и первое время собранія происходили на его квартирѣ. Работы и ему, и А. Ѳ. было и здѣсь достаточно. Эти люди не могли жить безъ помощи окружающимъ, дѣлясь часто послѣдними крохами. Одна пріятельница А. Ѳ. разсказывала мнѣ, что хорошо помнитъ, какъ изъ дома Ядринцевыхъ были однажды отданы послѣдніе десять рублей, и вечеромъ семья не знала, что будетъ ѣсть на завтра... Н. М. и А. Ѳ. вѣчно хлопотали о комъ-нибудь изъ сибиряковъ, вѣчно бѣгали по устройству благотворительныхъ вечеровъ и кон-

---

[1]) „Вост. Об.“, 1896 г., № 56.

[2]) Въ это время А. Ѳ. была въ деревнѣ при не совсѣмъ здоровыхъ дѣтяхъ.

[3]) Вост. „Об.“, 1896 г., № 57.

цертовъ, вѣчно не знали покоя отъ массы обращающихся за посреднической помощью. Въ этомъ отношеніи очень интересны теплыя строки, написанныя Н. Левинымъ.

«Кто изъ учащейся сибирской молодежи не помнитъ гостепріимнаго дома Ядринцевыхъ, сначала въ Поварскомъ переулкѣ, потомъ на Пескахъ? Двери этого дома были настежь открыты для всякаго сибиряка, и всѣ шли къ Ядринцевымъ; кто съ просьбой пріискать работу, кто посовѣтоваться на счетъ занятій, а кто и просто поговорить, узнать сибирскія новости. Заброшенный за тысячи верстъ отъ своей родины, въ большинствѣ случаевъ безъ гроша въ карманѣ, студентъ-сибирякъ былъ увѣренъ, что стоитъ обратиться къ Н. М. или А. Ѳ., чтобы дѣла поправились какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Н. М. достанетъ какую-нибудь работу, познакомитъ съ земляками, дастъ какое-нибудь благотворное указаніе на счетъ занятій — и все это съ такимъ горячимъ участіемъ, съ такою любовью и тактомъ, словно Ядринцевъ — вашъ близкій родственникъ, а не первый разъ видитъ васъ въ глаза!

«И въ этомъ были увѣрены не только студенты, но даже университетская администрація.

«Я самъ былъ свидѣтелемъ такого разговора. — Студентъ Л—въ находился въ отчаянномъ матеріальномъ положеніи: ни гроша денегъ, ни приличной одежды и ни души знакомыхъ. Къ несчастью, онъ не внесъ еще платы за слушаніе лекцій, и ему грозило исключеніе изъ университета. «Постойте, Л—въ, вѣдь, вы сибирякъ? воротилъ его инспекторъ. Отчего не обратитесь вы къ Ядринцеву? Онъ вамъ, навѣрное, устроитъ все. *Не было еще случая, чтобы сибиряка исключили изъ петербургскаго университета за невзносъ платы.* Идите-ка къ Ядринцеву сегодня-же; я, такъ и быть, подожду нѣсколько дней...» Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней за Л—ва была внесена плата и, кромѣ того, ему достали выгодную работу.

«Такихъ или подобныхъ случаевъ такъ много, что я и привелъ случай съ Л—вымъ только для того, чтобы показать насколько покойный (Н. М.) былъ популяренъ среди учащейся молодежи того времени.

«...Для студента-земляка у него всегда находилось время и побесѣдовать, и съѣздить куда надо попросить, похлопотать, достать нуждающемуся работу...

«Я горячо убѣжденъ, что покойный въ своихъ поступкахъ, дѣйствительно, руководствовался не разъ высказываемой мыслью:

«Это будущіе сибирскіе дѣятели. Мы (т. е. старые дѣятели) учились кое-какъ и кое-чему. Вотъ погодите, придутъ новые люди, вооруженные знаніями, и тогда для Сибири наступитъ новая эра. Наша обязанность облегчать молодымъ людямъ путь къ наукѣ, ибо въ этихъ людяхъ вся наша надежда!» [1]).

Послѣ этого понятно, почему молодежь такъ цѣнила Н. М. и при каждомъ удобномъ случаѣ спѣшила выказать ему свою любовь и уваженіе. Аделаиду же Ѳедоровну учащіеся сибиряки справедливо называли своей «матерью».

Но не только петербургская сибирская молодежь встрѣчала участіе Н. М—ча въ своихъ нуждахъ и потребностяхъ. П. Головаченъ приводитъ переписку его съ московской группой по организаціи сибирскаго отдѣла студенческой библіотеки, изъ которой видно, какъ горячо онъ относился ко всѣмъ запросамъ грядущихъ слугъ Сибири [2]).

Почти не живя личной жизнью, Н. М. всегда страдалъ за свою оторванность отъ дѣтей, а А. Ѳ. не разъ писала г. Свентицкой, что ее «сильно мучаетъ мысль, что она мало можетъ отдавать дѣтямъ и времени и заботъ, такъ какъ ей приходилось много помогать Н. М.» И не намъ теперь осуждать ихъ за бо̀льшее вниманіе къ родинѣ, чѣмъ къ собственнымъ дѣтямъ. Такіе люди не умѣютъ дѣлиться при всей своей любви къ семьѣ. Въ письмахъ Н. М. къ В. И. Семидалову, уже послѣ смерти жены, когда дѣтей пришлось воспитать у Н. Ѳ. Ржавской, есть очень много горькихъ по этому поводу строкъ, есть немало и такихъ, сквозь которыя совершенно ясно, что дѣти не забывались, они постоянно были въ мысляхъ отца, но у него не хватало духу покончить съ родиной... «...Пишу вамъ въ комнатѣ моей дочурки [3]). Она сидитъ съ братомъ и снаряжаетъ его въ дорогу. Они бодры и веселы, какъ дѣтство и юность. Надо воротиться къ нимъ, воротить всѣ свои чувства и мысли опять въ свой старый міръ... Завтра по отъѣздѣ сына будетъ страшный приступъ тоски. Чувствую». (30 сентября 1892 г.). «Вчера уѣхалъ мой сынъ Коля [4]), и я опять одинъ въ своемъ домикѣ... Въ моей комнатѣ единственнымъ гостемъ является моя дочка, послѣ 12 часовъ. Я сижу за столомъ и пробую зани-

---

[1]) *Н. Левинъ*, „Памяти хорошаго человѣка", „Вост. Обозрѣніе", 1894 г., № 89.

[2]) „Восточное Обозрѣніе", 1896 г., № 56 и 57.

[3]) Теперь Лидія Николаевна Злобина.

[4]) Въ рязанскую гимназію.

маться, а она лежитъ на диванѣ у меня, подъ салопчикомъ, когда ей холодно. Итакъ, мы остались вдвоемъ съ ребенкомъ моимъ...» (1 октября 1892 г.).

На праздникъ Рождества и Пасхи Н. М. всегда уѣзжалъ въ деревню (къ г. Ржавской) и проводилъ эти дни постоянно съ дѣтьми. Неуспѣхъ въ ученьи кого-либо изъ нихъ его всегда очень огорчалъ—онъ писалъ по этому поводу г. Семидалову громадныя письма. Не надо забывать и того обстоятельства, что Н. М. хорошо сознавалъ, кому онъ предоставилъ воспитаніе дѣтей послѣ смерти А. Ѳ—ны. Н. Ѳ. Ржавская, по общимъ о ней отзывамъ, человѣкъ очень интеллигентный, развитой, добрый и преданный Н. М. Дѣти видѣли, что ихъ новая мать, если можно такъ назвать Н. Ѳ. за чисто материнское къ нимъ отношеніе, тоже работница на нивѣ общественной, создающая всевозможныя школы для крестьянъ и вообще очень заботливо относящаяся къ нуждамъ крестьянской округи.

По словамъ г. Потанина, Н. М. былъ нѣжнымъ отцомъ. Только въ силу отсутствія усидчивости, умственной сосредоточенности и ровности характера онъ не могъ быть педагогомъ.

«Онъ любилъ играть со своими дѣтьми и доставлять имъ удовольствія. Въ разлукѣ съ ними, гдѣ-нибудь на границѣ съ Китаемъ, онъ не забывалъ послать имъ китайскихъ игрушекъ. Онъ умѣлъ ниспускаться до дѣтскихъ интересовъ и ихъ пониманія. Я припоминаю, какъ мы однажды, поздно вечеромъ, возвращались домой съ нимъ и съ его женой А. Ѳ.... Шли по тротуару; онъ несъ подъ мышкой купленный для дѣтей картонный домъ; въ узкомъ мѣстѣ пришлось протискиваться между встрѣтившимися рабочими; одинъ рабочій локтемъ задѣлъ за трубу картоннаго зданія и оторвалъ ее. «Ахъ, господинъ!»—сказалъ Н. М., обращаясь съ своею рѣчью скорѣе къ намъ, чѣмъ къ простому, человѣку.—Вы изломали трубу! Какъ же мы теперь будемъ топить печку?!» Эти слова были сказаны тономъ такого искреннаго дѣтскаго огорченія, что прошмыгнувшій виновникъ этого несчастія, вѣроятно, подумалъ, что баринъ помѣшанный, и самъ играетъ кукольными домами» [1]).

---

[1]) *Б. Глинскій*, н. з., XII—XIII.

X.

1888—1894 гг.

„Восточное Обозрѣніе“ въ Иркутскѣ. Смерть А. Ѳ. Тяжелая атмосфера Иркутска. Первая экспедиція на Орхонъ, ея результаты. Дѣла газеты. Переѣздъ въ Петербургъ. Поѣздка въ Парижъ. Выходъ въ свѣтъ книги „Сибирскіе инородцы“, ея содержаніе. Вторая орхонская экспедиція. Второе изданіе „Сибири, какъ колоніи“. Работа въ голодную годину. Отношеніе молодежи къ Н. М. Сотрудничество въ „Рус. Жизни“. Работы по переселенческому дѣлу. Ядринцевскій поселокъ. Поѣздка въ Америку. Мечта написать о ней книгу. Дѣла газеты. Поѣздка въ Барнаулъ для статистическихъ работъ. Смерть. Похороны. Состояніе могилы. Чѣмъ Сибирь почтила смерть Н. М.

7 января 1888 г., въ Иркутскѣ вышелъ первый номеръ переведеннаго туда «Восточнаго Обозрѣнія». Н. М. работалъ и мучился безъ помощи А. Ѳ.—она должна была остаться въ Петербургѣ къ которому была прикована воспитаніемъ дѣтей. Газета приняла видъ болѣе мѣстнаго изданія, но... не удовлетворяла читателей.

«Сибирская публика — говоритъ г. Потанинъ — привыкла къ петербургскому «Вост. Обозр.» и не могла примириться съ иркутской физіономіей газеты. Къ редакціи предъявлялись прежнія требованія; въ городѣ ходили каламбуры на счетъ жиденькаго содержанія газеты. Ядринцева огорчало такое отношеніе иркутской интеллигенціи» [1]).

Не мало прибавляли горечи и столкновенія по дѣламъ цензуры съ гр. Игнатьевымъ.

Свѣтлымъ для Н. М. днемъ обѣщало быть 22 іюля 1888 года— день открытія Томскаго университета, но и здѣсь пришлось испытать громадное горе: 17 іюля умерла Аделаида Ѳедоровна...

Еще зимою 1888 г. она, совершенно больная, жаловавшаяся на страшную боль въ боку и въ груди, всетаки, принимала дѣятельное участіе въ организаціи благотворительнаго вечера въ пользу опекаемаго ею общества вспомоществованія учащимся сибирякамъ. Затѣмъ А. Ѳ. слегла и «если пережила весну, то этимъ она обязана самоотверженному уходу за нею женщины-врача Е. К. Витте, а также сибирской молодежи, которая поочереди дежурила у ея кровати. А. Ѳ. была поставлена на ноги, но ея страшная слабость

---

[1]) „Сибирь“, 1897 г., № 39.

и нехорошій румянецъ заставляли думать, что ея здоровье навсегда подорвано; однако, никто не могъ себѣ представить, чтобы эта молодая, еще недавно полная силъ и здоровья женщина могла бы скоро умереть» [1]). Въ маѣ она уѣхала къ матери въ Большое-Село. «Здоровье ея — говоритъ г. Михайловичъ — ухудшалось, а затѣмъ одно событіе, обусловленное близкимъ знакомствомъ А. Ѳ. съ учащейся молодежью и сопровождаемое большими непріятностями, ускорило роковую развязку» [2]).

«Восточное Обозрѣніе» вышло 24 іюля. Хороня горячо-любимую жену, Н. М—чу приходилось быть въ то же время воспріемникомъ долго жданнаго университета. Нервно, непослѣдовательно написанная статья—«Свѣтлыя минуты» заканчивалась словами: «Нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ!...» А на слѣдующей страницѣ, другъ Н. М.—докторъ М. Писаревъ, освѣдомилъ читателей съ потерей А. Ѳ.... Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе долженъ былъ оставить этотъ номеръ...

Черезъ мѣсяцъ Н. М. скромно, на послѣдней страницѣ текста, писалъ обрамленное траурной каймой заявленіе: «Получая телеграммы и письма отъ друзей, знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ съ выраженіемъ соболѣзнованія о потерѣ, постигшей меня, въ лицѣ дорогой моей подруги и товарища, А. Ѳ. Ядринцевой, помогавшей мнѣ въ моей трудовой жизни и служеніи родинѣ, я приношу искреннюю благодарность всѣмъ, кто выражаетъ сочувствіе моему несчастію. Личному горю я не могу давать мѣста на страницахъ газеты. Постараюсь, уважая память усопшой сотрудницы и согласно завѣщанія святой для меня женщины, отдать свои послѣднія силы и трудъ тому же дѣлу, которое было цѣлью моей жизни» [3]).

Позже, набрасывая ненапечатанную часть своей автобіографіи, Н. М. писалъ:

«14 лѣтъ помогала мнѣ покойная жена моя А. Ѳ. Я не имѣлъ времени написать достойную оцѣнку всего, что она внесла въ мою жизнь и насколько содѣйствовала моему возрожденію къ общественной дѣятельности. Но если бы я и написалъ, я полагаю, что не сказалъ бы всего: такъ велико было ея благотворное вліяніе. Ея обширное образованіе, знаніе нѣсколькихъ языковъ, ея хара-

---

[1]) *В. Семевскій*, „А. Ѳ. Ядринцева", „Рус. Старина", 1888 г., IX, 695—696.

[2]) „Сиб. Жизнь", 1903 г., иллюстрированное приложеніе къ № 121, У А. Ѳ. былъ произведенъ обыскъ.

[3]) „Вост. Обозрѣніе", 1888 г., № 34.

ктеръ, ея трудолюбіе и усердіе удваивали и утраивали общіе труды наши. Ея участіе въ дѣлѣ покровительства и помощи учащимся сибирякамъ отмѣчено было въ ея некрологахъ, и юное поколѣніе увѣнчало вѣнкомъ ея могилу [1]). Я узналъ, что можетъ внести женщина интеллигентная и умная въ жизнь человѣка»...

Можно себѣ представить, что переиспыталъ Н. М. въ эти мрачные дни... По общимъ отзывамъ, онъ сразу какъ-то, что называется, осѣлъ, захирѣлъ, сдѣлался суровъ и малообщителенъ. «Испытаніе было такъ жестоко, что одно время я боялся—говоритъ г. Левинъ,—что этотъ желѣзный человѣкъ не выдержитъ. Но какъ ни великъ былъ ударъ для покойнаго, какъ ни страдало его самолюбіе (а онъ имѣлъ безконечное право на это самолюбіе), горячая любовь Н. М. къ своему дѣтищу побѣдила»... [2])

16 августа онъ писалъ А. И. Барковой: «Въ послѣдніе дни я забываюсь только работая до утомленія, до изнеможенія, иначе, когда остаюсь праздный со своими чувствами, я сознаю ужасную, внутреннюю пустоту, и тоска давитъ меня. Я борюсь, мужаюсь и призываю свои силы пережить это время». Дальше мысль о дѣтяхъ, объ ихъ сиротствѣ терзаетъ его. «Провожая своихъ знакомыхъ С—выхъ въ Петербургъ,—пишетъ Н. М.,—у меня къ нимъ была одна просьба—позаботиться о моихъ дѣтяхъ, взглянуть на нихъ; такая же просьба—быть у дѣтей, поласкать ихъ, передана мною сегодня А. М. К., поѣхавшей въ Россію».

«Завтра будетъ мѣсяцъ, какъ я получилъ роковую вѣсть. Мѣсяцъ почти я живу съ болью въ груди, съ пустотою въ сердцѣ. Множество дѣла и суеты не даютъ одуматься, очувствоваться. Въ каждую минуту я долженъ помнить, что я отданъ не себѣ, не долженъ сосредоточивать вниманія на своей ранѣ, а быть готовымъ приходить вездѣ на помощь другимъ и нести крестъ общественнаго служенія, избранный мною, какъ единственное утѣшеніе въ жизни» [3]).

---

[1]) Мало этого. Сибиряки поставили на могилѣ памятникъ и написали на немъ:

„Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата человѣка,
Только тотъ себя переживетъ!...“

[2]) „Восточное Обозрѣніе“, 1894 г., № 89.

[3]) „Изъ бумагъ сибирскаго патріота“, „Вост. Обозр.“, 1902 г., № 139.

Черезъ нѣсколько дней (28 августа) Н. М. пишетъ П. М. Головачеву и В. И. Семидалову:

«Спасибо за неизмѣнную дружбу, за письмо, за статьи. Отъ В. И. получилъ изъ Енисейска, но отвѣтить не могъ, ибо письмо застало меня въ годину тяжелую. Сами знаете, что подъ вліяніемъ личныхъ несчастій не легко писать. Тѣмъ не менѣе дружба ваша и привѣтъ необходимѣе теперь, чѣмъ когда-либо. Если васъ поразила смерть молодой, энергичной, отдававшейся святому дѣлу женщины, то что-же скажете про меня? Вѣдь я летѣлъ въ Сибирь, думая создать здѣсь свое гнѣздо, привезти свою семью—и очутился одинъ... Я испытывалъ всѣ трудности въ чужомъ мнѣ городѣ. Иркутскъ—не Томскъ. Я долженъ даже удовлетворить подписчиковъ «Сиб. Газеты» [1]). Самыя тяжелыя минуты я пережилъ. Университетскій номеръ составлялъ я съ смертельной для меня телеграммой въ рукахъ. Я долженъ былъ привѣтствовать университетъ, а сердце мое холодѣло. Судите сами, неужели я въ это время не могъ, не имѣлъ бы права ожидать поддержки, состраданія? Я могъ оставить редакцію и уѣхать, ибо обязанности по отношенію къ семьѣ лежали на мнѣ. Товарищи и знакомые, однако, потребовали отъ меня, чтобы я остался. Родные также телеграфировали мнѣ, что выѣздъ мой не необходимъ, что дѣтей устроятъ. Г. Н. Потанинъ во имя покойной жены убѣждалъ меня письмомъ изъ Кяхты продолжать служить дѣлу печати до гробовой доски. Я повиновался долгу, укрѣпилъ духъ свой и продолжалъ вести газету. Что дальше будетъ, не знаю и не ручаюсь. У всякаго человѣка есть предѣлъ силъ и терпѣнія предъ неблагопріятными обстоятельствами. Когда-то вы видѣли меня, окруженнаго толпой земляковъ въ Петербургѣ, съ женщиной, беззавѣтно преданной мнѣ и моему дѣлу... Посмотрите, что же встрѣтило меня здѣсь, въ этомъ городѣ. Я могу одно — отстаивать себя и свою самостоятельность, не позволяя играть собою; я не могу служить орудіемъ мѣстныхъ кружковъ и мнѣній, потому что имѣю свое мнѣніе и свое мѣрило. Во всякомъ случаѣ, обстановка здѣсь неблагопріятна и тяжела. Иркутскъ всегда былъ полонъ интригъ, но его критика слагается изъ личныхъ интересовъ и временныхъ комбинацій. Я не навязываюсь моей родинѣ, не навязываюсь и Иркутску. Въ немъ нѣтъ ничего для меня привлекательнаго, привязывающаго. Это нѣчто похожее на Петербургъ. Но въ Петербургѣ есть, всетаки, цвѣтъ интеллигенціи, есть уни-

---

[1]) Къ этому времени она прекратилась.

верситетская молодежь, еще не испорченная. Не забывайте, друзья мои, что иное дѣло студенчество на скамьѣ, и иное, когда оно выходитъ въ жизнь и становится практикомъ. Это ужасныя минуты для всякаго; здѣсь конецъ идеальнымъ стремленіямъ, но начало всѣмъ искусамъ. На хлѣбѣ и чаѣ уже не желательно сидѣть, хочется хорошей пары платья, комфорта. А наша литературная дѣятельность не даетъ этого. Понятно, что университеты стремлятся въ другую сторону. Наконецъ, при дѣлѣ необходима подготовка, а литературной подготовки у нашихъ юношей нѣтъ. Вотъ наша бѣда: нѣтъ готовыхъ работниковъ честной мысли. Зато народились въ нашей мѣстной прессѣ дѣльцы, шуллера, франты, которые и завладѣваютъ всѣмъ. Вы и еще немногіе—на кого возлагаются надежды, на комъ отдохнетъ взоръ. Дайте же намъ умереть съ этой надеждой, намъ же умирать пора! Мы свое дѣло 26 лѣтъ дѣлали» [1]).

Выраженные въ этомъ письмѣ горечь и пессимизмъ, столь несвойственный раньше натурѣ Н. М., имѣли, однако, за собой частичное основаніе и помимо смерти А. Ѳ. Съ прекращеніемъ «Сибирской Газеты» нѣкоторые ея сотрудники пробовали вліять на «Восточное Обозрѣніе»; съ другой стороны, на Н. М. дѣлались атаки нѣкоторыми представителями иркутской интеллигенціи; съ К. Н. Михайловымъ—преданнымъ сначала сотрудникомъ и помощникомъ, пришлось разойтись... Въ газетѣ чувствовалась уже напряженность атмосферы... Все это не могло не вліять на особенно теперь нервнаго Н. М., который, спустя нѣсколько лѣтъ, писалъ: «Я знаю, какъ нервность причинила мнѣ много зла въ жизни, какъ я много страдалъ отъ излишней впечатлительности, и какія *ложныя* преувеличенія, подозрѣнія она внушала. Мой умъ часто боролся съ нею и, къ счастью, въ большинствѣ случаевъ, выходилъ съ побѣдой. Но я чувствую, сколько она могла причинить и причиняла непріятности другимъ» [2]).

Повторяю, я не хочу и не могу писать здѣсь исторію «Восточнаго Обозрѣнія» и потому воздерживаюсь и отъ оцѣнки тѣхъ или другихъ явленій, разъ они еще не могутъ быть представлены на судъ общества. Эта полоса жизни Н. М. будетъ ждать своего историка впослѣдствіи...

«Положа руку на сердце, я долженъ сказать,—пишетъ Н. М. своей тещѣ 8 ноября,—что съ Иркутскомъ я не свыкся и, кажется,

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе", 1896 г., № 57 и 58.

[2]) „Автобіографія Н. М. Ядринцева. Дѣтство", „Сиб. Сборникъ", 1895 г., III, 68.

не свыкнусь... Все здѣсь разрозненно. Въ началѣ зимы, могу васъ однимъ утѣшить, что здоровье мое стало лучше, нервы окрѣпли, точно одеревенѣли, и я сталъ совсѣмъ равнодушнымъ ко всѣмъ непріятностямъ. Они кажутся для меня очень мелкими передъ тѣмъ несчастіемъ, которое перенесъ я. Логика, умъ вступили въ свои права. Я берегу себя для свиданья съ дѣтьми. Работать продолжаю, какъ безсмѣнный солдатъ, годъ кончается, остается только два мѣсяца, кое-какъ свожу концы съ концами»... [1])

Тяжело жилось Н. М. до лѣта 1889 г., когда ему вдругъ представился случай еще разъ—и не послѣдній—послужить наукѣ и сдѣлать свое имя извѣстнымъ въ кругахъ археологовъ всей Европы.

Многоязычная Азія, какъ называлъ ее Клапротъ, сыздавна привлекала къ себѣ вниманіе ученаго міра. Могла-ли она — спрашиваетъ г. Поповъ—не зародить вопросы, откуда вышли потоки варваровъ, обрушившіеся на Священно-Римскую и Византійскую имперіи, завоеватели Европы, еще въ XIII и XV вѣкахъ обагрявшіе кровью равнины Россіи, наводившіе подъ стѣнами Вѣны ужасъ на европейскія націи и заставившіе стонать и трепетать подъ своимъ игомъ балканскіе народы?

«Откуда вышли эти когда-то грозные народы, гдѣ они жили? Въ Средней-ли Азіи, или въ верховьяхъ Орхона и Амура? Вѣрна-ли гипотеза Катрфажа, что родиной всѣхъ этихъ народовъ была сѣверная Азія? Вотъ вопросы, на которые до послѣдняго времени имѣлись указанія только въ трудахъ средневѣковыхъ ученыхъ да въ китайскихъ лѣтописяхъ. Но въ 70-ые годы совершается рядъ археологическихъ открытій, давшихъ возможность до нѣкоторой степени освѣтить эти вопросы. Такъ, въ 1877 году найденъ былъ аму-дарьинскій кладъ, а въ 1885 г. въ Семирѣчьѣ были открыты два несторіанскихъ кладбища, давшія возможность сравнить скиѳскія древности со средне-азіатскими. Въ концѣ семидесятыхъ и въ восьмидесятые годы дѣлаются археологическія открытія въ минусинскомъ краѣ, указывающія на слѣды какого-то народа, жившаго въ нашей пограничной полосѣ съ Китаемъ; въ Минусинскѣ открываются памятники съ письменами и письмена на скалахъ, сходныя съ руническими знаками, но не поддающіяся чтенію. Съ одной стороны всѣ эти открытія до нѣкоторой степени освѣщаютъ исторію народовъ, нѣкогда жившихъ въ Средней Азіи, съ другой — порож-

---

[1]) „Изъ бумагъ сибирскаго патріота", „Вост. Обозр.", 1902 г., № 139.

даютъ все новые и новые вопросы и возбуждаютъ все большій и большій интересъ къ странѣ» [1]).

Разрѣшеніе этой загадки и выпало на долю Н. М—ча, никогда не причислявшаго себя къ ученымъ археологамъ.

Исторія культуры угро-алтайскихъ племенъ его давно интересовала. Въ письмѣ къ Поникаровскому отъ 5 ноября 1884 г. онъ извѣщалъ его, что «кончилъ десять главъ очерковъ по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ». Теперь, какъ мы уже говорили, большая часть этой работы находится у А. Ивановскаго. Во время своей поѣздки въ Минусинскій край, въ 1886 г., Н. М. ознакомился съ тамошними древностями и въ тайнѣ тогда же питалъ надежду найти затерянный современными историками и географами миѳическій Каракорумъ — центръ монгольской имперіи, первую столицу Чингизидовъ, мѣстоположеніемъ котораго онъ давно интересовался.

Но сдѣлать этого открытія не удалось, и по возвращеніи Н. М. серьезно занялся изученіемъ вопроса о положеніи Каракорума. По словамъ г. Попова, онъ собралъ обширную литературу по этому вопросу, перевелъ изслѣдованія Абель Ремюза, изучилъ труды Марко-Поло, Плано-Карпини, Рубруквиса, Кремона и Гастона Гарагона, посѣтившихъ Каракорумъ въ половинѣ XIII вѣка и оставившихъ подробное его описаніе. Незабыты были имъ и труды персидскихъ ученыхъ по тому же поводу, переведенные на французскій языкъ. Н. М. увидѣлъ, что литература опредѣляетъ мѣсто Каракорума въ пяти различныхъ пунктахъ. Абумази считаетъ его въ окрестностяхъ рѣкъ Енисея и Селенги; Фишеръ—на югѣ отъ Орхона, невдалекѣ отъ рр. Толы и Керулена; Панеръ, Гобель и Данвиль—подъ 40° 21′ с. ш. и 103° 40′ 30″ в. д.; Абель Ремюза, от. Іоакинфъ и Клапротъ — на Орхонѣ, наконецъ, Падеринъ — въ 6—8 верстахъ отъ Орхона. Тамъ онъ, дѣйствительно, нашелъ валы и внутри ихъ остатки башни. Мѣстные жители зовутъ эти остатки Хара-хэрэми (черныя стѣны). Ученые успокоились, было, на мысли, что древній Каракорумъ найденъ, но англичанинъ, ученый Юль, вновь объявилъ этотъ вопросъ открытымъ, настаивая, что нужно различать три Каракорума: уйгурскій VII—VIII вѣка, монгольскій XIII вѣка, основанный монгольскимъ ханомъ Оготаемъ нѣсколько вѣковъ спустя послѣ того, какъ уйгур-

---

[1]) *И. Поповъ*, „Открытія на Орхонѣ и дешифрированіе древнихъ надписей“, Иркутскъ, 1894 г., 1—2.

скій прекратилъ свое существованіе, и монгольскій, основанный по изгнаніи монгольской династіи изъ Пекина.

Все это не могло живо не заинтересовать Н. М.

Въ іюнѣ 1889 г. экспедиція въ составѣ его самого, С. А. Пирожкова, П. П. Смысловскаго, крещенаго монгола А. Осокина и вожака-монгола выступила изъ Кяхты, по лѣвому берегу Орхона въ долину Далалханъ-Тола, верстахъ въ 750 отъ Кяхты.

«Первыя развалины, встрѣченныя экспедиціей, были на р. Толѣ—это были развалины дворца Ирхе-Мергень-хана. Какъ полагаютъ, этотъ дворецъ былъ построенъ въ XVI в. Отсюда экспедиція почти ежедневно наталкивалась все на новыя и новыя развалины; такъ, ею были открыты остатки монастыря на Хорухѣ, а въ 5 вер. къ югу отъ Угей-Нора экспедиція изслѣдовала холмъ Ташинъ-Чилъ, который оказался остаткомъ когда-то большого зданія съ гранитными пьедесталами. Но самыя интересныя развалины были въ 50 вер. къ югу отъ Угей-Нора и у монастыря Эрдени-Цзо. На первомъ были найдены развалины Хара-Балгасуна—остатки города, обнесеннаго глинобитной стѣной и дворца. Близъ дворца былъ найденъ разбитый гранитный памятникъ. Другой подобный же памятникъ находился въ ½ верстѣ отъ перваго. Обломки ясно доказывали, что это были громадные монументы или оболиски — высотою въ 350, шириною въ 131 и толщиною въ 52 сант. На обломкахъ ясно были видны барельефы, изображающіе какъ бы сплетшихся драконовъ, чешуя которыхъ была испещрена—на первомъ памятникѣ тѣми загадочными надписями, которыми покрыты скалы и камни въ минусинскомъ краю, а на второмъ — кромѣ надписей на этомъ непонятномъ языкѣ, была надпись и параллельная ей на китайскомъ языкѣ. Двигаясь далѣе, экспедиція открыла древніе остатки построекъ, множество могильниковъ и керексуръ, слѣды ирригаціи, гранитные выдолбленные желоба, цистерны и пр., а около монастыря Эрдени-Цзо развалины другого громаднаго города съ множествомъ древностей, остатками стѣнъ и башенъ. Среди развалинъ этихъ двухъ городовъ найдено множество каменныхъ бабъ и памятниковъ изъ гранита и даже мрамора. По красотѣ и искусству работы эти остатки старины говорятъ, что скульптура у народа, когда-то обитавшаго въ долинѣ Орхона, стояла на высокой ступени развитія и, пожалуй, далеко оставляла за собой современную китайскую. Каменныя бабы были найдены самыхъ разнообразныхъ формъ: сидячія, стоячія, въ видѣ женщинъ, богатырей и т. п. Въ

развалинахъ у монастыря Эрдени-Цзо экспедиція нашла три громадныхъ памятника, изображающихъ черепаху (длина 4 метр.), сдѣланную изъ гранита, льва — изъ бѣлаго мрамора, ящерицу и мн. др. Вообще долина Орхона на разстояніи 80 верстъ отъ самаго Угей-Нора изобилуетъ древностями, свидѣтельствующими, что здѣсь когда-то кипѣла жизнь, и было густое населеніе.

«Экспедиція Н. М. Ядринцева увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Онъ первый изъ ученыхъ открылъ въ верховьяхъ р. Орхона развалины двухъ нѣкогда большихъ городовъ и вывезъ оттуда рисунки памятниковъ, письмена и два большихъ обломка съ надписями на томъ языкѣ, который впервые былъ найденъ въ минусинскомъ краѣ и заинтересовалъ оріенталистовъ. Средства экспедиціи Ядринцева были крайне незначительны, и онъ не могъ сдѣлать подробнаго изслѣдованія долины Орхона. Но, несмотря на это, его открытія произвели сильное впечатлѣніе среди ученыхъ, какъ въ Россіи, такъ и за-границей; начали думать о снаряженіи новыхъ экспедицій для точнаго и обстоятельнаго изслѣдованія развалинъ, найденныхъ Ядринцевымъ» [1]).

5 августа, уже на обратномъ пути изъ Кяхты въ Иркутскъ, Н. М. пишетъ Г. Н. Потанину:

«Передавая результаты экспедиціи я не могу скрыть, съ какими трудностями и неблагопріятными условіями пришлось бороться. Не судите же строго. Я знаю, что ваши требованія огромны. Вы знаете, какъ ограничены были средства наши и какъ неопытны помощники,—учить ихъ пришлось на дорогѣ. Въ Кяхтѣ меня истомили 10 дней, пока я могъ собраться. Я выѣхалъ изъ Иркутска слабый и больной, но долженъ былъ скрыть это. Я, кажется, передавалъ вамъ, что у меня приступы прежней болѣзни (геморроя)... Скорчившись я ѣхалъ на телѣгѣ и въ Кяхтѣ еще не могъ сѣсть верхомъ. Я воспользовался двухколеской съ грузами и припасами, чтобы ѣхать на ней, какъ больные арестанты. Мы вышли изъ Кяхты съ однимъ переводчикомъ, 10 лошадьми и 2 телѣгами. Въ то время, когда разукрашенная флагами Кяхта принимала барона Корфа, и готовилось пиршество, мы тихо вечеромъ пробирались по задворкамъ, съ вьюками, путаясь въ веревкахъ, лошади были непривычны, какъ и люди. Сопровождавшіе насъ работники С—на скоро оставили насъ по выѣздѣ за городъ. Ночью, въ темнотѣ, мы очутились одни, съ 10 вьюками

---

[1]) *И. Поповъ*, н. с. 6—8.

и однимъ работникомъ; вожака предполагалось найти въ дорогѣ. Мы уподоблялись маленькому судну, отошедшему отъ берега и очутившемуся на темныхъ волнахъ океана, на произволъ случайностямъ. Я вѣрилъ, однако, въ свою звѣзду и началъ быстро дѣлать нужныя распоряженія и подкрѣплять караванъ... 9 іюля уже Смысловскій началъ болѣть отъ усталости, жаловался на боль въ ногѣ, но день 10 іюля превзошелъ ѣздою всѣ. Я зналъ, что нельзя терять ни минуты, иначе не увидимъ вершинъ Орхона. Здѣсь поставлена была на карту честь экспедиціи. Я мчался впереди, остановокъ не дѣлалось, развѣ на 5 минутъ на перевалахъ... Солнце печетъ, а мы все карабкаемся по переваламъ. Жажда. Лошади устали, но нетерпѣливо бью коня, желая добраться до рѣки, спустившейся съ вершины» [1]).

Эта выдержка изъ очень длиннаго посланія, полнаго всевозможныхъ указаній на маршрутъ путешествія, достаточно иллюстрируетъ, какъ работалъ Н. М. въ экспедиціи, совершивъ въ 50 дней около 1.500 верстъ.

Монголія произвела на нашего изслѣдователя большое впечатлѣніе. «Я не могъ—пишетъ онъ — не заинтересоваться этими мѣстами, какъ широкой ареной историческихъ событій, какъ мѣстомъ, гдѣ кипѣла человѣческая жизнь и совершалась ея драма. По падшаго величія варварской имперіи приходилось жалѣть здѣсь, но грусть шевелилась въ душѣ надъ жизнью человѣка-дикаря, нетронутаго доселѣ ни культурой, ни просвѣщеніемъ; разгадывая его прошлое, я не могъ принести ему облегченія въ настоящемъ... Можетъ быть, я никогда не увижу болѣе этихъ мѣстъ, но о нихъ сохранится воспоминаніе, какъ и у другого путешественника, который провелъ здѣсь много дней, принесъ сюда свѣжія силы, живую любознательность, внося свою посильную лепту въ міровѣдѣніе. Можетъ быть, ихъ усилія помогутъ разсѣять мракъ, окружающій эти страны, облегчатъ цивилизаціи проложить здѣсь дорогу и улучшить жребій жалкой, заброшенной семьи народовъ съ громкимъ прошлымъ и бѣднымъ настоящимъ» [2]).

Въ Иркутскъ Н. М. явился какъ бы возрожденнымъ: его надежды на экспедицію вдаль отъ людей, напоминавшихъ массу горя, вполнѣ оправдались — она подкрѣпила его падавшій духъ.

---

[1]) *Т. Фарафонтова*, „Н. М. Ядринцевъ“, 16—17.
[2]) Ibid., 22.

Всѣ, кто видѣлъ его въ это время, говорятъ о замѣтномъ подъемѣ энергіи и повышенномъ настроеніи [1]).

Нѣсколько времени онъ прожилъ на своей квартирѣ (въ мезонинѣ дома М. Писарева), состоявшей, по словамъ г. Фризера, изъ двухъ низенькихъ и небольшихъ комнатъ. Мебели, исключая самой необходимой: 2—3 деревянныхъ табуретокъ, стола, кровати и пр., ничего не было. На полу валялись каменныя орудія, собранныя въ послѣдней поѣздкѣ по купеческому тракту между Мысовою и Кяхтою. Между массою мелкихъ вещицъ выдѣлялись крупные обломки изъ древняго и мало извѣстнаго Каракорума» [2]).

Въ ноябрѣ Н. М. выѣхалъ въ Петербургъ, чтобы подѣлиться результатами своего путешествія съ учеными. 14 февраля 1890 г. онъ уже сообщаетъ В. И. Семидалову: «былъ у профессоровъ, у трехъ академиковъ,-у Петри, Семевскаго и друг. Двинулъ разборъ надписей; ими заняты теперь профессора и оріенталисты... Академія наукъ обѣщаетъ мнѣ поддержку для новой экспедиціи. Словомъ, колесо вертится, и я чувствую силы жить и дѣйствовать». 21 февраля Н. М. сдѣлалъ докладъ въ Географическомъ обществѣ о своемъ послѣднемъ путешествіи [3]). «Чтеніе удалось — пишетъ онъ В. И. Семидалову 23 февраля.—Я много готовился, чтобы сдѣлать отчетъ серьезнымъ и научнымъ. Въ Петербургѣ не то, что въ Москвѣ, есть серьезные спеціалисты. Вице-предсѣдатель Семеновъ сказалъ рѣчь, гдѣ указалъ на значеніе моей экспедиціи. Теперь я поднялъ вопросъ о снаряженіи меня въ новую экспедицію. Географ. Об-во уже намѣтило свои средства другимъ, жалуется — денегъ нѣтъ, но академія наукъ и мои друзья здѣсь, Васильевъ и Радловъ, поддерживаютъ меня... Китайскія надписи разбираетъ теперь академикъ Васильевъ».

Вернемся, однако, ненадолго назадъ.

---

[1]) Выраженіемъ ихъ г. Фарафонтова считаетъ фельетонъ Н. М.— „Сумасшедшій съ Востока, или европейскіе китайцы", якобы написанный подъ вліяніемъ экспедиціи 1889 г. и не напечатанный. Во-первыхъ, эта простая шутка написана позже, а во-вторыхъ, она уже напечатана въ № 25 „Восточнаго же Обозрѣнія" за 1891 годъ.

[2]) Г. Фризеръ еще въ декабрѣ 1899 г. прислалъ редактору-издателю „Восточнаго Обозрѣнія", И. И. Попову, свои очень небольшія воспоминанія о Н. М-чѣ, которыя въ оригиналѣ и переданы мнѣ редакціей газеты.

[3]) Напечатанъ въ „Извѣстіяхъ И. Р. Г. Об-ва" за 1890 г. Кромѣ того, Н. М. много писалъ объ экспедиціи въ своей газетѣ и др. изданіяхъ.

«Восточное Обозрѣніе», за отъѣздомъ Н. М. въ Петербургъ, было сдано имъ В. А. Ошуркову, котораго довольно скоро утвердили временнымъ редакторомъ, и съ № 18 подъ газетой подписывались: «редакторъ-издатель Н. М. Ядринцевъ, за редактора В. А. Ошурковъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ по пріѣздѣ въ Петербургъ Н. М. началъ хлопотать о расширеніи газеты выпускомъ ея три раза въ недѣлю, съ выдѣленіемъ телеграммъ съ хроникой въ особое платное приложеніе, но пока шли сношенія съ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ, «Восточное Обозрѣніе» было пріостановлено на 4 мѣсяца—съ № 37 отъ 16 сентября... Само собой напрашивался вопросъ: да можно-ли при такихъ условіяхъ продолжать потомъ изданіе? «Газета даетъ убытки въ виду телеграммъ, дороговизны бумаги и дороговизны печати при чужой типографіи [1]... Газетѣ выходить 3 раза въ Иркутскѣ немыслимо, а если прибавить сборникъ, то совсѣмъ не сладить. Это матеріальная часть... Что же остается дѣлать? Одно спасеніе — попытать возвратить ее сюда или въ Москву. Лучше, конечно, въ Питеръ. Какъ вы полагаете?—спрашивалъ Н. М. гг. Головачева и Семидалова.—Здѣсь можно привлечь С. Н. Кривенко, К. М. Станюковича, вообще обновить газету, въ Иркутскѣ же ее не обновить. Здѣсь легче образовать и компанію для издательства, и расширить газету. Былъ сегодня у А. Н. Пыпина; и онъ жалѣетъ, что газета перенесена въ Иркутскъ» [2]).

Объ этомъ же разсказываетъ и г. Потанинъ:

«Ему (Н. М-чу) захотѣлось въ столицу, гдѣ сравнительно болѣе простора и независимости; онъ подалъ прошеніе о переносѣ «Вост. Обозр.» снова въ Петербургъ, но Главное Управленіе по дѣламъ печати поставило рѣшеніе вопроса въ зависимость отъ согласія мѣстной власти; изъ Иркутска же былъ данъ отрицательный отвѣтъ. Въ это время Ядринцевъ уже находился въ Петербургѣ. Онъ почувствовалъ себя прикрѣпощеннымъ къ «Вост. Обозр.». Онъ долженъ былъ или отказаться отъ журнальной дѣятельности, или поѣхать въ Иркутскъ. Чтобы освободиться изъ этой крѣпостной зависимости, онъ началъ хлопотать, чтобы ему было разрѣшено продать «Вост. Обозр.» и начать изданіе новой газеты въ Петербургѣ. Еслибъ, дѣйствительно, состоялась продажа газеты, такой исходъ дѣла вовсе не былъ бы неблаговиднымъ поступкомъ; едва-ли бы

---

[1]) Въ Петербургѣ телеграммъ не давалось, а бумага и типографія стоили много дешевле.

[2]) „Вост. Обозрѣніе“, 1896, № 58.

Ядринцеву удалось получить за газету болѣе 2000 р., а это такія деньги, на которыя онъ, конечно, имѣлъ полное право, какъ на возмездіе за то его умѣнье и труды, благодаря которымъ газета получила значеніе и репутацію серьезнаго, полезнаго и честнаго органа. На самомъ же дѣлѣ, если бы къ продажѣ газеты не встрѣтилось препятствій, вѣроятно, дѣло свелось бы на простую передачу газеты безъ всякаго вознагражденія въ руки новаго редактора, которому Ядринцевъ сочувствовалъ, какъ человѣку тѣхъ же убѣжденій. Ядринцевъ искалъ одного — освободиться отъ газеты, къ которой судьба приклеила его. Однако, ему не удалось выхлопотать разрѣшенія на новую газету» [1]).

Все это страшно разстраивало Н. М-ча, что видно изъ массы лежащихъ передо мною писемъ его къ гг. Семидалову и Ошуркову. «...По всему видно только, — пишетъ онъ первому 7 ноября 1890 г.,—что газетѣ предстоитъ огромная опасность, и «Вост. Об.» *гибнетъ*. Это я не преувеличиваю. Во-первыхъ, огромныя затрудненія устранить къ нему предубѣжденіе и какъ-нибудь смягчить кару въ офиціальныхъ сферахъ. Газета подведена подъ ударъ въ самое критическое время, когда сдѣлано представленіе о ея расширеніи и объ утвержденіи редакторомъ Ошуркова.... Я писалъ вамъ о проектѣ, въ случаѣ невозможности продолжать газету въ Иркутскѣ, перенести ее въ Питеръ, только бы спасти ее, иначе надо рѣшить вопросъ круто. Махнуть на все рукой и ждать, когда *корабль пойдетъ ко дну*. Мое состояніе духа столь тяжелое и невыносимое среди этихъ невозможныхъ комбинацій, и положеніе столь безвыходное, что я не вижу благопріятнаго исхода и считалъ бы *прекращеніе газеты въ данную минуту* самымъ спокойнымъ исходомъ.... Перспектива прекращенія газеты и остаться безъ своего органа, лично для меня равносильна будетъ личной моей смерти.... У меня нѣтъ уже болѣе ни духу, ни силъ превращаться въ жалкаго просителя, я не могу уже переносить униженія, что я писатель, а не просто издатель»... А когда г. Семидаловъ сообщилъ Н. М. о своемъ желаніи поговорить съ однимъ состоятельнымъ человѣкомъ о поддержкѣ дѣла, Н. М. пишетъ ему (29 ноября): «Знаю, что тяжело обращаться съ подобными просьбами и предложеніями. Тяжело говорить о нихъ предъ недоступными богачами, часто непонимающими даже того, что они не только дѣлаютъ хорошее дѣло, но и выполняютъ свой долгъ. Непріятнѣе

---

[1]) „Сибирь“, 1897 г., № 39.

еще получать отказъ.... И О., и Г. смотрятъ весьма легко на эти просьбы и обращенія, но кто нѣсколько лѣтъ былъ независимъ, не преклонялся передъ крезами, кто въ потѣ лица работалъ бѣднякомъ для этой печати, сохраняя ея независимость и дѣвственную чистоту, тотъ только знаетъ, что это стоитъ».

Какъ и раньше, я не позволяю себѣ касаться массы интересныхъ подробностей, которыя Н. М. сообщаетъ по дѣламъ газеты гг. Семидалову и Ошуркову—все это не подлежитъ еще опубликованію. Есть письма громадныя, рисующія во весь ростъ нѣкоторыхъ еще живыхъ дѣятелей и сотрудниковъ «Восточнаго Обозрѣнія»...

Въ началѣ января 1891 г., благодаря докладной запискѣ Н. М-ча, поданной министру внутреннихъ дѣлъ, газета снова выходила, и на 2-мъ номерѣ В. А. Ошурковъ подписывается уже редакторомъ, а самъ Н. М. — издателемъ. Такимъ образомъ газета была передана въ руки новыхъ людей, которые обязались продолжать высылать Н. М-чу на воспитаніе дѣтей по 60 руб. въ мѣсяцъ, что дѣлалось съ самаго отъѣзда его изъ Иркутска.

Въ Петербургѣ, въ началѣ 1890 г., Н. М., всегда крайне воздержанный, не бравшій въ ротъ совершенно никакого вина, поддался искусу своего нервнаго настроенія... И счастье, что это было лишь временами... Въ промежутки между періодами этой новой болѣзни, которая, кстати сказать, посѣщала его всегда не на особенно долгіе сроки (4—5 дней), Н. М. страшно страдалъ... Въ письмахъ къ своему «доброму генію», какъ онъ называлъ В. И. Семидалова, тогда уже врача-психіатра, онъ умолялъ друга спасти его и, очень точно исполняя его совѣты, съ гордостью иногда писалъ: «а, вѣдь, держусь молодцомъ»!... Къ концу года все пропало и возвратилось лишь черезъ годъ...

29 апрѣля 1890 г. Н. М. пишетъ В. И. Семидалову: «Ѣду, наконецъ, въ Парижъ и, можетъ, проѣду до Лондона. Представьте мой восторгъ! А затѣмъ опять въ Монголію. Экспедиція проектирована на 5 лѣтъ. На дняхъ рѣшается вопросъ объ отпускѣ по 5000 р. на годъ отъ министерства двора. Если все это выгоритъ, лучшаго желать нечего. Ко мнѣ прикомандируютъ молодого ученаго, нѣмца Коха. Я съ нѣмцемъ лучше уживусь. Д. А. Клеменцъ также будетъ участвовать въ экспедиціи... Получены мои коллекціи, и 18 пуд. я сдалъ въ археологическую комиссію. Очень остались довольны».

Въ Парижѣ Н. М. пробылъ около мѣсяца и уже въ двадцатыхъ числахъ мая былъ снова въ Петербургѣ. Парижское геогра-

фическое общество выслушало докладъ пріѣзжаго о его послѣдней экспедиціи и наградило его шумными оваціями. Тамъ же Н. М. не оставилъ безъ вниманія іезуитскихъ картъ національной библіотеки, изъ которыхъ было ясно, что результаты его поѣздки на Орхонъ совпадаютъ и съ этими указаніями.

13 іюля закончился петербургскій международный тюремный конгрессъ; Н. М. сдѣлалъ, конечно, докладъ, для котораго пріѣхалъ нарочно изъ Большого-Села, гдѣ проводилъ іюнь и начало іюля и куда уѣхалъ опять до середины августа. Въ тотъ же день онъ пишетъ В. И. Семидалову: «...Впечатлѣній столько прошло, что трудно все передать сразу. Довольствуйтесь малымъ. Парижъ на меня пахнулъ всѣмъ опьяняющимъ ароматомъ Европы. Первые дни я чувствовалъ себя какъ на крыльяхъ. Дворцы и монументы мѣшались съ садами, фонтанами, бульварами, залитыми электричествомъ, покрытыми массой людей. Петербургъ — губернскій городъ передъ Парижемъ. Трудно представить больше изящества, роскоши... На 3-й день я былъ въ парижскомъ географическомъ обществѣ и сдѣлалъ знакомства; меня посадили на трибуну, на почетное мѣсто. Черезъ 2 недѣли назначенъ былъ мой докладъ. Я читалъ на французскомъ языкѣ съ полнымъ успѣхомъ. Деникеръ, русскій докторъ-антропологъ, мнѣ помогалъ переводами и сношеніями. Былъ у Катрфажа, познакомился съ академиками, профессорами (Кордье, Деверіа, Секаръ, Оннертъ и мн. др.). Всѣ заинтересовались надписями и открытіями. Редакторъ «Siècle» сдѣлалъ визитъ мнѣ, и въ «Siècle» появилась статья о путешествіи. Баронъ де-Бай, депутатъ, подъ конецъ завладѣлъ мной, представилъ меня въ общество антикваріевъ, въ академію, наконецъ, я былъ въ парламентѣ... Я хотѣлъ написать ощущенія русскаго въ Парижѣ, психологическій очеркъ: «Ночь въ улицѣ Avenue de l'Opéra» [1]).

Для человѣка, не подавленнаго внутренней сердечной тяжестью, этого, казалось бы, довольно, чтобы оставить его въ прекрасномъ расположеніи духа. Но Н. М. сознавалъ свое одиночество посреди всего этого шума и блеска, а одиночества этотъ человѣкъ выносить не могъ.

«Я остался одинокъ въ Парижѣ, какъ вездѣ. Кончилъ дѣло, выбросилъ послѣднюю увядшую розу изъ петлицы и выѣхалъ. Я не хотѣлъ мрачный возвращаться, поэтому заѣхалъ въ райскій уголокъ на берегу Женевскаго озера. Оно сверкало въ эту пору

---

[1]) Напечатанъ въ „Сиб. Сборникѣ", 1896 г., II.

года всѣми небесными цвѣтами. Изумрудная гладь сливалась съ синевою горъ. Масса зелени, и надъ головою Альпы. Горы всегда вдохновляютъ меня. Въ Вевэ повидался съ Бѣлоголовымъ, видѣлъ географа Реклю, прошелъ пѣшкомъ отъ Кларана въ чудную лунную ночь среди нѣжащаго воздуха... Въ Берлинѣ пробылъ сутки и осмотрѣлъ музей Бастіани, послалъ нѣмецкимъ ученымъ руны и прибылъ въ Петербургъ... Конгрессъ отвлекъ мои мысли. Здѣсь, какъ вездѣ, доложенъ мой французскій рефератъ о способахъ долгосрочнаго заключенія съ смягчающимъ принципомъ. Это тяжелое наказаніе. Докладывалъ мой рефератъ французъ Погресъ... На завтра я уже былъ опять въ археологической комиссіи, дѣлалъ эстампажи, снималъ фотографіи и т. д. Вы видите, что я неугомонный. Благодаря страшной жаждѣ дѣла и жизни, неудачи меня не обезкураживаютъ. Довольны-ли вы мной, дорогой психіатръ? Я нашелъ бы вдохновеніе, краснорѣчіе Гербета (ораторъ на конгрессѣ), я бы совершилъ не такую экспедицію, еслибы планы мои осуществились» [1]).

Въ деревнѣ Н. М. усидчиво занимался подготовкой второго изданія «Сибири, какъ колоніи» и книги по инородческому вопросу; тогда же имъ составлялась статья для «Вѣстника Европы» по переселенческому дѣлу. Затѣмъ, въ серединѣ августа онъ съѣздилъ полѣчиться въ Крымъ, откуда вернулся снова въ Большое-Село, заѣхавъ попути въ Рязань «къ своимъ гимназистамъ угостить ихъ крымскими фруктами».

Въ началѣ 1891 г. вышла въ свѣтъ третья книга Н. М.- «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе». Здѣсь была часть громаднаго труда объ угроалтайскихъ племенахъ и докладъ читанный Н. М. 6 марта 1891 г. въ Русскомъ антропологическомъ обществѣ. Мы не будемъ особенно много останавливаться на этомъ трудѣ, потому что уже знаемъ взгляды Н. М-ча на инородцевъ.

Говоря о причинахъ вымиранія послѣднихъ и способности ихъ къ культурѣ, Н. М. замѣчаетъ:

> «Ихъ первобытная стадія, ихъ дикарство, ихъ дѣтскій возрастъ объясняются, какъ состояніе косности и постояннаго застоя, ихъ бытъ, ихъ привычки, способы пропитанія, обусло-

---

[1]) „Вост. Обозрѣніе“, 1896 г., № 58. Три письма Н. М. къ Семидалову П. Головачевъ напечаталъ въ своей статьѣ „Воспоминанія о другѣ молодежи“.

вленные особенностями страны, объясняются неспособностью перейти къ высшей культурѣ, ихъ сопротивленіе насилію и принужденію измѣнить образъ жизни ставится имъ въ вину, а недостатокъ знанія и отсутствіе культурныхъ познаній признается за врожденныя качества и отсутствіе способностей. Словомъ, здѣсь временный моментъ и извѣстный возрастъ въ исторіи культуры принимаются за постоянное и, конечно, выраженное явленіе. Всѣ бѣдствія и несчастія инородцевъ, порождаемыя внѣшними историческими обстоятельствами, объясняются «слабостью расы» и оправдываются желѣзнымъ закономъ «борьбы за существованіе», «естественнымъ подборомъ», законнымъ торжествомъ физической силы и тому подобными «законами человѣческой природы», которые, не имѣя на самомъ дѣлѣ свойства непреложныхъ законовъ, тѣмъ менѣе могутъ имѣть мѣста въ человѣческомъ обществѣ... Точно также неблагопріятныя естественныя условія, въ которыя поставленъ инородецъ случайностью и невозможностью бороться съ непреодолимыми силами природы, вслѣдствіе мало накопленныхъ знаній, а также гибель его отъ разныхъ бѣдствій и болѣзней, объясняются, какъ расовое безсиліе. Съ этой точки зрѣнія оправдывается истребленіе инородца и фактъ вымиранія... Занесенныя болѣзни и опустошительное ихъ дѣйствіе на дикарей приписываются также организму дикарей, воспріимчивости его, а не тому, что инородецъ, при своей убогой обстановкѣ, лишенъ возможности ограждать себя отъ болѣзни и находится внѣ всякой медицинской помощи. Занесеніе болѣзней и многихъ бѣдствій признается, какъ *неизбѣжное явленіе* при столкновеніи дикарей съ культурными племенами, и съ этимъ фактомъ готовы также многіе примириться. Наконецъ, вымираніе племенъ, явившееся, какъ послѣдствіе бѣдности и ухудшившагося быта, слѣдствіе голодовъ, объясняется *потерею плодовитости* при утратѣ прежней дикарской независимости» [1]).

По справедливому мнѣнію автора книги, послѣ ознакомленія съ массою представленныхъ ею фактовъ совершенно иного порядка, «мы естественно должны спросить въ концѣ концовъ: дѣйствительно-ли причины вымиранія инородцевъ коренятся въ нихъ самихъ, въ ихъ расѣ, характерѣ, и не заключаются-ли эти причины въ массѣ накопившихся неблагопріятныхъ условій, въ самомъ отношеніи къ инородцу, или возмутительномъ, или безсердечно-равнодушномъ? Что причины вымиранія не въ расѣ, это доказывается тѣмъ, что проявленія смертности различны. Одни и тѣ же племена, финскія и тюркскія, процвѣтаютъ и увеличиваются при другихъ условіяхъ. Ученые признали родство остяковъ и вогуловъ съ финнами Россіи и финляндцами. Посмотрите же и сравните судьбу тѣхъ и другихъ.

---

[1]) Стр. 148.

Среди остяковъ и вогуловъ смертность распредѣляется неравномѣрно. Тамъ, гдѣ условія лучше, вымираніе слабѣе или совсѣмъ прекращается, а начинается приростъ населенія.

«Такимъ образомъ нужно прійти къ заключенію, что измѣнить это ненормальное явленіе въ человѣческихъ рукахъ и въ рукахъ цивилизаціи. Напрасно эту цивилизацію предоставляютъ драконамъ, пожирающимъ инородца, напрасно отдаютъ его на жертву хищникамъ, торговцамъ, кулакамъ, которые являются не столько представителями цивилизаціи, сколько подонками и обратной стороной ея. Цѣли и задачи человѣческой цивилизаціи другія, это—спасеніе человѣческой жизни, гуманизмъ, милосердіе, улучшеніе быта, поднятіе человѣческой личности и озареніе ея свѣтомъ разума—просвѣщеніемъ.

«Мы не можемъ поэтому прикрываться неизбѣжностью гибели указанныхъ племенъ, но должны каждый разъ испытывать муки совѣсти объ ихъ бѣдственномъ положеніи и поставить вопросъ наканунѣ наступающаго XX столѣтія о сохраненіи тѣхъ остатковъ и потомковъ инородческихъ племенъ, которые сохранило еще время, человѣческія бури и человѣческое жестокосердіе.

«Все рѣзче и яснѣе выступаетъ вопросъ о попеченіи и сохраненіи инородческаго населенія, что должно явиться обязанностью цивилизаторовъ. Снабженіе Сѣвера больницами, миссіями, школами для инородцевъ становится настоятельнымъ. Наконецъ, для содѣйствія и облегченія помощи инородцу пора основать общество, къ которому привлечь образованныхъ людей, изслѣдователей инородческаго быта и лицъ, могущихъ сочувствовать просвѣщенію инородца. Это общество покровительства просвѣщенію инородца будетъ не менѣе полезно, чѣмъ общество спасанія на водахъ, общества филантропическія и общества покровительства животнымъ. Здѣсь дѣло идетъ о людяхъ. У русскаго общества, полагаемъ, нашлось бы достаточно филантропическихъ чувствъ для этой цѣли» [1]).

Указывая на нашу метисацію съ инородцами, въ которой послѣдніе сплошь и рядомъ оказывались сильнѣе насъ, много больше заимствовавшихъ, чѣмъ передавшихъ, Н. М. такъ отвѣчаетъ на часто повторяемый вопросъ: «надо-ли считать наше слитіе и метисацію съ инородцами при настоящихъ условіяхъ выгодными для русской національности?—

«Подобные вопросы имѣютъ тѣмъ болѣе жизненное значеніе въ нашей исторіи, что метисація съ инородцами на Востокѣ далеко не представляетъ явленія отжившаго, законченнаго; она только еще начинается, и дальнѣйшій процессъ

---

[1]) Стр. 88—90.

ея развитія угрожаетъ въ будущемъ охватить большее число русскихъ. Безъ знаній, безъ тѣхъ преимуществъ, какія даетъ цивилизація, колонна русскаго населенія, врѣзающаяся среди инородцевъ за Ураломъ и идущая совершать завоеваніе, становится похожа на отрядъ піонеровъ, высланныхъ впередъ прочищать дорогу безъ кирокъ, топоровъ, лопатъ и другихъ инструментовъ.

«Единственнымъ залогомъ и умственнаго, и соціальнаго преобладанія русскаго населенія должно быть его высшее культурное развитіе. Прогрессъ будетъ еще большій, если вы дадите русскому населенію школу. Чѣмъ болѣе играетъ роль физіологическое вырожденіе и пониженіе расы, тѣмъ болѣе должно быть гарантировано повышеніе культурное. Если просвѣщеніе и цивилизація составляютъ естественное право человѣчества, то здѣсь оно имѣетъ особое значеніе, какъ единственное спасеніе народности. Понятно, какія заботы и усилія необходимы здѣсь, чтобы поднять населеніе на высшую степень развитія и дать ему, такъ сказать, нравственный перевѣсъ. Надо помнить, что отъ умственныхъ и просвѣтительныхъ средствъ будетъ зависѣть и судьба нашего существованія на Востокѣ» [1]).

Но просвѣщеніе просвѣщенію рознь. Во-первыхъ, школы должны создаваться на счетъ цивилизаторовъ, а не цивилизуемыхъ. Во-вторыхъ, принудительной обязательности обученія инородцевъ отнюдь не должно допускать.

«Она, мало того, что не полезна въ смыслѣ образованія, но негуманна сама по себѣ и нарушаетъ всякую законность. Между тѣмъ другой системы мѣстная земская администрація никогда не понимала; отсюда вытекала масса злоупотребленій именемъ просвѣщенія. Намъ кажется, что вопросъ образованія и знакомство съ наукою должны быть выдѣлены для инородцевъ, какъ относительно всѣхъ племенъ, держащихся иныхъ вѣроисповѣданій, гдѣ предполагается постепенное подготовленіе къ иной религіи, а не навязываніе ея, могущее дать обратные результаты. Просвѣщеніе на инородческомъ языкѣ и знакомство съ наукою, надо замѣтить, ни мало не оттолкнутъ образованнаго инородца отъ русскаго языка и національности, но болѣе сблизятъ его, такъ какъ развернувшаяся любознательность заставитъ его познакомиться не только съ жизнью русскаго просвѣщеннаго міра, но и европейскаго. Мы видимъ, что успѣхи развитія и просвѣщенія шли у инородцевъ быстрѣе, когда религіозныя книги и евангеліе переводились на инородческіе языки» [2]).

---

[1]) Стр. 201.

[2]) Стр. 238—239.

Этихъ немногихъ выдержекъ достаточно, чтобы ознакомиться какъ съ основной тенденціей книги, такъ и съ ея характеромъ.

Уже лѣтомъ 1890 года финноугорское общество снарядило въ Монголію экспедицію профессора Гейкеля, который на развалинахъ у Эдени-Цзо нашелъ третій громадный памятникъ съ трехъязычной надписью (монгольскою, китайскою и руноподобною), гораздо болѣе величественный, чѣмъ два найденные Н. М. Правда, и экспедиція его была обставлена гораздо лучше.

Послѣ этого не было уже никакого сомнѣнія, что Н. М. вѣрно указалъ мѣсто Каракорума, и Академія наукъ лѣтомъ 1891 г. снарядила собственную экспедицію, въ составѣ: В. В. Радлова, Д. А. Клеменца, И. И. Щеголова, С. М. Дудина, Н. И. Левина, барона Торнау, А. В. Радлова и, конечно,—Н. М-ча. Съ іюня и до конца августа работала экспедиція и вернулась съ громадными въ научномъ отношеніи результатами. Оставалось лишь дешифрировать найденныя надписи. За это взялись академики Радловъ и датскій филологъ В. Томсонъ, изъ которыхъ второй 15 декабря 1893 г. и представилъ нашей академіи отчетъ о возможности дешифрированія, а черезъ мѣсяцъ—то же сдѣлалъ и Радловъ.

Возвращаясь изъ экспедиціи, Н. М. встрѣтился въ Иркутскѣ съ В. И. Семевскимъ, занимавшимся тогда собираніемъ матеріаловъ въ мѣстныхъ архивахъ по вопросу о золотопромышленныхъ рабочихъ. Они вмѣстѣ выѣхали изъ Томска. При этомъ В. И. Семевскій разсказываетъ, что видѣлъ, «насколько Н. М. чувствовалъ себя одинокимъ въ Иркутскѣ. Этотъ неустанный труженикъ на пользу Сибири не находилъ въ ней, до поры до времени, приложенія своихъ силъ, но это не охлаждало его любви къ родинѣ, и я былъ свидѣтелемъ, какъ въ Томскѣ онъ держалъ самыя пламенныя рѣчи о необходимости дружной работы на пользу Сибири передъ чествовавшею его университетскою молодежью» [1]).

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Н. М. много хлопоталъ о выясненіи результатовъ своей экспедиціи и дѣлился ими не только съ русскимъ ученымъ міромъ. Въ письмѣ къ В. И. Семидалову отъ 9 февраля 1892 г. находимъ: «Получилъ письмо изъ Парижа. Въ журналѣ оріенталистовъ напечатаны извлеченія изъ моихъ писемъ. Посылаю теперь статью въ Англію для англійскихъ оріенталистовъ».

---

[1]) „Рус. Мысль“, 1895 г., I, 36.

Въ это же время вышло второе изданіе «Сибири, какъ колоніи», дополненное Н. М. по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя накопились за десять лѣтъ со времени выпуска перваго изданія. Кромѣ того, книга была обновлена семью не бывшими раньше главами, изъ которыхъ три посвящены естественнымъ и географическимъ условіямъ различныхъ областей Сибири, одна—ея гидрографіи и климату, одна—кустарнымъ промысламъ и двѣ—общественной жизни городовъ и мѣстной литературѣ. Теперь Н. М. высказывался еще энергичнѣе и рѣшительнѣе за немедленное введеніе земскаго самоуправленія, гласности и свободы общественной иниціативы. Рисунки украшали книгу.

Въ «Восточномъ Обозрѣніи», куда Н. М. продолжалъ посылать довольно много матеріала, далеко не всегда попадавшаго въ печать, произошли измѣненія. В. А. Ошурковъ заболѣлъ, и съ 20-го номера за редактора подписывался Д. А. Клеменцъ, затѣмъ, съ 34-го,—снова г. Ошурковъ. Внутри редакціи по прежнему происходили перемѣны, газета по прежнему искала матеріальной поддержки, внѣшнія условія по прежнему напоминали о когда-то болѣе свѣтлыхъ дняхъ...

1 апрѣля исполнилось десятилѣтіе «Восточнаго Обозрѣнія», отмѣченное во многихъ изданіяхъ, какъ полное честной и доблестной работы. Вотъ письмо Н. М. «своему доброму генію» отъ 2 апрѣля: «1-го апрѣля неожиданно меня атаковали гости, поздравители и депутаціи. Сибирская учащаяся молодежь представила адресъ. Старшее поколѣніе сибиряковъ явилось депутаціей (Потанинъ, Павлиновъ, Черемшанскій, Макаровъ, Пантелѣевъ и многіе другіе) и послѣ поздравленія вручили мнѣ серебряную чернильницу съ надписью, прекраснымъ пресъ-папье и портфель съ вензелемъ въ память десятилѣтія. Утромъ былъ Семевскій. Я былъ очень тронутъ вниманіемъ сибиряковъ и отвѣтилъ какъ могъ. Александра Викторовна [1]) и Б. [2]) устроили въ моей новой квартирѣ угощеніе и много болтали.

«Вечеромъ собрались опять сибиряки и сибирячки, которые поднесли мнѣ букетъ цвѣтовъ съ лентами и надписью. Провели

---

[1]) Потанина.

[2]) Б. уже съ годъ была очень близка, какъ другъ, къ Н. М. и не мало облегчала его одиночество. Покойный въ письмахъ къ В. И. Семидалову не всегда справедливъ къ ней. Эта женщина глубоко уважала его и вмѣстѣ съ В. И. Семидаловымъ старалась обставить его наиболѣе благопріятными для работы условіями.

вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. Телеграммы получены отъ томскихъ студентовъ, отъ друзей «В. О.» въ Томскѣ, изъ Москвы отъ вашей молодежи (отвѣтъ посланъ Ивановскому), отъ Михѣева и другихъ».

Ѣхать въ Иркутскъ самому, Н. М. находилъ совершенно немыслимымъ какъ потому, что сознавалъ себя положительно неподходящимъ къ тамошнимъ внѣшнимъ условіямъ, такъ и потому, что вслѣдъ за смертью своей тещи, А. И. Барковой, много помогавшей Н. Ѳ. Ржавской въ воспитаніи дѣтей, считалъ необходимымъ быть поближе къ послѣднимъ. Потеря тещи была чувствительнымъ ударомъ, что видно изъ слѣдующаго мѣста ненапечатанной автобіографіи Н. М.—: «Эта святая старушка опекала моихъ дѣтей, когда А. Ѳ. умерла; до конца она любила меня, какъ сына и сочувствовала и содѣйствовала моимъ планамъ и дѣятельности. Когда и она умерла черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти жены, я совершенно осиротѣлъ и чувствовалъ себя ужасно тяжело, одиноко. Страшная тоска сокрушала меня, и я не находилъ уже такихъ неизмѣнныхъ друзей, такой нравственной поддержки. Я не могъ такъ отдаваться дѣятельности, какъ прежде»...

Недостаточно считались съ этимъ состояніемъ тѣ, кто печатно посылалъ упреки Н. М. за промѣнъ прежней живой дѣятельности на археологическія и вообще строго научныя работы. Въ этомъ отношеніи нельзя не вспомнить печальную полемику, которая велась въ серединѣ 1891 года новой редакціей «Восточнаго Обозрѣнія» и только что начинавшимъ жизнь «Сибирскимъ Листкомъ». Вина за начало этой, по мѣткому выраженію г. Семевскаго,—«братоубійственной полемики», конечно, падаетъ на редактора, В. А. Ошуркова, но конецъ ея и середина—дѣло рукъ «Сибирскаго Листка». Можно и должно было указать на оплошности новаго неопытнаго редактора, но незачѣмъ было насмѣшливо называть самого Н. М. «открывателемъ древнихъ городовъ», не зная тѣхъ мотивовъ, которые побуждали его промѣнять текущія злобы дня на древніе города... [1]).

Да послѣднія и не проходили мимо Н. М-ча, какъ могли убѣдиться въ этомъ черезъ годъ его порицатели.

Проѣзжая черезъ Тюмень во вторую экспедицію, еще въ 1891 г., Н. М. понялъ, чѣмъ грозитъ переселенцамъ и аборигенамъ шедшая изъ Россіи холера и готовящійся на мѣстѣ голодъ. Весной

---

[1]) См. № 30 „Восточнаго Обозрѣнія“ за 1891 годъ и №№ 36, 64, 69 и 74 за тотъ же годъ „Сибирскаго Листка“.

слѣдующаго года до Н. М. дошли ужасныя вѣсти о страшномъ голодѣ и тифѣ, и уже въ концѣ апрѣля онъ отправляется въ Тобольскую губернію, въ качествѣ руководителя перваго санитарнаго отряда изъ студентовъ-медиковъ, организованнаго на средства И. М. Сибирякова. Въ Тюмени онъ былъ съ отрядомъ 13 мая, а 20-го вышелъ съ нимъ къ Кургану, затѣмъ къ Ишиму и Ялуторовску. 1 іюля Н. М., исполнивъ все, что нужно было, возвращался въ Россію. За это время онъ довольно дѣятельно корреспондировалъ въ «Русскія Вѣдомости», призывая общество къ пожертвованіямъ, а администрацію—къ пріостановкѣ безпорядочной ссылки въ охваченные голодомъ округа Тобольской губерніи; въ своей же газетѣ описывалъ бѣдствія населенія, поскольку это, конечно, было возможно. Очень жаль, что этотъ моментъ въ жизни Н. М., непосредственно помогавшаго меньшому брату, приходится, по недостатку матеріаловъ, освѣтить только по его письмамъ къ В. И. Семидалову.

«...Удовлетворяю вашему любопытству прежде всего о поѣздкѣ въ Тобольскую губернію. Юношей-санитаровъ я довезъ до Тюмени и представилъ князю Голицыну; помощникъ его, Чайковскій [1]), особенно былъ любезенъ со мною и, благодаря ему, санитары были снабжены открытыми листами, и дано было знать о нихъ мѣстнымъ властямъ. Въ виду неопытности студентовъ и незнанія ими края, я рѣшилъ сопровождать отряды до мѣста, до уѣздныхъ городовъ и до волостей, облегчая имъ сношеніе и размѣщеніе. Благодаря своему темпераменту, я взялся горячо и, конечно, не обращалъ вниманія ни на свои силы, ни на здоровье. Мое стремленіе было выполнить взятое на себя порученіе добросовѣстно до конца, воодушевить юношей и вдохнуть въ нихъ надлежащую энергію, указывая и напоминая о святости принятаго ими дѣла. Безъ меня въ отрядѣ могли возникнуть ссоры и разладъ, чему были уже поводы. Старшина Д. и другіе начали питать предубѣжденіе противъ одного черногорца М., который поѣхалъ на перекоръ ихъ желанію. Студенты перепугали фельдшерицъ, которыя прибыли за ними. Надо было все уладить. Устроивъ легальное положеніе санитаровъ, выяснивъ задачи, организацію, благодаря свиданію моему въ Нижнемъ съ врачами, я отправился сопровождать санитаровъ въ округа Курганскій и Ишимскій и выѣхалъ съ ними и съ фельдшерицами. Задача была, какъ раздѣлится или раздвоится тотъ и другой отряды, нуждавшіеся въ моемъ руководительствѣ, да ждали еще въ Тюмень переселенческаго от-

---

[1]) Кн. Голицынъ — командированный отъ Особаго комитета подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника; Чайковскій—тоже.

ряда. Я не растерялся и по дорогѣ, везя цѣлый караванъ до Ялуторовска въ повозкахъ, ободрялъ утомленныхъ путешественниковъ и путешественницъ. Тогда же я рѣшилъ направить 2 студентовъ и 2 фельдшерицъ въ Курганъ, съ обязательствомъ осматривать больныхъ въ деревняхъ и собирать свѣдѣнія объ эпидеміи, и въ то же время съ другими, также 4-мя, слѣдовать въ Курганъ, а, устроивъ ихъ, отправиться къ Ишимскому отряду. Старшина-студентъ Д. предпочелъ остаться въ Ялуторовскѣ, близъ Тюмени, какъ въ болѣе покойномъ пунктѣ для жизни. Это не совсѣмъ соотвѣтствовало его обязанности, такъ какъ *онъ* долженъ былъ быть организаторомъ, а *не я*. (Въ дорогѣ мы уже видѣли тифозныхъ, и я указывалъ медикамъ мѣста и посѣщалъ съ ними дворы, гдѣ заболѣвали люди). Но все равно уже, дѣло выпало на меня. Достигнувъ Кургана и пріѣхавъ впередъ, я успѣлъ повидаться съ А. М. Сибиряковой [1]), войти въ сношенія съ волостями, съ попечительствомъ, которое завѣдуетъ продовольствіемъ, и по пріѣздѣ студентовъ подготовилъ имъ почву. Въ Курганѣ собраны были свѣдѣнія о заболѣваемости, и устроено было нѣсколько совѣщаній и засѣданій, на которыхъ вездѣ мнѣ приходилось говорить и выяснять задачи санитаровъ и санитарнаго отряда; нужно было сблизить общество и власти съ санитарами. Въ Курганѣ это удалось хорошо, мѣстные врачи, молодые, прекрасные, но въ округѣ они не могли помогать. Одинъ симпатичный врачъ, сибирякъ Гречаниновъ, очень мнѣ понравился, снабдилъ меня коллекціей суррогатовъ голодныхъ и т. п. При мнѣ онъ началъ расхварываться, уѣзжая, я заѣхалъ къ нему пожать его руку на прощанье. Увы! это было послѣднее пожатіе. Черезъ мѣсяцъ, въ Тюмени, я узналъ, что я былъ уже у тифознаго и обреченнаго на смерть; онъ умеръ молодой, честный, съ задатками къ благородному служенію. Обыкновенная судьба хорошихъ людей!

«Сблизивъ санитаровъ съ медиками, вызвавъ засѣданіе попечительства и засѣданіе комитета общественнаго здравія (эти комитеты обыкновенно спятъ), намѣтивъ пункты въ округахъ, я началъ торопить медиковъ къ выѣзду... Пока остальные собирались, я съ одной фельдшерицей Г. выѣхалъ въ сосѣднюю волость отъ Кургана, для устройства медицинской помощи. Поѣздка была плодотворна. Объѣхавъ нѣсколько деревень, мы сдѣлали первый опытъ устройства временнаго больничнаго пріюта въ деревнѣ, или временной больнички. Крестьяне были расположены, и нужно было доказать юнымъ медикамъ, что сибирское крестьянство охотно приметъ помощь. Затѣмъ по пути я былъ въ имѣніи одного интеллигентнаго сибиряка, бывшаго студента, Балакшина, имѣющаго прекрасное хозяйство, заводъ паточный, паровики, опытныя поля, метеорологическую станцію,

---

[1]) Она открыла на свои деньги столовыя и медицинскій пунктъ.

лабораторію, электрическое освѣщеніе, телефонъ. Это человѣкъ небогатый, но типъ американскій. Мы подружились. Здѣсь составленъ съ нимъ планъ основанія сельско-хозяйственнаго общества въ Курганѣ, и написана мною записка. Здѣсь же познакомился съ жгучимъ вопросамъ—съ борьбой съ кобылкой. Изъ санитара пришлось превратиться въ изслѣдователя сельско-хозяйственныхъ вопросовъ края. Кобылка уничтожала и угрожала хлѣбамъ, отъ нея были бѣдствія и голодъ. Вопросъ серьезный, особенно когда все населеніе было выгнано на поля истреблять насѣкомое, но борьба была дурно организована; спеціалистъ, пріѣхавшій помочь дѣлу, былъ франтъ и ускакалъ самъ, какъ кобылка. Этотъ вопросъ занялъ все мое вниманіе. Возвратясь въ Курганъ, я вызвалъ засѣданіе попечительства съ цѣлью устроить ловлю кобылки *платную*, какъ помощь населенію, въ виду его бѣдственнаго положенія. А. М. Сибирякова пожертвовала 5,000 р. Положено было довести объ этомъ до свѣдѣнія князя. Въ послѣдній день я былъ заваленъ хлопотами, писалъ телеграммы, бесѣдовалъ съ сельскими хозяевами—организаторами общества, вытуривалъ замедлившихся санитаровъ. Меня насильно свезли въ фотографію, насильно накормили курганскіе друзья, и я бросился въ экипажъ, такъ какъ ишимскіе медики вызывали меня телеграммой.

«Скачу въ Ишимъ проселкомъ, жара смертельная, а пища скверная; кругомъ крестьянская нужда, а кобылка, какъ новое бѣдствіе, подбирается къ хлѣбамъ. На дорогѣ я захварываю: нѣчто въ родѣ дизентеріи, ѣду одинъ, но не останавливаюсь. Истощенный прискакалъ въ Ишимъ. Санитары-юноши сидятъ *десять дней* безъ дѣла и жалуются, что имъ не даютъ свѣдѣній и права ихъ не признаютъ. Опять ѣду къ властямъ, веду серьезную бесѣду, объясняю права медиковъ, командированныхъ медицинской академіей, устраиваю засѣданія комитета общественнаго здравія, вызываемъ сельскаго врача по телеграфу, устраиваю засѣданіе попечительства, требую полномочій для медиковъ и — оканчиваю все благополучно. Мѣстные врачи..... были здѣсь предубѣждены противъ пріѣзжихъ юношей, и надо было ихъ обуздать. Конечно, при моемъ авторитетѣ они смирились. Власти предложили даже помѣщенія для больничекъ въ селахъ.

«Успокоившись насчетъ устройства ишимскихъ санитаровъ и направивъ ихъ въ два участка съ фельдшерицами, я немедленно выѣхалъ на югъ, въ волости, наиболѣе пострадавшія, чтобы сдѣлать наблюденія надъ экономическимъ положеніемъ. Что было въ округахъ за зиму, мнѣ было извѣстно по запискамъ Чайковскаго, его ревизіи и разсказамъ, но важно было знать, что угрожаетъ. Въ Ишимѣ чиновничество благодушествовало и увѣряло, что кобылка не трогаетъ хлѣба, а я видѣлъ обратное. Проѣхавъ въ волости, я сдѣлалъ наблюденія; въ одной Соколовской волости я нашелъ студента-технолога, который устроилъ

столовыя, организовалъ истребленіе кобылки. Мы съ нимъ объѣхали нѣсколько волостей. Я увидѣлъ, что хлѣба сильно истребляются и грозитъ новое бѣдствіе. Продовольствіе и ссуда выдавались недостаточныя, населеніе было въ уныніи. Картина была безотрадная; даже студентъ пріунылъ. А кругомъ нѣтъ помощи! А. М. Сибирякова уѣхала; она истратила до 50,000 р. въ зиму... Встрѣтивъ на дорогѣ санитаровъ, студента и фельдшерицу, я направилъ ихъ въ южные округа, гдѣ населеніе бѣдствовало, а самъ поспѣшилъ въ Ишимъ, куда и привезъ вѣсти объ угрожающей округу опасности. Въ это время и въ Ишимѣ получились уже свѣдѣнія, что хлѣбъ съѣдается кобылкой. Я не буду распространяться, гдѣ причина, ее надо еще изучать; одна изъ главныхъ — нераціональное хозяйство и отсутствіе предупредительныхъ мѣръ. Видя полную безпомощность округовъ, полную апатію чиновничества, безпорядокъ въ попечительствахъ, отданныхъ въ руки поповъ, отсутствіе всякой организаціи, и трудность устроить ее безъ земства, жалобы населенія, нужду, поголовное бѣгство изъ округовъ крестьянства, заколоченные дома и къ этому хаосъ ссылки (въ голодные округа прислано 4,000 ссыльныхъ), движеніе полуголодныхъ переселенцевъ, бѣгущихъ изъ Тюмени отъ эпидемій, скопленіе ихъ на перевозахъ по 2,000 и смертность ихъ по 150 въ мѣсяцъ, до 20 гробовъ въ день,—все это производило страшное впечатлѣніе. Что тутъ можно было сдѣлать?! А именно въ этомъ округѣ и не было помощи и людей. Санитары должны будутъ уѣхать тогда, когда осенью начнутся эпидеміи, а зимою—голодъ. О продовольствіи округа и подготовкѣ запасовъ къ зимѣ никто не заботится. Что-то будетъ! Видя эту анархію и безпомощность, я самъ былъ безъ средствъ и раздавалъ голоднымъ и нуждающимся только милостыню изъ прогонныхъ денегъ. Оставалось воротиться только съ разбитыми нервами, съ тягостью на душѣ... Замѣтьте, въ отрядахъ не было сибиряковъ и сибирячекъ (въ Тюмени только Д—ва при переселенцахъ), и это довершало горечь моего сознанія и уязвленія моего патріотическаго чувства... Пріѣхалъ И. М. Сибиряковъ... Съ мѣстной фельдшерицей я убѣдилъ его дать 600 р. на постройку больнички, и составили планъ. Далѣе Сибиряковъ обѣщалъ на новыя санитарныя постройки въ Тюмени для переселенцевъ 4,000 р. и послалъ меня въ Тюмень составить планъ и переговорить съ переселенческимъ отрядомъ. Сибирякова уговорилъ проѣхать на югъ, а самъ я черезъ два дня былъ въ Тюмени. Здѣсь санитары мнѣ разсказали о безотрадномъ положеніи, въ какомъ застали переселенческое дѣло. Въ Тюмени сосредоточилось въ маѣ и іюнѣ 17,000 переселенцевъ, появились болѣзни и смертность до 40 гробовъ въ день, во все время, въ полтора мѣсяца умерли, 700 чел. (Уже съ первымъ отрядомъ мы осматривали бараки и предсказывали смертность, оставили также инструкціи тѣмъ, кто прибылъ послѣ насъ). Боль-

ные занимали больницы и бараки, мѣшались заразные съ здоровыми... Что сказать о такомъ положеніи дѣлъ? Что сказать о тѣхъ силахъ, которыя явились бороться съ эпидеміей въ такомъ размѣрѣ и уничтожить хаосъ и безпорядокъ? 4 юноши и 2 фельдшерицы, изъ нихъ 4 лежали въ тифѣ, заразившись въ этой атмосферѣ смерти (2 медика и 2 фельдшерицы). Санитары временно очистили бараки, явился цѣлый планъ измѣненій, построекъ, переносныхъ ретирадовъ, ямъ, колодцевъ, больницъ для заразныхъ и т. п. Молодой медикъ С. былъ болѣе способный, но расплывался въ проектахъ, а главное—не привыкъ вести дѣло послѣдовательно; пришлось имъ руководить. Въ Тюмени я явился въ думу и вмѣстѣ съ С. изложилъ планъ санитарнаго приспособленія бараковъ. Дума отвела новую площадь для переселенцевъ; наконецъ, я предложилъ избраніе санитарнаго попечительства изъ гласныхъ. Выработали планъ построекъ для бараковъ и новой бани и прачешной на 4,000 р. сибиряковскихъ; рѣшено вести лучше регистрацію, и для статистическихъ работъ я оставилъ (И. М.) Головачева и еще одного сотрудника, прибывшаго изъ Иркутска. Въ Москвѣ Сибиряковъ поручилъ мнѣ посовѣтоваться съ (Ф. Ф.) Эрисманомъ насчетъ постройки образцоваго барака. Мнѣ въ Тюмени болѣе оставаться было нельзя. Ждали меня давно дома дѣла дѣтей, и понадобилось быть заранѣе къ съѣзду» [1]).

Пусть читатель скажетъ, мало-ли поработалъ Н. М. въ теченіе двухъ мѣсяцевъ на пользу народа, благо котораго всегда было его собственнымъ благомъ... А, вѣдь, ему было уже 50 лѣтъ...

И только что онъ поселился въ Большомъ-Селѣ, чтобы поправить свое разстроенное здоровье, какъ получилъ «самыя оглушающія извѣстія»: съ партіями ссыльныхъ въ Тобольскую губернію и въ Томскъ проникла холера... «Первая мысль моя по полученіи телеграммъ изъ Ишима—пишетъ онъ В. И. Семидалову 26 іюля—была вновь вызваться и ѣхать на мѣсто, въ Сибирь, въ виду опасности. Мое личное нравственное состояніе и общественное бѣдствіе не даютъ мнѣ быть спокойнымъ и равнодушнымъ. Но я удержался и написалъ только подготовительное письмо къ А. И. Деспоту-Зеновичу... Я удерживаю себя и не кинусь сейчасъ только потому, что силы мои не окрѣпли послѣ поѣздки, и мое душевное состояніе, причиняя мнѣ часто страшную тоску, ослабило меня, такъ что на дорогѣ я могу разболѣться, а больной что я

---

[1]) 1-го августа былъ международный, въ Москвѣ, конгрессъ исторической археологіи и антропологіи, гдѣ Н. М. сдѣлалъ два доклада о своихъ двухъ орхонскихъ экспедиціяхъ и объ инородцахъ въ Сибири.

сдѣлаю? Я не думаю о семьѣ, о дѣтяхъ въ такія минуты. Дѣти мои подъ крозомъ Н. Ѳ. Я не могу по общественному положенію и принятой на себя обязанности оставаться только около нихъ. Жизнь моя должна окончиться общественнымъ служеніемъ»...

Не имѣя, такимъ образомъ, возможности личнымъ трудомъ на мѣстѣ облегчить страданія народа, Н. М. тѣмъ энергичнѣе налегаетъ на свое перо и даетъ массу матеріала на одну волновавшую всю Россію злобу дня. Такъ, 8 октября онъ пишетъ В. И. Семидалову: «...Оканчиваю огромную записку о переселенцахъ и уже принимаюсь за отчетъ о неурожаяхъ и бѣдствіяхъ Ишимскаго округа. Публицистика меня охватила. Я чувствую свои обязанности, я и такъ много потерялъ времени. Нужно спѣшить въ Питеръ съ записками, но прежде я еще удеру штуку—проѣду, но только не въ Кіевъ,—поѣздку въ виду текущихъ дѣлъ надо отложить. Дѣло въ томъ, что я получаю письма о голоданіи въ Ишимскомъ округѣ самыя вопіющія. Населеніе ѣстъ лебеду. Я поѣду въ Нижній совѣтоваться съ Чайковскимъ, вице-губернаторомъ, и запастись письмами отъ него къ (В. К.) Плеве и другимъ, чтобы помочь Ишимскому округу»... [1]).

И Н. М. ѣдетъ въ Петербургъ (въ Нижнемъ онъ, повидимому, не былъ), гдѣ съ помощью друга Сибири, А. И. Деспота-Зеновича, освѣщаетъ дѣло во всей его наготѣ. Правда, не безъ препятствій, но освѣщаетъ и подаетъ заготовленную записку о голодающихъ и переселенческомъ движеніи, читаетъ о томъ же докладъ въ Вольноэкономическомъ обществѣ, организуетъ у себя на дому чтенія о переселенцахъ, добивается продолжительной бесѣды съ новымъ тобольскимъ губернаторомъ, Давыдовымъ, и т. д., и т. д...

Насколько руководительство Н. М-ча было принято сочувственно студентами-медиками, можно видѣть изъ письма отъ 22 ноября, когда всѣ они уже вернулись въ Петербургъ. «Вчера, когда я уже усталъ и зашелъ домой, нашелъ почетный билетъ отъ медиковъ-студентовъ на вечеръ. Надо было собраться поблагодарить. Вечеръ въ дворянскомъ собраніи... Въ антрактѣ пошелъ брататься съ студентами-санитарами. Пріѣхалъ и Н. К. Михайловскій. Насъ скоро соединили и увлекли въ распорядительскую, гдѣ читались рѣчи...

---

[1]) Получивъ въ 1893 г. всѣ необходимыя цифровыя данныя, Н. М. написалъ статью о голодѣ въ Тобольской губ. въ „Рус. Богатствѣ“ за 1894 г.

Говорилъ Субботинъ, лекторъ Поповъ (о помощи, оказанной санитарами народу), затѣмъ провозглашали тосты за Михайловскаго и за меня. Михайловскій говорилъ скромно о своемъ юбилеѣ и благодарилъ. Я отклонилъ *свой* тостъ и сказалъ, что я не выполнилъ бы долга, если бы не засвидѣтельствовалъ, какъ очевидецъ, о дѣятельности отрядовъ ишимскаго и переселенческаго. Послѣ обхода залъ, развеселившіеся студенты опять увлекли насъ въ распорядительскую. Опять говорили... Опять меня вызвали, и я говорилъ *долго* о томъ, что духъ академіи не только живъ, но онъ проявилъ себя, научивъ сыновъ своихъ итти на помощь народу. Пусть для медиковъ-студентовъ это будетъ *купель крещенія*, пусть всю жизнь они продолжаютъ это дѣло и т. д. Михайловскаго качали, я качаться отказался»...

И такихъ вечеровъ было нѣсколько, и всегда молодежь приглашала на нихъ Ядринцева, зная, что это ея вѣрный другъ, никогда не заискивавшій ея расположенія, никогда не позволявшій себѣ льстить молодежи и всегда говорившій ей правду въ глаза. На дому у Н. М. снова начались собранія земляковъ; молодежь конечно, преобладала. Словомъ, теперь онъ ожилъ.

Не мало помогла этому и газета «Русская Жизнь», въ которой Н. М-чу было предложено завѣдываніе сибирскимъ отдѣломъ— какъ занятіе постоянное, и сотрудничество вообще. Это немало подбодряло Н. М., оставшагося съ 1891 года безъ своего органа подъ рукой, и давало ему небольшой, но постоянный заработокъ [1]) который, съ прибавкой случайнаго въ журналахъ и другихъ органахъ, болѣе или менѣе обезпечивалъ его студенческую жизнь. Газета г. Пороховщикова стояла довольно высоко въ мнѣніи интеллигентнаго общества и имѣла несомнѣнный успѣхъ въ провинціи. Прибавьте ея безцензурность—и станетъ понятно, какъ Н. М. ухватился за сдѣланное ему предложеніе. И работалъ онъ очень усердно и неутомимо, служа образцомъ «газетчика» для редакціонной молодежи. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ В. И. Семидалову:

«Съ субботы на воскресенье въ редакціи разнесся слухъ, что Михайловскаго юбилей. Я вечеромъ поскакалъ къ Семевскому, узналъ, что день рожденія Михайловскаго. Къ 12 час. ночи написалъ статью въ редакціи и въ 3 часа правилъ корректуру въ ти-

---

[1]) 75 рублей въ мѣсяцъ, а потомъ вмѣсто жалованія 3 к. за строку — плата одинаковая для всѣхъ сотрудниковъ.

пографіи. Статья вышла горячая». «Въ «Рус. Жизни» я бы писалъ чаще, но даже очередныя хроники и статьи откладываются, и газета тускнѣетъ, дѣла редакціи незавидны... Конечно, съ такой откровенностью газета не пріобрѣтетъ репутаціи. Гдѣ же газеты и журналы, куда писать?» (26 февраля 1893 г.). «Былъ въ «Русской Жизни». Сибирскую хронику болѣе не желаютъ печатать, отдѣлы сократили. Значитъ, Сибирью только временно позабавились. Зато меня приглашали на лѣто къ завѣдыванію газетой въ родѣ отвѣтственнаго редактора, но я отказался, въ виду отъѣзда, да и дѣло это путаное — возиться съ П-мъ». (11 марта 1893 г.). «Какіе-то ремесленники хроники захватили Сибирскій отдѣлъ въ «Русской Жизни», писать огуломъ, стало быть, дешевле. Вообще во внутреннихъ дѣлахъ редакціи нехорошо» (26 февраля 1894 г.).

Судя по письмамъ, Н. М. рѣшилъ, все-таки, оставаться случайнымъ сотрудникомъ газеты, во-первыхъ, потому что ничего предосудительнаго въ ея содержаніи не находилъ, во-вторыхъ, дорожилъ ея безцензурностью [1]).

Въ 1893 г. былъ выпущенъ сборникъ «Путь—дорога», изданный К. М. Сибиряковымъ въ пользу «общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ». Могъ-ли Н. М. не принять въ немъ участіе? Онъ помѣстилъ тамъ серьезную статью, полную массы интереснаго матеріала, и очень сердечно набросанный фельетонъ о переселенческихъ дѣтяхъ и семьяхъ. Въ то же время онъ принялъ очень дѣятельное участіе въ работѣ самого названнаго общества, которое не разъ приводилъ въ восторгъ своей пламенной рѣчью въ пользу страдающаго человѣчества. Отмѣтившій его заслуги на этомъ поприщѣ г. Исаевъ, назвавшій Н. М. «другомъ переселенцовъ», говоритъ: «неоднократно въ этой залѣ и въ засѣданіяхъ нашего комитета онъ живописалъ лишенія русскихъ людей въ вагонѣ и сибирской тайгѣ, въ тюменьскомъ баракѣ, на баржѣ и на мѣстѣ водворенія. Много разъ читало русское общество въ газетахъ его телеграммы, краснорѣчивыя при всей своей краткости, телеграммы о томъ, какъ голодъ и болѣзни опустошаютъ ряды армій, несущихъ русское имя на дальній востокъ. И не разъ, читая эти строки, русскій человѣкъ чувствовалъ

---

[1]) За это время въ „Русской Жизни" сотрудничали В. В. Водовозовъ, В. І. Дмитріева, Н. И. Дружининъ, Ивановичъ, Маминъ-Сибирякъ, М. Стиваль и др.

тяжесть укора, котораго заслуживаетъ пренебреженіе къ этому истинно народному дѣлу»[1]).

Какъ иллюстрацію словъ г. Исаева, приведу выдержку изъ письма Н. М. своему «доброму генію»: «...Вчера былъ день доклада въ общемъ собраніи общества переселенцевъ. Къ этому дню была написана передовая въ «Рус. Жизни». Наканунѣ я былъ у (Я. А.) Макерова и провелъ вечеръ въ земляческихъ бесѣдахъ. 29-го, въ 12 ч., я былъ въ залѣ засѣданія переселенческаго общества. Зала была набита молодежью: до 400 челов., кромѣ членовъ общества очень *малочисленныхъ*. «Вы—магниты!» сказалъ мнѣ Исаевъ. Утомили протоколомъ. *Моя* публика меня ждала, я чувствовалъ себя свободно въ залѣ, вездѣ велъ разговоры, давалъ справки, видѣлъ массу лицъ. Говорилъ *два часа* и набросалъ яркую картину. При входѣ моемъ на каѳедру раздался громъ аплодисментовъ, по окончаніи тоже. Члены переселенческаго комитета объявили, что никогда у нихъ не было такого собранія».

«Ядринцевъ—другъ переселенцевъ»—это не только красивая фраза, но и констатированіе факта. Вотъ что писалъ, уже послѣ его смерти, барнаульскій корреспондентъ «Восточнаго Обозрѣнія»:

«Недавно мнѣ совершенно случайно удалось узнать любопытный фактъ, краснорѣчиво свидѣтельствующій о томъ, что имя умершаго сибирскаго публициста Н. М. Ядринцева знакомо не однимъ только сибирскимъ интеллигентамъ, но память о немъ живетъ и въ сердцахъ россійскаго крестьянства. Вотъ что было мнѣ сообщено.

«9 мая н. г. (1900 г.) въ г. Барнаулъ прибылъ переселенецъ Иванъ Дмитріевъ Лазѣевъ, прожившій около 4 лѣтъ въ заселкѣ *Ядринцевскомъ*, Тобольской губ., Тюкалинскаго уѣзда, Люблинской волости, и ушедшій оттуда потому, что этотъ поселокъ уже заселенъ, и ему въ причисленіи туда отказываютъ, а потому онъ намѣренъ подыскать свободный участокъ для переселенія въ Алтайскомъ округѣ. Изъ разспросовъ Лазѣева о житьѣ-бытьѣ Ядринцевскихъ переселенцевъ, выяснилось слѣдующее: пос. Ядринцевскій, устроенный Н. М. Ядринцевымъ, образованъ въ 1892 г., и населенъ преимущественно крестьянами, переселившимися изъ Тамбовской губерніи. Ядринцевскіе переселенцы, по словамъ Лазѣева, живутъ зажиточными домохозяевами, имѣютъ много хлѣба и

---

[1]) *А. Исаевъ*, „Памяти Н. М. Ядринцева, друга переселенцевъ", „Сѣв. Вѣстникъ", 1895 г., IV, 187.

скота, потому что участокъ, избранный для Ядринцевскаго поселка, обладаетъ всѣми данными для веденія сельскаго хозяйства.

«Въ заселкѣ есть школа, въ которой учителемъ состоитъ мѣстный крестьянинъ. Вообще «Ядринцевцы» устроились на новомъ мѣстѣ какъ нельзя лучше и съ глубокой любовью относятся къ памяти виновника ихъ переселенія,—Н. М. Ядринцева...

«Затѣмъ Лазѣевъ изъявилъ желаніе поклониться праху умершаго «радѣтельника» переселенцевъ, былъ на его могилѣ и вообще съ глубокимъ интересомъ относился къ памяти Н. М., разспрашивалъ о его смерти, удивлялся памятнику, который ему очень понравился, — однимъ словомъ, въ словахъ его проглядывало глубокое уваженіе къ личности покойнаго Н. М.» [1]).

Н. М., дѣйствительно, стоилъ такой памяти, потому что всегда стоялъ на сторонѣ интересовъ переселенцевъ. Онъ одинъ изъ первыхъ, еще въ началѣ 80-хъ годовъ, поднялъ рѣчь объ образованіи центральнаго переселенческаго управленія, которое было создано лишь черезъ три года послѣ его смерти. Всегда и въ статьяхъ, и въ комиссіи «свѣдущихъ людей», собранной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1881 г. и имѣвшей членомъ Н. М-ча, онъ настаивалъ на необходимости, во-первыхъ, облегченія пріисканія удобныхъ мѣстъ и подготовленія такихъ земель особымъ отмежеваніемъ, во-вторыхъ, перечисленія и помощи скорѣйшему обзаведенію хозяйствомъ на ссуды путемъ образованія особыхъ конторъ и, въ-третьихъ, на долгосрочномъ кредитѣ. Не говорю уже о томъ, что извѣстно читателю — на настойчиво рекомендовавшейся имъ безусловной свободѣ переселенія.

Умѣя совмѣщать отзывчивость на текущія нужды Сибири съ вниманіемъ къ наукѣ, Н. М. все время не забывалъ, какъ важно достигнуть дешифровки орхонскихъ надписей и съ этою цѣлью въ мартѣ 1893 г. ѣздилъ въ Гельсингфорсъ, чтобы сдѣлать докладъ о своихъ открытіяхъ въ угро-финскомъ обществѣ. Тамъ, на окраинѣ, его встрѣтили крайне сочувственно и доброжелательно. Профессора Гейкель и Доннеръ, писатель Мёрмонъ и многіе другіе привѣтствовали его горячо, и Н. М. былъ въ восторгѣ отъ четырехъ дней, проведенныхъ въ такомъ обществѣ.

Черезъ два мѣсяца Н. М. поѣхалъ на всемірную выставку въ Чикаго. Еще осенью 1892 г. онъ мечталъ о поѣздкѣ, въ качествѣ представителя сибирскаго отдѣла. Департаментъ мануфак-

---

[1]) „Вост. Об.", 1900 г., № 156.

туръ одобрилъ эту мысль, а телеграфное агентство уже освѣдомило читающую Россію съ ролью Н. М-ча, но на добываніе средствъ для поѣздки пришлось истратить такъ много времени, что ни о какомъ завѣдываніи отдѣломъ и думать нельзя было. Между тѣмъ, какъ разъ въ это время Н. М-чу было предложено устройство статистическаго и справочнаго бюро въ Тюмени, а общество для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ поручало ему изученіе переселенческаго движенія, наблюденіе и организацію столовой и пр. Передъ Н. М. стоялъ выборъ: Америка или Тюмень, осложнявшійся нервной астмой, спиравшей дыханіе и повергавшей его въ обмороки [1])... Н. М. страшно мучился и, наконецъ, долженъ былъ, вообще, какую бы то ни было поѣздку отложить, за полнымъ нездоровьемъ. Въ маѣ онъ окрѣпъ, но въ Тюмень было уже поздно—туда поѣхали другіе... Съ надеждой на изученіе колонизаціи Америки, на пріобрѣтеніе соотвѣтственной литературы и знакомствъ, Н. М., въ серединѣ мая, ѣдетъ на выставку. Часть своихъ впечатлѣній онъ передалъ въ «Русской Жизни» и «Восточномъ Обозрѣніи».

Исторія поѣздки въ Чикаго и нѣкоторыя вынесенныя изъ нея наблюденія изложены Н. М. въ имѣющемся въ моемъ распоряженіи письмѣ его къ В. П. Сукачеву отъ 26 августа 1893 г.

«...Послѣ вашего выѣзда изъ Петербурга я началъ дѣятельно хлопотать о средствахъ на поѣздку. Департаментъ мануфактуръ и торговли рѣшительно отказался дать субсидію, отправляя своихъ чиновниковъ... Хотя я получилъ обѣщаніе отъ А. К. Трапезникова такъ же (какъ и г. Сукачевъ—*М. Л.*) внести пай на поѣздку, но другіе вклады не накоплялись, и я, было, потерялъ надежду осуществить свое желаніе и задуманный планъ. Между тѣмъ приближалась весна, и я долженъ былъ позаботиться о занятіяхъ на лѣто.

«Переселенческій вопросъ съ прошлаго года занималъ меня и, благодаря нашимъ хлопотамъ, зимою осуществилась поѣздка до 100 чел. санитаровъ въ Зап. Сибирь; эти молодые медики пригласили меня съ собою организовать статистику переселенія, и я готовъ былъ взять на себя эту работу, отказавшись отъ поѣздки въ Америку за недостаткомъ средствъ. Къ этому моменту относится моя телеграмма къ вамъ, какъ и телеграмма предсѣдателя пере-

---

[1]) Цѣлый рядъ писемъ В. И. Семидалову съ марта по октябрь 1893 г.

селенческаго комитета, съ просьбой употребить средства, выданныя для поѣздки въ Америку, на переселенческія изслѣдованія. Но случилось такъ, что когда я оставлялъ надежду осуществить поѣздку за океанъ, нашлись люди, которые изъявили согласіе дополнить пай, и я собралъ сумму въ 2.000 руб. Тогда я вновь возвратился къ прежнему рѣшенію, тѣмъ болѣе, что при заявленіи моемъ ѣхать на работы по переселенческому вопросу, другіе пайщики, какъ, напр., А. К. Трапезниковъ, не выразили согласія и ассигнованныхъ денегъ на это употребить не пожелали... Въ Лондонѣ я посѣтилъ британскій музей, каталоги его и описаніе я вышлю въ Вост.-Сиб. Отдѣлъ Географ. Об-ва. ...Явившись въ Нью-Іоркъ, я постарался осмотрѣть этотъ значительный городъ Штатовъ и явился къ нашему консулу. г. Олоровскому, къ которому имѣлъ рекомендаціи. Я выразилъ желаніе осмотрѣть учрежденія, гдѣ принимаются переселенцы-иммигранты и посѣтилъ Ellis Island — мѣсто, гдѣ они высаживаются и регистрируются. Благодаря д-ру Сенору, комиссару по переселенческимъ дѣламъ, я познакомился съ учрежденіями и пріобрѣлъ подробные отчеты объ иммиграціи и условіяхъ пріема... Поражаясь разнообразіемъ и богатствомъ европейской и американской мануфактуры, а также техники, я могъ только дивиться недостатку и бѣдности русскихъ произведеній; что касается предметовъ изъ Сибири, то я ихъ почти не видалъ... Въ кожевенномъ отдѣлѣ я видѣлъ русскія кожи, что касается сибирскихъ, то мнѣ передали, что есть произведенія одного заводчика Лаврентьева; затѣмъ американцевъ удивила слѣдующая вещь: изъ Сибири былъ присланъ сундукъ, завернутый въ сырую кожу. Эта укупорка возбудила особое вниманіе. Какова должна быть страна, которая цѣлыя кожи, годныя для выдѣлки, употребляетъ на укупорку, какъ дешевы и какъ не цѣнятся въ ней эти продукты! — замѣтили американцы, а сундукъ и кожу препроводили въ особый отдѣлъ раритетовъ. Карта Сибирской желѣзной дороги запоздала, какъ и брошюра о Сибири, передѣланная П. П. Семеновымъ. Свои матеріалы я привозилъ, чтобы вставить въ статьи о Сибири, которыя поручилъ перевести. Сибирь занимала американцевъ, какъ я убѣдился, съ точки зрѣнія ссылки, послѣ книги Кенана. По поводу книги Кенана явились возраженія Боткина (молодого дипломата). На нихъ отвѣтилъ Кенанъ особой статьей, въ іюлѣ, въ «Centary monthly magasin».

«Образованныхъ американцевъ, съ которыми я встрѣчался, я старался убѣдить, что Сибирь не страна только ссылки, но

страна, представляющая всѣ задатки гражданскаго развитія и промышленности. Между прочимъ, я познакомился съ проф. политической экономіи чикагскаго университета, Пафлей, которому передалъ свою книгу о Сибири на нѣмецкомъ и получилъ отъ него приглашеніе написать статью о Сибири для журнала, издающагося при университетѣ. Въ отдѣлѣ антропологіи и археологіи на выставкѣ, я оставилъ альбомъ нашей послѣдней экспедиціи въ Монголію, изданный академіей наукъ; оглавленія и поясненія перевели на англійскій [1]). Съ профессорами также познакомился... Я собралъ свѣдѣнія о промышленности Австраліи и Канады и пріобрѣлъ статистическіе отчеты по разнымъ отраслямъ... Въ Нью-Іоркѣ я думалъ застать амурскаго генералъ-губернатора, Духовскаго, чтобы проситься съ нимъ проѣхать на Амуръ; тогда бы я проѣхалъ вдоль всей Америки и изучилъ бы наши сношенія на Восточномъ океанѣ. Но, къ сожалѣнію, генералъ-губернаторъ выѣхалъ наканунѣ моего пріѣзда и мнѣ не удалось повидаться съ нимъ... Я уже разбираюсь съ привезенными матеріалами и отчетами, перевожу ихъ и дѣлаю выноски. Многое для насъ поучительно: это быстрый ростъ и развитіе Американскихъ Штатовъ, благодаря свободѣ колонизаціи, учрежденіямъ, покровительствующимъ промышленности, образованію и высокоразвитой техникѣ. Желѣзнодорожная спекуляція и захватъ земель могутъ служить намъ предостереженіемъ».

Дѣйствительно, Н. М-чу удалось подобрать необходимый матеріалъ, и книга «Сибирь и Америка» стала его любимой мечтой. «Это было бы мое послѣднее слово»—пишетъ онъ г. Потанину.— «Америка меня поразила; это — Сибирь черезъ 1000 лѣтъ, точно я вижу будущее человѣчества и родины. Этого достаточно...

«Нынѣ отпущаеши раба твоего»...

«Пишу вамъ 4-го іюля — праздникъ независимости; все въ флагахъ, выстрѣлы, пальба... Представьте мои чувства... Сердце замираетъ, и боль и тоска — за нашу родину. Боже мой! Будетъ-ли она такой цвѣтущей?» [2]).

---

[1]) Этотъ атласъ академія послала, между прочимъ, и въ Пекинъ. Китайское правительство передало его на разсмотрѣніе особой комиссіи ученыхъ и поручило ей составить отзывъ и сдѣлать свои примѣчанія къ вопросу о памятникахъ сѣверной Монголіи. Трактатъ этотъ былъ полученъ нашей академіей въ 1894 г. (См. *И. Поповъ*, „Открытія на Орхонѣ etc", 2—3).

[2]) „Изъ бумагъ сибирскаго патріота", „В. О.", 1903 г., № 184.

Н. М. увидѣлъ, что прежніе его взгляды на колонизацію совершенно подтверждаются данными Новаго Свѣта, и съ жаромъ отдался своей новой работѣ, какъ только въ серединѣ іюля вернулся въ Большое-Село. Трудъ этотъ остался недоконченнымъ, а написанныя слишкомъ сто листовъ писчей бумаги хранятся вмѣстѣ съ другими бумагами въ музеѣ Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго общества; они озаглавлены такъ: «Путешествіе въ Америку. Очерки изъ жизни и исторіи европейскихъ колоній».

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Н. М. нашолъ случай познакомить наше общество съ американской колонизаціей—въ залѣ политехническаго музея онъ сдѣлалъ на эту тему обширный докладъ, встрѣченный очень сочувственно публикой. Не молчалъ онъ по этому поводу и въ «Восточномъ Обозрѣніи», которое съ 8-го номера 1893 г. имѣло за редактора А. Н. Ушакова, замѣнившаго больного В. А. Ошуркова. Впрочемъ, съ середины года г. Ушаковъ перевелся по службѣ изъ Иркутска, и газета осталась на рукахъ И. Г. Шешунова и въ концѣ года (съ № 45) стала выходить три раза въ недѣлю: по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ. Во все это время Н. М. часто жаловался въ письмахъ на упадокъ газеты, на крайнюю ея блѣдность, на невыдержанность направленія... Не мало приходилось хлопотать и о матеріальной сторонѣ дѣла; желающихъ субсидировать находилось теперь еще меньше... Въ началѣ 1894 г. начались переговоры о пріобрѣтеніи газеты нынѣшнимъ ея издателемъ-редакторомъ, И. И. Поповымъ. Н. М. отнесся къ этому предложенію очень сочувственно, увѣренный, что газета получитъ, наконецъ, прочное устройство. Въ письмѣ къ И. И. отъ 19 марта Н. М. какъ бы завѣщаетъ девизъ газеты: «Я вѣрю, что патріотизмъ великая сила. Она даетъ пищу сердцу, она даетъ вѣру. Сохраните же эту реликвію, эту святыню газеты. Вы должны были полюбить Сибирь, пожалѣть ее и отнестись къ ней сердечно. Хорошо обличать, но не нужно негодовать на всю страну, на весь народъ. Вотъ объ этой любви и мягкости къ народу я прошу васъ. Въ остальномъ споемся».

Съ января 1894 г. Н. М. сталъ подумывать о какомъ-нибудь постоянномъ дѣлѣ, не считая такимъ свою ужъ очень тогда небольшую работу въ «Русской Жизни» и случайныя статьи въ «Мірѣ Божьемъ» и другихъ изданіяхъ. Къ этому побуждали и большіе расходы по образованію двухъ сыновей и дочери; къ 720 руб., высылаемымъ «Восточнымъ Обозрѣніемъ», приходилось много доплачивать, не считая расходовъ на личную жизнь.

Какъ разъ въ это время въ Петербургъ пріѣхалъ начальникъ алтайскаго горнаго округа, полковникъ Болдыревъ. Н. М. встрѣтился съ нимъ въ переселенческомъ комитетѣ и узналъ, что въ Барнаулѣ предполагается организованіе статистическихъ изслѣдованій экономическаго быта крестьянъ, на что Кабинетъ Е. И. В. ассигнуетъ большую сумму. Поговоривъ съ Н. М., Болдыревъ нашелъ, что лучшаго завѣдующаго и искать нечего, и сдѣлалъ соотвѣтствующее предложеніе, не одинъ разъ подкрѣпляемое просьбами принять его. Но Н. М-чу не такъ легко это было сдѣлать.

«Изученіе крестьянства! чего же лучше!—пишетъ онъ В. И. Семидалову 14 февраля.—Но на грѣхъ начальникъ пріѣхалъ проводить реформу поземельнаго устройства крестьянъ въ Алтаѣ. Мнѣ предстояло прежде ознакомиться съ его воззрѣніями. Иные искатели мѣстъ на это не обращаютъ вниманія. Но мое положеніе особое. Въ Алтай пріѣдетъ на службу Кабинета писатель, публицистъ, редакторъ. Я долженъ отдать отчетъ передъ обществомъ, передъ друзьями, что я дѣлаю, на что рѣшился. Едва-ли было бы мнѣ оправданіемъ, что я послѣ всего своего прошлаго принялъ такое-то занятіе изъ-за куска хлѣба и хорошаго жалованья. Мѣсто мѣстомъ, а принципы принципами... Могъ-ли я принимать мѣсто и говорить о немъ прежде, чѣмъ увѣрился, что такое начальникъ, г. Болдыревъ, и каково его отношеніе къ крестьянскому дѣлу; а такъ какъ онъ проводилъ реформу, то я и постарался оріентироваться и узналъ все. Мало того, я выписалъ Б., эту черноземную силу, и мы занялись уже не мѣстомъ, а разсмотрѣніемъ реформы. Такъ какъ предвидится поземельное устройство (теперь оказалось разстройство) и у государственныхъ крестьянъ, то мы еще болѣе сосредоточили вниманіе на вопросѣ.

«Я превратился внезапно въ публициста, иначе—во мнѣ заговорилъ публицистъ, анализировали вопросъ и появились вмѣсто слугъ, съ такой ярой критикой всей реформы, самого Болдырева, всѣхъ членовъ комиссіи, что навели на нихъ страху. Б. съ кипучимъ темпераментомъ (человѣкъ страшной силы и энергіи) кинулся къ членамъ комиссіи и произвелъ полный переворотъ... Б. добылъ всѣ проекты и записки, какъ и я, вырвалъ дѣло изъ-подъ покрова канцелярской тайны, уничтожилъ всю чиновную дипломатію.

«Сначала насъ приняли за «скромныхъ искателей мѣстъ», людей покладистыхъ, но когда увидѣли, что мы какая-то мѣстная сила, явившаяся разбить проекты, всѣ были озадачены. Мы рѣшили вызвать реформу и вопросъ передать гласности, вести походъ

противъ чиновниковъ. Завтра первая атака—докладъ Б. въ географ. обществѣ... Послѣ той оппозиціи, которую мы выдвинули, вопросъ о мѣстѣ отодвинулся. Не знаю, возобновится-ли это предложеніе».

Неизвѣстно, только-ли благодаря этой атакѣ, или и по другимъ какимъ-нибудь соображеніямъ, но было рѣшено отложить вопросъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ на Алтаѣ до окончанія обстоятельныхъ статистическихъ изслѣдованій. Тогда Н. М. принялъ предложеніе Болдырева. «Конечно, — пишетъ онъ 9 марта,— статистика — работа черновая, и я могъ бы внѣ ея стоять, направляя дѣло путемъ печати. Но за статистику придется взяться изъ нужды и ради заработка, а также въ виду того, что придется больше и больше тратить на дѣтей. Журналистика не вывозитъ».

Насколько добросовѣстно подготовлялся Н. М. къ новому дѣлу, видно изъ того, что онъ организовалъ особыя собранія видныхъ статистиковъ, какъ Вернеръ, Покровскій, В. Н. Воронцовъ и др., прося у нихъ помощи и указаній для будущей своей дѣятельности.

Въ апрѣлѣ сибирская пресса уже извѣстила, что Н. М. приглашенъ завѣдующимъ статистическими изслѣдованіями на Алтаѣ и скоро пріѣдетъ въ Барнаулъ съ бюро, въ которое входили Д. М. Головачевъ, г. Сущинскій и др.

Въ началѣ мая онъ выѣхалъ изъ Большого-Села и въ Москвѣ нѣсколько дней пробылъ у своего друга, Семидалова, которому передалъ довольно много бумагъ, въ томъ числѣ записку о «землячествахъ», «Автобіографію», наброски біографіи Шашкова и т. д. В. И. Семидаловъ говорилъ мнѣ, что тогда это на него подѣйствовало очень непріятно и, какъ психіатръ, изучившій Н. М. за послѣднія десять лѣтъ его жизни, онъ чувствовалъ, что за этой, точно предсмертной, передачей скрывается что-то недоброе... «Никогда не прощу себѣ,—сказалъ онъ,– что не поѣхалъ за нимъ въ Барнаулъ»... Впрочемъ, онъ самъ же указывалъ, что сдѣлать этого не могъ, не оставивъ свою службу въ московской городской психіатрической больницѣ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ Н. М. побывалъ у Н. Ѳ. Анненскаго, завѣдывавшаго тогда земской статистикой, и остался въ восторгѣ отъ этого «вѣрнаго сына 60-хъ годовъ» и его друга—В. Г. Короленка, котораго встрѣтилъ у Анненскаго въ числѣ другихъ гостей, попавъ случайно на именины хозяина. Оба писателя проводили Н. М-ча изъ Нижняго.

Въ Тюмени его встрѣтилъ П. М. Головачевъ и нашелъ «страшно постарѣвшимъ (съ 1887 года), осунувшимся, похудѣвшимъ до неузнаваемости, пріобрѣвшимъ крайне болѣзненный, какой-то желтовато-зеленый цвѣтъ лица» [1]). Тамъ же на пароходъ сѣлъ датскій путешественникъ Ф. Кэръ, съ которымъ Н. М. сейчасъ же и познакомился, очаровавъ спутника любовью къ Сибири и знаніемъ ея. «Я радовался каждый разъ, даже тогда, когда видѣлъ Ядринцева хоть издали. Въ самой его личности было что-то умиротворяюще-дружественное, невольно располагающее въ его пользу... О студентахъ, съ которыми часто бесѣдовалъ, онъ отзывался съ настоящей отеческой любовью; тутъ же отозвался съ большой похвалой о своей горячо-любимой и рано утраченной женѣ, которая всегда къ учащимся, съ которыми приходилось сталкиваться, относилась, какъ мать» [2]).

Въ Тобольскѣ его встрѣтила редакція «Сибирскаго Листка», которую Н. М. очень хвалилъ въ письмѣ В. И. Семидалову за живость и правильность тона газеты, а г. Зубковскаго находилъ «превосходнымъ редакторомъ».

Съ волненіемъ ожидалъ Н. М. Томска, а тамъ — встрѣчи съ Б. Письма г. Семидалову полны чувствами къ этой особѣ, неувѣренности въ ея пріемѣ и пр... На этотъ счетъ есть единственное указаніе—въ статьѣ Н. И. Наумова, которая рѣшаетъ вопросъ о пріемѣ въ положительномъ смыслѣ: онъ видѣлъ его у себя три вечера и говоритъ: «признаюсь, я не ожидалъ, что роковая, хотя и неизбѣжная развязка, такъ близка. Онъ былъ добръ, свѣжъ, веселъ» [3]).

Въ Барнаулъ Н. М. прибылъ въ ночь на 2 іюня и съ утра немедленно принялся хлопотать объ устройствѣ статистическаго бюро. Все время онъ былъ очень оживленъ и энергиченъ. Остановившись у своего пріятеля, Я. А. Сулина, Н. М. проводилъ все свободное время въ кругу немногихъ друзей, читалъ имъ свои неизданныя произведенія, разсказывалъ объ Америкѣ и т. д. Бесѣдовавшій съ нимъ корреспондентъ «Степного Края» нашелъ его здоровымъ и неутратившимъ своей обычной подвижности. «Правда, пристальнѣе всматриваясь въ него, подвижность эта выражала

---

[1]) „Вост. Об.“, 1896 г., № 58.

[2]) „Первая и послѣдняя встрѣча съ Ядринцевымъ“, переводъ съ нѣмецкаго письма, присланнаго Кэромъ „Восточному Обозрѣнію“—„Вост. Об.“, 1894 г., № 90—91.

[3]) „Сиб. Сборникъ“, 1895 г., IV, 1.

скорѣе не силу духа, а какое-то внутреннее безпокойство. Вслѣдъ за порывомъ на нервномъ лицѣ его тотчасъ-же выражалось утомленіе» [1]).

Черезъ нѣсколько дней онъ почувствовалъ себя плохо и на пожеланіе, выраженное однимъ пріятелемъ, поработать какъ слѣдуетъ, отвѣчалъ: «нѣтъ, я умирать сюда пріѣхалъ!.. Пора умирать: сердце плохо, желудокъ не варитъ, почки, печень, болѣзнь мочевого пузыря... а нервы, нервы!.. все раструхалось!..» [2]) Послѣ продолжительной дороги такое состояніе вполнѣ, конечно, понятно.

Сотрудникъ «Сибирскаго Листка», К. Ш. Э., видѣвшій въ это время Н. М. всего одинъ разъ, поразился его подвижностью и суетливостью. «Онъ разъ пять садился противъ меня въ кресло, принимая, повидимому, самую покойную позу; вдругъ порывисто вскакивалъ, судорожно пробѣгалъ комнату, заглядывалъ въ окно, въ дверь. Курилъ безпрерывно папиросу за папиросой. Рѣчь его была также порывиста. Въ короткое время разговора со мной имъ были помянуты покойники: С. С. Шашковъ, А. И. Пичугинъ, Ѳ. П. Любимовъ, изъ живыхъ Е. Я. Колосовъ, Н. Е. Поповъ, Г. Н. Потанинъ и многіе другіе, вошедшіе въ наши воспоминанія. Въ короткихъ словахъ, но съ замѣчательною выразительностью, посылались Н. М-мъ тому нѣжное чувство глубочайшей симпатіи и благословенія, тому—сожалѣнія объ уклоненіи отъ ранѣе намѣченной цѣли... И сколько всепрощенія слышалось въ этихъ сожалѣніяхъ!» [3]).

7 іюня Н. М. «почувствовалъ особый упадокъ силъ и слабость (часовъ около 3 дня, кажется); при чемъ, въ объясненіе этого, заявилъ Я. А. Сулину, что сегодня онъ принялъ значительную дозу настойки опія, потому и чувствуетъ себя не хорошо. Часовъ около 5—6 вечера онъ впалъ въ забытье; немедленно пригласили врачей, но, несмотря на всѣ старанія ихъ вывести Н. М. изъ состоянія оцѣпѣненія, было уже поздно. Покойный до послѣдняго момента оставался въ безсознательномъ состояніи и, проговоривъ «жить», испустилъ духъ въ 10 ч. вечера. Смерть послѣдовала отъ паралича сердца» [4]).

Итакъ, не стало вѣрнаго сына Сибири...

---

[1]) „Степной Край", 1894 г., № 52.
[2]) Ibid.
[3]) „Сиб. Листокъ", 1894 г., № 50.
[4]) „Степной Край", 1894 г., № 52.

Обстоятельства его смерти имѣютъ много версій, одна изъ наиболѣе распространенныхъ—умышленное отравленіе. По моему, изъ всего, что извѣстно по этому поводу, сдѣлать такое рѣшительное заключеніе врядъ-ли можно.

Немедленно телеграфъ оповѣстилъ Сибирь и Россію о потерѣ честнаго бойца, всюду появились некрологи, правда, очень однообразные и часто совсѣмъ невѣрно передающіе біографію Н. М. Въ Иркутскѣ, Томскѣ, Омскѣ, Барнаулѣ, Москвѣ и т. д. служились панихиды.

Похороны, совершенныя на счетъ Кабинета, носили очень торжественный характеръ. Гробъ несли бывшіе въ то время въ Барнаулѣ томскіе студенты. Огромная толпа провожала его. Катафалкъ былъ сплошь увѣшанъ вѣнками, которыхъ насчитываютъ свыше 35, въ томъ числѣ отъ «Восточнаго Обозрѣнія» — «Дорогому товарищу», «Степного Края» — «Дорогому учителю, Н. М. Я.», отъ «Русскаго Богатства», «Русскихъ Вѣдомостей», «Вѣстника Европы», «Русской Мысли», «Недѣли», «Русской Жизни», «Сибирскаго Листка» [1]), «Сибирскаго Вѣстника», Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи въ Москвѣ, Минусинскаго музея—«Незабвенному изслѣдователю Сибири», Енисейскаго общественнаго музея, Обществъ содѣйствія учащимся сибирякамъ въ Петербургѣ и Москвѣ, Барнаульскаго общества попеченія о начальномъ образованіи—«Другу просвѣщенія Сибири», Общества любителей изслѣдованія Алтая, — «Неутомимому изслѣдователю Сибири», Алтайскаго статистическаго бюро — «Дорогому писателю и сотоварищу», группы статистиковъ переселенческаго дѣла—«Первому другу переселенцевъ въ Сибири», врачей, студентовъ-медиковъ и фельдшерицъ, совмѣстно работавшихъ въ Сибири, Барнаульскаго городскаго общественнаго управленія — «Дорогому сыну Сибири, Ядринцеву», томскихъ студентовъ — «Ратовавшему за сибирскій университетъ», бывшихъ студентовъ-сибиряковъ — «Другу учащейся молодежи», почитателей — «Честному публицисту, энергичному общественному дѣятелю», народныхъ учителей—«Народные учителя — учителю любви къ родинѣ», главнаго управленія алтайскаго округа, Барнаульской общественной библіотеки и т. д. [2]).

---

[1]) Если не ошибаюсь, это единственная сибирская газета, вышедшая съ траурной каймой по всему номеру.

[2]) „Степной Край“, 1894 г., № 52 и „Восточ. Обозрѣніе“, 1894 г., № 88.

Могила Н. М. на Нагорномъ барнаульскомъ кладбищѣ, у церкви. Теплую рѣчь сказалъ надъ ней, еще не зарытой, извѣстный въ Сибири дѣятель по народному образованію, В. К. Штильке. За нимъ И. Г. Сущинскій прочелъ массу полученныхъ телеграммъ... 10 іюня, въ 1 ч. дня, гробъ былъ покрытъ землей Алтая, куда еще раньше покойный собирался пріѣхать, чтобы умереть...

* * *

19 іюня редакція «Восточнаго Обозрѣнія» объявила о своемъ желаніи почтить память умершаго изданіемъ сборника, въ который бы вошли, помимо нѣсколькихъ его неизданныхъ произведеній, воспоминанія лицъ его знавшихъ. Изъ Кяхты почитатели покойнаго очень скоро прислали на это дѣло 300 руб., поступили и еще кое-какія пожертвованія...

Кто-то прислалъ 15 руб. на образованіе въ память Н. М. «Общество грамотности въ Сибири» и высказалъ надежду на горячую поддержку этой прекрасной идеи городскими думами и сибирскимъ обществомъ вообще, но поддержки не было...

Крестьяне Ядринцевскаго поселка (Тюкалинскаго уѣзда) отслужили панихиду по своемъ «отцѣ», заказали годичное поминовеніе въ церкви и повѣсили портретъ покойнаго въ школѣ...

Въ общемъ же приходится съ грустью сказать, что уже черезъ мѣсяцъ Сибирь начала забывать своего истиннаго друга...

Могила Н. М. была въ безобразномъ состояніи не одинъ годъ. А вотъ что разсказывалъ барнаульскій корреспондентъ два года спустя:

«Еще весной 1895 г. А. М. Сибирякова пожертвовала обществу любителей изслѣдованія Алтая художественно исполненный портретъ Н. М. Ядринцева. Въ Барнаулѣ портретъ былъ полученъ только осенью и положенъ вмѣстѣ съ ящикомъ, въ которомъ былъ присланъ, на одинъ изъ шкафовъ статистическаго бюро. Въ октябрѣ 1895 г. портретъ нѣсколько разъ тревожили съ его пыльнаго мѣста, раскупоривали ящикъ, разсматривали портретъ, удивлялись хорошему рисунку, живости и вѣрности передачи. Затѣмъ портретъ снова заколачивался и отправлялся на прежнее мѣсто... Статистическая пыль въ изобиліи покрывала и шкафъ, и лежащій на немъ ящикъ,—и о портретѣ временно забыли. Въ Совѣтѣ Общества были деньги, пожертвованныя В. А. Гороховымъ на памятникъ Николаю Михайловичу. Совѣтъ просилъ г. Г. дать этимъ деньгамъ иное назначеніе, именно—употребить ихъ на пріобрѣте-

ніе рамы для портрета, на что немедленно было получено полное согласіе. Въ Совѣтѣ появились признаки энергіи, результатомъ которой было пожертвованіе г. Вершининымъ стекла къ рамѣ. Стекло, конечно, отправилось туда же, гдѣ находился и портретъ, т. е. на статистическій шкафъ» [1]).

Видя полный индифферентизмъ къ могилѣ, редакція «Восточнаго Обозрѣнія» въ началѣ 1897 г. сочла нужнымъ напечатать у себя и въ другихъ изданіяхъ воззваніе о пожертвованіяхъ, которыя и просила направлять Я. А. Макерову, одному изъ душеприкащиковъ Н. М. (другимъ былъ Г. Н. Потанинъ). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ петербургская «Сибирь» писала:

«Умеръ Ядринцевъ. Кто-жъ изъ сибиряковъ не знаетъ, что онъ сдѣлалъ для страны. Съ рѣдкимъ единодушіемъ вся пресса, не только сибирская, но и общерусская, отмѣтила важное значеніе его публицистической дѣятельности. Сибирь лишилась своего патріота-печальника о своихъ нуждахъ... Надъ могилою его рѣшили воздвигнуть памятникъ. Начались сборы. Давали по большей части деньги интеллигенція и учащаяся молодежь. Я думаю, мы не ошибемся, если скажемъ, что вся собранная сумма въ настоящее время не превышаетъ 2½ т. руб. Гдѣ же богатая Сибирь, гдѣ же вся страна?» [2]).

Черезъ пять лѣтъ барнаульскій корреспондентъ сообщалъ:

«Сегодня, въ день 5-ти-лѣтія со дня смерти, въ часъ дня, на могилѣ сибирскаго патріота Н. М. Ядринцева, была отслужена съ хоромъ пѣвчихъ панихида, на которую собралось до 30—40 чел. его почитателей, въ большинствѣ молодыхъ интеллигентныхъ сибиряковъ, и столько же приблизительно случайныхъ зрителей, бывшихъ на кладбищѣ».

«Могила Ядринцева—въ настоящее время представляетъ изъ себя почти полное запустѣніе: простая оградка, земляная насыпь, сплошь поросшая бурьяномъ, полинялый желтый крестъ, расшатанный вѣтромъ, съ нѣсколькими также отцвѣтшими вѣнками, съ надписью на нихъ и всевидящимъ окомъ—все это, взятое вмѣстѣ, навѣваетъ грустныя размышленія...

«Бюстъ Ядринцева вотъ уже нѣсколько лѣтъ лежитъ въ складѣ въ алтайскомъ ученомъ обществѣ и ожидаетъ постановки на мѣсто вѣчнаго успокоенія сибирскаго дѣятеля» [3]).

---

[1]) „Степной Край", 1896 г., № 99.

[2]) 1897 г., № 91, передовая статья.

[3]) „Вост. Обозрѣніе", 1899 г., № 133.

Наконецъ, въ 6-ю годовщину смерти Н. М-ча «Общество любителей изслѣдованія Алтая», 7 іюня 1900 г., открыло гранитный памятникъ. По словамъ «Восточнаго Обозрѣнія», — «исторія постройки этого памятника въ лѣтописяхъ Сибири въ будущемъ, несомнѣнно, займетъ одну изъ позорно-блестящихъ страницъ, характеризующихъ наше печальное время, полное общественной тоски и абсолютной разобщенности интеллигентныхъ силъ. Казалось бы, такое событіе, какъ чествованіе памяти борца за лучшія блага родины, должно вызвать нѣкоторый подъемъ дремлющихъ силъ сибирской интеллигенціи и вызвать ихъ къ жизни, какъ единое цѣлое, въ особенности, если принять во вниманіе, что это чествованіе гражданина Сибири является первымъ праздникомъ сибирской мысли, первымъ выраженіемъ нашей гражданской воспитанности. Но, къ сожалѣнію, день чествованія памяти умершаго сибирскаго патріота мало чѣмъ отличался отъ будней сибирской дѣйствительности, если не считать чисто декоративной стороны дѣла».

Корреспондентъ сообщалъ, что въ 2 ч. дня памятникъ былъ открытъ—«и въ общемъ представлялъ изъ себя весьма красивую картину [1]). Фонъ былъ сдѣланъ изъ легкой деревянной сѣтки и красиво декорированъ вьющимися растеніями, хвоей и вѣнками, присланными въ день смерти Ядринцева отъ повременной печати, учрежденій и лицъ въ 1894 г. Саркофагъ и его откосы были убраны вѣнками, присланными ко дню открытія памятника, а подъ бюстомъ покойнаго развѣвались вѣнки: отъ «Восточнаго Обозрѣнія», отъ учащихся студентовъ—томичей и отъ рабочихъ мастерской Вершинина. Въ 2 ч. дня, въ присутствіи вновь назначеннаго начальника округа г. Піотухъ-Кублицкаго и бывшаго — В. К. Болдырева, мѣстной интеллигенціи и народа, тремя священниками и 2 діаконами была совершена панихида, на которой, если считать и чиновъ полиціи (и въ формѣ и безъ формы), было приблизительно до 350 чел. Послѣ панихиды секретаремъ общества любителей изслѣдованія Алтая были прочитаны на могилѣ привѣтствія и телеграммы и перечислены вѣнки только что возложенные» [2])

---

[1]) Бюстъ сдѣланъ извѣстнымъ скульпторомъ, К. М. Сибиряковымъ, безплатно. Весь памятникъ стоитъ 3.000 руб., изъ которыхъ 2.500 руб. были собраны петербургской группой лицъ, взявшихъ на себя хлопоты по этому дѣлу, и 575 р. — барнаульской.

[2]) 1) Отъ редакціи газеты „Восточное Обозрѣніе“ съ надписью: „Неутомимому борцу *за правду* и основателю „Восточ. Обозрѣнія“. 2) Отъ

Кромѣ вѣнковъ, отъ томскихъ почитателей Н. М-ча получено слѣдующее привѣтствіе, покрытое 59 подписями: «Привѣтствуя открытіе памятника Н. М. Ядринцеву, выражаемъ глубокое пожеланіе его родной страны осуществить тѣ завѣты, за которые боролся и страдалъ сибирскій публицистъ: выйти изъ окружающаго мрака, создать лучшія условія жизни».

Было еще нѣсколько телеграммъ. Рѣчей на могилѣ не произносилось.

«Въ 7 часовъ вечера того же дня, въ помѣщеніи собранія, гдѣ происходятъ обычныя засѣданія общества любителей изслѣдованія Алтая, подъ предсѣдательствомъ почетнаго (по уставу) предсѣдателя О—ва, г. Піотухъ-Кублицкаго, состоялось экстренное засѣданіе, посвященное памяти Н. М. Ядринцева, которое не было многочисленнымъ. На этомъ засѣданіи, кромѣ «Нѣсколькихъ словъ памяти Н. М. Ядринцева», прочитанныхъ г. Баитовымъ, секретаремъ О—ва г. Лѣсневскимъ былъ доложенъ краткій очеркъ исторіи возникновенія мысли о постановкѣ памятника Н. М. Ядринцева, а въ заключеніе прочитано стихотвореніе г. Васильевой—«Памяти Н. М. Ядринцева».

«Вотъ все, — заканчиваетъ корреспондентъ, — чѣмъ почтила многомилліонная Сибирь память лучшаго изъ своихъ сыновъ, жизнь котораго, вся безъ остатка, была посвящена высшимъ интересамъ родного края» [1]).

Только немногіе искренніе почитатели великихъ заслугъ Н. М. понимали, что кромѣ необходимаго могильнаго памятника нуженъ еще такой, который бы всегда напоминалъ Сибири о жизни и дѣятельности лучшаго изъ ея сыновъ. Однимъ изъ такихъ памятниковъ «Восточное Обозрѣніе» считало фондъ имени Н. М. для выдачи ссудъ на постройку школьныхъ зданій, будучи убѣжденнымъ,

---

Восточно-Сибир. отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. — „Восточно-Сибир. Отд. Геогр. Общ. незабвенному сочлену". 3) Изъ Иркутска съ — „Незабвенному Ядринцеву отъ Иркут. Общ. взаимн. приказчиковъ". 4) Тоже изъ Иркутска — „Другу человѣчества — Ядринцеву отъ Иркутскаго Еврейскаго Общества". 5) Отъ газеты „Сибирскій Листокъ" — „Радѣтелю родного края". 6) Отъ города Барнаула и Барнаульскаго городского общ. управленія — „Сибирскому публицисту" и „дорогому сыну Сибири". 7) Отъ Барнаульск. общ. попеч. о нач. образованіи — „Другу просвѣщенія". 8) Отъ рабочихъ мастерской купца Вершинина—„Заступнику народному".

[1]) „Вост. Обозрѣніе", 1900 г., № 143.

что отсутствіе земства—не причина для отказа отъ этого прекраснаго начинанія [1]).

Въ прошломъ году А. М. Головачевъ высказался за необходимость собранія матеріаловъ о жизни и дѣятельности Н. М., образованіе особыхъ «ядринцевскихъ витринъ» или «ядринцевскаго зала» въ какомъ-либо учрежденіи съ бумагами покойнаго и пр. Онъ же сообщилъ, однако, что на ежегодныхъ съ 1900 г. панихидахъ на могилѣ Н. М., послѣдняя украшается многочисленными вѣнками, возложенными еще въ 1894 г., которые хранятся у частнаго лица, и находилъ, что въ трехэтажномъ зданіи Барнаульскаго школьнаго общества, конечно, нашлось бы мѣсто для особой витрины подъ вѣнки, заказъ которой не обременилъ бы кассы общества [2]).

Что сдѣлаетъ Сибирь въ ознаменованіе любви и благодарности къ своему сыну, другу, ходатаю и печальнику—покажетъ будущее...

Заключеніе.

Теперь, когда передъ читателемъ прошла вся жизнь Н. М. Ядринцева, мнѣ кажется небезполезнымъ остановиться на тѣхъ болѣе или менѣе яркихъ его характеристикахъ, которыя сдѣланы до сихъ поръ въ литературѣ.

Когда-то явилась статья Н. М., первый разъ подписанная псевдонимомъ «Сибирскій патріотъ». Мнѣ кажется, въ этомъ псевдонимѣ самъ Н. М. подчеркнулъ свою основную черту. Сибирскій патріотъ—это отмѣчаетъ его почти во весь ростъ; прибавить для полной обрисовки личности остается уже немного. И подписывалась такъ статья не теперь, не въ наши дни, когда прекрасное слово «патріотъ» затаскано и измазано руками грязными и человѣконенавистническими, когда, слыша его, вы прежде всего, совершенно инстинктивно оглядываетесь вокругъ, нѣтъ-ли ужъ тутъ и оприч-

---

[1]) 1900 г., № 132.

[2]) „Сиб. Жизнь", 1903 г., иллюстрированное приложеніе къ № 121. Не могу не замѣтить, что и сама редакція названной газеты ужъ не совсѣмъ-то внимательна къ знаменитому покойнику. Статья г. Головачева, открывавшая указанное приложеніе, начиналась такъ: „10 іюня исполнится 9 лѣтъ со дня смерти Н. М. Ядринцева"...

никовъ... Въ 70-хъ годахъ слово это еще не потеряло своего истиннаго значенія, не обозначало человѣка, готоваго росписаться обѣими руками подъ всѣмъ, что будетъ предложено якобы на пользу родины. Тогда это слово означало человѣка, всю жизнь свою посвящавшаго истинному благу родины, умѣвшаго отличать ея истинныхъ и потому строгихъ къ правдѣ друзей отъ тупыхъ приверженцевъ status quo.

Сибирскій патріотизмъ Ядринцева имѣлъ въ основѣ своей неустанную работу на пользу развитія Сибири, на пользу ея чисто гражданскаго преуспѣянія. Гласный судъ присяжныхъ, широкіе по размаху своихъ полномочій земское и городское самоуправленіе, свободная печать, нормально поставленая школа, справедливая, разумная и на законѣ основывающаяся администрація, свобода общественной жизни—вотъ чего желалъ этотъ патріотъ. И если, добиваясь всѣхъ этихъ элементовъ нормальной гражданской жизни, Н. М. просилъ иногда: «дайте намъ то, чѣмъ уже обладаетъ Европейская Россія!» — то вовсе не потому, что считалъ учрежденія послѣдней уже достигшими высоты своего политическаго идеала, а потому, что *начать* только съ этого и можно было. Его практическій умъ понималъ, что, прося чего нибудь сверхъ существующаго за Ураломъ, Сибирь можетъ быть впередъ увѣрена въ отказѣ...

Мнѣ кажется, что г. Качерецъ, близко знавшій Н. М., опредѣлилъ его въ этомъ отношеніи вѣрно:

«Дитя шестидесятыхъ годовъ, видѣвшихъ освободительное движеніе Италіи, Ядринцевъ,—говоритъ онъ,—воспитанный публицистами той эпохи, выработалъ понятіе о патріотизмѣ, какъ о правѣ каждой народности развиваться свободно. Это онъ и говорилъ объ инородцахъ... То, что въ Ядринцевѣ мнѣ было наиболѣе привлекательно,—это именно то, что онъ былъ vieille barbe, что онъ былъ остаткомъ тѣхъ поколѣній благородныхъ, человѣчныхъ, толерантныхъ, сіяніе которыхъ и по сейчасъ еще не исчезло изъ русской жизни..Въ кабинетѣ Ядринцева висѣли портреты итальянскихъ патріотовъ Гарибальди и Маццини. Портреты — vieux jeu, отъ нихъ, конечно, несло старипой-стариной» [1]).

Ища памятника этому человѣку, г. Качерецъ находитъ его въ сибирской прессѣ.

«Одинокая работа Ядринцева... вовсе не пропала даромъ. «Восточное Обозрѣніе» воспитало журналистовъ. За исключеніемъ

---

[1]) „Сибирь“ 1897 г., № 39.

одного или двухъ какихъ-нибудь, съ позволенія сказать, «вѣстниковъ» или «вѣдомостей» вся сибирская пресса дышетъ традиціями, основы которымъ положило «Восточное Обозрѣніе», и всюду чувствуется рука учителя, котораго уже нѣтъ, но который и изъ-за гроба водитъ рукою своихъ учениковъ. Ядринцевъ горевалъ, что у него не будетъ преемниковъ, школъ, — онъ одной только этой награды хотѣлъ за свои труды. Если бы онъ жилъ дольше, онъ видѣлъ бы зачатки школы, которую онъ создалъ. Заслуженныя награды всегда посмертны.

«Восточное Обозрѣніе» представляетъ не только наиболѣе яркій, но быть можетъ, и наиболѣе богатый по результатамъ эпизодъ въ дѣятельности Ядринцева. Незамѣтно, незамѣтно оно положило прочную складку на умъ сибирскаго общества и разбудило въ немъ много потребностей. Что касается прессы, то здѣсь сдѣланное «Восточнымъ Обозрѣніемъ» является, — какъ въ области науки нѣкоторыя положенія, — разъ навсегда установленнымъ и пріобрѣтеннымъ для всякаго, кто послѣ Ядринцева выступаетъ на путь, проложенный имъ. И нынѣшнія съ честнымъ направленіемъ сибирскія газеты, повторяю, прямыя дѣти «Восточнаго Обозрѣнія». Эта сторона его значенія уже несомнѣнна, уже ясна. Другія стороны ждутъ еще оцѣнки. Но уже и теперь можно быть увѣреннымъ, что въ будущей исторіи сибирской прессы существованіе «Восточнаго Обозрѣнія», этого страстнаго и сильнаго піонера общественнаго самосознанія Сибири, будетъ наиболѣе блестящей главой. И наиболѣе выпуклой и яркой фигурой будетъ въ ней тотъ, кто отдалъ своей странѣ всю безъ остатка силу своего дара, силу своего человѣческаго слова».

Очень цѣнную мысль въ характеристикѣ Н. М. высказалъ В. И. Семевской, находя, что «это былъ, такъ сказать, живой сибирскій университетъ,—не въ духѣ сухой, офиціальной науки, а университетъ непосредственно связанный съ жизнью, распространяющій свои знанія, какъ въ Англіи, въ массу общества». «При другихъ условіяхъ Ядринцевъ могъ бы сдѣлаться и заправскимъ ученымъ, но у насъ онъ сталъ выдающимся публицистомъ, и эта форма дѣятельности дала ему болѣе сильное и широкое вліяніе въ Сибири, чѣмъ могла бы дать спеціально-ученая карьера; въ своихъ книгахъ и статьяхъ онъ училъ все сибирское общество, всю сибирскую молодежь знать и любить свою родину, гуманно относиться ко всему ея разнообразному населенію, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія, служить интересамъ народа; въ этомъ

отношеніи его заслуги очень велики, и потому можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что имя Ядринцева крупными буквами записано въ исторіи Сибири. Дѣятельность такихъ талантливыхъ областниковъ, разумѣется, полезна и не для одной ихъ ближайшей родины, хотя бы уже тѣмъ, что они вносятъ своими произведеніями очень существенныя поправки въ централистскія программы. Но въ то же время, работая на родинѣ въ духѣ принциповъ, которые проповѣдовалъ Ядринцевъ, сибиряки не должны забывать, что если первымъ, настоятельнымъ дѣломъ сибирскаго общества является пріобрѣтеніе для ихъ родины тѣхъ реформъ, которыя уже достигнуты Европейской Россіей, то дальнѣйшее движеніе въ духѣ реформъ и осуществленіе всѣхъ условій благосостоянія этого края, указанныхъ Ядринцевымъ въ 1882 г., является уже обще-русскою задачей, и потому, трудясь совмѣстно съ прогрессивными силами Россіи для достиженія этихъ условій, сибиряки будутъ работать въ то же время и на пользу своей ближайшей родины» [1]).

По моему, здѣсь отмѣчено одно убѣжденіе Н. М., которое можно бы было сформулировать такъ: «земляки, пойдемте за русскимъ обществомъ, догонимъ его, а тогда нога въ ногу будемъ продолжать свое шествіе въ твердой увѣренности благихъ результатовъ дружной совмѣстной работы». Н. М. хорошо понималъ, что въ случаѣ пріостановки развитія и движенія общества Европейской Россіи, Сибирь никогда не получитъ своихъ вожделѣнныхъ правъ...

Энтузіазмъ и горячность Н. М., очевидно, были ясны и каждому несибиряку. «Старикомъ встрѣтилъ я его — говоритъ В. П. Острогорскій — черезъ много лѣтъ, и онъ оставался, несмотря на весь горькій опытъ, несмотря на всѣ претерпѣнныя горести, все тѣмъ же горячо убѣжденнымъ, восторженнымъ, человѣкомъ, пламеннымъ поклонникомъ науки, общественнаго служенія на пользу родины. Его личность, иногда многими непонимаемая или, вѣрнѣе, недостаточно оцѣненная при жизни — живой и благой примѣръ знанія, энергіи и любви не только для сибиряковъ, для которыхъ онъ всегда останется первымъ крупнымъ проводникомъ культуры, но и всѣмъ намъ, русскимъ, — примѣръ того, что и какъ, съ какимъ людямъ нужно работать на пользу просвѣщенія» [2]).

---

[1]) *В. Семевскій*, н. с., „Русская Мысль“, 1895 г., I, 37.
[2]) *Б. Глинскій*, н. с., V—VI.

И эта черта въ Н. М. была, очевидно, настолько преобладающей, что и мало видѣвшій Джорджъ Кенанъ не могъ не отмѣтить ее въ своемъ некрологѣ: «Воспоминаніе о Ядринцевѣ долго будетъ жить въ Россіи, преимущественно азіатской, какъ о человѣкѣ, глубоко и искренно любившемъ свою страну» [1]).

Къ сожалѣнію, послѣдняя все еще не настолько культурна, чтобъ умѣть цѣнить и помнить своихъ вѣрныхъ, любящихъ, честныхъ и умныхъ дѣятелей.

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе", 1894 г., № 120; переводъ некролога изъ „The New-York Times".

Хронологическій перечень

сочиненій Н. М. Ядринцева.

При 2-мъ изданіи „Сибири, какъ колоніи“ Н. М. Ядринцевъ приложилъ списокъ своихъ журнальныхъ и газетныхъ статей и книгъ, изданныхъ съ 1864 г. по 1892 г., но списокъ его, помимо большой неисправности, благодаря массѣ ошибокъ и опечатокъ, очень и очень не полонъ. Не исчерпываетъ, конечно, всего написаннаго Н. М. и ниже предлагаемый мною; во-первыхъ, потому, что въ него не вошли тѣ очень многія передовыя статьи „Восточнаго Обозрѣнія“, которыя печатались безъ всякихъ подписей, потому что внимательное прочтеніе этой газеты за 13 лѣтъ показало, что многія такія передовицы принадлежали не Н. М.,—гадать же въ библіографіи, разумѣется, не приходится; во-вторыхъ, довольно трудно разобраться въ массѣ псевдонимовъ Ядринцева; онъ и самъ помнилъ ихъ не всѣ и не твердо. Поэтому я и внесъ въ предлагаемый перечень только тѣ его сочиненія, которыя, кромѣ полной фамиліи, подписаны слѣдующими иниціалами или псевдонимами:

Балянчи („Искра“).
Благожелатель („Камско-Волжская Газета“).
Вакхъ („Искра“).
Верстовскій („К-В. Г.“).
Восточный поэтъ („К.-В. Г.“ и „В. О.“).
Восточный Фельетонистъ („К.-В. Г.“ и „В. О.“).
Гаврило Мошаровъ (внукъ) („Недѣля“).
Д. С. („В. О.“).
Добродушный Сибирякъ („В. О.“).
Затуранскій („К.-В. Г.“ и „В. О.“).
Колонистъ („Недѣля“).
Наблюдатель провинціальныхъ красотъ („К.-В. Г.“).
Н. М. Я—въ.
Н. С—л—матовъ („Недѣля“).
Н. Я.
Н. Я. Чалдонъ („Недѣля“).
Пельменелюбовъ („К.-В. Г.“).
Петербуржецъ-Сибирякъ („В. О.“).
Полуобразованный Азіатецъ („К.-В. Г.“).

Провинціалъ („В. О.", „Недѣля").
Семилуженскій („В. О.", „Недѣля").
Сибирскій Патріотъ („Голосъ", „Недѣля").
Сибирскій Писатель („Голосъ", „Недѣля").
Сибирскій Репортеръ („В. О.").
Сибирскій Странникъ („Недѣля").
Сибирскій Фельетонистъ („К.-В. Г.", „В. О.").
Сибирскій Юмористъ („В. О.").
Сибирякъ („В. О.", „Недѣля").
Сибирякъ-Патріотъ („Недѣля", „Голосъ").
Скромный Сибирякъ („В. О.").
С. Сибирякъ („В. О.").
Старый Сибирякъ („В. О.").
Странствующій Корреспондентъ („В. О.").
Ф. („В. О.", одинъ разъ).
Фельетонистъ („В. О.").
Я. О. („Недѣля", одинъ разъ).
— ъ (не вездѣ) („В. О.", „К.-В. Г.").
*** („В. О.", „Недѣля").

За принадлежность всѣхъ этихъ псевдонимовъ Н. М—чу ручаются какъ личныя указанія Ядринцева въ письмахъ и „Автобіографіи", такъ и показанія нѣкоторыхъ источниковъ, въ родѣ статьи „Н. М. Ядринцевъ и Камско-Волжская Газета въ 1873 г.", помѣщенной въ „Восточномъ Обозрѣніи" по свѣдѣніямъ самого редактора казанской газеты.

1864 г.

По поводу сибирскаго университета — „Томскія Губ. Вѣдомости", 5.

1865 г.

Сибирь въ 1-е января 1865 года — „Томскія Губ. Вѣдомости", 1.
Общественная жизнь въ Сибири — Ibid., 5.
Сибирь предъ судомъ русской литературы — Ibid., 9.
Экономическія особенности сибирскаго населенія — Ibid., 15 и 17—18.

1866 г.

Чоканъ Чингисовичъ Валихановъ (некрологъ) — „Сибирскій Вѣстникъ", 3.
Бойкій полетъ — „Искра", 19.
Тюленьская жизнь—Ibid., 33.
Эпизодъ изъ приключеній киргизовъ въ Петербургѣ—Ibid., 46.

1867 г.

Женщина въ Сибири въ XVII и XVIII столѣтіяхъ — „Женскій Вѣстникъ", 8.

1868 г.

Письма о сибирской жизни — „Дѣло", 5.
Бродячее населеніе Сибири — Ibid., 9, 10, 11.

1869 г.

Секретная — Ibid., 5.
Община и ея жизнь въ русскомъ острогѣ—Ibid., 7, 9; 1870 г., 1.

1870 г.

Типы сибирскаго острога — Ibid., 5.
Историческіе очерки русской ссылки въ связи съ развитіемъ преступленій — Ibid., 10.
Колонизаціонное значеніе русской ссылки — Ibid., 12.
Шенкурскій крестьянинъ (письмо изъ Архангельской губ.). — „Недѣля", 2.
Шпіоны и палачи, изъ быта острожныхъ и ссыльныхъ — Ibid., 23 и 24.

1871 г.

Исправительное значеніе русской ссылки — „Дѣло", 1 и 2.
Условія прогресса въ сферѣ наказаній — Ibid., 6 и 7.
Исторія одного странствія — „Отечеств. Записки", 12.

1872 г.

На чужой сторонѣ (изъ нравовъ поселенцевъ въ Сибири) — „Азіатскій Вѣстникъ", 1.
Преступники по изображенію романтической и натуральной школы — „Дѣло", 6.
Очерки англійской колонизаціи (Legoyt, „Histoire d'emigration Européenne" — Ibid., 8 и 9.
Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ—Спб., VII+719, 8°, цѣна 2 р. 50 к.

1873 г.

„Вѣтрянка" и „Пѣсня" (стихотворенія)— „Камско-Волжская Газета", 34.
Литература и провинція—Ibid., 36.
„Пѣсня", „Неизвѣстному другу", „Изъ Гейне", „Well come! Well-come!" (стихотворенія)—Ibid., 41.
Аулъ (разсказъ)—Ibid., 43 [1]).
Новости нашего Востока—Ibid., 44, 48, 63, 68, 84, 97, 118, 133 и 144.
„Изъ весеннихъ пѣсенъ" (два стихотворенія)—Ibid., 52.

---

[1]) Подписано: „Г. П—нъ и Н. Ядринцевъ".

Судьба провинцій и провинціальный вопросъ во Франціи — Ibid., 65, 71 и 81.

Пельмень—Ibid., 77.

„Киргизъ и казакъ“ (киргизская народная легенда) (стихотвореніе)—Ibid., 79.

„Стрѣла“ (сибирская легенда) (стихотвореніе)—Ibid., 87.

(Стихотворенія безъ заглавія)—Ibid., 95 и 116.

Провинціальныя красоты (Обозрѣніе провинціальной литературы и ея направленіе)—Ibid., 100, 103, 107, 112, 117 и 123.

Замѣтка на статью г. Журавскаго о золотопромышленности (Письмо изъ Нижнеудинска)—Ibid., 109.

Ожиданія реформъ на Востокѣ—Ibid., 110, 112 и 124.

Эшафотъ обокралъ (посвящается членамъ и покровителямъ общества земледѣльческихъ колоній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ)—Ibid., 111.

Изъ восточныхъ мотивовъ („Посвященіе“, „Степь“, „Романсъ“, „Замокъ Люнебургъ“) (стихотвор.)—Ibid., 116.

Сочувствіе къ наукѣ на Востокѣ (Еще письмо съ Востока)—Ibid., 129.

Сибирскій писатель Н. В. Ушаровъ (некрологъ)—Ibid.

Отвѣтъ г. Гацискому на замѣтку о реформахъ въ Сибири—Ibid., 135.

Провинціальные обличители—Ibid., 137.

Провинціальныя письма—Ibid., 138 и 145.

Положеніе провинціальнаго обличителя—Ibid., 140.

Судьбы Сибири (по поводу статьи г. Авсова)—„Недѣля“, 5.

Администрація въ Сибири.—Ibid., 15 и 26.

Безпомощная губернія—Ibid., 42.

1874 г.

Мыратъ-Пи (съ теленгитскаго языка въ Алтаѣ)—„Камско-Волжская Газета“, 8.

(Стихотворенія безъ заглавія)—Ibid., 11.

Колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ (Воскобойниковъ—„О пріютахъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ связи съ краткимъ историческимъ очеркомъ мѣстъ заключенія вообще“, Саратовъ, 1874 г.; „Отчетъ о дѣятельности петербургскаго общества земледѣльческихъ колоній по 1 января 1873 г.“, Спб.)—„Дѣло“, 7—8.

Русская народность на Востокѣ („Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Импер. Географ. Общества“, 1871, 1872 и 1873 гг.)—Ibid., 11 и 1875 г., 8.

Результатъ тюремной реформы—„Недѣля“, 21.

Къ чему идетъ Сибирь—Ibid., 25 и 26.

Наши аргонавты—Ibid., 30.

Судьба сибирской прессы—Ibid.

Страна ссыльныхъ (изъ воспоминаній сибиряка)—Ibid., 35.

Колоссальная тюрьма (очеркъ нашей штрафной колонизаціи)—Ibid., 42 и 43.

Перепись въ уѣздномъ городѣ—Ibid., 44.

Чѣмъ замѣнить ссылку—Ibid., 45.

Отмѣна русской ссылки (отвѣтъ на вопросы г. Спасовича) — „Биржевыя Вѣдомости", 254.

Убытки золотого дѣла—„С.-Петербургскія Вѣдомости", 301 и 308.

Благодѣянія ссылки—„Голосъ", 336.

Исправительное значеніе сибирской ссылки—Ibid., 343.

Что стоила Сибири ссылка?—Ibid., 349.

1875 г.

Поѣздка въ земледѣльческую колонію малолѣтнихъ преступниковъ—Ibid., 50.

Надежды Западной Сибири [1])—Ibid., 148.

Недоразумѣнія въ тюремной реформѣ [1])—Ibid., 169.

Судьба женъ, слѣдующихъ за мужьями, ссылаемыми въ Сибирь [1])—Ibid., 177.

Потребность просвѣщенія въ Сибири [1]) - Ibid., 183.

Малолѣтніе преступники и тюрьма [1])—Ibid., 194.

Сибирскіе порядки—„Недѣля", 6 и 9.

Пассажъ съ сибирской дорогой—Ibid., 15.

Мостъ вздоховъ (разсказъ)—Ibid., 17.

Шарманитные люди (деревенскія картинки)—Ibid., 25.

На чистомъ воздухѣ (деревенскія картинки)—Ibid., 28.

Божьи дѣти (деревенскія картинки)—Ibid., 34.

„Новый Баянъ" (деревенскія картинки)—Ibid., 35.

Одинъ изъ русскихъ централистовъ—Ibid., 45.

Изслѣдованіе г. Щапова о сибирской общинѣ—Ibid., 40.

Потребность знанія на Востокѣ (по поводу учрежденія сибирскаго университета) — „Дѣло", 10.

Положеніе ссыльныхъ въ Сибири—„Вѣстникъ Европы", 11 и 12.

1876 г.

Инородцы въ ссылкѣ. I. Мирза. II. Искакъ-Мулла — „Первый шагъ", провинціальный литературный сборникъ, Казань.

„Лѣсъ сѣвера" (стихотвореніе) — Ibid.

Столичная печать о Сибири — „Сибирь", 8.

И. А. Кущевскій (къ текущимъ некрологамъ) — Ibid., 40.

Чувства Сперанскаго къ Сибири — „Сборникъ газеты Сибирь", I.

Экономическое значеніе Сибири въ связи съ потребности знанія — „Дѣло", 4.

Сперанскій и его реформы въ Сибири — „Вѣстникъ Европы", 5 и 6.

---

[1]) Это все передовыя, безъ заглавій; послѣднія беру по „указателю" къ „Голосу" за 1875 г.

Современная манія къ путешествіямъ—„Отечеств. Записки", 8.

Нужды и условія жизни рабочаго населенія Сибири (изслѣдованіе о сибирской кабалѣ, монополіи и міроѣдствѣ)—Ibid., 12.

Замки новыхъ крезовъ (лѣтнія картинки) — „Недѣля", 21 — 22.

Имѣніе бывшаго министра (изъ поѣздки въ Рязанскую губ.) — Ibid., 49 — 50.

1877 г.

Живой покойникъ (истинное происшествіе)—„Сибирь", 23.

Наканунѣ освобожденія отъ ссылки—Ibid., 33.

Послѣднее слово о ссылкѣ—Ibid., 37.

Письмо въ редакцію (о пожертвованіяхъ въ „Литературный Фондъ")—Ibid., 41.

Ю. А. Соколова (некрологъ)—Ibid., 43.

Очерки общественной жизни въ Сибири (изъ дневника сибирскаго писателя)—Ibid., 52.

Нужды Западной Сибири [1])—„Голосъ", 81.

Нынѣшнее состояніе Зап. Сибири [1])—Ibid., 84.

Невинная жертва (посвящается Е. К. Г—вой)—„Недѣля", 33.

Значеніе сибирскаго университета—Ibid., 36.

Забракованная страна (изъ исповѣди сибиряка)—Ibid., 39.

1878 г.

Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорсъ въ Сибири—Ibid., 3.

Гоненіе раскола въ Зап. Сибири—Ibid., 38.

Сибирь и Александръ I (въ память юбилея 12 декабря 1877 г.)—„Сибирь", 2.

Думы о сибирской желѣзной дорогѣ—Ibid., 8.

Очерки общественной жизни въ Сибири (дневникъ сибирскаго писателя)—Ibid., 16.

Съ Барабы—Ibid., 24.

Успѣхи Зап. Сибири [2])—„Голосъ", 88.

Современное состояніе Зап. Сибири [2])—Ibid., 102.

1879 г.

Очерки сибирской жизни—Ibid., 3.

Исторія съ петербургскимъ корреспондентомъ—Ibid., 23.

Проектъ обогащенія Сибири, сочиненный капитаномъ Копейкинымъ—Ibid., 44.

Судьба русскихъ переселеній за Уралъ. — „Отеч. Записки", 6.

Свѣдѣнія о мараловодствѣ въ Алтаѣ—„Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географ. Общества", I.

---

[1]) Заглавія этихъ передовыхъ статей взяты изъ „указателя" „Голоса" за 1877 г.

[2]) Заглавія этихъ передовыхъ статей взяты изъ „указателя" „Голоса" за 1878 г.

1880 г.

Программа для описанія сибирскихъ инородцевъ, Омскъ, 8°, 16 стр.

Очерки общественной жизни и прогресса. Успѣхи ссылки — „Сибирь", 3.

Очерки общественной жизни. Ожиданіе юбилея—Ibid., 9.

Предстоящее трехсотлѣтіе Сибири—Ibid.

Вопросъ о переселеніи и его разрѣшеніе — „Рус. Курьеръ", 8, 10 и 11.

Привольныя мѣста Сибири. Степи и море—„Отеч. Записки", 4.

Наши выселенія и колонизація —„Вѣстникъ Европы", 6.

По вопросу о ссылкѣ въ Сибирь—„Рус. Рѣчь", 10 [1]).

Исторія горнаго міра—„Недѣля", 27.

Въ мірѣ гномовъ и циклоповъ—Ibid., 51.

Сибирская Швейцарія (изъ путевыхъ записокъ объ Алтаѣ).—„Рус. Богатство", 8.

Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ, съ программою для собиранія свѣдѣній о переселенцахъ и статистическими таблицами о переселеніи крестьянъ въ Алтайскій округъ и состояніи земледѣлія, скотоводства и горнаго промысла на Алтаѣ—„Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.", II.

1881 г.

Результаты переселеній въ Сибирь и помощь имъ.—„Сибирь", 14.

Письма изъ Петербурга—„Сибир. Газета", 18 и 24.

Помощь переселенцамъ (письмо въ редакцію)—Ibid., 29.

Нужны-ли реформы Сибири? (письмо изъ Томска)—„Молва", 47.

Народное здравіе въ Сибири—„Порядокъ", 255.

Инородческое просвѣщеніе на русскомъ Востокѣ—Ibid., 322.

О переселеніяхъ—„Голосъ", 132.

(О колонизаціи Амурскаго края) (передовая)—Ibid., 134 и 136.

Дореформенная Сибирь—Ibid., 162 и 181.

Положеніе переселенцевъ въ Сибири—„Вѣстникъ Европы", 8.

Трехсотлѣтіе Сибири съ 26 октября 1581 г.—Ibid., 12.

Сибирская бѣлочка (посвящается А. Д. Б—вой) — „Дѣтское Чтеніе", 9.

Кустарные промыслы въ Сибири и ихъ значеніе—„Русская Мысль", 10.

Инородческій вопросъ—„Недѣля", 13.

Обѣтованныя земли (изъ путевыхъ очерковъ по Сибири)—Ibid., 33.

Переселенческій вопросъ—Ibid., 41.

---

[1]) При этомъ примѣчаніе редакціи: „Статья эта была доставлена почтеннымъ авторомъ для сообщенія ея въ уголовное отдѣленіе юридическаго общества, откуда передана намъ для печати".

Надежды и ожиданія Сибири (по поводу празднованія сибирскаго юбилея)—Ibid., 45.

Объ алтайцахъ и черневыхъ татарахъ—„Извѣстія И. Р. Геогр. Общества", IV.

Программа для изслѣдованія сельской общины въ Сибири—„Записки Западно-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О.", III.

Путешествіе по Алтаю и посѣщеніе Катунскихъ ледниковъ—Ibid.

1882 г.

Странники на Золотомъ озерѣ—„Восточное Обозрѣніе", 1.

Воспоминанія и грезы (фельетонъ.)—Ibid., 2.

Изслѣдованія Сибири и губернскія вѣдомости—Ibid., 6.

Спящая красавица (ф.)—Ibid.

Наши гости (фельетонныя замѣтки)—Ibid., 8.

Жертва заколдованнаго моря (гибель Жаннеты)—Ibid., 9.

Судьба сибирскихъ Ливингстоновъ (ф.)—Ibid., 11.

Изъ страны чудесъ и курьезовъ (ф.)—Ibid., 12.

Сибиряки за океаномъ (ф.)—Ibid., 14.

Сибирь на московской выставкѣ (письма изъ Москвы)—Ibid. 16, 18, 20, 23 и 25.

Сибирскіе Гарунъ-Аль-Рашиды (изъ восточныхъ анекдотовъ)—Ibid., 21.

Крѣпостническія традиціи въ Сибири (историч. очеркъ)—Ibid. 21 и 22.

По поводу выставки г. Пясецкаго въ Москвѣ (фельетонная замѣтка)—Ibid., 22.

Наброски сибирскаго поэта (ф.)—Ibid., 24 и 26.

Генрихъ Ланселлль—Ibid., 29.

Значеніе Сибири въ русской исторіи—Ibid., 31.

Странныя привязанности (ф.)—Ibid.

Переписка между колоніей и метрополіей—Ibid., 37 и 40.

Кондратъ у себя дома (очеркъ нравовъ)—Ibid., 39—40.

Послѣдній завоеватель—„Дѣтское Чтеніе", 12.

Сибирь, какъ колонія (къ юбилею трехсотлѣтія). Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Спб., XI + 470 стр., 8°, цѣна 3 руб.

Отчетъ о поѣздкѣ, по порученію Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. въ горный Алтай, къ Телецкому озеру и въ вершины Катуни—„Записки Зап.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О.", IV.

1883 г.

Сибирское Рождество и святки (очеркъ нравовъ)—„Вост. Об.", 1.

Послѣ сибирскаго юбилея—Ibid., 2.

Красавецъ-мужчина въ Сибири (театральный ф.)—Ibid., 3.

Юбилейныя пѣсни и думы (ф.)—Ibid., 5.

Страсть къ мамонтамъ (ф.)—Ibid., 8.

Кондратъ благодушествующій и Кондратъ утопающій (ф.)—Ibid., 10.

Новая сибирская лѣтопись—Ibid., 11.

Сибирскіе анекдоты (ф.)—Ibid., 12.

Подвижники и благотворители на окраинахъ (изъ переписки редакціи)—Ibid., 15.

Очерки общественной жизни на окраинахъ (ф.)—Ibid., 16, 18, 47 и 49.

Стрѣла (татарское преданіе) (стихотв.)—Ibid. 19.

Жизнь и труды А. П. Щапова—Ibid., 25, 27 и 31.

Сибиряки-мореходы (разсказы изъ исторіи Сѣвернаго мореплаванія)—Ibid., 27.

На чужбинѣ (изъ исповѣди абсентеиста (ф.) - Ibid., 29.

Кондратъ на поприщѣ литературы (ф.)—Ibid., 32.

Встрѣча съ нашими въ столицѣ (ф.) - Ibid., 35.

Мнимые цивилизаторы Сибири (по поводу очерковъ и разсказовъ „Въ дали" М. Орфанова) (ф.)—Ibid., 37.

Изъ страны чудесъ и курьезовъ (ф.)—Ibid., 38, 41.

Цивилизація дикарей (по поводу статьи „Просвѣщенный язычникъ" въ газетѣ „Новости") (ф.)—Ibid., 39.

Сибирскій фельетонъ—Ibid., 40 и 43.

Сибирская филантропія (ф.)—Ibid., 44 и 45.

Судьба печатнаго станка на Востокѣ (ф.)—Ibid., 51.

Инородцы Сибири и ихъ вымираніе—„Рус. Мысль", 3.

Описаніе сибирскихъ кургановъ и древностей. Путешествіе по Зап. Сибири и Алтаю въ 1878 и 1880 г.—„Древности", Труды Импер. Москов. Археологич. Общества, т. IX, вып. 2 и 3 и 1886 г., т. XI, вып. 2.

1884 г.

Родныя картины (сонъ на новый годъ) (ф.)—„Вост. Об.", 1.

Изъ страны чудесъ и курьезовъ (ф.)—Ibid., 3, 8, 17, 20, 24, 41, 45 и 47.

Пѣсня съ окраины (памяти Некрасова) (стихотв.)—Ibid., 4.

Сибирскіе американцы или медвѣжья наука (ф.)—Ibid., 5.

Сибирскія литературныя воспоминанія.—Ibid., 6.

Есть-ли дѣло на родинѣ (отвѣтныя письма)—Ibid., 10.

Изъ лѣтописей скорбящаго града (ф.)—Ibid., 9 и 11.

Неудачи и успѣхи нашихъ цивилизаторовъ (ф.)—Ibid., 14.

„Карантинъ", или борьба съ эпизоотіей—Ibid., 13.

Сибирскій изобрѣтатель—Ibid., 20.

Древняя столица сибирскаго царства (археологическія находки М. С. Знаменскаго)—Ibid., 22.

Литературныя и студенческія воспоминанія сибиряка. Первое землячество—Ibid., 26.

Сибирскія идилліи (ф.)—Ibid., 27, 29, 31 и 32.

Студенческія и литературныя воспоминанія сибиряка — Ibid., 33 и 34.

Колоссальное банкротство и любезность кредиторовъ (ф.) — Ibid., 34.

На желѣзной дорогѣ—Ibid., 35.

Человѣческія жертвы у сибирскихъ инородцевъ—Ibid., 36.

Переписка между колоніей и метрополіей (отвѣтъ на статью г. С. „Колонія и метрополія") — Ibid., 37 и 40.

М. И. Орфановъ и его пребываніе въ Сибири—Ibid., 38.

Городское самоуправленіе и печать въ Сибири—Ibid., 39.

На краю свѣта—Ibid., 40.

Безвѣстная отлучка головы отъ тѣла (необычайное происшествіе въ одномъ уѣздномъ городѣ) (ф.)—Ibid., 46.

Русская государственность и инородческія вѣроисповѣданія — Ibid., 47.

Письма о родинѣ—Ibid., 49.

Передъ праздникомъ (ф.)—Ibid., 51—52.

Западно-Сибирская низменность — „Живописная Россія", изд. Вольфа, XI.

Культурное и промышленное состояніе Сибири (докладъ по случаю торжества 300-лѣтія Сибири), Спб., 8°, 32 стр.

1885 г.

Неожиданный гость на сибирскихъ святкахъ (святочный разсказъ)—„Вост. Об.", 1.

Древній усуньскій городъ на берегу озера Иссыкъ-Куля — Ibid. 3.

Изъ страны чудесъ и курьезовъ (ф.) — Ibid., 5 и 32.

Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ племенъ въ связи съ исторіей культуры—Ibid.

Трактовая дорога и герои бойкой ѣзды (ф.)—Ibid., 7.

Генералъ-адъютантъ Казнаковъ и Зап.-Сибирь—Ibid., 8.

Веселые разсказы сибирскаго старожила—Ibid., 9.

Изъ сибирскаго дневника (ф.).—Ibid., 11.

Ирбитская ярмарка—благодѣтельница Сибири (ф.)—Ibid., 13.

Сибирскіе анонсы (ф.)—Ibid., 14.

Въ пустынѣ (изъ воспоминаній о Телецкомъ озерѣ)—Ibid. 15.

Н. И. Костомаровъ (некрологъ)—Ibid., 15.

Областная исторія и областный историкъ—Ibid., 16.

Любовь къ родинѣ и судьба А. П. Щапова Ibid., 17.

Въ Калифорнію! (ф.)—Ibid., 18.

К. Д. Кавелинъ (некрологъ)—Ibid., 19.

Прошлое и будущее сибирской печати Ibid. и 22.

Бойкій мужчина и сто тысячъ несчастій (изъ знакомыхъ типовъ) - Ibid., 23, 24, 25 и 26.

Сибирская уголовщина—Ibid., 20.

Въ деревню! (изъ записокъ сибиряка)—Ibid., 31.

Сибирскій бракъ—Ibid., 33 и 34.

Письма сибиряка изъ Европы—Ibid., 36, 39, 42, 44 и 48.

Культуртрегерское воздѣйствіе—Ibid., 35.

Ожиданіе желѣзной дороги (фантастическія картины и предсказанія)—Ibid., 40.

Раскаяніе сибиряковъ въ своихъ грѣхахъ—Ibid., 45.

Геніальные преступники-актеры—Ibid., 46.

Зимній сибирскій сезонъ въ Петербургѣ—Ibid., 47.

Научныя новости—Ibid., 48.

И. Е. Паргачевскій и его завѣщаніе—Ibid.

Изъ очерковъ сибирской цивилизаціи—Ibid., 49—50.

Начало осѣдлости (изслѣдованіе по исторіи культуръ угро-алтайскихъ племенъ)—„Литературный сборникъ", изд. ред. „Восточнаго Обозрѣнія", Спб.

На чужой сторонѣ (нѣсколько словъ изъ жизни ссыльныхъ)—Ibid.

Начало печати въ Сибири—Ibid.

Судьба сибирской поэзіи и старинные поэты Сибири—Ibid.

Древніе памятники и письмена въ Сибири—Ibid.

Отъ редакціи—Ibid.

Первобытная музыка въ связи съ исторіей музыкальной идеи—„Истор. Вѣстникъ", 3.

Алтай и его инородческое царство—Ibid., 6.

Древніе памятники и письмена въ Сибири, Спб., 8°, 21 стр.

Условія, при которыхъ возможно созданіе частной крупной промышленности въ южно-уссурійскомъ краѣ—„Сиб. Газета", 38.

1886 г.

Сибиряки-эгоисты и цивилизаторы-альтруисты—„Вост. Об.", 2.

Держи-ухо (разсказъ изъ жизни захолустьевъ)—Ibid., 5.

Мысли о провинціальной печати (по поводу областныхъ обозрѣній въ столичной печати)—Ibid., 6.

Чѣмъ замѣнены обличенія, или шантажъ на сибирской почвѣ (ф.)—Ibid., 7.

Пріисковая почта, или „не изъ тучи громъ" (изъ таежныхъ разсказовъ)—Ibid., 8.

Кому масляница (ф.)—Ibid., 9.

Изъ страны чудесъ и курьезовъ (ф.)—Ibid., 11, 27 и 50.

Кочевой бытъ и изслѣдованія въ степяхъ—Ibid., 12.

Осчастливленная Сибирь (ф.)—Ibid., 13.

Несторіанство въ Азіи—Ibid., 14 и 38.

Каракорумъ, столица Монгольскаго царства—Ibid., 15—16.

Сибирскіе казусы и анекдоты (ф.)—Ibid.

Изъ исторіи гоненій на человѣческое слово (ф.)—Ibid. 17.

Е. М. Черемшанскій (некрологъ)—Ibid., 17.

Н. В. Гоголь и его областное значеніе (по поводу юбилея „Ревизора")—Ibid., 18.

Чай и чаепитіе въ Сибири—Ibid., 19.

Нравы далекихъ окраинъ и бойкіе романисты—Ibid., 22 и 23.

Въ Сибирь — такъ въ Сибирь! (изъ путевыхъ очерковъ и картинъ)—Ibid., 24.

Бесѣда съ Кондратомъ и его потомствомъ (ф.)—Ibid., 25.

Письма странствующаго корреспондента—Ibid., 25 и 26.

На Уралѣ (изъ путевого дневника странствующаго корреспондента)—Ibid., 28.

Два сосѣда—Екатеринбургъ и Тюмень (изъ путевого дневника странствующаго корреспондента)—Ibid., 29.

Отворяйте ворота: новый судъ идетъ!... — Ibid., 31.

Дорожныя сцены (изъ лѣтнихъ эскизовъ)—Ibid., 37 и 38.

Въ Сибирь, такъ въ Сибирь! Или приключенія цивилизаторовъ (изъ путевыхъ очерковъ и картинъ)—Ibid., 39, 40, 43 и 45.

По чужимъ и роднымъ полямъ—Ibid., 48.

Знакомые друзья и герои (ф.)—Ibid., 51.

Исповѣдь елки (рождественскій разсказъ)—Ibid., 52.

Раскольничьи общины на границѣ Китая—„Сибир. Сборникъ", научно-литературное періодическое изданіе подъ ред. Н. М. Ядринцева, приложеніе къ „Вост. Обозрѣнію", I.

На обѣтованныхъ земляхъ (изъ путешествія по Алтаю)—Ibid., II.

„Валаганъ", „Вѣтрянка", „Родина" (стихотворенія)—„Сибирскіе мотивы", Спб.

Археологическія изысканія и открытія доктора Поярковa, близъ Токмака—„Записки Импер. Академіи Наукъ", т. 52, кн. 1.

Уменьшеніе водъ Арало-Каспійской низменности въ предѣлахъ Зап. Сибири. По картографическимъ изслѣдованіямъ за 100 лѣтъ — „Извѣстія Импер. Р. Географич. Общества", т. XXII, 1.

„Sibirien. Geographische, ethnographische und historische Studien von *N. Jadrinzew*. Mit Bewilligung des Verfassers nach dem Russischen bearbeitet und vervollständigt von Dr. Ed. Petri, Professor der Geographie und Antropologie an der Universität Bern. Mit zahlreichen Illustrationen. Jena. Herman Gostennoble, 1886.

1887 г.

Предсказанія и миѳы человѣчества (ф.)—„Вост. Обозр.", 1.

Изъ путевыхъ писемъ по Сибири—Ibid., 2.

Фельетонныя мелочи и картинки (ф.)—Ibid., 4.

Необыкновенный арестантъ и кушающая Ѳемида (изъ недавняго прошлаго) (ф.)—Ibid., 8.

Изъ страны чудесъ и курьезовъ (ф.)—Ibid., 9.

Невѣжественная Сибирь и услуги культуртрегерства (ф.)—Ibid., 10.

Драма изъ жизни Ушаковска—Ibid., 12.

Этнографическая карта племенъ и народовъ Азіи—Ibid., 13—14.
Рѣчь на могилѣ И. С. Полякова—Ibid., 15.
Истекшее пятилѣтіе „Восточнаго Обозрѣнія"—Ibid.
Смерть и дорогія могилы—Ibid., 17.
Весеннія впечатлѣнія (ф.)—Ibid., 21.
Солидный обыватель и не солидный читатель (ф.)—Ibid., 22.
Идея мира въ вѣрованіяхъ древнихъ народовъ Азіи—Ibid., 23.
Бесѣда о читателѣ-простецѣ (ф.)—Ibid., 24.
Изъ лѣтописи сибирскихъ событій (ф.)—Ibid., 25.
Сибирскія воспоминанія—Ibid., 26.
Безъ стыда—безъ совѣсти! (портреты и типы уголовной ссылки)—Ibid., 28 и 38.
Нѣчто о безнравственности сибирскихъ крестьянъ („Варначка", изъ сибирскихъ воспоминаній г. Кларка, „Дѣло", май, 1887 г.)—Ibid., 34.
Затменіе или свѣтопреставленіе? (сцены во время затменія солнца)—Ibid., 35.
Томскія адвокатскія дѣла, или съ больной головы на здоровую (ф.)—Ibid., 37.
Изъ записной книжки Добродушнаго Сибиряка (ф.)—Ibid., 39, 40, 42, 44 и 45.
По поводу перенесенія газеты „Восточное Обозрѣніе" изъ Петербурга въ Сибирь—Ibid., 47.
Отъѣздъ Добродушнаго Сибиряка въ Сибирь (ф.)—Ibid.
На отлетѣ (изъ воспоминаній)—Ibid., 51—52.
На зарѣ жизни человѣчества—„Сибирскій Сборникъ".
Отчетъ о поѣздкѣ въ Восточную Сибирь въ 1886 г. для обозрѣнія мѣстныхъ музеевъ и археологическихъ работъ—„Записки Импер. Р. Археологическаго Общества", III.

1888 г.

„Дорожная пѣсня" (стихотвореніе)—„Вост. Обозр.", 3.
Любовь Юнуса (разсказъ)—Ibid., 12 и 15.
Варрава (наканунѣ свѣтлаго дня)—Ibid., 16—17.
Мелочи изъ жизни (ф.)—Ibid., 22.
Въ странѣ чудесъ и курьезовъ (ф.)—Ibid., 18, 32, 36 и 50.
Майскія впечатлѣнія (ф.)—Ibid., 19.
Новые взгляды на Сибирь—Ibid., 25.
Очерки сибирской общественной жизни (ф.)—Ibid., 26 и 48.
Бѣлые люди (разсказъ изъ сибирской жизни)—Ibid., 25.
Свѣтлыя минуты (изъ воспоминаній прошлаго ко дню открытія университета)—Ibid., 29.
Въ тайгѣ (лѣтнія впечатлѣнія)—Ibid., 31.
Переселенческое горе—Ibid., 33.
Предчувствія (отрывки изъ путевыхъ записокъ Добродушнаго Сибиряка) [1]—Ibid., 40.

---

[1]) Окончаніе не напечатано.

Судьбы талантовъ и ученыхъ (по поводу біографіи отца Іакинфа Бичурина)—Ibid., 41.

Кому въ Сибири хорошо жить (ф.)—Ibid., 45.

И. А. Хлестаковъ въ Сибири (ф.)—Ibid., 47.

Рождественскій разсказъ (ф.)—Ibid., 51—52.

Воспоминанія о томской гимназіи—„Сибир. Сборникъ", I.

1889 г.

Очеркъ общественной жизни и нравовъ (ф.)—„Вост. Обозрѣніе", 4, и 11.

Черезъ Байкалъ—Ibid., 14.

Забайкалье и въ гостяхъ у ламайскаго епископа—Ibid., 15—16.

Поѣздка въ Забайкалье (путевыя письма) - Ibid., 18.

Прежде и теперь (ф.)—Ibid., 23.

Погода (ф.)—Ibid., 35.

Путевыя картины Монголіи. Возвращеніе—Ibid.

Сибиряки на границѣ Монголіи (изъ путевыхъ писемъ) - Ibid., 36.

Приключенія несчастнаго Маффа, пестраго попугая, занесеннаго обстоятельствами въ хладную Сибирь—Ibid., 37.

Простодушный Сосипатръ (изъ осеннихъ разсказовъ)—Ibid., 40.

Искусство въ Сибири—Ibid., 43.

Изъ Сибири (ф.)—Ibid., 46.

Статистическіе матеріалы къ исторіи ссылки въ Сибирь—„Записки Импер. Р. Геогр. Общества", по отдѣленію статистики, VI.

1890 г.

Тюрьма и ссылка—„Вост. Обозрѣніе", 28.

Съ тюремнаго международнаго конгресса (письмо изъ Петербурга)—Ibid., 29 и 30.

Въ чужихъ краяхъ (письма и впечатлѣнія сибиряка)—Ibid., 36.

Вдоль да по Сибири (ф.)—Ibid., 37.

Прошлое и настоящее монголовъ - „Рус. Мысль", 3.

О культѣ медвѣдя преимущественно у сѣверныхъ инородцевъ—„Этнограф. Обозрѣніе", 1.

О распространеніи въ Монголіи и Сибири каменныхъ могилъ (керексуръ)—„Занятія VIII археологическаго съѣзда", Москва.

Путешествіе на верховья Орхона, къ развалинамъ Каракорума—„Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общества", XXVI.

Въ глубину Азіи (ф.) — Ibid., 39. На деревенскую елку (ф.) — „Рус. Вѣд.", 11.

1891 г.

Изъ странствій по чужимъ землямъ (путевыя письма сибиряка)—„Вост. Обозр.", 2.

На пароходѣ—Ibid., 14.

На сѣверѣ (послѣ посѣщенія Крыма) (стихотвореніе)—Ibid., 24.

Сумасшедшій съ Востока, или европейскіе китайцы (переводъ съ нѣмецкаго)—Ibid., 25.

Здоровое направленіе благотворительности и первая „нормальная столовая“ въ Сибири—Ibid., 48.

Сельско-народное образованіе въ Сибири—„Сиб. Сборникъ“, I.

Падшія царства и исчезнувшіе народы (картины и впечатлѣнія изъ путешествія въ пустыняхъ Центральной Азіи)—Ibid.

Десятилѣтіе переселенческаго вопроса—„Вѣстникъ Европы“, 8.

Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ. Спб., изд. И. М. Сибирякова, 8°, 308 стр., цѣна 2 руб.

Переселенческія движенія—„Рус. Вѣд.“, 144.

Съ дальняго пути—Ibid., 166.

Монголія (путевыя письма)—Ibid., 214.

Положеніе переселенцевъ въ Сибири—Ibid., 328.

1892 г.

Сибирь, какъ колонія въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніи, изд. 2-е, И. М. Сибирякова, 8°, XII+720 стр. цѣна 4 руб.

Рождество въ тайгѣ—„Вост. Обозр.“, 6.

Борьба съ кобылкой энтомологовъ и народа—Ibid., 28.

Вопросы голодающихъ мѣстностей—Ibid., 31.

Кобылка (ф.)—Ibid., 36 и 37.

Международный московскій конгрессъ исторической археологіи и антропологіи—Ibid., 37, 38 и 41.

Публицистика и переселенческій вопросъ—„Сиб. Листокъ“, 93.

Изъ хроники сибирской жизни—„Русская Жизнь“, 303, 310, 321, 326, 329, 338, 344 и 347.

Сибирская желѣзная дорога—Ibid., 306.

Дѣятельность и заслуги Н. К. Михайловскаго—Ibid., 310.

Положеніе пострадавшихъ округовъ Тобольской губ. въ 1891—1892 гг.—Ibid., 319.

Задачи переселенческаго дѣла—Ibid., 324.

Россія и Азія—Ibid., 328.

Сибирская желѣзная дорога—Ibid., 343

Буранъ (по поводу вчерашняго бурана въ Петербургѣ) — Ibid., 345.

Сибиряки-студенты—Ibid., 349.

Покинутыя переселенческія дѣти (рождественскій разсказъ)—Ibid., 350.

Выставка въ Чикаго и сибирская желѣзная дорога—Ibid., 351.

Отчетъ экспедиціи на Орхонъ, совершенной въ 1889 г., по порученію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Р. Географ. Общества —

„Сборникъ трудовъ орхонской экспедиціи". I. *В. Радловъ*, Предварительный отчетъ. Спб., изд. Импер. Академіи Наукъ.

Предварительный отчетъ объ изслѣдованіяхъ по р. Толѣ, Орхону и Южному Хангаю—Ibid.

Снабженіе нуждающихся губерній хлѣбомъ изъ Сибири водянымъ путемъ—„Рус. Вѣд.", 23.

Тюмень (корреспонденія)—Ibid., 146.

Неурожайные округа Тобольской губерніи—Ibid., 186.

Народно-медицинская помощь и санитарные отряды въ Сибири—Ibid., 189.

Изъ неурожайныхъ округовъ Тобольской губ.—Ibid., 193.

Переселенческое движеніе въ 1892 г.—Ibid., 223.

Гигіеническія условія сибирскихъ городовъ—Ibid.

Памяти Черскаго—Ibid., 248.

Н. И. Наумовъ—Ibid., 298.

1893 г.

Въ дальнихъ странствіяхъ (изъ путешествія въ Алтай) — „Міръ Божій", 1.

Сибирское хлѣбопашество—„Восточное Обозрѣніе", 19.

Пути прочнаго устройства переселенческаго дѣла—Ibid., 26.

Въ Америку — на всемірную выставку въ Чикаго (письма редактора-издателя „Восточнаго Обозрѣнія") — Ibid., 26, 27, 30, 31, 32, 40, 44 и 59.

Въ память Александры Викторовны Поташиной—Ibid., 58.

Вѣнокъ на могилу А. Н. Плещееву—Ibid., 65.

В. И. Вербицкій—Ibid., 66—67.

Изъ хроники сибирской общественной жизни — „Рус. Жизнь", 3, 6, 10, 18, 21, 28, 31, 32, 36, 41, 49, и 57.

Очередныя задачи переселенческаго дѣла Ibid. 6.

Великая сибирская желѣзная дорога и переселеніе—Ibid., 9.

Въ обществѣ для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ—Ibid.

Не оскудѣла русская земля...—Ibid., 10.

Мѣры къ предупрежденію бѣдствій и эпидемій въ южныхъ округахъ Западной Сибири—Ibid., 17.

Вопросы обрусѣнія или своя своихъ не познаша—Ibid., 18.

Заселеніе окраинъ—Ibid., 26 и 34.

„Очерки Сибири" С. Я. Елпатьевскаго—Ibid., 28.

Амурскій край и управленіе барона Корфа—Ibid., 40.

Продажа земель въ Сибири—Ibid., 50.

Новая иллюстрація къ переселенческому дѣлу—Ibid., 68.

Истинный смыслъ послѣднихъ постановленій комитета сибирской дороги—Ibid., 69.

Морской сибирскій путь—Ibid., 92.

Жгучій вопросъ—Ibid., 95.

Существуетъ-ли охота на людей въ Сибири?—Ibid., 106.

По поводу предстоящаго преобразованія управленія государственными имуществами Зап. Сибири—Ibid., 113.

Какъ добраться до Америки—Ibid., 137.

Путевыя замѣтки—Ibid., 205.

Земельныя богатства Сибири—Ibid., 318.

Жертвы американцевъ на народное образованіе—Ibid., 333.

Зазимовали (рождественскій разсказъ)—Ibid., 345.

Вопросы переселенія и настоятельныя нужды переселенческаго дѣла — „Путь—дорога", научно-литературный сборникъ въ пользу общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ, изд. К. М. Сибирякова, Спб.

Переселенческія семьи и дѣти—Ibid.

1894 г.

Столичныя новости о Сибири (интервью редактора-издателя „Восточнаго Обозрѣнія")—„Вост. Обозр.", 1.

Сѣверо-Американская промышленность—Ibid., 50 и 51.

„Сибирскіе мотивы" (стихотвореніе)—Ibid., 136.

„Крымскій вечеръ" (стихотвореніе)—Ibid.

Сибирское многоземелье и малоземелье—„Рус. Жизнь", 14.

Дѣдъ-караульщикъ (посвящается дочери моей Лидіи)—Ibid., 15.

Уроки американскаго землевладѣнія и землепользованія — Ibid., 27.

Великій сибирскій путь—Ibid., 35.

Жизнь и дѣятельность Г. Н. Потанина—Ibid., 46.

Сибирь проситъ свѣта—Ibid., 57.

Есть-ли спасеніе отъ малоземелья при колонизаціи Сибири? — Ibid., 63.

Сибирское лѣсоохраненіе—Ibid., 69.

Разгадка руноподобныхъ надписей Сибири и Центральной Монголіи—Ibid., 91.

Изъ судебной хроники Сибири—Ibid., 92.

Сибирская адвокатура—Ibid., 111.

Подвижница науки (памяти А. В. Потаниной) — „Книжки Недѣли", 1.

На границахъ Китая (изъ путевыхъ очерковъ)—Ibid., 7.

Отношеніе къ бѣднымъ и несчастнымъ у первобытныхъ народовъ—„Міръ Божій", 7.

Экономическій кризисъ въ черноземной полосѣ Южной Сибири—„Русское Богатство", 8.

1895 г.

Dementia-acuta (разсказъ)—„Вост. Обозр., 36 и 37.

Дикая коза (изъ жизни на дальнихъ окраинахъ) — „Сиб. Сборникъ", II.

Автобіографія Н. М. Ядринцева. Дѣтство—Ibid., III.

Ссылка и ссыльные въ Сибири — „Живописная Россія", изд. Вольфа, XII, ч. 1.

„Стихотворенія Н. М. Ядринцева" („Сибирскіе мотивы", „Жалоба", „Возвращеніе крестоносца")—„Міръ Божій", 3.

1896 г.

Значеніе женщины въ жизни писателя (изъ воспоминаній о Е. П. Елисеевой и О. И. Щаповой)—„Вост. Обозр.", 51.

Умственное развитіе и объемъ познаній первобытнаго человѣка, выясняемые взглядомъ на исторію угро-алтайцевъ — Ibid. 68 и 69.

Ночь въ Avenue de l'Opera—„Сиб. Сборникъ", II.

1897 г.

Калмычка (разсказъ)—„Вост. Обозр.", 3 и 5.

О Гейне (изъ писемъ Н. М. Ядринцева)—Ibid., 54.

Новая эра и опасность для желѣзнодорожныхъ дѣятелей въ Сибири—Ibid., 114 и 115.

Достоевскій въ Сибири—„Сиб. Сборникъ".

Угрожаетъ-ли Европѣ буддизмъ? — „Сибирь", 92.

1898 г.

Жизнь перваго журналиста—„Вост. Обозр.", 143.

1900 г.

Стихотвореніе въ прозѣ—„Вост. Обозр.", 202.

1901 г.

Отчетъ и дневникъ о путешествіи по Орхону и Южный Хангай въ 1891 г.—„Сборникъ трудовъ орхонской экспедиціи". V, В. Радловъ, Предварительный отчетъ, Спб., изд. Импер. Академіи Наукъ.

1902 г.

Т. Фарафонтова „Изъ бумагъ сибирскаго патріота" (Матеріалы для біографіи Н. М. Ядринцева)—„Восточное Обозрѣніе", 1902 г., 131, 139, 148, 160, 172, 188, 237; Ibid. 1903 г. — №№ 128, 145, 184, 226; Ibid. 1904 г.—№№ 54, 62, 75, 77, 86, 94, 103 и 114 [1]).

1903 г.

Изъ ненапечатанныхъ стихотвореній Н. М. Ядринцева (одно безъ заглавія, другое „27 марта") — „Сиб. Жизнь", иллюстр. приложеніе къ 121.

---

[1]) Въ этихъ фельетонахъ попадаются отрывки всевозможныхъ произведеній Н. М., не увидѣвшихъ свѣта. Къ сожалѣнію г. Фарафонтова недостаточно знакома съ трудами и біографіей Н. М., и потому работа ея должна быть признана мало отдѣланной и далеко невыполняющей своего истиннаго значенія.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО М. В. ПИРОЖКОВА

(СПб., Вас. Остр., 2-ая линія, д. 13).

БОРОЗДИНЪ, А. К.

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ I. Спб. 1903 г. Съ 8 портретами. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія. — Литературные и общественные взгляды Карамзина. — Романтизмъ. — Поэзія В. А. Жуковскаго. — Крыловъ и Грибоѣдовъ. — Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина. — А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности. — Поэтъ „гражданской скорби" двадцатыхъ годовъ. — Критическія обозрѣнія А. А. Бестужева. — Журналистъ двадцатыхъ годовъ. — Поэзія М. Ю. Лермонтова. — Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество. — Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій. — Трудъ В. И. Семевскаго по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи.

*Мельхіоръ-де-*ВОГЮЭ.

Максимъ Горькій. Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Переводъ А. Б. Ф. Спб. 1902 г. 25 к.

ГОРИНЪ, Н.

Основныя идеи произведеній Максима Горькаго. Съ портретомъ. Спб. 1902 г. 30 к.

ГУРЕВИЧЪ, Л.

„Сѣдокъ" и другіе разсказы. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сѣдокъ. — У рулетки. — Порученіе. — Шурочка. — Странная исторія. — Тоска. — Ребенокъ. — Разсѣянность. — Въ снѣга. — Неоконченное письмо.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. С.

Л. Толстой и Достоевскій. Т. I. Спб. 1903 г. 2 р. Т. II. Спб. 1903 г. 3 р.

Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. 2-е изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Любовь сильнѣе смерти. — Наука любви. — Микель-Анжело. — Святой Сатиръ.

Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

МОРСЬЕ, де-, А.

Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Переводъ съ французск. Эльтъ. Спб. 1904 г. 50 к.

ЯКИМОВЪ, Василій, авторъ книги *„По слѣдамъ голода"*.

Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб. 1904 г. 1 р.

Содержаніе: Неизбѣжный процентъ. — Въ одинъ сочельникъ. — Безъ хлѣба насущнаго. — Мамку помянулъ. — Въ стогѣ. — Долгъ. — „Желѣзная голова". — Іуда. — Трупъ. — Идолы. — Съ больной совѣстью. — „Артисты". — „Скуки ради". — Въ лѣтопись голоднаго года (На заброшенномъ хуторѣ. — Съ хорошимъ хлѣбомъ. — Антихристова помощь. — Безпокойное сердце. — Двѣ нивы. — Въ дорогѣ).

ДЖЕМСЪ, Уилльямъ.

Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи. Перев. съ англійскаго С. И. Церетели. Спб. 1904 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Зависимость вѣры отъ воли. — Стоитъ ли жить? — Чувство раціональности. — Рефлекторные акты и тензмъ. — Детерминизмъ и связанная съ нимъ дилемма. — Философъ-моралистъ и моральная жизнь. — Великіе люди и среда. — Значеніе индивидуумовъ. — О нѣкоторыхъ гегелизмахъ. — Труды Общества для Психическихъ Изысканій.

ЮМЪ, Давидъ.

Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. (An Inquiry concerning human understanding). Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902 г. 1 р.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

(Изданія М. В. Пирожкова)

Думы журналиста.

СПб. 1903 г. 1 руб. 25 коп.

Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія.

Съ 19 портретами и 81 каррикатурою. СПб. 1904 г. 3 р.

Содержаніе: Эпоха обличительнаго жара. — Эпоха цензурнаго террора. — Русское Bureau de la presse. — Ѳаддей Булгаринъ.

Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ.

Съ 5 портретами. СПб. 1904 г. 3 р.

N

This preservation photocopy was made
at BookLab, Inc. in compliance with copyright law.
The paper meets the requirements of ANSI/NISO
Z39.48-1992 (Permanence of Paper)

Austin 1995

3 2044 024 591 273